ФАНТАСТИКА

ЕСЛИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1'2008

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

КОРИ ДОКТОРОУ

КОГДА СИСАДМИНЫ ПРАВИЛИ ЗЕМЛЕЙ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

МЭРИ РОЗЕНБЛЮМ

ДЭВИД МОУЛЗ

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

> Я в Торонто. Мы только что видели, как упала башня CN.

> Я слышал сообщение о биологическом оружии, которое убивает очень быстро.

> Я на шестом этаже, со мной еще один.

> Телефон не работает

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кори ДОКТОРОУ
КОГДА СИСАДМИНЫ ПРАВИЛИ ЗЕМЛЕЙ

Цивилизация выживет, покуда есть интернет. И, конечно, короли «харда» и «софта».

Алексей МОЛОКИН
ПОЛКОВНИК НАВЕКИ

Мы мирные люди, но если родина говорит: «Контакт!» — стреляем без промаха.

Дэвид МОУЛЗ
ФИНИСТЕРРА

По сравнению с судьбой живых небесных островов жизнь ершовского чудо-кита — просто рай.

Алистер РЕЙНОЛДС
ИНСПЕКТОР В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Результаты расследования неожиданны даже для матерого агента.

Мэри РОЗЕНБЛЮМ
ДОМАШНЕЕ ВИДЕО

…обещало скуку семейного праздника, а обернулось настоящим триллером со стрельбой и погоней.

Далия ТРУСКИНОВСКАЯ
ОРУЖИЕ «Х»

«Прогрессорство» преступно. Однако изворотливый женский ум протянет ниточку к сердцам средневековых простаков.

Тед КОСМАТКА
ПРОРОК С ОСТРОВА ФЛОРЕС

…или К вопросу о происхождении видов и человека.

Святослав ЛОГИНОВ
ВСТРЕЧНАЯ ПОЛОСА

Ничто не имеет конца, и все начинается с дороги… Однако отнюдь не «романтика дальних странствий» манит главного героя.

Аркадий ШУШПАНОВ
БЕОграфические ЗАМЕТКИ

Древняя легенда о герое, побеждающем монстра, стала весьма популярна в новейшем кинематографе.

Наталья СМОЛЯНИНОВА
ЦВЕТОК НА АСФАЛЬТЕ

Границы между мирами все тоньше и тоньше. Существа, живущие с нами по соседству, все страньше и страньше.

Тимофей ОЗЕРОВ

ЖДЕМ ИНДИАНУ!

Пусть он и постарел, но наверняка заткнет за пояс все остальные кинохиты первого полугодия

ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Зомби, монстры, оборотни, вампиры — кто только не покушается на род людской! Если все они вдруг слезут с экранов, не спасут даже лихие комиксные супергерои.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Когда бы Космос был наш…

Вадим НЕСТЕРОВ

ВСЁ ДЕЛО В ЛУКОВИЦЕ

И все-таки: в чем же пресловутая «формула успеха» английской писательницы и ее волшебной саги?

РЕЦЕНЗИИ

Рецензенты предлагают, но выбор остается за читателем.

КУРСОР

World Fantasy Award вручали в американской Саратоге, а у нас на ниве премий затишье до весны.

Евгений ВОЙСКУНСКИЙ

НОВЫЕ ПУТИ БЫТИЯ

Продолжаем публикацию воспоминаний известного фантаста.

ПЕРСОНАЛИИ

Литература не признает регалий, и молодые могут потягаться с мэтрами на одной «площадке».

- Журнал
  - ПРОЗА
    - Алексей Молокин
    - Дэвид Моулз
    - Алистер Рейнолдс
    - Мэри Розенблюм
    - Далия Трускиновская
  - ВИДЕОДРОМ
    - БЕОграфические заметки
    - ХИТ СЕЗОНА
    - РЕЦЕНЗИИ
      - Чертов мобильник
      - Восход тьмы
      - Бладрейн-2: Освобождение
      - Дьявол и Дэниел Уэбстер
      - 2035: Город-призрак
      - Путевой обходчик
      - Обитель зла-3

- ПРЕМЬЕРА
- ПРОЗА
  - Тед Косматка
  - Святослав Логинов
  - Кори Доктороу
- КРУПНЫЙ ПЛАН
  - Альтернативная ностальгия
- КРИТИКА
  - Научная фантастика. Ренессанс
  - Дж. Райт
  - Глен Хиршберг
  - Роман Злотников
  - Предчувствие «шестой волны»
  - Сергей Куприянов
  - Роман Арбитман
- КРУПНЫЙ ПЛАН
  - Всё дело в луковице
- ВОСПОМИНАНИЯ
  - Евгений Войскунский
- КУРСОР
- БИБЛИОГРАФИЯ
  - ДОКТОРОУ Кори
  - КОСМАТКА Тед
  - ЛОГИНОВ Святослав Владимирович
  - МОЛОКИН Алексей Валентинович
  - МОУЛЗ Дэвид
  - РЕЙНОЛДС Алистер
  - РОЗЕНБЛЮМ Мэри
  - ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна
  -

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСЛИ
1'2008
ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU
КОРИ ДОКТОРОУ
КОГДА СИСАДМИНЫ ПРАВИЛИ ЗЕМЛЕЙ
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
МЭРИ РОЗЕНБЛЮМ
ДЭВИД МОУЛЗ
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
> Я в Торонто. Мы только что видели, как упала башня CN.
> Я слышал сообщение о биологическом оружии, которое убивает очень быстро.
> Я на шестом этаже, со мной еще один.
> Телефон не работает.

Журнал «Если», 2008 № 01

ПРОЗА

Алексей Молокин
Полковник навеки

Когда изумрудным светом
Приборный щиток налит,
Когда задающий вектор
К курсовому прилип,
Когда экипаж по койкам,
И кончился взлетный озноб,
И только свистит тихонько
Ориентирующий гироскоп,
Летит в пустоте бездонной,
Стремительный, хрупкий, живой,
Клочок человечьего дома
Согретый твоей судьбой.

Песни Райслинга.

Вылетаю, побеждаю…
Сколько можно побеждать?

Булат Окуджава. «Черный мессер».

1.

Полковник никогда не думал, что у него такое тяжелое сердце. Тяжелое в прямом смысле, тонны полторы, наверное, а может быть, и больше. И ракета была та же самая, и скафандр тот же, только размером побольше, и перегрузки, в общем-то, детские, и накачали его перед полетом всякой стимулирующей дрянью, а все равно не помогло. Хотя, если бы не медики, он мог бы вообще не выдержать старта. Но вот сердце — сердце готово было прорвать ослабевшие ребра и спинные мышцы, пробить спинку противоперегрузочного кресла, а заодно и стенку ракеты и со свистом устремиться назад, к Земле. Видимо, за годы жизни сердце человека тяжелеет, да и то сказать, чего только в нем не скапливается, в сердце-то! Старым стал полковник и располнел, вон скафандр пришлось заново подбирать. А ведь ему еще стыковаться со станцией, чудом восстановленной инвалидной командой конструкторов! Старым модулем, «изделием 774», тем самым, в котором он просидел долгие часы тренировок. Эпоха снова совершила невозможное. И ушла, точнее, уйдет вместе с

ним, полковником Стаховым Василием Сергеевичем, вот только ответит на стук, который доносится из космоса, впустит эпоху-сменщицу — и все. Пост сдал — пост принял. Можно и на покой.

Человек вообще болеет от бездействия. Ожидание и бездействие режут жизнь гораздо вернее и безжалостнее, чем самая тяжелая работа. Полковник помнил, как во время полетов на Су-24, при испытаниях системы автоматического пилотирования на малых высотах в горных условиях, некоторые летчики не выдерживали и, наплевав на инструкции, брались за ручку управления. Чем это заканчивалось, полковник тоже помнил. Высокое и низкое небо не место для тех, кто не умеет ждать. Впрочем, так же, как и для тех, кто не умеет действовать. И вообще, неба на халяву не бывает.

Ну вот и полегчало. Полковник вышел на связь и сообщил, что у него все в порядке.

— С богом, Сергеич, — донеслось из динамика. — Вон за тебя патриарх молится. «О ниспослании победы русскому воину Василию».

— М-м, — неопределенно буркнул полковник. Бога он слишком уважал, чтобы тревожить его такими пустяками, как собственная судьба.

Стыковка. Переход в станцию. Или переход на станцию? Как правильно? «Осторожно, двери закрываются, следующая станция — «Алмаз-6», год 1972».

Полковник улыбнулся. По сути дела, космическая станция «Алмаз» сейчас совсем не станция, а, скорее, автономная боевая единица, пусть и несовершенная, но уж какая есть. Дико вообще-то идти в бой на совершенно не приспособленном для этого аппарате. То, что пригодно для обороны, далеко не всегда годится для нападения. А ему предстоит именно напасть. Смешно получится, наверное.

«Ну и ладно, пусть смеются, — с внезапной злостью подумал полковник. — Если этим чужакам вообще есть над чем смеяться, пусть их… Какого черта они на нас тогда напали? И какого черта я участвую в этом дурацком космическом балете? Ну, не добьют меня чужаки, пожалеют, это еще хуже — как я после этого домой вернусь?»

И понял, что возвращаться не собирается. Никак.

Полковник намертво задраил люк в спускаемый аппарат, подошел к ручному пульту управления, отключил автоматику и дал команду на отстрел спускаемого модуля. Станцию ощутимо тряхнуло, когда сработали пиропатроны.

— Ты чего, Сергеич? — немедленно взорвался криком динамик. — С ума сошел?

— Шли бы вы… — ответил полковник. И уточнил куда, после чего отключил связь. Советы ему были больше не нужны.

Злость уходила медленно, словно разлившаяся река возвращалась в берега, оставляя досадный мусор в душе. Снова заныло сердце, не больно, но как-то тоскливо, будто запросилось домой.

И опять ожидание. Ждать лучше всего во сне, да и в бою, как известно, больше шансов у того, кто хорошо выспался, поэтому полковник заснул. Он знал, что не проспит. Ему приснился речной берег и Камрад, сидящий на коряге и внимательно вглядывающийся в золотую вечернюю воду. «Рыбу ловит, — подумал полковник с нежностью, — вот паразит! А ведь точно, не пропадет!» Кот заметил полковника и улыбнулся ему желтыми разбойничьими глазами.

Он проснулся вовремя и сразу почувствовал, что давешнее раздражение не прошло. Это было плохо, потому что мешало сосредоточиться. И еще хотелось немедленно что-то сделать, а делать было ничего нельзя. Все, что мог сделать полковник на данный момент, он уже сделал. Даже спускаемый модуль сбросил — зря, наверное, но так надежнее, одним поводом меньше струсить.

И тут в иллюминаторе на миг вспыхнуло, потом свет потускнел, и полковнику показалось, что станция погружена в огромный бассейн с подсвеченной солнцем синей водой. Такой воды не бывает в русских реках, такой цвет полковник видел в каком-то полузабытом фильме, может быть, даже американском: там были еще бородатые люди с бронзовыми мечами, бегущие по темному, почти черному песку, и еще что-то… Полковник попытался вспомнить, но не получилось, потому что он снова заснул. На этот раз, кажется, не по своей воле.

И снова ему приснился Камрад. Стояла темно-прозрачная августовская ночь, и кот, вопреки всем кошачьим обычаям, напряженно смотрел в небо. В расширенных кошачьих зрачках отражались какие-то удивительные, совершенно неземные огни, но кот не обращал на них внимания. Что он видел там, за этими огнями, в вечном августе космоса, полковник не знал: сам он почему-то никак не мог посмотреть на небо. Немного погодя полковник понял, что Камрад чего-то ждет. Неожиданно кот встал столбиком, потом опустился на лапы, ненадолго пропав в пожухлой августовской траве, и помчался неловким кошачьим галопом к спускающемуся с небес потрепанному космическому кораблю. Корабль словно сошел со страниц старого журнала «Искатель» — с нелепо растопыренными стабилизаторами и пылающими, будто газовые конфорки, дюзами. На таком корабле

мог бы летать пилот Пиркс, книжку о котором полковник как-то взял в библиотеке воинской части. Взял, да так и забыл или не захотел вернуть. В потрепанном томике, в забавных рассказах о пилоте Пирксе было что-то настоящее, зацепившее молодого летчика за душу и, может быть, даже определившее его судьбу.

Кот благоразумно остановился метрах в пятидесяти от садящегося кораблика, подождал, пока тот погасит сопла, а потом, брезгливо стряхивая с лап пепел, осторожно, с короткими остановками, подошел поближе и вопросительно мявкнул. Полковник с удивлением прочел на борту странной посудины название — «Алмаз». «Алмаз» же совсем не такой», — подумал он и вдруг понял, что это совершенно неважно. И тут корабль что-то тихонько, успокаивающе прогудел. Кот шевельнул ушами и снова вопросительно вякнул. Некоторое время они разговаривали между собой, кот и корабль, потом Камрад отвернулся и, оглядываясь, потрусил прочь. Отбежав на безопасное расстояние, он сел и снова стал ждать. Корабль заревел, как неисправная газовая колонка, и медленно поднялся над поляной. Потом наддал и так же медленно вознесся в небо. Похоже, ему было тяжело прилетать и улетать, но он почему-то делал это, наверное, ради таких вот встреч с Камрадом. Оставшись один, кот посидел еще немного, лизнул лапу и канул в августовскую ночь, напоследок просияв глазами в сторону полковника.

И тут полковник проснулся по-настоящему.

Синяя хмарь в иллюминаторах пропала, уступив место режущей глаз пустоте пространства.

Связь молчала, да и черт бы с ней, со связью. За бортом станции тяжело и зрело круглилась незнакомая планета.

Но полковнику было не до красот чужого мира, он смотрел на космическую армаду, выстроившуюся на фоне черного, густо истыканного звездными дырочками неба. На кораблях не было защиты, ее сняли, и полковник, несмотря на чуждые очертания, безошибочно угадывал среди плывущих за иллюминатором громад разведывательные, транспортные, пассажирские, боевые…

Айсберги, оторвавшиеся от материкового шельфа.

Готические соборы, православные церкви и церквушки, мечети с минаретами, буддийские пагоды и загадочные храмы пернатых богов.

Их было много, и они были прекрасны.

Полковник понял, что это парад, и застеснялся.

Впрочем, был приказ, а военный человек должен выполнять приказы, иначе цена ему — грош. И полковник, с трудом протиснувшись в люк боевого отсека, приник к прицелу.

И сразу все изменилось. Только что перед ним были просто

космические корабли, пускай и чужие, а теперь это цели. В том самом смысле, что и на войне.

2.

— Так вот, батя, получается, что ты должен мне тысячу гринов, — гость потянулся к квадратной бутылке, чтобы плеснуть себе, подумал и аккуратно налил хозяину. Немного, пальца на два. — Ты, батя, только не думай, что я из жадности, мне тысяча — тьфу, я исключительно из принципа. Ведь твой кошак мне такого пса испортил! Я за этого кобеля как раз тысячу и отдал, а теперь на что он годен, скажи? Потому лишнего не прошу, а мое — отдай.

Гость полковнику не нравился, но сама по себе ситуация была довольно забавной, да и скучновато в деревне вечерами, вот полковник и не спешил указать соседу на дверь. Был сосед наголо выбрит, в его плотной фигуре, прижатых к черепу ушах и валиках над бровями отчетливо прослеживалось что-то звериное, жестокое и трусливое одновременно.

«Интересно, он просто дурак или меня за дурака держит? Или, как у них теперь говорят, за лоха», — подумал полковник, но вслух ничего не сказал, сидел, курил и с брезгливым любопытством рассматривал соседа.

Виновник конфликта, здоровенный серо-полосатый котище Камрад, сидел на печке, недовольно щурился на гостя и время от времени низко подвывал, напоминая неприятному человеку: у полковника найдутся союзники в случае чего.

А случай был действительно забавный, как говорится, хоть стой, хоть падай.

В последние годы в деревне, где полковник давным-давно купил дом да и перебрался туда на старости лет вместе с котом, замелькали дачники нового типа. Были они — кто из областного центра, а кто и из самой Москвы — крепкие, сытые, нестарые, приезжали на зверовидных иномарках, убогие деревенские развалюхи безжалостно сносили, а на их месте ставили настоящие терема. Деревянные, с высокими кровлями, резными наличниками и обшитыми осиной аккуратными баньками на отлете. Хотя видно было, что проекты этих теремов делались архитекторами на стандартный манер, в стиле «а-ля рюс», но все равно дачки получились впечатляющими. Только вот шумно стало в некогда тихой деревне Арефино. Шумно и суетно.

Вот и сосед туда же. Выстроил себе стандартную новорусскую дачку и приезжал в деревню, когда на выходные, когда

поохотиться, а когда и просто с товарищами водки попить да в баньке попариться. Позавчера сосед привез с собой пару каких-то веселых девиц и кобеля бультерьера, молодого еще, почти щенка. Девицы ночью голышом купались в речке, визжа и почему-то матерясь, веселились, наверное, а под утро, притомившись, утихомирились вместе с соседом. Кобель же, предоставленный самому себе, принялся гонять деревенских собак и кошек, получая от этого истинное удовольствие, пока на самой окраине, возле полковничьего дома не столкнулся с Камрадом. Кот шел по деревенской улице по каким-то своим личным делам, никого, как водится, не трогал, и тут на него со всей дури налетел бультерьер. К удивлению избалованного пса, кошак и не подумал бежать со всех лап к ближайшему дереву или забору, а подпустил его на боевую дистанцию и молча, без ритуального шипения, как настоящий профессионал, вцепился в морду. Кобелек сначала замотал головой, не понимая, что же такое произошло, а когда деловито рвущий коричневую бархатистую шкуру кот пустил в ход задние лапы, располосовав чувствительный собачий нос, завизжал и бросился спасаться к хозяину.

После чего бойцовая собака стала шарахаться от всех кошек без разбора, а ее хозяин, основательно похмелившись, пришел к полковнику за возмещением морального и материального ущерба. Невдомек было наголо бритому представителю понемногу матереющего сословия российских бизнесменов, что Камрад был бойцом, а его кобель — нет. К тому же Камрад был котом полковника, так и не дождавшегося своей звезды героя давно несуществующего великого государства, а это обязывало. И Камрад старался соответствовать.

— Так что, батя, будешь платить или как? — продолжал между тем куражиться уже изрядно захмелевший сосед. — А то можешь домом своим рассчитаться, хотя эта развалюха тысячи не стоит, ну да ладно, я добрый…

Камрад низко зарычал, аккуратно спрыгнул с печки и неторопливо направился к столу, за которым расположились полковник с гостем. Сосед покосился на кота и подобрал ноги.

— Вот видишь, ты ему не нравишься, — сказал наконец полковник. — И мне тоже. И подумай своей бритой башкой — если твоя собака стоит тысячу, то сколько же стоит мой кот, который твоего кобеля уделал на раз? Поэтому ступай себе, сосед, пока мы с Камрадом не рассердились.

И похожий на кляксу шрам-ожог на виске хозяина начал стремительно наливаться багровым.

«Контуженный, — трезвея, подумал сосед, — то-то кошак у него какой-то психованный».

— А почему вас полковником зовут? — спросил он, осторожно отступая к двери, не забыв, однако, прихватить с собой остатки виски.

— Потому что я и есть полковник, — ответил хозяин.

— А вы не в Афгане служили? А в каких войсках? — уже с порога поинтересовался бритый.

— Нет, не в Афгане, — коротко ответил полковник, так и не встав из-за стола, чтобы проводить гостя.

Камрад брезгливо поскреб лапой около двери, улыбнулся хозяину желтыми глазами и бесшумно канул в бесконечную ночь, словно в некий давно обжитый кошачий космос.

Полковник тяжело поднялся, выплеснул из стакана за окно нетронутое виски, сполоснул посуду в ведре с водой, достал из старенького холодильника початую бутылку водки, налил стакан до краев и выпил. Водка смыла раздражение, вызванное визитом бритого идиота, притушила прошлое, но не совсем: застарелая досада осталась, полковник привык к ней, как привыкают к дальнозоркости или ревматизму. Неприятно, но жить можно. Поворочавшись на старом диване, полковник наконец понял, что засыпает.

«Вот он теперь какой, мой космос», — успел подумать полковник и заснул.

3.

Когда-то давно, лет сорок назад, полковник был молодым капитаном ВВС Стаховым Василием Сергеевичем и страшно гордился тем фактом, что прошел жесточайший отбор в совершенно секретные, еще только формирующиеся советские военно-космические войска. И пусть теперь молодому капитану предстояла жизнь, расписанная не то что по часам, по секундам — с изнурительными тренировками, непрерывным контролем физического и психического здоровья, а также всех личных обстоятельств, включая моральную устойчивость, то есть с практически полным отсутствием свободы, как таковой, — все равно капитан был счастлив. Единственное, что немного огорчало новоиспеченного военного космонавта, так это абсолютная невозможность похвастаться своим новым назначением перед кем бы то ни было. Например, вон перед той симпатичной девушкой в короткой белой юбке, что делает вид, будто рассматривает афишную тумбу у Александровского сада. Впрочем, девушки и на капитана ВВС реагировали однозначно положительно.

Замечательные, надо сказать, девушки жили тогда в Москве.

К некоторым из них нельзя было подъехать на автомобиле, каким бы престижным он ни был, зато подрулить на самолете — это запросто. Так что девичьим вниманием наш капитан обижен не был. Впрочем, как обстоят дела с девушками в учебном центре, куда он отправлялся после положенного отпуска, он не имел ни малейшего представления, хотя в силу молодости и позитивности общего настроя полагал, что с девушками там все в порядке. Позитивное мышление, кстати, сыграло решающую роль в новом назначении капитана: он искренне верил, что «караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды», охраняемые от всяческих межзвездных супостатов краснозвездными космическими истребителями.

В общем, Москва тысяча девятьсот семьдесят второго года казалась Василию Стахову прекраснейшим городом мира, да, наверное, таковым она и была, потому что остального мира капитан по сути дела и не видел.

Кстати, о девушках. В конце последнего собеседования пожилой особист, изо всех сил и небезуспешно старающийся казаться душевным дядькой, настоятельно посоветовал капитану поскорее жениться. И выбрать себе жену, как он выразился, «соответствующую». Что он при этом имел в виду, капитан прекрасно понимал, не вчера родился. Холостячество в ВВС не возбранялось, но и не поощрялось. Часто летчики с аэродрома со смешным названием «Карась»[1], где служил капитан, брали неделю отпуска, чтобы быстренько смотаться в Оренбург, и возвращались в военный городок уже женатыми. И вот что странно — такие, казалось бы, наспех слепленные семьи часто оказывались на диво прочными. Хотя сама семейная жизнь в маленьком гарнизоне в глубине казахстанских степей протекала зачастую ой как не гладко. На полигон чуть ли не каждую неделю прилетали пилоты с других аэродромов Советского Союза, чтобы отбомбиться по полной программе. Во всех смыслах. Да и неженатых или просто озверевших от отсутствия женщин приезжих инженеров, отлаживающих на стартовых площадках, разбросанных по степи, свои страховидные изделия, тоже было достаточно, а женщинам на полигонах тоскливо и хочется романтики. Не той, которая в реве ракетных двигателей и дымных росчерках сбитых крылатых мишеней, а другой, с туфлями-лодочками, мороженым в ГУМе, пестрой городской толкотней и билетами на концерт Муслима Магомаева. Романтики гражданского мира.

Василий аккуратно потушил сигарету: курить придется бросить, так что эта — последняя. Или предпоследняя. Девушка перестала изучать летний репертуар московских театров и

концертных залов и теперь неторопливо, помахивая сумочкой, шла в сторону площади Свердлова. Капитан поправил фуражку, мысленно оглядел себя с ног до головы, убедился, что все в порядке, и пустился следом.

— Позвольте представиться, — сказал он, догнав незнакомку. — Капитан Василий Стахов. Хотите мороженого?

— Хочу, — сказала девушка. — А вы летчик?

— Так точно, — отрапортовал капитан, — летчик-истребитель.

— А почему не космонавт? — спросила незнакомка. — Большинство летчиков, когда знакомятся, представляются космонавтами. Секретными. А вы просто летчик. Вам не обидно?

— Зато я честный, — соврал Стахов. — А кроме того, с такими крыльями, как у меня, в космосе делать нечего, там крылья только мешают. Вот и ищу кого-нибудь, кто крылышки бы подрезал, а потом сразу пойду в космонавты. Ради вас. Вы не хотите попробовать?

— Что попробовать? — девушка красиво подняла бровь. — Крылышки подрезать? Я вообще-то заканчиваю медицинский, так что могу попробовать.

— Замечательно! — сказал капитан. — Мои крылья отныне и навечно в ваших руках. Кстати, как вас зовут?

— Я подумаю насчет крыльев, — улыбнулась девушка, сразу переставая быть незнакомкой, и добавила: — Меня зовут Светланой.

А потом была ночная Москва, и утренняя Москва, промытый до блеска голубыми поливальными машинами город весь в синем и золотом, и защита Светланиного диплома, и шампанское в ЗАГСе, и пологие небеса Юрмалы, и кафешки славного города Риги. И, конечно, большой орган Домского собора — как же без него, в семидесятые-то годы, — в общем, весь ассортимент невинной роскоши советской эпохи. Но отпуск кончился, хотя, казалось, что вот это и есть настоящая жизнь. Отпуск кончился, и почти сразу же кончилось лето.

В учебный центр капитан приехал в августе, с молодой женой, получил комнату в общежитии для семейных пар, знакомый старший лейтенант взял хорошенькую медичку планшетисткой в ЦУП — работы по специальности для начинающего врача сразу не нашлось, — и начались будни.

4.

Капитан сидел в кресле пилота в экспериментальной военно-

космической станции «Алмаз-6», которую здесь называли просто «изделием 774». Точнее, не в настоящей станции, а ее стендовом макете. Девятиметровый цилиндр плавал в огромном бассейне с жидкостью, словно маленькая подводная лодка. Тоненько свистели ориентирующие шаровые гироскопы, было душновато, несмотря на старательно машущие маленькими резиновыми крылышками вентиляторы, пахло потом, аммиаком, и еще стоял тот особый запах, который всегда возникает в закрытых помещениях с работающей электронной аппаратурой. Электроникой пахло. Питание на станцию подавалось по толстенным кабелям, которые хорошо просматривались в иллюминатор. Еще в иллюминатор были видны облицованные кафелем стенки бассейна и краешек белесой водной поверхности. Капитан находился здесь уже почти неделю, отрабатывая всевозможные штатные и нештатные ситуации, успел соскучиться по жене, кроме того, стояла жара и хотелось окунуться в воду. Вода была рядом, прямо за бортом, но искупаться в ней, увы, не представлялось возможным.

«Душ бы принять, что ли, — подумал капитан, — а то ведь чешусь, как кот паршивый».

Но душ на «изделии 774» не предусматривался, времена хотя бы относительного комфорта для космонавтов еще не настали.

— Сапсан, даю вводную. Впереди по курсу в зоне визуального контакта обнаружен объект вероятного противника, движется встречным курсом, дистанция три километра. Задание — объект уничтожить.

Капитан выругался про себя и взялся за округлые, похожие на большие уши, рукоятки пульта управления оружием. Собственно, из оружия на «изделии 774» имелась только автоматическая двуствольная пушка ГШ-23[2] с электроприводами наведения по азимуту и углу места. Сама пушка размещалась в специальной шаровой башенке, похожей на бородавку; наружу, словно два толстых черных волоса, торчали стволы. Лучше было, конечно, использовать «балеринку»[3], но у этой красотки водяное охлаждение. Для наведения использовался шаровой стабилизированный в двух плоскостях прицел с вводом поправок на дальность и скорость цели непосредственно в поле зрения. Сейчас к прицелу снаружи был подключен электронный имитатор цели, похожий на здоровенный вантуз с торчащим из ручки кабелем.

— Задание понял, — сообщил он в микрофон, — приступаю к выполнению.

И сунулся потным лбом в резиновый налобник прицела.

Сначала пульт управления сделали в виде «кнюппеля» —

небольшой рукоятки с кнопкой, которой можно управлять одним большим пальцем: вправо — влево — вверх — вниз. При нажатии кнопки срабатывал электроспуск. Потом кто-то решил, что в невесомости управляться с кнюппелем будет неудобно, надо же за что-то держаться, и пульт переделали, взяв за основу танковый и максимально облегчив его.

С поправками на дальность и скорость цели дело тоже обстояло весьма хитро. Если тангенциальная скорость цели совпадала с тангенциальной скоростью «изделия 774», поправка на дальность была отрицательной, если наоборот — положительной. Со скоростями было еще сложнее, и капитан был искренне рад, когда сдал наконец экзамен по теоретическим основам применения стрелкового оружия на околоземной орбите. Лекции читал профессор-математик из какого-то НИИ, он же принимал экзамен. На лекциях профессор увлеченно манипулировал векторами, их проекциями, тангенциальными и нормальными составляющими орбитальных скоростей и ускорений, но на экзамене оказался снисходителен, вполне отдавая себе отчет, что бравые военные космонавты вряд ли успеют в реальных условиях применить полученные теоретические знания. Хорошо, что существовали трудяги-инженеры, которые сварганили прибор-прицел с автоматическим вводом поправок. Пилоту всего-то и нужно было, что отследить траекторию цели да нажать кнопку лазерного дальномера «Торос-К» на левом ухе-рукоятке пульта, после чего марка прицела смещалась, и оставалось только навести ее на цель и утопить кнопку электроспуска на правом.

Другие инженеры добились работы пушки в космическом пространстве, даже гильзы, и те вылетали наружу. Впрочем, на практике никто этого еще не проверял, все было впереди.

Сначала капитана удивило отсутствие на станции ракет, но потом ему объяснили, что аэродинамические рули в безвоздушном пространстве не работают, а подходящих ракет с газоструйными рулями пока еще нет, но скоро будут. Установить шестиствольную автоматическую авиационную пушку, например, типа ГШ-6-23М[4], тоже было нельзя — хоть и легкая, но все же тяжела, зараза, да и боезапас разместить негде. Так что пока — чем вам старушка ГШ не нравится? Все-таки больше трех тысяч выстрелов в минуту при том же калибре — двадцать три миллиметра!

В темном поле зрения прицела, расчерченном красноватой сеткой, появилось расплывчатое зеленое пятно, обозначавшее цель. Василий поймал его в перекрестье, отследил и ввел скорость, замерил дальность. Прицельная марка прыгнула вниз и

вправо, застрекотали приводы наведения, поворачивая пушку, после чего капитан нажал электроспуск. Выстрелов, естественно, не последовало, какая же стрельба в бассейне, но пятно рассыпалось мелкими зелеными искрами, а потом и вовсе погасло. Условная цель уничтожена! В наушниках зашипело, и крякающий голос руководителя испытаний сообщил:

— Три секунды. Плохо, курсант. Медленно. Даю вводную…

5.

— Ну как, полковник? Готовы выполнить задание родины? — Глава департамента старался выглядеть значительным, и сегодня у него это получалось. Глава собой гордился. — По возвращении генеральские погоны я вам обещаю! Справитесь?

— Сделаю все возможное, — серьезно ответил Стахов, подумав про себя, что Глава чем-то напоминает давешнего соседа, хотя внешне они совсем непохожи. Глава был породистым вариантом, а сосед — дворнягой. Кроме того, в отличие от соседа Глава был умен, точнее — обучаем. Интересно, какой породы у него собака? Наверное, тоже какой-нибудь бультерьер или мастифф. Выходит, они похожи собаками. Он вспомнил о Камраде и улыбнулся. Камрад не пропадет, он такой! Мы с ним ни на кого не похожи.

— Вот и хорошо, настроение у вас, как я вижу, боевое, — завершил Глава, заметив улыбку полковника, и добавил, переходя на «ты»: — Вообще-то родина ждет от тебя завершения подвига, Сергеич. Ты начал, тебе и заканчивать, больше некому.

Василий Сергеевич не любил дешевого пафоса, поэтому, глядя Главе прямо в глаза, сказал:

— Я знаю.

Глава на миг смешался, в его серых глазах даже мелькнуло что-то человеческое, но он быстро справился с собой.

— Ну, вы тут пока побеседуйте с генералом Заходько, только без спиртного: режим. А то ведь знаю я вас, старых однополчан! Вот после возвращения — пожалуйста! А мне пора, дела государственные не терпят отлагательств. Хотя, по правде говоря, многие из них просто показуха. И все равно надоедает, хочется все бросить и уехать в деревню. Может быть, по возвращении Василия Сергеевича я и нагряну к нему. Вот так, запросто, без чинов.

«Как же, запросто, — беззлобно подумал полковник, — да после твоего прошлого визита небось все кошки и собаки в округе заикаются наперегонки со своими хозяевами. Кроме моего

Камрада, конечно».

Мягко закрылась тяжелая дверь, и полковник с генералом остались вдвоем.

— Ты вот что, Сергеич, — сказал генерал, немного помолчав, — ты там перед чужаками особенно-то не выпендривайся, выпустил очередь и сразу к спасательной капсуле, это ведь всего-навсего ритуальная агрессия, то есть политика. А политика — это прежде всего показуха, правильно наш Глава сказал. Он, между прочим, ничего просто так не говорит.

Главное для нас — вывести тебя на околоземную орбиту в целости и сохранности, там тебя аккуратненько подберут пришельцы и с комфортом доставят к месту… действия. Противнику твоему, между прочим, столько же лет, сколько и тебе — ему тоже будет нелегко. Да и всерьез драться никто не собирается, так, разок-другой пальнете друг в друга, потом по капсулам, да и разлетитесь в разные стороны. Пришельцы тебя подберут и с почетом доставят на Землю. Героем, между прочим, вернешься! А там уж начальство разберется, что к чему, только чиновникам да специалистам по контактам еще работать да работать, а ты у нас уже герой! Завидую!

— Показуха, говоришь, — полковник потер выбритый подбородок. — А ведь он тогда мне боевой отсек, считай, надвое раскроил. Одним попаданием, между прочим. А уж «Космос» уделал так, что и обломков не осталось. Ты хоть видел его корабль? И кстати, кто это у нас специалист по контактам?

— Я видел некоторые записи, — осторожно ответил генерал. — Впечатляет, конечно. Но ведь у твоего противника будет кораблик сорокалетней давности, старье, можно сказать… И осекся, поняв, что сморозил глупость. Но не удержался и снова ляпнул: — А специалисты по контактам у нас имеются, не беспокойся. Я, например.

— Вот именно, — полковник потянулся было за «Беломором», но вспомнил про режим и снова потер подбородок. — Знаешь, специалист, нам до такого старья лет пятьсот топать, а может, и больше. Ты бы видел эту штуку в бою… — Тут Стахов мечтательно сощурился. — Красиво он меня срезал, ничего не скажешь!

— Но ведь и ты его подбил, — не выдержал генерал. — Иначе они бы не вернулись. Я все видел на планшете, не забывай, что я был в это время в ЦУПе…

— Правильно, пока я на орбите геройствовал, ты жене моей прохода не давал, она же у тебя планшетисткой работала.

Оба замолчали. Потом генерал тихо сказал:

— Ты хоть знаешь, что она умерла?

— Знаю, — ответил полковник.

После длинной паузы генерал каким-то жалким голосом сказал:

— Ты все-таки не дури там. Честное слово, я бы полетел вместо тебя, чего мне сейчас-то терять, да только этот их, ну, по-нашему командующий космическим флотом, никого, кроме тебя, к своей планете и близко не подпустит. Видел бы ты, какая у него эскадра! Ну, ничего, еще увидишь.

И замолчал, сообразив, что снова сболтнул лишнего.

Полковник промолчал. Может быть, просто не захотел заметить генеральской оплошности, а может, всегда знал, что драться можно только всерьез. Это у гражданских бывают ненастоящие дуэли, а у военных — никогда.

— Значит, мой противник дослужился до высоких чинов и тем не менее сам рвется в бой? — вслух спросил он. — Достойно, но глупо! Ну ладно, я пойду, а то мне в ваших коридорах власти как-то тесновато, да и на процедуры скоро. До старта!

— До старта, — глухо отозвался генерал.

Он подождал, пока за полковником закроется дверь, подошел к сейфу, отпер его, достал початую бутылку коньяка и накатил вожделенный стакан.

Его не оставляло ощущение, что полковник снова переиграл его, как и сорок лет назад.

6.

Капитану Стахову нравилось в космосе. Боевой отсек не казался ему таким уж тесным, в истребителе места еще меньше, и распахнутое за бортом пространство не пугало, может быть, потому что Земля ощущалась совсем рядом. Да, собственно, она и была рядом, всего-то каких-нибудь шестьсот километров с хвостиком, чуть дальше, чем от Москвы до Горького.

Боевая космическая станция «Алмаз» вообще-то предназначалась для экипажа из двух человек, но необходимость размещения топлива для маневровых двигателей, разведывательной аппаратуры и, наконец, авиационной пушки с боезапасом сократила обитаемое пространство станции до минимума. Конечно, здесь способны были разместиться и двое, но сколько-нибудь длительную космическую вахту мог нести только один. Одиночество тоже не очень тяготило капитана. Пока не тяготило. Будучи летчиком-истребителем, он привык летать один, да и обязательное присутствие целого взвода ученых,

инженеров и начальников на тренировках порядком надоело. Конечно, они и сейчас заглядывали через капитанское плечо сквозь объективы телекамер, но, по крайней мере, капитан их не видел.

Правда, иногда хотелось, чтобы рядом была какая ни на есть живая душа. Кот, например. Хотя невесомость коту наверняка не понравится, поэтому вопрос об обзаведении котом капитан решил оставить до посадки. Самого капитана невесомость беспокоила мало, вот только привыкнуть к сосущему ощущению под ложечкой было непросто, а так — ничего, освоился.

Он часто думал о жене. По сути дела, еще немного, и его полет в космос накрылся бы кошачьим хвостом, потому что дело явно шло к разводу. А с семейной жизнью у военного космонавта должно быть все в порядке. Великий космос помог оттянуть развод, но никакой космос не мог преодолеть того, что капитан про себя называл «нелюбовь», никогда не произнося вслух этого слова. Видимо, они оба ошиблись тем веселым летом, потому что, когда кончился отпуск и началась обыденная жизнь, эта самая «нелюбовь» выпростала свое остренькое нахальное рыльце из вороха свадебных букетов и объявила: вот она я, и попробуйте со мной что-нибудь сделать.

Впрочем, время размышлять кончилось, пора было работать.

Капитан, тихонько чертыхаясь, влез в скафандр. Инструкция запрещала находиться в боевом отсеке без скафандра. Орбиту станции он уже скорректировал по командам из ЦУПа и теперь ожидал появления спутника-мишени. Ага, вот она, слабенькая засечка на экране радара, скоро его можно будет увидеть и в оптику. Капитан сунулся в оптический прицел. В нижнем левом углу горела маленькая стрелочка целеуказателя. Капитан довернул башенку по азимуту и углу места и наконец поймал в прицел маленькую, ослепительно сверкающую точку. Мишень была еще далеко, но, переключив кратность прицела, капитан увидел знакомые очертания «Космоса», окруженные радужным ореолом интерференции. Оптика была хороша, но все-таки искажения давала.

Курсы станции и мишени понемногу сближались. Скоро можно будет стрелять, естественно, получив разрешение ЦУПа.

Капитан знал, что спутник-мишень — не просто кусок полированного алюминия, что на нем тоже имеются двигатели коррекции орбиты, а главное — телекамеры.

«Интересно, как я со стороны выгляжу, — подумал капитан. — Надо будет просмотреть запись, когда вернусь. Хотя могут и не разрешить».

И тут в поле зрения прицела снова появилась красная

стрелочка целеуказателя. Уже в другом углу.

«Это еще что такое? — подумал капитан. — Неужели американцы? Вот гады!»

Предполагаемые американцы двигались пересекающимся курсом и сокращали дистанцию довольно шустро, о чем говорили быстро мелькающие цифры индикаторов угла места и азимута там же, в обзоре прицела. Неизвестный объект вел себя на орбите, как мастер спорта по фигурному катанию во время показательных выступлений, то есть как хотел, так и крутился. Не было у американцев таких аппаратов, и у нас тоже не было.

«НЛО?» — подумал капитан. Он не испугался, наоборот, стало интересно до жути.

Капитан помнил секретную директиву, предписывающую сообщать в письменном виде о необычных летающих объектах. Слухи о них кочевали с полигона на полигон, но ему самому с ними до сих пор встречаться не приходилось.

«Вот и встретились! — с каким-то бесшабашным весельем констатировал капитан. — Точнее, сейчас встретимся».

Полетное задание, однако, никто не отменял, поэтому пришельцы пришельцами, но выпускать спутник-мишень из поля зрения было нельзя, хотя отчаянно хотелось довернуть оптику в сторону чужака. Стахов ограничился тем, что уменьшил кратность, расширив таким образом поле зрения. Спутник-мишень снова превратился в точку, но теперь это была довольно жирная точка. Чужак же, словно пойдя навстречу желанию капитана, скорректировал курс и сам вплыл в поле зрения оптики, уравнял свою скорость со скоростью мишени и теперь приближался к станции.

Вот тут-то обеспокоенный голос руководителя полетов и потребовал доложить обстановку. Но доложить обстановку капитан Стахов не успел.

Чужак резво прыгнул вперед, оказавшись между мишенью и станцией. Теперь он был хорошо виден — сравнительно небольшой плосковатый объект, похожий на парящий углекислотой кусок сухого льда. Сквозь светящуюся дымку, словно сквозь фату, трудно было различить что-нибудь конкретное.

«Черт! — ни к селу, ни к городу подумал капитан. — Берегитесь, мужики, невеста едет!»

Невеста, однако, не собиралась долго скрываться под фатой. Дымка внезапно пропала, и капитан увидел самый настоящий военный космический корабль.

Любая техника военного назначения отличается словно бы нарочитой неуклюжестью в сочетании с удивительной

соразмерностью. Если из боевой машины, будь то истребитель или танк, торчит какая-нибудь нелепая хреновина, будьте уверены — эта хреновина здесь не просто так, она торчит на своем месте. И конструкторы изрядно поломали головы, чтобы это место отыскать. А уж боевой аппарат от гражданского человек отличает на уровне инстинкта, даже если он построен нечеловеческими руками. Потому что сам человек по природе своей существо отнюдь не мирное и только делает вид, что считает мирными других.

Чужак действовал быстро и решительно. Что за оружие применил неизвестный пилот, капитан так и не понял, но спутник-мишень внезапно заискрил, словно сварочный электрод, и рассыпался быстро темнеющими осколками. И почти сразу же в иллюминаторе вспыхнули те же сварочные огни, капитан их словно почувствовал кожей сквозь скафандр; в прицеле автоматически сработали фильтры — и связь с Землей пропала.

В затемненном поле зрения прицела проплыл медленно вращающийся обрезок солнечной батареи.

— Вот гад, антенны срезал, — выругался Василий, ловя пришельца в перекрестье прицела и нажимая кнопку лазерного дальномера.

В ответ чужак снова окутался перламутровым туманом.

— Не нравится тебе, — пробормотал капитан, наводя сместившуюся марку на цель и замирая в ожидании.

Чутье военного летчика не подвело его, и через секунду чужак снова раскрылся. Возможно, он не мог стрелять из-за своей вуали, а может быть, хотел уравнять шансы — кто знает?

— Рыцарь чертов, — прошипел Василий, нажимая кнопку электроспуска.

Сработанная умельцами из города Коврова авиационная пушка затряслась, выплевывая шестьдесят 23-миллиметровых бронебойных снарядов в секунду. Каждый десятый был снабжен трассером, прекрасно работавшим и в космосе, поэтому очередь была хорошо видна в прицел.

Корпус станции заревел, резонируя. Звуки не распространяются в безвоздушном пространстве, но прекрасно проводятся металлом обшивки, хотя теплоизоляция и антирадиационный подбой немного размывают их.

Вокруг чужака замерцали фиолетовые искры. Видимо, работала какая-то защита. Но то ли защита не могла справиться с потоком металла, изливающегося из спаренных стволов ГШ-23, то ли чужак подошел слишком близко, а скорее всего, капитану просто повезло, но часть очереди достала-таки пришельца.

Однако за те секунды, пока снаряды преодолевали недалекие

два километра до цели, чужак успел ответить. Все-таки он тоже был солдатом.

Ослепительная вспышка резанула по глазам, расплавленная обшивка плюнула капитану в лицо, на секунду запахло гарью, потом все внешнее отсекло от капитана автоматически захлопнувшимся забралом шлема.

«Инструкции писали все-таки не дураки, — успел подумать Василий, ощупью пробираясь к люку спускаемого аппарата. — Нет, кто угодно, только не дураки!»

У него хватило сил вслепую открыть люк, забраться в стальной шар, отстрелить крепления и включить аварийный режим посадки. Горящая клякса невыносимо жгла висок, но открыть шлем капитан не рискнул.

Заработали тормозные двигатели посадочного модуля, и Василий потерял сознание. Прежде чем отключиться, он увидел синее-синее море с пологими белыми шнурами прибоя и увязающих в странно темном, почти черном песке бородатых людей, вооруженных грубыми бронзовыми мечами. Наверное, кадр из какого-то фильма, может быть, даже американского, но это было неважно. Стахову стало хорошо, и если бы он мог улыбаться, то непременно улыбнулся бы. Но он уже не мог.

Капитан не видел, как от чужого корабля отделился небольшой модуль, разогнался и ушел прочь от планеты, не видел, как взорвался подбитый им чужак, не слышал обеспокоенных голосов в наушниках. Только после посадки он узнает, что стал первым из жителей Земли, вступившим в контакт с инопланетным разумом. В боевой контакт. А потом серьезные люди долго будут доказывать, что все это ему только привиделось. Примстилось, как говорила бабка капитана. И почти докажут.

Примстилось, значит примстилось, армия есть армия, а капитан был человеком военным и умел держать свое мнение при себе.

7.

— Так чего же они хотят? — раздраженно спросил недавно назначенный глава департамента оборонно-космических сил Российской Федерации. Как и полагается в демократическом государстве, глава поспешно созданного оборонно-космического ведомства был человеком гражданским. Ранг его, учитывая сложившиеся обстоятельства, был никак не ниже министра обороны.

До своего назначения глава ОКД[5] руководил сетью продаж подержанных японских автомобилей, руководил успешно и поэтому считался эффективным менеджером. Военно-космические силы, которые теперь назывались «оборонно-космическими», до назначения и даже после ассоциировались у него с фильмами Джорджа Лукаса, бесконечная игра в межзвездные догонялки с беспорядочной и малоэффективной стрельбой из лазеров, непременно заканчивающаяся поединком на световых мечах. Руководитель подозревал, что у старых космонавтов где-то в заначке имеются световые мечи, как катаны у японских камикадзе, только вот руки пока не дошли разобраться, где они их прячут. Глава департамента хотел такой меч для сына, но спросить напрямую у своего заместителя, пожилого генерала ВКС России, служившего на космодроме еще при легендарном Челомее, стеснялся. Кто такой Челомей, Глава знал. Подержанными автомобилями иногда торгуют люди с довольно широким кругозором. А руководить эффективный менеджер, как принято считать в России, может чем угодно, в том числе и оборонно-космическими войсками, были бы толковые заместители. Кстати, именно заместитель стал звать своего шефа «Главой». Именно так, с большой буквы. Неглупый заместитель попался.

— Я жду, — напомнил руководитель департамента генералу, который никак не мог сформулировать ответ. Опыта общения с эффективными менеджерами у генерала было явно маловато.

— Они хотят, чтобы мы совершили ответный акт ритуальной агрессии против их планеты, — решился наконец заместитель.

«Отправлю в отставку, — генерал, а мямлит, как ботаник», — подумал Глава.

Но смысл сказанного генералом все-таки дошел до сознания Главы, правда, не сразу.

— Чего? — переспросил он.

Заместитель повторил.

— А почему ответный? — спросил эффективный менеджер. — Что такое «ритуальный», мне понятно, — бюро ритуальных услуг и все такое, короче, похороны. Это что, мы, значит, на них напасть должны, а потом похоронить?

— Потому что они на нас уже нападали и получили достойный, по их мнению, отпор. И теперь ждут от нас ответного нападения. После чего готовы приступить к конструктивным переговорам на высшем уровне.

— А когда это мы успели дать им отпор. И зачем нам теперь на них нападать? — снова не понял новоиспеченный начальник.

— Дело в том, — начал объяснять генерал, — что эти

инопланетяне, когда обнаруживают обитаемую звездную систему с более или менее развитой технологической цивилизацией, некоторое время наблюдают за ней, а потом совершают акт ритуальной агрессии. В процессе акта они выясняют, насколько обитатели планеты достойны их доверия и готовы ли они к сотрудничеству…

— Можете не продолжать, я все понял, — вслух сказал Глава. — Только вот насчет первой стычки не все ясно. В газетах об этом ничего не было, и по телевизору тоже.

— Высшая степень секретности, — объяснил генерал.

Тут эффективного менеджера осенило.

— А что американцы? — спросил он. — Не можем же мы вот так взять и наехать на чужую планету, не согласовав свои действия с Америкой? И как на это посмотрит ООН?

Выяснилось, что ритуальная агрессия пришельцев была успешно отбита экипажем советского военно-космического объекта в семидесятые годы прошлого столетия, поэтому ответное нападение должно быть совершено военными космонавтами Российской Федерации, как правопреемницы распавшегося Советского Союза. Поскольку с момента первого боевого контакта прошло немало времени, провести ответное ритуальное столкновение полагалось с использованием той же самой техники, которая участвовала в первом. Ни с какими американцами или европейцами пришельцы дела иметь категорически не желали.

— А что будет, если мы не нападем? Мы же оборонное ведомство, а значит — не агрессивное, — кисло спросил Глава, уже понимая, что влип по самый кардан. Впрочем, он быстро схватывал, что к чему.

— Тогда над Землей будет установлен протекторат, а землян надолго объявят второстепенной расой, потерявшей чувство собственного достоинства. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Глава догадывался, что случается, когда кого-нибудь объявляют «второстепенной расой», и поежился.

— Вот что, генерал, — сказал он. — Завтра мне докладывать ситуацию Первому лицу, так что мне уже сегодня нужны сведения об этих… — начальник задумался, подбирая подходящее слово, — военлетах, которые первыми схлестнулись с чужаками. И об их технике тоже. И еще… найдите мне какого-нибудь очевидца, что ли.

— Я и есть очевидец, — немного помедлив, сообщил генерал.

— Вы что, действительно во время этой стрел… стычки были там? — Глава департамента ткнул большим пальцем куда-то

вверх.

— Нет, я во время инцидента находился в ЦУПе.

Генералу почему-то стало неловко, что он находился не там, куда указывал большой палец Главы. И вдвойне — за то, что он, генерал военно-космических сил, испытывает неловкость перед «старьевщиком», как он про себя называл своего непосредственного начальника. «Старьевщик», однако, быстро учился.

— Ну конечно, — пробормотал понятливый «старьевщик», — иначе черта с два ты дослужился бы до генерала армии и, уж конечно, не стал бы моим заместителем. Разумеется, ты отсиживался в ЦУПе.

8.

В те далекие семидесятые был генерал Степан Петрович Заходько старшим лейтенантом ВВС и так же, как капитан Василий Стахов, прошел отбор в военно-космические войска. Но у старшего лейтенанта Заходько кроме могучего здоровья, унаследованного от запорожских предков, и честного стремления послужить родине на целинных космических просторах имелось еще и честолюбие, тоже, видимо, наследственное, а также необходимое для его реализации умение оказываться в нужный момент под рукой у начальства, не путаясь, однако, у последнего под ногами.

Поэтому старший лейтенант Заходько быстро сориентировался и перебрался на работу в центр управления полетами, мотивируя это тем, что должен же кто-то оставаться на Земле, у пульта. Тем более что военный космонавт управлял только своим аппаратом, а центр управлял космонавтом, так что возможностей для карьеры здесь, в центре, было явно больше. Может быть, как-нибудь потом он, старший лейтенант Заходько, слетает в космос, так сказать, за звездой, но не раньше, чем получит майора или подполковника. А пока — начальство-то все на Земле, так что ближе к начальству — ближе к звездам. На погонах.

Вот и сейчас, когда на орбите находился его товарищ капитан Стахов, старший лейтенант Заходько был на своем боевом посту.

Светились слегка выпуклые черно-белые экраны телевизоров, транслируя нечеткое изображение с орбиты. Радиолокационные станции слежения за околоземным пространством, разбросанные по всей стране и мировому океану, исправно передавали в ЦУП координаты космических объектов. Девушки-планшетистки

быстро и аккуратно наносили эти координаты на большую прозрачную панель, так что руководство полетом имело перед собой наглядную и полную картину того, что происходило на высоте шестисот пятидесяти километров. Девушки были хорошенькими, и это отвлекало, тем более что момент был очень ответственным.

Боевая космическая станция «Алмаз-6», спроектированная в КБ Челомея, выведенная после многих неудачных запусков на орбиту и переименованная в целях секретности в «Салют-12», должна была совершить сложный орбитальный маневр, атаковать и уничтожить спутник-мишень, специально запущенный позавчера с военного космодрома Плесецк. На станции нес боевое дежурство военный летчик-космонавт капитан Стахов.

На полупрозрачной панели, за которой то и дело, словно русалки, мелькали гибкие девичьи фигурки, было видно, как Стахов медленно приближается к спутнику-мишени. Все шло по плану, и тут в околоземном пространстве произошло что-то непредвиденное. В районе местонахождения «Алмаза-Салюта» и обреченного на расстрел спутника-мишени появился еще один космический объект, и девушки тотчас же добросовестно нанесли его координаты на полупрозрачное стекло. Объект пришел извне, с высокой орбиты и совершал такие маневры, какие в принципе не мог совершать ни один космический аппарат, построенный русскими или американцами. Если мысль о пришельцах и возникла у кого-то в голове, то там, в голове, и осталась. Фантастика в военно-космических войсках хотя и не запрещалась вовсе, но допускалась только в нерабочее время и в разумных количествах. Впрочем, некоторые инженеры восторженно переглянулись, но инженеры — не в счет, с ними побеседуют, напомнят о подписке, и они будут помалкивать.

— Капитан Стахов, доложите обстановку! — закричал в микрофон руководитель полетов. — Вася, что там у тебя происходит, откуда этот хрен с бугра?

Как будто потеющий в тесном боевом отсеке капитан мог определить, откуда взялся этот странный космический объект, совершающий неположенные выкрутасы в районе предполагаемых орбитальных стрельб.

— У меня…

И тут связь со станцией прервалась. Небритая физиономия капитана, болтающегося в космосе уже неделю, пошла полосами, а потом и вовсе пропала, напрочь съеденная помехами.

— Нештатная ситуация! — разнеслось по ЦУПу.

Сотрудники без суеты покидали зал, чтобы занять свои рабочие места согласно штатному расписанию,

соответствующему нештатной ситуации. На местах остались только те, кто был здесь действительно необходим.

Неутомимые русалки-планшетистки продолжали аккуратно ставить на панели разноцветные метки и соединять их красиво изогнутыми линиями.

Руководитель полетов подошел к экранам РЛС дальнего обнаружения. Лейтенант, повинуясь какому-то инстинкту, последовал за ним. Впрочем, в ЦУПе он числился на должности руководителя группы отображения полетной информации, то есть тех самых проворных и старающихся казаться незаметными девушек, так что он был на своем рабочем месте. Девушки работали добросовестно, чего еще надо?

На круглом темно-зеленом экране радиолокационной станции слежения было видно, как метка спутника-мишени рассыпалась брызгами тусклых точек, через десять секунд метка чужака разделилась на две, причем вторая, маленькая точка совершила маневр перехода на высокую орбиту, за пару минут разогналась до второй космической и пропала с экрана.

С «Алмазом» тоже происходило что-то непонятное. От него отваливались какие-то куски, потом от станции отделился спускаемый аппарат, включил тормозные двигатели и начал снижение.

— Живой, — выдохнул зал. — Живой наш капитан!

— Немедленно просчитайте, где он сядет, — скомандовал руководитель полетов и добавил, обращаясь к Заходько: — Назначаю вас руководителем группы поиска.

Старшего лейтенанта заметили. Что ж, и нештатные ситуации имеют свои положительные стороны.

— Есть! — сказал старший лейтенант.

— Товарищ генерал, связь со спускаемым аппаратом установлена, — доложил кто-то из инженеров.

— И что? — отрывисто бросил генерал.

— Капитан Стахов не отвечает, и еще… у него, похоже, кровь в гермошлеме, хотя видимость плохая, сплошные помехи, да и фильтр мешает, но, кажется, это все-таки кровь.

— Прежний приказ отменяю, — сказал генерал. — Я лично буду руководить поисками. А вы, — он внимательно посмотрел на подтянутого старшего лейтенанта, — вы будете моим заместителем.

Так генерал Заходько, а тогда всего-навсего старший лейтенант, стал вечным заместителем.

9.

— Ну что, орлы, справитесь за неделю? — Глава департамента окинул бодрым взглядом кучку инженеров, которые должны были подготовить к полету чудом сохранившийся в закрытом музее стендовый образец «Алмаза».

Орлы, как и положено старым, но гордым птицам, невнятно заклекотали.

Впрочем, «орлами» назвать этих, собранных со всей страны, изжеванных жизнью людей мог только человек, которому было очень нужно, чтобы они совершили невозможное. Главе было очень нужно.

Генералу Заходько потребовалась неделя, чтобы отыскать бывших ведущих старших инженеров, просто инженеров и техников проекта. Команда была неполной. Кто-то умер, раздавленный бесконечными реформами, кто-то банально спился, но некоторые все-таки продолжали упорно тянуть лямку в недавно полупустых, а теперь понемногу заполняющихся зеленой, не нюхавшей космической пыли молодежью НИИ и КБ. Вот они-то и стояли сейчас перед стендовым образцом военной космической станции, в огромном сборочном цеху, седые и лысоватые, сутулые, одетые в потертые костюмы, наверное, еще советского пошива или дешевые китайские джинсы и куртки.

Генерал, стоявший рядом с Главой, подумал, что сорок лет назад все они были самоотверженными мальчишками, готовыми работать двадцать четыре часа в сутки, и жаль, что не сохранилось старых фотографий рабочей группы проекта на фоне станции. Не положено было тогда фотографировать.

Главе департамента станция казалась похожей на громадную, изготовленную в рекламных целях банку «Ред Булла». «Ред Булл» окрыляет!» — дурацкий рекламный слоган засел в голове, не желая уступать место конструктивным мыслям.

— А за месяц? — спросил Глава. — Месяц — крайний срок. А не то нам всем станет плохо. Вознаграждение будет, сами понимаете, достойным, до конца жизни хватит.

«Это не так уж и долго», — с неожиданной для себя острой неприязнью к начальнику подумал генерал Заходько.

— Ну ладно, генерал, вы мой заместитель, вот вы и командуйте, — обратился Глава к генералу. — Вы же этих людей подбирали, всех знаете лично, вам ими и руководить. А меня, извините, ждут государственные дела.

Соврал «старьевщик», никаких важных государственных дел, кроме именно этого, у него не было, просто неуютно стало ему под взглядами старых инженеров — словно прошлая эпоха смотрела ему в глаза, насмешливо и презрительно.

— Ну, мужики, — сказал генерал, когда Глава скрылся из

виду, — сами понимаете, нам с вами поручено дело особой важности. Всего сказать не могу, государственная тайна. — Генерал сделал значительное и в то же время свойское лицо и продолжил: — Сегодня располагайтесь, обживайте, так сказать, старое место работы, а завтра начинайте.

Генерал хотел было добавить «С Богом!», но вовремя спохватился, не на политической же он тусовке, в самом деле, и закончил коротко, как ему показалось, по-деловому:

— Спальные места оборудованы в техбюро на втором этаже, рабочая одежда и предметы личной гигиены в шкафчиках, горячим питанием мы вас обеспечим по первому разряду, так что — вперед к звездам, как в старые добрые времена.

Инженерам, видно, старые времена не казались такими уж добрыми, потому что один из них, некогда курчавый и нахальный, считавший себя, и не без некоторых оснований, гением, а теперь пожилой, с глубокими залысинами, с возрастом переплавивший нахальство в горькое ехидство, поморщился и буркнул:

— Опять, значит, шарашка. Не можете вы по-другому! А насчет тайны, так мы и сами государственная тайна, нашел, чем удивить!

Другой, расхристанного вида, в дешевых кроссовках на босу ногу, бывший ведущий специалист по технической кибернетике, найденный генералом в каком-то бомжатнике, дыша хроническим перегаром, подошел к станции, положил ладонь на ее бок, вздохнул и с нежностью сказал:

— Умели мы все-таки… Когда-то.

Генерал неодобрительно покосился на бомжеватого специалиста, с какой-то тоской подумал, что ничего-то тому уже не надо и что загорается тот, наверное, только при виде полного стакана, да и то сразу гаснет. До следующего стакана. Как маршевый двигатель — от заправки до заправки.

«Эх, хорошо бы и самому накатить стакан, — подумал генерал. — Но это потом. Сейчас надо заставить людей работать, чтоб они в который раз сотворили чудо и оживили эту старую жестянку. Пусть хоть полчаса продержится на орбите чужаков, а потом…»

О том, что будет потом, генерал старался не думать.

— Работайте, орлы, — по-отечески пророкотал он. — Составьте список всего, что вам необходимо, и работайте. Удачи! Старшим я назначил Ивана Моисеевича. Вы его все знаете, не один литр «шила»[6] вместе распили. Через месяц изделие должно быть на орбите. Задача понятна?

Орлы снова разразились нестройным клекотом.

Генерал хотел было повернуться по-военному четко, однако получилось не очень ловко — мешал живот. Почему-то рука сама собой тянулась отдать честь, но он сдержался.

Генералу еще предстоял чертовски неприятный разговор с медиками, обследовавшими полковника Стахова. Вот после этого накатить стакан будет уже необходимо.

— Похмелиться бы, Моисеич! — жалобно попросил бомж-кибернетик, когда генерал ушел. — А то сплошное недержание мыслей и слабость в душевных коленках!

— Я те похмелюсь, — сурово ответил бывший кудрявый красавец. — Ты заведешься на неделю, а кто работать будет? Сходи лучше душ прими, переоденься в чистое, там все приготовлено, да проспись. И чтобы завтра был как огурчик! Я те такое покажу недержание, что всю душевную дрожь как рукой снимет!

10.

Новости полковник узнавал в основном от соседей. У тех над крышами коттеджей торчали тарелки спутниковых антенн, и они были в курсе всего, что происходило в стране и мире. По мнению полковника, ничего хорошего там не происходило. Иногда он включал старенький «Панасоник» с комнатной антенной, но тот принимал всего две программы, да и то неуверенно, и полковник, полюбовавшись несколько минут сытыми рожами сатириков, юмористов и политиков, непрерывно, как ему казалось, кривляющихся перед камерой, морщился и выключал телевизор.

Мобильная связь в деревне Арефино не действовала, да и никаких звонков полковник не ждал.

Ранним утром он проснулся, с сомнением провел ладонью по отросшей щетине и, решив отложить бритье, пошел к реке. Над водой и в низинах, словно отстоявшиеся на холодном молоке сливки, стоял густой утренний туман. Было удивительно тихо, так тихо, как бывает только в нынешней русской деревне ранним утром. Звуки реки и недалекого леса казались естественными составляющими этой тишины, они вырастали из нее и в ней же пропадали. В темной воде играла щука, всплески раздавались то вверх, то вниз по течению, и полковник подумал, что надо бы проверить поставленные с вечера жерлицы. Он вернулся в дом, надел высокие резиновые сапоги, прихватил ведро и снова пошел к реке. Отсыпающийся после бурной ночи Камрад одобрительно вякнул что-то, но с полковником не пошел.

— Опять по бабам шастал, — укоризненно сказал полковник

коту. Камрад улыбнулся полковнику и зевнул. Мол, да, по бабам, чего и тебе, хозяин, советую. Только в дом не води, как в прошлый раз, не один живешь.

Женщин в доме кот органически не переносил и умело это демонстрировал.

Полковник снял с жерлиц пару щучек, заодно проверил верши, выгреб кучу мелкой бели и несколько приличных окушков и отправился домой.

Готовил полковник на небольшой газовой плитке, за баллонами для которой приходилось ездить в город на стареньком «Москвиче».

Пока варилась уха, полковник поерзал по щекам и подбородку зудящей, как шмель, электробритвой с замотанным синей изолентой шнуром, плеснул на ладонь одеколона — щеки приятно защипало, а Камрад, вертевшийся у ног в ожидании завтрака, одобрительно фыркнул. К бритью кот относился терпимо, а к одеколону с непонятным вожделением и часто слизывал с пола упавшие капли. Наверное, хотел пахнуть полковником.

— Ах ты, алкаш, — нежно сказал полковник, выуживая из ухи разварившихся плотвичек. — Подожди, сейчас остынет.

И тут в дверь осторожно постучали.

— Опять соседа нелегкая принесла, — раздраженно подумал полковник, привернул газ и крикнул: — Входите, не заперто!

Сосед вошел и вежливо поздоровался.

— Что, сосед, котенка торговать пришел? Подожди до осени, осенью у Камрада потомство появится, бери — не хочу.

— Нет, — сосед топтался посреди комнаты, явно не зная, с чего начать. Потом наконец решился: — Слышь, Сергеич, тут утром по телевизору передали, что на Землю прилетели эти… пришельцы. Ты чо, не в курсах? В общем, хотят, чтобы мы на них напали, потому что они на нас уже нападали, теперь вроде как наша очередь. Короче, я на всякий случай решил в Москву смотаться за семьей. Москву и всякие большие города в случае чего первыми пушить станут, а до нас в Арефине, глядишь, дело и не дойдет. В общем, вот ключи, присмотри за домом, а то мало ли чего… А из Москвы-то как народ ломанулся! Показывали: все дороги автомобилями забиты. Не знаю, пробьюсь ли, но попробую, так что выручай.

Полковник помолчал немного, потом сказал:

— Вот что, сосед. Никуда не езди, позвони своим, у тебя ведь есть спутниковый телефон? Пусть сидят дома и не высовываются. Никто Москву бомбить не будет, а если на дорогах паника, то там опаснее, чем в городе.

— Но ведь пришельцы, Сергеич, — начал было сосед, но потом сообразил что-то и понуро сказал: — Наверное, ты прав, я просто не врубился. По телевизору же говорили, чтобы все сидели по домам, да разве кто сейчас телевизионщиков слушает? Они же все время врут.

— И про пришельцев тоже врут? — с иронией спросил полковник.

— Может, и врут, — немного подумав, ответил сосед. — Но все равно страшно, пришельцы же!

Тут в обыденные звуки русской деревни, ставшей по сути дела дачным поселком, вмешалось что-то постороннее, грозное и чужое. Полковнику этот звук был очень хорошо знаком.

В небе ревели боевые вертолеты.

Полковник вышел на улицу и увидел, как пара боевых, полностью снаряженных «Аллигаторов»[7] с дырявыми сигарами пусковых установок на внешней подвеске низко и хищно протянула над домами, развернулась над лесом, повисела над дальней околицей, словно советовалась, и вернулась.

Следом появился десантный Ми-8, а за ним кокетливый серебристый гражданский вертолет, явно американского производства.

«Аллигаторы» — морда к морде — зависли над окраиной деревни, недалеко от полковничьего дома, на стометровой высоте, слегка поворачиваясь вправо и влево, словно высматривая добычу. Десантный борт опустился ниже, из него по леерам посыпались десантники в голубых беретах, оцепившие поляну, и только после этого на нее опустился «пассажир».

Не то радостное, не то жутковатое предчувствие кольнуло под ложечку. «Как в невесомости», — подумал полковник, а вслух сказал:

— Похоже, это по мою душу, так что ступай-ка ты домой, сосед.

Сосед, с любопытством разглядывавший боевые вертолеты, словно опомнился, поблагодарил за что-то и трусцой побежал по улице, поминутно оглядываясь.

Полковник машинально пригладил отросшие за лето волосы и пошел к околице, на которой уже стояло оцепление. Невесть откуда взявшийся Камрад зашуршал за ним, иногда забегая вперед и вопросительно заглядывая в хозяйские глаза.

Из серебристого вертолета выпала изящная лесенка, по ней спустился полноватый генерал, махнул рукой командиру десанта и пошел навстречу полковнику.

— Ну, здравствуй, Сергеич. Далеко же ты забрался, насилу нашли, — сказал генерал и попытался обнять полковника.

— Здравствую, Петрович, — слегка отстранившись, ответил полковник. — Какими судьбами? Неужто я кому-то понадобился?

— Родине, Сергеич, России-матушке, — генерал делал вид, что шутит, но ему это плохо удавалось. — Пошли в вертушку, в столице с тобой серьезные люди потолковать хотят.

— Пошли, — просто сказал полковник. — Потолкуем. И, повернувшись к коту, добавил:

— Иди домой, Камрад. Иди, я не скоро вернусь, но ты ведь справишься, правда?

Кот зло и печально заворчал, сел, обернувшись полосатым хвостом, и с ненавистью уставился на вертолет.

— Ну, будет тебе злиться, Камрад, служба есть служба, — полковник поднял прижавшего уши кота, потерся щекой о мохнатую разбойничью морду и бросил на землю: — Иди!

Камрад недовольно задрал хвост и не оглядываясь пошел к дому. Кот был явно расстроен, но он был котом полковника и принимал судьбу такой, какая она есть. Полковник проводил взглядом торчащий из высокой травы, медленно удаляющийся серо-полосатый восклицательный знак и вместе с генералом направился к вертолету.

Выгнутая наружу дверца американского красавца захлопнулась, навсегда разлучая полковника с Камрадом, вертолеты взревели, охрана споро погрузилась в приземлившийся неподалеку десантный борт, и воздушный конвой, на миг склонив граненые остекленные морды, ринулся в сторону столицы.

Камрад долго смотрел вслед, потом не выдержал, мяукнул жалобно, по-котеночьи, и побежал за чудовищами, уносящими хозяина. На поляне с полегшей под вертолетными винтами травой он остановился, мяукнул еще раз, уже безнадежно, и медленно пошел к опустевшему дому.

11.

Это было неправильно. Полковник не понимал, что ему делать, он ожидал увидеть своего давнего врага и был готов атаковать его, и погибнуть тоже был готов, дело военное, хотя и неприятное. Но кораблей было много, вели они себя мирно, и вот именно к этому-то он готов не был.

«Сука», — подумал полковник, имея в виду скорее генерала и прочую земную начальственную свору, чем кого-нибудь еще. Потом поправился: «Суки!»

Он прекрасно понимал, что должен напасть на эскадру, будь в ней хоть тысячи кораблей. Да хоть сколько! Как они там

сказали? «Совершить акт ритуальной агрессии».

И не мог.

Когда-то давным-давно, сорок лет и одну эпоху тому назад, его противнику было куда легче. Обстрелял спутник-мишень, вот тебе и агрессия, вот тебе и начало контакта. Первый камень, так сказать, брошен. Хотя, может быть, чужак напал бы и на космическую армаду, если бы у Земли таковая имелась, кто знает этих пришельцев? Но ведь не было у Земли ни черта, кроме пары сотен совершенно беззащитных спутников, русских и американских, да одной-единственной экспериментальной орбитальной станции с плохоньким стрелковым вооружением. Повезло чужаку!

Наконец полковник матюгнулся и решительно развернул пушку в сторону планеты. Агрессия так агрессия в планетарном масштабе!

Поверхность чужой планеты заполнила собой поле зрения прицела. Из космоса вообще очень хорошо видно, что происходит на поверхности Земли-матушки, это отмечали все, кто когда-нибудь выходил на орбиту. И другие планеты, как выяснилось, не были в этом плане исключением. Оптика услужливо превратила выпуклую поверхность в плоскую. Сейчас полковнику казалось, что он явственно различает на чужаке какие-то города, реки и еще что-то непонятное, словно он рассматривал через лантановые линзы прицела огромную печатную плату, покрытую зеленым лаком, с темно-золотистыми дорожками водных и прочих магистралей и вкраплениями малюсеньких изящных разноцветных деталек неизвестного назначения.

— Говнюки! — буркнул он, снова адресуясь к земному начальству. — Небеса бывают высокие и низкие, свои и чужие, но небес на халяву не бывает, слышите вы, уроды! Сейчас будет вам агрессия! Ритуальней некуда!

И выпустил короткую злую очередь по планете, сразу же после этого перебрасывая турельную установку в сторону открытого космоса. Чутье военного летчика подсказывало ему, что его давний противник появится именно оттуда. На автоматическое целеуказание полагаться было бессмысленно — вон сколько кораблей-целей, весь экран радара словно грязью забрызгало!

Инстинкт не подвел полковника. Более того, эскадра, окутавшись защитной дымкой, величественно откатывалась вовне, освобождая место для поединка, а на границе видимости уже выпрыгнула знакомая льдистая точка. Стрелять было бесполезно, на таком расстоянии попасть практически невозможно, ведь старенький баллистический вычислитель

рассчитывал поправки только с учетом гравитационного поля Земли, разработчики станции никак не могли предполагать, что их детищу придется сражаться на орбите чужого мира.

«С матки стартовал, — с ненавистью подумал полковник. — Ну, давай режь скорее! Что там у тебя? Лазер-фазер? Или еще какая-нибудь фигня? Кончай этот балаган, не телись, мы же с тобой все-таки люди военные».

Чужак почему-то представлялся полковнику чем-то вроде немецкого летчика-аса времен второй мировой войны, причем аса ненастоящего, киношного. Вот он, затянутый в черный кожаный комбинезон, отпил из бокала вина, бросил какую-то шутку — окружающие радостно осклабились, — забрался в кабину разрисованного крестами истребителя и пошел на взлет, чтобы наказать этого нахального русского, абсолютно уверенный, что вернется допивать свое поганое вино.

«Бред какой-то, — подумал полковник. — Черт-те что в голову лезет. Так и рехнуться недолго! И наплевать, какая разница, в конце концов, ну, погибну, с кем не бывает».

И все-таки так вот, нелепо и беспомощно, погибать не хотелось.

Чужак стремительным рывком преодолел расстояние до станции и теперь неподвижно висел в паре километров от нее, окутанный полупрозрачной защитной аурой, словно вмерзшее в лед насекомое. Казалось, он с брезгливым любопытством рассматривал агрессора, прежде чем приложить его как следует. Это было оскорбительно, так Что полковник снова выругался. Чужак, словно услышав, скачком сменил позицию, переместившись на несколько градусов по азимуту, на миг сбросил защиту и аккуратно отсек раскинутые плавники солнечных батарей станции. Сделал он это легко, даже изящно, будто опытный фехтовальщик стремительным и незримым толедским клинком обрубил уши деревенскому увальню, посмевшему помочиться при даме его сердца. Только вот не уши надо было рубить наглецу, ох, не уши!

За то короткое мгновение, пока чужак оставался без своей льдистой, дымчатой брони, полковник успел поймать его в прицел и воткнуть длинную очередь прямо в голову бескрылой космической стрекозы. Опасно загудел корпус старенького модуля, отзываясь на работу автоматической пушки.

— Эх, Камрад ты, Камрад, экий же ты дурачина, Камрад… — давя на электроспуск, повторял полковник, обращаясь неизвестно к кому, не то к коту, оставшемуся на далекой Земле, не то к незадачливому чужаку, так бессмысленно подставившемуся под выстрелы, а может быть, к самому себе.

Полковнику показалось, что чужак даже задергался под ударами 23-миллиметровых бронебойных снарядов, но, наверное, только показалось. Мало ли что кажется человеку перед смертью…

И тут с флагмана чужаков ударило зло, ожидаемо, невидимо и страшно, и станция «Алмаз-6» перестала существовать в том виде, в котором была создана человеческими руками.

Последнее, что понял полковник — задание он перевыполнил, а стало быть, провалил.

12.

Над поляной без видимой опоры висел небольшой кусок светлого оплавленного металла с радужными вкраплениями меди, стекла и еще чего-то непонятного, черного и обугленного. Пространство вокруг него было темным, с живыми крупными глазками нездешних звезд, а дальше светлело, переходя в обычное, сквозь темную бездну начинали просвечивать деревья, и уже метрах в десяти от артефакта космос сходил на нет, уступая обычному среднерусскому небу.

Двое стояли на небольшой утоптанной площадке и смотрели на размытую черную проталину космоса в золотистом воздухе сентябрьского вечера.

Темнело, становилось зябко, казалось, ночь сочится из темной пробоины в русском небе, заливая все вокруг, и только по обозначенной звуками человеческого вечера тишине можно было понять, что космос остается там, где ему и полагается, а мы — на Земле.

— Памятник? — спросил пожилой поджарый человек второго, совсем уже старого, одетого в поношенный генеральский китель и спортивные штаны.

— Может быть, и памятник, а может, просто окошко. Форточка во Вселенную. — Второй похлопал себя по карманам кителя, вытащил пачку сигарет и закурил. — Вот, появилась однажды в Арефино эта штука, мы уже привыкли, вреда от нее никакого, а убрать не получается. Военные приезжали, покрутились-покрутились и обратно уехали ни с чем. Так вот и осталась у нас эта достопримечательность. Иногда в этой промоине видны корабли чужаков, иногда даже планету видно. Камень бросишь — он там и появится, а людей не пускает.

— Знаю, — поджарый покосился на генерала. — Военных я направил. Пули, кстати, тоже не проходят. Первую пропустит, а остальные отсекает… Хотел охрану поставить, да эти… против.

Зря ты куришь, Петрович, — он сменил тему, — жизнь ведь и так короткая, а ты еще и травишь себя.

— В том-то и дело, что короткая, — отозвался генерал. — И так уже ничего нельзя, а тут еще и не курить, совсем скучно станет. Тебе что ли тоже дать?

Поджарый поколебался немного, потом насупился, буркнул, что у него-де свои есть, и тоже закурил.

Некоторое время мужчины молчали, потом поджарый сказал:

— Значит, это все, что от него осталось? Немного, однако.

Генерал промолчал, мол, да, действительно немного, да что поделаешь, от нас и столько не останется, а тут немного — зато навеки. Потом аккуратно потушил сигарету и сказал:

— А ты, я вижу, все рулишь? Ну и как рулится, а, Старьевщик?

Поджарый на «старьевщика» не обиделся, но на всякий случай одернул генерала:

— Ты все-таки полегче, какой я тебе старьевщик.

— Так я же не при подчиненных, — дурашливо протянул генерал. — А ты не при исполнении. Кроме того, я в отставке, мне можно.

— Я всегда при исполнении, — заметил поджарый. Потом улыбнулся так, что стало видно — он еще вовсе не стар, и мечтательно добавил: — А хорошо бы торгануть у чужаков десяток старых транспортников, подлатать, подкрасить да загнать нашим заклятым друзьям, вот был бы бизнес!

— Так я и говорю, старьевщик, он и в чинах старьевщик, — довольно засмеялся генерал.

— Не получилось у нас любви с чужаками, — уже серьезно сказал поджарый. — Точнее, что-то получилось, только вот мы ожидали другого. Может быть, если бы Сергеич тогда не наколбасил, мы сейчас к звездам запросто бы летали. Скажи, вот зачем он тогда посадочный модуль отстрелил и этого… противника своего раздолбал? Ведь сказано же было, «ритуальная агрессия», а он на полном серьезе. И сам погиб, и отношения с чужаками испортил. А ведь так хорошо все складывалось!

Поджарый выбросил сигарету. Красный огонек, словно маленькая ракета, взлетел в темное небо и упал в траву.

— Так уж и хорошо? — сощурился генерал. — Ты окурок-то подбери, здесь тебе не Москва, прислуги за тобой убирать нет.

Старьевщик смутился, нашел в траве окурок, затушил его о сигаретную пачку, повертел в руках, не зная, куда деть, потом сунул вместе с пачкой в карман.

— Я в Москве не курю, — сказал он. — И вообще не курю. Я, в отличие от тебя, не в отставке, мне здоровье беречь надо.

— А чем тебе сейчас нехорошо? — продолжал генерал. — В космос мы теперь и так летаем. Недалеко, правда, в пределах системы — зато на своих кораблях. С энергетикой вроде бы проблемы помаленьку решаем, тоже, между прочим, сами. С небольшой помощью чужаков, но в основном — сами. Чужаки нас, как ты знаешь, уважают, за равных держат, вот и не лезут со своей помощью. И все это благодаря полковнику. Ты, кстати, ему генерала так и не дал. Помнишь, обещал?

— Кто я такой, чтобы давать ему генерала? — буркнул поджарый. — Его никто в целом мире повысить в звании не может. Полковник, и полковник. А с пришельцами все-таки что-то не так получилось. Торговая фактория в точке либрации да космическая академия на Марсе, только и всего. А сколько было ожиданий! Да еще этот тест «на полковника»!

— Ну и как ты его прошел? — заинтересовался генерал.

— Как видишь, стою здесь с тобой, а не рассекаю Вселенную из конца в конец, — Глава поджал губы. — Его до конца вообще мало кто проходит. То есть проходят, но не совсем, в самом конце дадут очередь по каравану — и сразу в спускаемый аппарат, спасаться. Вот и я… не полностью. Но некоторые все-таки проходят, только вот где они теперь — никто не знает. Говорят, летают.

— Летают, — подтвердил генерал. — Они сюда частенько заглядывают, правда, ненадолго.

— Зачем? — удивился Глава. — На памятник посмотреть?

— И за этим тоже, а еще за котами.

— Как это, за котами? — еще больше удивился Старьевщик. — На кой черт им коты, их же везде навалом! Нехорошо шутить над начальством, Петрович, даже если ты в отставке.

— Здесь коты особенные, — засмеялся генерал. — И не шучу я вовсе. Они все свой род ведут от полковничьего Камрада, так что таких котов еще поискать! В общем, прилетит какой-нибудь звездник, придет вот на эту полянку и ждет, пока его кот выберет. Некоторые так и улетают ни с чем, а кому-то везет. Вон смотри, идет, похоже, к нам направляется.

Из кустов на поляну выбрался тощий полосатый котенок, прошел по стерне, потом сел, покрутил большой ушастой головой и сощурился на кусок Вселенной, висящий над поляной. Уже стемнело, и оплавленный обломок, вечно отражающий чужое солнце, освещал опушку леса рассеянным нездешним светом. Котенок потряс ушами, потом решительно направился к поджарому, деликатно потерся головой о его штанину и сел.

— Вот видишь, тебя выбрали, — серьезно сказал генерал. —

Гордись, Старьевщик.

— Как его зовут-то, — растерянно спросил Глава.

— Камрад, как же еще, — ответил генерал. — Здесь всех котов зовут Камрадами.

Они постояли еще немного. Уже совсем стемнело, в недалекой деревне зажглись огни, вкрадчиво шлепали по воде весла, потом в каком-то доме громко заиграла музыка и напрочь съела деревенские звуки.

— Ну, бывай, заместитель, — поджарый обнял старого генерала, — будешь в Москве — звони. Пошли, что ли, Камрад.

— Как же, дозвонишься тебе, — буркнул генерал. — Уж лучше вы к нам. Лети уж, спасибо, что навестил… Рули дальше, раз получается, только не забывай, что, как говорил Сергеич — небес на халяву не бывает.

И не спеша зашагал в сторону деревни.

Кот побежал впереди Главы к флаеру, стоящему поодаль, нетерпеливо царапнул запертую дверцу, мяукнул, поторапливая хозяина, ловко запрыгнул в кабину и улегся на свободном кресле.

— Ну, пора, Камрад, — сказал Глава, и кот с ним согласился.

Флаер беззвучно оторвался от поляны и стремительно заскользил в сторону столицы.

Дэвид Моулз
Финистерра

1. Encantado (Зачарованный)

Бьянка Назарио стоит на краю мира.

У нее над головой синий небесный свод, такой же, как летнее небо ее детства, отражавшееся в водах *la caldera*[8]*;* только там его ограничивали горы, а здесь, на Небе, настоящего горизонта нет, есть лишь линия белого облака, которая постепенно переходит в серый туман, и стоит Бьянке посмотреть вниз, как он стремительно сгущается, пока небо внизу не становится темным и непроницаемым. Она вспоминает, что Дин говорила ей о том, как Небо может ее убить. С достаточно большим парашютом, представляет себе Бьянка, она будет падать в течение часов, скользя сквозь слои облаков, прежде чем найдет свой конец в

челюстях одного из чудовищных обитателей глубокого воздуха.

Если все пойдет не так, Бьянка не может представить себе лучшего способа умереть.

Бьянка проходит несколько сотен метров вдоль основания одного из брюшных плавников Энкантадо, останавливаясь, когда сухая рыжая пыль у нее под ногами уступает место покрытой шрамами серой плоти. Она в последний раз оглядывается по сторонам: на пелену дыма, скрывающего покрытый деревьями выступ спинного плавника заратана, на сам плавник, где она стоит, уходящий вниз по кривой к своему изящному кончику в километрах от нее. Потом она завязывает шарф вокруг лодыжек, прячущихся под длинной юбкой, и надевает упряжь парашюта, все еще теплую, только что вышедшую из генераторов бунгало. Когда упряжь затягивается на ее теле, она делает глубокий вдох, наполняя легкие. Ветер из горящего лагеря, пропитанный ароматами древесного дыма и сосновой смолы, перебивает запах крови, плывущий со стороны бойни.

«Дева Мария, — молится она, — будь моей свидетельницей: это не самоубийство».

Это молитва о чуде.

Бьянка наклоняется вперед.

Она падает.

2. Летающий архипелаг

Похожий на лодку анемоптер, который Валадез послал за ними, обладал крейсерской скоростью, лишь немногим уступающей скорости звука, что в здешней части атмосферы Неба означало около девятисот километров в час. Скорость, думала Бьянка, рассчитана так, чтобы почувствовать и осознать истинные размеры Неба, его безграничные размеры. Почти весь первый день путешествия ушел на то, чтобы десятикилометровый, весом в миллиард тонн вакуумный шар «Переменного Меридиана» исчез из вида — уменьшающаяся золотая капля пропала, но не за горизонтом, а в тумане. Из чего Бьянка сделала вывод, что чаша облаков, видимая сквозь размытую дымку статических полей анемоптера, покрывает площадь размером с Северную Америку.

Она услышала у себя за спиной характерный стук пластика по палубе и, оглянувшись, увидела одного из членов команды анемоптера — сферического, покрытого коричневым мехом инопланетянина с набором рук, похожих на лохматых змей. Каждая рука заканчивалась или ртом, или круглым любопытным

глазом. Фириджа привыкли к низкой гравитации, и во время полета с Земли Бьянка наблюдала, как они радостно носились по пространствам внутренних колец «Калифа Багдада», словно обезьяны с радиальной симметрией. Троим инопланетянам на борту анемоптера приходилось пользоваться специальными машинами с длинными веретенообразными опорами. Их руки бессильно свисали вниз, что выглядело одновременно комично и жалко.

— Проходить вперед, — сказал инопланетянин на ломаном арабском, и его голос прозвучал, точно ансамбль тростниковых дудочек.

— Можно смотреть архипелаг.

Она последовала за ним к закругленному носу анемоптера. Там уже стоял естествоиспытатель Эрасмус Фрай; положив локти на перила, он глядел вниз.

— Фотографии не в состоянии передать их истинную красоту, верно? — спросил он.

Бьянка подошла к перилам и проследила за взглядом естествоиспытателя. В общении с ним она старалась сохранять холодную вежливость; с момента первой встречи на борту «Переменного Меридиана» она решила, что не должна подпускать его слишком близко. Но стоило ей увидеть, куда смотрит Фрай, как на мгновение маска соскользнула с ее лица, и она не сумела удержаться от восклицания.

Фрай рассмеялся.

— Стоять на спине одного из них, — сказал он, — стоять в долине и смотреть на горы, осознавая, что земля у тебя под ногами поддерживается костями живого существа — в мире нет ничего, что с этим сравнится. — Он покачал головой.

Сейчас они находились выше подавляющего большинства летающих животных, населявших Северный архипелаг. Бьянка напрягла глаза, пытаясь разглядеть стадо (или стаю, или косяк) заратанов: цепь «островов», а если сосредоточиться на цвете, то коричневые и зеленые долины и леса, серо-белые заснеженные горы…

Заратаны архипелага отличались друг от друга больше, чем птицы одной стаи или киты одного семейства, однако симметрия, повторение форм, базовое анатомическое строение — равные части рыбы и скалы, — все это повторялось в отдельных деталях великой древней формы «заратан Финистерра», от ста километров спинного плавника до тела размером с гору. Когда Бьянка смотрела на архипелаг, она не могла себе представить, что заратаны являются живыми существами.

— В мире нет ничего, что с этим сравнится, — повторил

Фрай.

Бьянка неохотно оторвалась от удивительного вида и взглянула на Фрая. Естествоиспытатель говорил по-испански с безупречным акцентом Майями — как он сам утверждал, благодаря языковому модулю Консилиума. Бьянке было трудно оценивать возраст *extracados*[9], в особенности мужчин, но она полагала, что Фрай лет на десять старше ее (а ей исполнилось сорок), хотя он в этом и не признается. Или на десять моложе, в таком случае он плохо за собой следит. Во время своего путешествия она встречала киборгов, андроидов, искусственные интеллекты, а также несколько видов инопланетян — одни были ей знакомы благодаря средствам массовой информации, освещающим *хадж*[10], а другие казались странными, — но больше всего у нее вызывали тревогу иностранцы. Ей никак не удавалось смириться с мыслью о людях, родившихся вне Земли и никогда на ней не бывавших и не видевших ее; людях, которые зачастую не проявляли к Земле ни малейшего интереса.

— Почему вы живете здесь, мистер Фрай? — спросила она.

Фрай рассмеялся.

— Потому что не хочу провести остаток жизни там. — И он обвел рукой горизонт. — Застрять на каком-нибудь богом забытом дрейфующем островке на долгие годы, где не с кем поговорить, кроме исследователей и мрачных беженцев, негде развлечься, за исключением грязных воздушных станций, а между тобой и адом нет ничего — лишь тысячи километров воздушного пространства… — Он вновь рассмеялся. — Уж поверьте мне, Назарио, вы тоже покинете эти места.

— Возможно, так и будет, — ответила Бьянка. — Однако вы вернулись.

— Я здесь из-за денег, — сказал Фрай. — Как и вы.

Бьянка улыбнулась, но ничего не ответила.

— Вы знаете, — продолжал через некоторое время Фрай, — им придется убивать заратанов, чтобы забрать их отсюда. — Он посмотрел на Бьянку и улыбнулся: вероятно, хотел, чтобы его улыбка показалась ей отвратительной. — В мире нет такого корабля, который смог бы поднять на борт заратана, даже самого маленького. Браконьеры выкачивают из них воздух, потрошат, делают плоскими, а потом сворачивают. Но даже после этого они выбрасывают все, кроме кожи и костей.

— Странно, — задумчиво сказала Бьянка. Ее маска вновь вернулась на место. — Вместе с контрактом я получила материалы о заратанах и успела изучить большую их часть во время путешествия. Словом, Консилиум считает заратанов видом, охраняемым законом.

Фрай заметно смутился, и Бьянка рассмеялась.

— Не беспокойтесь, мистер Фрай, — сказала она. — Я точно не знаю, за что мистер Валадез собирается платить деньги, но мне и в голову не приходило, что работа будет легальной.

У нее за спиной фириджа издал протяжный звук, который вполне мог оказаться смехом.

3. Стальная птица

Когда Бьянка была девочкой, мечеть Пунта-Агила считалась самым эффектным объектом, видимым из ее окна на четвертом этаже. Это было строение шестнадцатого века, окруженное сетью поддерживающих кабелей и несущих тросов, чьи распростертые белые крылья смутно — очень смутно — напоминали птицу, давшую городу имя. Автоматика, контролирующая напряжение кабелей, перемещала крылья мечети так, чтобы они соответствовали меняющимся ветрам, и пряталась в самих кабелях. Вся конструкция была создана очень давно. Однажды после урагана, случившегося еще во времена деда Бьянки, ее пришлось заново настраивать, и старик из *ayuntamiento*[11] был вынужден послать за иностранными техниками, а расходы оказались столь велики, что долги выплачивались до сих пор.

Однако Бьянка редко об этом думала. Она тайно проводила долгие часы, пытаясь нарисовать белые крылья, высчитывала вес всего сооружения и натяжение кабелей, размышляя о том, что могло бы заставить взлететь стальную птицу.

Вероятно, отец Бьянки это знал, но она так и не осмелились задать ему прямой вопрос. Рауль Назарио де Аренас был инженером и специализировался на аэронавтике, как и семь предыдущих поколений семьи. Полеты были бесценным достоянием Назарио. Не менее трети всех воздушных судов, бороздивших небо над Рио-Пикаро, спроектированы Раулем, или его отцом, или отцом его жены, по контракту с великими семьями *moro*[12], занимавшимися торговлей и производством, истинными богачами Пунта-Агила.

Поскольку Рауль Назарио являлся христианином и работал на других, он никогда не был так же богат, как люди, которые нанимали его, но его профессия считалась древней и благородной и обеспечивала семье достойное существование. Если Рауль Назарио де Аренас вообще думал о мечети, то лишь в тех случаях, когда бормотал о платежах (как правило, едва слышно). Назарио и другие христиане Пунта-Агила, несмотря на

древность корней, прекрасно понимали, что здесь их всего лишь терпят.

Бьянка делала наброски летательных средств — быстрых глайдеров, неуклюжих летающих лодок и величественных дирижаблей. Эти рисунки не было необходимости прятать: отец всегда ее поддерживал и охотно объяснял разные аспекты конструирования, деликатно исправляя ошибки в пропорциях на рисунках. Он позволял ей присутствовать на уроках, когда обучал профессии ее братьев, старшего Иисуса и младшего Пабло. Так продолжалось до тех пор, пока Бьянке не исполнилось пятнадцать — в это время Иисус сменил имя на Валид и женился на дочери *moro,* а мать прочитала Бьянке лекцию о том, что надобно знать юной христианке, чтобы удачно выйти замуж.

Прошло еще несколько лет, и отец Бьянки умер, оставив молодого Пабло у руля своего инженерного бизнеса. Лишь ненавязчивая помощь Бьянки и сочувствие прежних клиентов позволили им сохранить некоторые контракты и получить деньги, необходимые для содержания семейства Назарио.

К тому времени, когда Пабло стал достаточно взрослым, чтобы самостоятельно управлять бизнесом и жениться на дочери мастера музыкальных инструментов из Тьерры-Синизы, их мать умерла, а Бьянке исполнилось тридцать, и даже если бы ее приданое составляло половину отцовского бизнеса, в Рио-Пикаро не нашлось бы ни одного христианина, который хотел бы стать мужем Бьянки.

А потом Пабло рассказал ей о вынесенном на рассмотрение городского совета контракте *extracado,* в котором совет и гильдия запретили участвовать христианским инженерам из Пунта-Агила. Аэронавигационным инженерам, знающим испанский язык, предлагалось совершить далекое путешествие из Рио-Пикаро и заработать действительно крупную сумму.

Три месяца спустя Бьянка была уже в Кито и садилась в лифт. В ее саквояже лежала незаконно вывезенная копия инженерной системы отца и контракт с представителем космического корабля «Калиф Багдада» для полета на Небо.

4. Бойня

Анемоптер летел на заратана, который назывался Энкантадо, он был меньше гигантской Финистерры, но его протяженность составляла сорок километров от носа до хвоста и восемьсот метров от серо-белой грудной кости до заросшего лесом гребня. С

расстояния в сто километров Энкантадо напоминал покрытую лесом гору, вздымающуюся над пустынной равниной, прозрачный воздух под его грудной костью мерцал, точно мираж. По своей карманной системе Бьянка вызвала из сети Неба фотографии по экологии гор, холмов и долин на боках Энкантадо: морозоустойчивая трава, маленькие теплокровные существа и высокие вечнозеленые деревья с раскидистыми ветвями напомнили ей сосны и секвойи в горах к северу от Рио-Пикаро.

В течение последнего столетия Энкантадо находился рядом с заратаном Финистерра, занимая место близ восточного бока более крупного зверя. Никто не знал почему. Бьянка рассчитывала, что у Фрая должна быть теория, ведь он являлся экспертом. Однако от вопроса он попросту отмахнулся.

— Это звери, Назарио. Они не совершают поступки по каким-то там причинам. Мы называем их животными, а не растениями только потому, что видим кровь, когда режем их.

Они пролетали над южными склонами Финистерры. Посмотрев вниз, Бьянка увидела разнообразные яркие оттенки зеленого, столько, что не смогла их сосчитать. Да она и не представляла, что их бывает так много — зелень, пронизанная яркими ленточками серебристой воды. Она заметила тень анемоптера — темный продолговатый предмет, который перемещался по склонам и вершинам холмов, окруженный ярким светом — слабым отражением солнца Неба за ними.

И как раз на границе обширного темного пространства — тени Энкантадо — Бьянка заметила, что плывет над зеленой плоскостью, вырезанной в джунглях в неправдоподобном геометрическом порядке. Безусловно, это были здания — с кляксами дыма над трубами.

— Фрай… — позвала она.

Но тут деревушка — или что еще там было внизу — исчезла, укрывшись за следующим горным кряжем.

— Что такое? — спросил Фрай.

— Я видела… мне показалось…

— Людей? — спросил Фрай. — Вполне возможно.

— Но я полагала, что на Небе нет местных разумных обитателей. Кто они?

— По большей части люди, — сказал Фрай. — Дикари. Беженцы. Многие выращивают наркотические растения. Пять поколений сбежавших преступников, их дети и дети их детей. — Естествоиспытатель пожал плечами. — Время от времени, когда Консилиум начинает разыскивать какого-то определенного человека, стражи устраивают рейд, исключительно для проформы. В остальное время они перепродают наркоту и спят с

их женщинами. По сути, поселенцев никто не трогает.

— Откуда они здесь взялись? — не унималась Бьянка.

— Отовсюду, — пожал плечами Фрай. — Люди уже давно освоили этот сектор космоса. Здесь застревают надолго. На Небе оседают те, кому некуда деваться. И больше некуда падать.

Бьянка тряхнула головой и ничего не сказала.

Лагерь браконьеров на восточном склоне Энкантадо оставался невидимым до тех пор, пока они не оказались совсем рядом: от наблюдения со спутников лагерь защищали слои камуфляжной проекционной сетки. Вблизи она казалась плоской, и ее искусственное происхождение не оставляло ни малейшего сомнения, но только после того как анемоптер прошел сквозь проекцию, показался сам лагерь: аккуратная просека в километр шириной и три километра длиной, простирающаяся от нижних склонов спинного плавника до крутого обрыва, каковым оказался бок заратана. Неподалеку от края, в одном из углов, находилась небольшая группа сборных бунгало; но в первый момент у Бьянки возникло ощущение, что большая часть просеки не используется.

Потом она заметила участок красной земли, а на ней — отпечаток громадного туловища.

Бойня под открытым небом.

— Небо — рай для бедняков, мисс Назарио, — сказал Валадез, обернувшись через плечо.

Приземистому боссу браконьеров было около пятидесяти, его волосы все еще оставались черными, оливковая кожа, покрытая мелкими шрамами, потемнела от загара. Он говорил на сочном испанском диалекте, с которым Бьянка никогда прежде не сталкивалась — со звучными гласными, и даже «х» произносил с таким же призвуком, как Бьянка «дж»; а его «дж» получались теплыми и текучими, будто в Аргентине.

Примерно половину браконьеров составляли люди, но лишь Валадез свободно говорил по-испански; остальные пользовались небесным диалектом арабского. Валадез владел и арабским, причем даже лучше, чем Бьянка, но у нее возникло ощущение, что он выучил его уже в зрелом возрасте. Если у него и было имя, сообщать его Бьянке он не стал.

— На Небе есть вещи, которые хотели бы заполучить чужеземцы, — продолжал Валадез. — Но у народа Неба нет ничего, что могло бы кого-нибудь заинтересовать. Компании, добывающие глубокий воздух, кое-что платят. Однако по большей части люди живут на подаяния Консилиума.

Все четверо — Валадез, Бьянка, Фрай и фириджа Исмаил,

который был не только пилотом анемоптера, но и слугой, и партнером, и телохранителем, а возможно, исполнял все эти функции одновременно — поднимались вверх по склону над лагерем браконьеров. Под ними рабочие (часть из них были людьми, часть фириджа, ну и горстка разных других видов) устанавливали оборудование: мобильные системы, которые вполне могли использоваться в строительстве, трубы и цилиндрические контейнеры, напоминающие пивоварни или нефтеперегонные заводы.

— Я это намерен изменить, мисс Назарио, — Валадез снова посмотрел через плечо на Бьянку. — На других мирах есть люди, — вроде народа Исмаила. — Он махнул в сторону фириджа. — Им нравится идея существования на парящем острове, и они готовы платить за это деньги. — Он обвел рукой лагерь и занятых делом рабочих. — С этими деньгами я смогу вывести своих парней из жалких городков на сферических станциях Неба и подъемных гондолах. Я дам им инструменты и научу убивать зверей. Чтобы остановить меня, Консилиум нанимает тех же самых парней, раздает им винтовки и учит убивать.

Браконьер замолчал и, засунув руки в карманы, резко повернулся к Бьянке.

— Скажите, мисс Назарио, неужели одно хуже другого?

— Я здесь не для того, чтобы судить вас, мистер Валадез, — ответила Бьянка. — У меня своя работа.

Валадез улыбнулся.

— Совершенно верно.

Он повернулся и снова зашагал вверх по склону. Бьянка и фириджа последовали за ним. Фрай немного отстал. Тропа петляла между незнакомых деревьев, темных, низкорослых с воскообразными иголками; потом они уступили место более высоким собратьям, и Бьянка могла бы поклясться, что среди них попадаются настоящие сосны и ели. Она глубоко дышала, наслаждаясь горным ветром после неприятных машинных запахов, после кишащих людьми трущоб «Переменного Меридиана» и затхлого воздуха кораблей и анемоптеров.

— Здесь пахнет, как дома, — заметила она. — Почему?

Никто не ответил.

Постепенно склон выравнивался. Они вышли на расчищенное пространство, откуда открывался вид на лагерь. Внизу Бьянка увидела посадочное поле, сферические контейнеры и трубы маленького заводика браконьеров, чуть дальше ряды бунгало, а между ними красно-коричневую землю бойни, простирающуюся до ближайшего прозрачного плавника.

— Отличное место, — заявил Валадез. — Отсюда открывается превосходный вид.

— Вид на что? — поинтересовался Фрай.

Браконьер не ответил. Он помахал Исмаилу, фириджа вытащил из кармана складной стул, быстрым движением гибких рук раскрыл его и поставил за спиной Валадеза. Тот сел.

Через мгновение ответ на вопрос Фрая перебрался через край плато.

Бьянка не особенно задумывалась об убийстве заратана, однако ей всякий раз представлялась древняя охота на кита: бегство огромного животного, его тело, обагренное кровью, гарпуны, снова и снова ударяющие в него, пока кит не обессилит от потери крови и не поднимется на поверхность — умереть благородной и трагической смертью. Теперь Бьянка поняла, что, несмотря на свои гигантские размеры, заратаны гораздо слабее китов, у них вообще нет возможности спастись или хотя бы — Бьянка искренне на это надеялась — сообразить, что с ними происходит.

В смерти безымянного заратана не было ничего благородного. Анемоптеры высаживали людей и инопланетян со сверлами у основания каждого стометрового плавника, чтобы пробурить почву, шкуру и живую плоть, а потом срезать нервы, контролирующие тело. Сейчас это заняло около пятнадцати минут; и в том, как бессильно повисли безжизненные плавники, было нечто непристойное. Затем изуродованного зверя стали подтягивать на воздушных «лебедках» — неуклюжих машинах цилиндрической формы, переделанных из двигателей вакуумных шаров вроде «Переменного Меридиана» — к бойне на Энкантадо. Тут же вновь приступили к делу буровые мастера, для них заранее отметили места сейсмическими и ультразвуковыми сенсорами, чтобы они побыстрее добрались сквозь кости и плоть до мозга заратана.

Когда заряды, заложенные буровой командой, сработали, по телу заратана прошла дрожь, оно сотряслось от конвульсий, распространяющихся в продольном направлении: так сообщение о смерти проходило от одного синапса к другому. Бьянка увидела, как взлетают в воздух стаи птиц, сидевших на деревьях вдоль спины заратана, словно их вспугнуло землетрясение. Тушу сразу же начали опускать вниз, носом вперед. В результате, сообразила Бьянка, сфинктеры стали расслабляться один за другим по всей длине заратана, выбрасывая водород из баллонетов.

Наконец передний край килевого плавника ударил по земле

и смялся, и всё тело мертвого животного, все сто тысяч тонн рухнули на поле — даже на таком значительном расстоянии Бьянка услышала треск огромных костей.

Она содрогнулась и взглянула на часы. К ее удивлению, весь процесс занял менее тридцати минут.

— Можно считать, наше путешествие окупилось, что бы ни произошло дальше, — сказал Валадез и повернулся к Бьянке. — Я хотел, чтобы вы это увидели. Вы уже догадались, за какую работу я намерен вам заплатить, мисс Назарио?

Бьянка покачала головой.

— Очевидно, вам не нужен инженер по аэронавтике, чтобы проделать то, что я сейчас увидела. — Она посмотрела на бойню, где люди, инопланетяне и машины забрались на тушу заратана и теперь корчевали деревья, сдирали шкуру и огромные пласты почвы, оставляя на теле длинные кровавые борозды. Когда в их сторону подул ветер, Бьянка почувствовала запах, напомнивший ей мясные магазины.

Техническая проблема, напомнила она себе, отворачиваясь от кровавой сцены и глядя на Валадеза. Не более того.

— Как вы собираетесь забрать тушу? — спросила она.

— Грузовой корабль, — ответил Валадез. — «Люпита Херез». Он обслуживает одну из сферических станций.

Исмаил добавил:

— Как анемоптер, совершать полеты, выходя из атмосферы. — Все тот же певучий и ломаный арабский. — Грузовик берет много груз, но нужно хорошо укладывать. Чтобы платформа стабильна. — Когда фириджа произнес слово «укладывать», его руки сделали выразительный жест, словно он что-то скатывает и перевязывает веревкой.

Бьянка с сомнением кивнула, надеясь, что поняла правильно.

— Таким способом вы можете увозить только небольшие особи, — заметила она. — Есть лишь одно место, где существует надежная платформа такого размера: спина другого заратана.

— Вы кратко сформулировали основную проблему, мисс Назарио.

— Ну, и как вы намерены ее решить? Как вы сумеете разобраться, скажем, с Энкантадо? Как забрать Финистерру?

— Вы хотите забрать одного из них *живым*? — спросил Фрай.

Его лицо стало еще более бледным, чем обычно, и Бьянка заметила, что он тоже повернулся спиной к месту разделки заратана.

Валадез продолжал выжидающе смотреть на Бьянку.

— Ему не нужен живой заратан, мистер Фрай, —

прокомментировала она, не спуская глаз с браконьера. — Ему требуется мертвый, но в нетронутом виде. Вы можете расчленить Финистерру на множество кусков, и вам потребуется тысяча грузовых кораблей.

Валадез улыбнулся.

— У меня есть другой корабль, — сказал он. — Он построен для проведения горных работ и снабжен мощной подъемной системой. С противовесом. Сам корабль не может входить в атмосферу, но если удастся подвести одного из крупных заратанов к краю атмосферы, мы опустим захват, поймаем зверя и катапультируем на орбиту. Покупатель предоставит все необходимое, чтобы забрать товар.

Бьянка заставила себя еще раз взглянуть на бойню. Рабочие высвобождали кости, вытаскивая их при помощи кранов, и отправляли на завод — вероятно, для очистки и хранения. Женщина повернулась к Валадезу.

— Мы сумеем справиться с поставленной задачей, если тело заратана выдержит низкое давление, — сказала она. — Но зачем прилагать такие усилия? Я видела сферические станции и знаю, на что способны ваши люди. Неужели так сложно сделать имитацию заратана?

Валадез взглянул на Исмаила. Тот смотрел на бойню, но два из его многочисленных глаз были обращены на Валадеза.

— Имитация это одно, а подлинник — совсем другое, мисс Назарио, — пояснил браконьер. — И для настоящего покупателя это важно. — Валадез отвернулся, однако теперь он смотрел не на Исмаила, а вверх по склону, между деревьев. — Кроме того, — добавил он, — у меня на то свои причины.

— Корабль прилетать, — заявил Исмаил.

Часть глаз фириджа устремилась вверх, и Бьянка проследила за его взглядом. Поначалу она увидела лишь пустой участок Неба; затем воздух вокруг спускающейся «Люпиты Херез» закипел, оставляя инверсионные следы и очерчивая невидимую овальную форму подъемных полей корабля.

— Пора за работу, — сказал Валадез.

Розовый туман поднимался вверх, скрывая работу мясников.

Воздух был полон крови.

5. Аэронавты

Специалисты Валадеза одну за другой очищали кости безымянного заратана; они дубили шкуру и скатывали ее для

погрузки на борт «Люпиты Херез». Этот этап работы оказался самым чистым. Однако другие рабочие уничтожали то, что никому было не нужно, и это оказалось грязным делом. Необычные внутренние органы размером с дома; сухожилия, напоминающие переплетенные кабели мостовых креплений; баллонеты, настолько огромные, что в каждом из них мог бы поместиться дирижабль. Гектары и гектары бледной мертвой плоти. Браконьеры сгребали эту массу при помощи бульдозеров и сбрасывали с края разделочной поляны, дождь требухи падал вниз, создавая облака тумана из крови — настоящая манна для экологии глубокого воздуха. Санитары посыпали землю бойни антисептиками, прохладный воздух немного помогал замедлить разложение, но на четвертый день запахи мясного магазина сменились чем-то более тошнотворным.

Бунгало Бьянки находилось в самой дальней части Энкантадо, всего в нескольких десятках метров от края. Здесь гулял ветер, дующий со стороны открытого восточного неба, и у женщины была возможность повернуться к бойне спиной, чтобы созерцать чистое пространство, оживленное далекими телами юных заратанов. Однако даже здесь, в километре от бойни, витали запахи гниющего мяса. Воздух был полон насекомых и птиц-стервятников, а под ногами постоянно хрустели жуки.

Большую часть времени Бьянка проводила в доме, где воздух был отфильтрован. В бунгало имелись устройства, дарующие подобие комфорта, и за время путешествия Бьянка научилась ими пользоваться, но сейчас их не трогала.

Если не считать саквояжа, который служил шкафчиком, письменным столом, туалетным столиком и чертежной доской, единственными предметами в комнате были плетеный ковер в стиле Лагос Грандес, жесткая, узкая кровать и деревянный стул, не слишком отличавшийся от тех, что стояли в Пунта-Агила. Конечно, там мебель была ручной работы, а здесь ее создавали машины…

Остальная часть комнаты была отведена для технических затей. Инструменты, которыми снабдил ее Валадез, оказались удобными и новыми, настоящее произведение искусства; однако чаще всего Бьянка использовала карманную систему — ухудшенную копию семейной автоматики Назарио.

Система, которую отец Бьянки использовал для вычисления нагрузок в тканях, металле и дереве, аэродинамическая модель крыльев, прибор для измерения давления и температуры в оболочках аэростатов — все это было шестилетней давности. Основательная, надежная схема, появившаяся на свет еще до учреждения лондонского халифата. Она старела вместе с семьей,

приспосабливаясь к требованиям авиации Рио-Пикаро.

Бьянка, хотя и была ограничена в возможностях, не испытывала проблем, когда ей приходилось контролировать поверхности, которые поддерживались мышцами и костями и не отличались особой гладкостью — трава, деревья и лианы. Будь заратаны машинами, они казались бы чудесами инженерной мысли, с целой системой газовых оболочек и баллонетов, с пузырями, использующими дождевую воду в качестве балласта, не говоря уже об огромных чувствительных плавниках. Заратаны были выше понимания упрямых, ограниченных систем браконьеров; несмотря на быстродействие и современность, системы капризничали, как избалованные дети, всякий раз, когда Бьянка пыталась использовать их для того, что не входило в круг базовых программ.

А ей это приходилось делать постоянно. Она решала непростую проблему: как поднять левиафана при помощи крюка.

— Мисс Назарио.

Бьянка вздрогнула. Она так и не привыкла к тому, что телефоны не звонят, а сразу начинают говорить, и будто в ее голове.

— Мистер Валадез, — ответила она после небольшой паузы.

— Бросьте то, чем вы сейчас занимаетесь, — проговорил Валадез. — Вы и Фрай. Посылаю за вами анемоптер.

— Я работаю, — ответила Бьянка. — И мне неизвестно, чем занят Фрай.

— У вас пять минут, — отрезал Валадез.

Они летели на анемоптере над спинным хребтом между двумя прозрачными плавниками. Здесь, «в горах», тело Энкантадо было лишено растительности — Бьянка смотрела на гектары серой шкуры, по которой гулял ветер. Кое-где лежал снег. Они прошли в нескольких сотнях метров от огромных брусков, фиксирующих край плавника: колонны плоти высотой в километр, имеющие каплевидное поперечное сечение, а толщиной метров сто. Задний край следующего плавника, по контрасту, быстро пролетел мимо. Бьянке показалось, что она видит натянутую шелковую мембрану с красными прожилками, полупрозрачную, как грязное стекло.

— Как вы думаете, чего он хочет? — спросил Фрай.

— Не знаю. — Бьянка кивнула в сторону фириджа, сидевшего за панелью управления. — А вы спрашивали у пилота?

— Пытался, — ответил Фрай. — Но я не говорю по-арабски.

Бьянка пожала плечами.

— Скоро узнаем.

Потом они стали спускаться вниз, вдоль западного склона. Появился спинной хребет заратана Финистерра. И хотя он находился в двадцати километрах от них, очень скоро занял треть неба.

Бьянка вновь задавала себе вопрос: почему Энкантадо и Финистерра держатся так близко друг к другу. Но скоро анемоптер пошел на посадку, и они полетели между деревьями, над тенистым, заросшим плющом руслом ручья, неподалеку от западного края Энкантадо. Там оказались еще один анемоптер и пара воздушных подъемников, а также огромная белая масса — листы и ленты бледного материала, свисающего с ветвей над плющом. Их складки запрудили небольшой ручей.

С громким всплеском анемоптер приземлился на воду. Быстро спустили трап, и Бьянка сошла в холодную воду, доходившую ей до щиколоток. Она порадовалась, что на ней высокие сапоги. Фрай осторожно последовал за ней.

— Эй, ты! — позвал Валадез Фрая с палубы другого анемоптера. — Иди сюда. Мисс Назарио, я бы хотел, чтобы вы посмотрели на воздушный шар.

— Воздушный шар?

Валадез нетерпеливо указал вниз по течению ручья. Тут только Бьянка поняла, что представляет собой белый материал — это была разорванная оболочка аэростата; и еще Бьянка заметила корзину, которая сейчас лежала на боку. Ее частично скрывала вода ручья. Рядом стоял Исмаил и махал им.

Бьянка по воде двинулась к корзине. Та оказалась два метра в поперечнике и полтора в высоту, она была сплетена из материала, напоминающего бамбук или ротанг. Оболочка — теперь, когда Бьянка рассмотрела ее вблизи, это не вызывало сомнения — сделана из баллонета заратана. Заратан был моложе того, которого убили на ее глазах; оболочку выдубили, но не слишком хорошо, очевидно, у них не было оборудования браконьеров.

Интересно, из-за чего повреждена оболочка, подумала Бьянка. Она знала, что ткани заратанов отличаются удивительной прочностью. Водородный взрыв?

— Хотел летать очень сильно, — прокомментировал Исмаил, когда Бьянка подошла к открытой части корзины.

— Верно, — согласилась Бьянка.

В корзине оказалось несколько шерстяных одеял и пустых кожаных емкостей для воды, вероятно, их использовали как для питья, так и для балласта. Веревки для регулировки клапанов перепутались между собой и со стропами, на которых корзина

крепилась к воздушному шару, но Бьянка легко сообразила, как все это работает. Горелки она не обнаружила. Создавалось впечатление, что шар был наполнен чистым водородом; почему бы и нет, подумала она, если водород можно с легкостью получить из вентиляционного клапана у любого заратана.

— Откуда он появился? — спросила Бьянка.

Руки Исмаила заструились, и Бьянка решила, что этот жест соответствует пожатию плеч человека. Один его глаз посмотрел вниз по течению.

Бьянка пощупала материал корзины: плотное шерстяное волокно. Тропический климат, более жаркий, чем на Энкантадо. Она проследила за взглядом Исмаила. Деревья скрывали западный горизонт, но она знала, что находится за ними.

— Финистерра, — сказала она вслух.

Она вернулась по воде к анемоптерам. Люк летательного аппарата Валадеза был открыт.

— Я говорю вам, я ее не знаю! — заявил Фрай.

— Да пошел ты… — рявкнул Валадез, когда Бьянка вошла в кабину. — Посмотри ее документы.

Речь шла о молодой женщине с короткими черными волосами и землистой кожей, в одежде из бумажной ткани под домотканым пледом ярких цветов; сначала Бьянка не поняла, жива ли она, поскольку мужчина, лежавший рядом на полу, также в домотканой одежде, явно был мертв: его глаза оставались полузакрытыми, оливковая кожа посерела.

На низеньком столике лежало содержимое их карманов. Пока Бьянка изучала вещи, Фрай наклонился и взял удостоверение личности, какие выдавал Консилиум.

— Эдит Дин, — прочитал он, бросил удостоверение Валадезу и посмотрел на него: — И что с того?

— Эдит Дин, Экологическая служба Консилиума, — прорычал Валадез. — Выпущено Шаввалом 43. А ты был здесь с Экологической службой от Разджаба 42 до Мухаррама 46. Взгляни еще раз!

Фрай отвернулся.

— Ну, хорошо! — сказал он. — Может быть… может быть, встречал ее один или два раза.

— Ладно, мы понемногу начинаем продвигаться вперед, — заявил Валадез. — Кто, черт подери, она такая? И что она здесь делает?

— Она… — Фрай посмотрел на женщину и быстро отвернулся. — Не знаю. Думаю, она специалист по местному населению или что-то в этом роде. Здесь работала группа ученых,

наблюдавшая коренных жителей…

— На Небе нет коренных жителей, — сказал Валадез и ткнул мертвеца носком сапога. — Ты имеешь в виду этих *cabrynes*[13]*?*

Фрай кивнул.

— У них есть программа «длительного развития» — сельское хозяйство, лесоводство. Их учат, как жить на Финистерре и не убивать ее.

На лице Валадеза появилось скептическое выражение.

— Если Консилиум хочет помешать им убить Финистерру, почему он просто не пришлет стражу?

— Межведомственная политика. За заратанов отвечал ЭкоСерв; за коренных… я хотел сказать, за жителей — ЗемноСерв. — Фрай пожал плечами. — Вы знаете стражу. Они берут взятки у всех, кто способен дать, а остальных могут легко пристрелить.

— Проклятье, я действительно знаю стражу. — Валадез нахмурился. — Значит, ЗемноСерв прислал хороших парней научить местных делать воздушные шары?

Фрай покачал головой.

— Мне ничего об этом неизвестно.

— Мисс Назарио, расскажите мне о воздушном шаре.

— Это водородный воздушный шар, так мне кажется. Вероятно, его надули, используя воздушные клапаны заратана. — Женщина пожала плечами. — Шар выглядит так, словно его сделали местные жители, если вас именно это интересует.

Валадез кивнул.

— Но, — добавила Бьянка, — я не знаю, почему шар упал.

Валадез фыркнул.

— Мне не нужен ответ на этот вопрос, — заявил он. — Шар упал из-за того, что мы его сбили. — Он громко позвал: — Исмаил!

Бьянка попыталась скрыть удивление, и через мгновение ей удалось восстановить хладнокровие. «Ты знала, что они преступники, когда брала их деньги», — сказала она себе.

В дверном проеме появились глаза фириджа. — Да?

— Пусть твоя команда все соберет, — приказал Валадез. — Здесь не должно остаться ничего. И выбросьте все в глубокий воздух.

Машина, на которой передвигался инопланетянин, взобралась в кабину. Ее «ноги» слегка подогнулись, словно делали поклон.

— Да. — Исмаил указал на тела мертвого мужчины и потерявшей сознание женщины. — Несколько глаз фириджа встретились со взглядом Валадеза. — А с этими двумя что? —

спросил он.

— И их тоже, — ответил Валадез. — Забрось в корзину.

Фириджа изобразил еще один поклон и двинулся вперед.

Бьянка взглянула на труп мужчины и тело женщины, которое показалось ей маленьким и уязвимым. Потом она перевела взгляд на Фрая — тот, поджав губы, молча смотрел в пол.

Бьянка повернулась к Валадезу, который методично собирал в кучу предметы, выпавшие из корзины, словно Фрая и Бьянки здесь не было.

— Нет, — сказала она.

Исмаил остановился и выпрямился.

— Что? — спросил Валадез.

— *Нет,* — повторила Бьянка.

— Вы хотите, чтобы она навела на нас стражей? — резко спросил Валадез.

— Это убийство, мистер Валадез, — отрезала Бьянка. — И я отказываюсь в нем участвовать.

Глаза браконьера сузились, и он указал на мертвеца.

— Вы уже соучастник, — заявил он.

— Но только после того, как убийство было совершено, — спокойно ответила Бьянка, продолжая смотреть в глаза Валадеза.

Браконьер уставился в потолок.

— Так и так твою мать, — пробормотал он, переводя взгляд на два тела. Затем быстро посмотрел на Исмаила и повернулся к Бьянке. — Ладно, — сказал он, тяжело вздохнув, и обратился к фириджа: — Запри ее. Ясно?

— Хорошо, — сказал Исмаил. — А куда мертвый?

Валадез вновь посмотрел на Бьянку.

— Мертвый отправится в корзину.

Бьянка еще раз взглянула на труп мужчины. Что заставило их подняться в воздух на хрупком летательном аппарате — отчаяние или безумие? И что бы он подумал, если бы знал, чем закончится его путешествие, а его останки будут отправлены в глубокий воздух. Наверное, он знал, как сильно рискует.

Она немного подумала, потом молча кивнула.

— Хорошо, — сказал Валадез. — А теперь, будь я проклят, возвращайтесь к работе.

6. Город мертвых

Они вернулись обратно на том же анемоптере. Фрай сидел, сгорбившись, смотрел в пустоту и молчал. Бьянка не знала, что

его тревожит — страх или укоры совести.

Вскоре она перестала за ним наблюдать и принялась размышлять о воздушном шаре с Финистерры, таком простом и хрупком, рядом с которым летательный аппарат ее отца, сделанный из дерева и шелка, выглядел столь же изощренным, как «Люпита Херез». Она вытащила карманную систему. Нарисовала простой шар с корзиной, а потом быстро все стерла.

Хотел летать очень сильно, сказал фириджа Исмаил. Почему?

Бьянка вернула стертый рисунок. Затем превратила сферу в торпеду с округлым носом и сходящимся в точку хвостом. Добавила плавники, пририсовала систему рычагов и стяжек, позволяющих управлять им из корзины. Пропеллер, приводимый в движение… тут ей пришлось немного подумать… двигателем, вырезанным из костей заратана, работающим на спирту…

Анемоптер пошел на посадку. Бьянка вздохнула и вновь стерла рисунок.

Охранник фириджа, стоявший у входа в бунгало Эдит Дин, не понимал или делал вид, что не понимает ни арабского, ни испанского. Более того, создавалось впечатление, что он не владеет ни одним из земных языков. Интересно, случайно ли выбрали именно такого охранника, подумала Бьянка, или Валадез решил позволить Эдит вступить с кем-нибудь в контакт.

Бьянка вздохнула, расправила плечи и направилась к бунгало. Она молча помахала саквояжем, который держала в руках, словно он давал ей очевидное право здесь находиться.

Инопланетянин сказал что-то на своем певучем языке — то ли задал Бьянке вопрос, то ли хотел получить инструкции у невидимого слушателя. Возможно, охранник действительно получил разрешение ее впустить, а может, тот факт, что он видел Бьянку вместе с Валадезом, давал ей какие-то права. Так или иначе, но фириджа поднял оружие, а когда наружная дверь бунгало отошла в сторону, жестом предложил Бьянке войти. Внутренняя дверь уже была открыта.

– ї Hola[14]? — осторожно сказала Бьянка, чувствуя себя идиоткой.

Однако она тут же получила ответ:

— *Aqui*[15].

Внутри бунгало было таким же, как у Бьянки. Голос доносился из гостиной. Там оказалась Дин, остававшаяся в той же одежде, в которой ее нашли. Она сидела на стуле, подтянув колени к груди, и смотрела через восточное окно на небо, потемневшее от дождевых туч. Далеко внизу Бьянка увидела

вспышки молний.

— Салам алейкум, — сказала Бьянка, которая решила воспользоваться преимуществами формального арабского.

— Алейкум ассалам, — ответила Дин, бросила быстрый взгляд на Бьянку и тут же отвернулась. — Вы не с Финистерры, — добавила она, и ее испанский был чем-то средним между странным акцентом Валадеза и механической беглостью лингвистического модуля Фрая.

— Верно, — сказала Бьянка, также переходя на испанский. — Я из Рио-Пикаро — с Земли. Меня зовут Назарио, Бьянка Назарио де Аренас.

— Эдит Дин.

Дин встала. Бьянка почувствовала неловкость, она не знала, как поступить: пожать незнакомке руку, поклониться или присесть. Она решила просто протянуть свой саквояж.

— Я принесла вам кое-какие вещи, — сказала она. — Одежду, туалетные принадлежности.

Дин удивилась.

— Благодарю, — сказала она, принимая саквояж и заглядывая внутрь.

— Вас накормили? Я могу принести еды.

— Кухня еще работает, — сказала Дин и вытащила белый пакет. — А это что такое?

— Гигиенические салфетки, — пояснила Бьянка.

— Гигиенические?… — Дин покраснела. — Ах, вот оно что. С этим все в порядке. У меня стоят имплантанты. — Она бросила пакет в саквояж и закрыла его.

Бьянка отвернулась, чувствуя, как сама начинает краснеть. Проклятые иностранцы, подумала она.

— Наверное, мне лучше… — начала она.

— Пожалуйста… — перебила ее Дин.

Две женщина некоторое время стояли молча. «Что привело меня сюда, — вдруг подумала Бьянка, — любопытство, христианское милосердие или это просто проявление одиночества и слабости?» Конечно, она должна была помешать Валадезу убить девушку, но, похоже, совершила ошибку.

— Присядьте, — сказала Дин. — Разрешите предложить вам что-нибудь. Чай? Кофе?

— Я… хорошо, — согласилась Бьянка, присаживаясь на край одного из слишком мягких диванчиков. — Кофе.

Кофе оказался очень черным и более сладким, чем любила Бьянка, кроме того, в него добавили сгущенного молока. Тем не менее она с радостью взяла чашку и сделала несколько глотков —

наконец-то она смогла занять руки.

— Вы не похожи на браконьера, — заметила Дин.

— Я аэронавигационный инженер, — сказала Бьянка. — Я на них работаю. — Она посмотрела в свою чашку, сделала глоток и подняла взгляд: — А чем занимаетесь вы? Фрай сказал, что вы биолог. Что вы делали на воздушном шаре?

Дин поджала губы — Бьянка не знала, послужило ли имя Фрая тому причиной. Дин отвернулась и глянула в западное окно.

Бьянка последовала ее примеру и увидела охранника, который развалился на своей машине для ходьбы, наблюдая за женщиной одним глазом. И вновь у Бьянки появились сомнения в том, что здесь всем управляет Валадез. Да и незнание фириджа земных языков могло быть притворным — не говоря уже о том, что их разговор наверняка подслушивают.

Бьянка тряхнула головой и вопросительно посмотрела на Дин.

— Финистерра падает, — наконец заговорила Дин. — Возможно, умирает. Она слишком большая, ее подъемная сила убывает. Только за прошлый год она опустилась более чем на пятьдесят метров.

— Но это не имеет смысла, — возразила Бьянка. — Отношение подъемной силы к весу аэростата зависит от отношения объема к площади поверхности. Более крупный заратан должен иметь большую подъемную силу. И даже если его подъемная сила уменьшается, он упадет только после того, как достигнет нового равновесия.

— Но Финистерра не машина, — заметила Дин. — Она живое существо.

Бьянка пожала плечами.

— Может быть, дело в возрасте, — предположила она. — Все когда-нибудь умирают.

— Но не так, — заявила Дин. Она поставила свою чашку. — Послушайте. Мы не знаем, кто создал Небо или как давно это произошло, но его происхождение, несомненно, носит искусственный характер. Газовый гигант с азотно-кислородной атмосферой? Такого не бывает. И земная биология… Вам известно, что заратаны имеют структуру ДНК? Вероятность существования такого мира минимальна; если бы Служба феноменологии имела власть, она бы наложила карантин на систему в целом, на проклятое Небо и все на нем.

Экология архипелага носит такой же искусственный характер, как и все остальное. Тот, кто его сконструировал, вероятно, блестяще знал свое дело; люди едва ли справились бы с

такой задачей. Система находится в состоянии надежного равновесия, существуют механизмы обратной связи, она способна себя корректировать. Но мы, обычные люди или столь же обычные инопланетяне, мы умудрились всё… — тут она как-то беспомощно взмахнула рукой, — …испоганить. Вам известно, почему Энкантадо остается здесь так долго? Идет процесс размножения… или правильнее сказать «опыления»…

Она оглядела Бьянку.

— Смерть такого старого заратана, как Финистерра, должна быть сбалансирована рождением десятков, сотен других заратанов. Но вы и эти ублюдки, на которых вы работаете, убиваете их всех.

Бьянка пропустила мимо ушей обвинение в соучастии.

— Хорошо. И каков же ваш план? — спокойно спросила она.

— Что?

— Ваш план, — повторила Бьянка. — Для Финистерры. Как вы намерены ее спасти?

Некоторое время Дин смотрела на собеседницу, потом покачала головой.

— Я не могу, — сказала она.

Дин встала и подошла к восточному окну. За полосой дождя, заливавшего окно, небо приобрело розовато-лиловый цвет, местами переходящий в индиго. Его оживляли лишь редкие вспышки молний, озарявшие плавники далеких заратанов на внешних границах архипелага. Дин положила ладонь на оконное стекло.

— Я не могу спасти Финистерру, — тихо произнесла она. — Я лишь хочу помешать вам, *hijos de puta*[16], убивать заратанов.

Бьянка была оскорблена.

— Ты сама шлюха, — выговорила она. — Ты их точно так же убиваешь. И делаешь из них воздушные шары — так чем же ты лучше?

Дин повернулась к ней.

— Заратан размером с того, которого они убивают сейчас, мог бы обеспечить обитателей Финистерры воздушными шарами на сто лет, — заявила она. — Есть только один способ спасти архипелаг: нужно сделать так, чтобы живые заратаны стали более ценными, чем мертвые. А единственная польза от живого заратана на Небе — это жизненное пространство.

— И вы пытаетесь дать возможность жителям Финистерры колонизировать других заратанов? — спросила Бьянка. — Но зачем им это? Какую они извлекут пользу?

— Я уже говорила, — вздохнула Дин. — Финистерра умирает… Знаешь, как убивает падение на Небо, Бьянка? Сначала

давление. На склонах Финистерры, где живут люди, оно составляет немногим больше тысячи миллибар. Пятью километрами ниже, под килем Финистерры, давление удваивается. При двух тысячах миллибар ты все еще можешь дышать. При трех тысячах начинается азотный наркоз — «кессонная болезнь», так ее раньше называли. При четырех тысячах давление кислорода вызывает легочное кровотечение.

Она отошла от окна и обратилась к Бьянке.

— Но ты все равно до этого не доживешь. Из-за жары. Каждую тысячу метров средняя температура поднимается на шесть или семь градусов. Здесь она составляет пятнадцать градусов. Под килем Финистерры — ближе к пятидесяти. А двадцатью километрами ниже воздух такой горячий, что в нем можно кипятить воду.

Бьянка не отвела взгляда.

— Я могу представить себе и худшие способы умереть, — сказала она.

— На Финистерре живет семнадцать тысяч человек, — продолжала Дин. — Мужчины, женщины, дети и старики. Там есть город — они называют его Потерянный город, *la ciudad perdida*. Некоторые семьи на Финистерре насчитывают шесть поколений. — Она с горечью рассмеялась. — Им бы следовало называть его *la ciudad muerta*[17]. Они ходячие мертвецы, все семнадцать тысяч. И это несмотря на то, что никто из живущих ныне на Финистерре не увидит ее гибели. Посевы уже не всегда дают урожаи. Летом все чаще умирают старики и старухи, поскольку воздух становится более сухим и жарким. Дети детей, рожденных сегодня, будут вынуждены подняться в горы, поскольку на более низких склонах станет слишком жарко, чтобы выращивать новые урожаи; однако почва там недостаточно плодородна, и урожаи не будут обильными. А дети их детей… не успеют вырасти, чтобы иметь собственных детей.

— Но до тех пор кто-то их обязательно спасет, — возразила Бьянка.

— Кто? — спросила Дин. — Консилиум? И куда они их денут? Вакуумные сферические станции и гондолы переполнены. Ну а что касается остального Неба, обитатели Финистерры считаются «мятежниками» и «криминальными элементами». Кто согласится их принять?

— Значит, Валадез делает им одолжение, — заключила Бьянка.

Дин уставилась на Бьянку.

— Эммануэль Валадез руководит вашей операцией?

— Это *не моя* операция, — отчеканила Бьянка, стараясь

сохранять хладнокровие. — И я не спрашивала его имени.

Дин вновь уселась на стул, стоявший у окна.

— Конечно, как может быть иначе, — пробормотала она. — Кого еще они могли… — Она замолчала и посмотрела в западное окно, в сторону бойни. А потом вдруг резко повернулась к Бьянке. — Что ты имела в виду, когда сказала «делает им одолжение»? — спросила она.

— Финистерра, — ответила Бьянка. — Он хочет украсть Финистерру.

Дин не сводила глаз с собеседницы.

— Боже мой, Бьянка! А как же люди?

— А что — люди? — спросила в ответ Бьянка. — Им будет лучше в другом месте, ты же сама сказала.

— А что заставляет тебя думать, будто Валадез намерен их эвакуировать?

— Он вор, а не убийца.

Дин бросила на Бьянку испепеляющий взгляд.

— Он убийца, Бьянка. Его отец был стражем, а мать женой алькальда Сиадад Пердида. Он убил своего приемного отца, двух дядей и трех братьев. Валадеза собирались казнить — сбросить с края, но его подобрал катер стражей. Валадез провел с ними два года, а потом убил сержанта и трех стражей, украл их шлюпку и продал ее, чтобы купить билет на космический корабль. Вероятно, он считается самым опасным преступником на Небе. — Неожиданно она покачала головой и слабо улыбнулась Бьянке: — Неужели ты ничего не знала, когда согласилась на него работать?

Голос Дин был полон жалости, которая отразилась и на лице. Бьянка не выдержала и отошла к восточному окну. Дождь начал слабеть, молнии вспыхивали все реже.

Она подумала о своих моделях, о планах поднятия Финистерры к краю атмосферы, где ее поджидал небесный крюк: газовые оболочки надувались, заратан поднимался вверх, сначала медленно, а потом постепенно ускоряясь, к верхним пределам атмосферы Неба. Но теперь перед глазами мечтательницы стояло не призрачное творение ее разума, а живой образ — замерзшие от холода деревья, покрытая льдом вода и кровь, кровь…

Она представила свой родной дом в Пунта-Агила, теперь дом ее невестки, и увидела, как покрываются коркой льда стекла на окнах, чернеют и умирают деревья во дворе. Она видела Меркадо де лос Макуладос под темнеющим небом, тенты, уносимые ледяным сухим ветром.

Он убил летевшего на шаре мужчину, подумала она. Он был готов убить Дин. Он способен на все.

Бьянка тряхнула головой.

Убийство одного или двух человек, чтобы скрыть преступление, является преднамеренным. Но убить семнадцать тысяч человек, сознательно лишив их воздуха для дыхания — мужчин, женщин и детей, — это уже геноцид.

Она взяла чашку со стола и залпом осушила.

— Благодарю за кофе, — сказала она и повернулась, чтобы уйти.

— Как ты можешь ему помогать? — резко спросила Дин.

Дин стояла, сжав руки в кулаки, ее трясло. Лицо Бьянки превратилось в холодную маску. Она уселась на стул.

— Я спасла тебе жизнь, — сказала ей Бьянка. — И это было много больше того, что входило в мои планы. Но даже если бы я поверила, что Валадез намерен убить всех обитателей Финистерры — а я не верю, — это не моя проблема.

Дин отвернулась.

— Выслушай меня, — продолжала Бьянка, — поскольку я не собираюсь ничего повторять дважды.

Она дождалась взгляда Дин.

— Эта работа — мой единственный шанс, — сказала Бьянка. — И я намерена довести ее до конца. Я прилетела сюда вовсе не для того, чтобы спасать мир. Это занятие для таких избалованных детей иностранцев, как ты и Фрай. Я не могу позволить себе подобной роскоши.

Она подошла к двери и постучала, чтобы фириджа выпустил ее наружу.

— Если получится, я постараюсь вытащить тебя отсюда, — добавила она через плечо. — Но большего не могу обещать. Мне очень жаль.

Дин не пошевелилась.

Когда фириджа открыл дверь, Бьянка услышала, как Дин зашевелилась.

— Эрасмус Фрай? — спросила она. — Естествоиспытатель?

— Совершенно верно. — Бьянка обернулась, но Дин уже смотрела в окно.

— Я бы хотела его повидать, — сказала Дин.

— Я ему передам, — пообещала Бьянка.

Охранник закрыл за ней дверь.

7. Лицо в зеркале

Молнии продолжали сверкать над центральным хребтом Энкантадо, но здесь, в восточной части, буря миновала. Воздух

полнился свежестью, которая несла облегчение после запахов бойни. Бьянка возвращалась в свое бунгало под дождем, который превратился в легкую морось.

Она позвонила Фраю.

— Что такое? — спросил Фрай.

— Мисс Дин хочет вас видеть, — сказала Бьянка.

Он ответил после долгой паузы.

— Вы сообщили ей, что я здесь?

— Извините, — неискренне сказала Бьянка. — У меня вырвалось случайно.

Фрай молчал.

— Вы знакомы с ней гораздо лучше, чем говорили, не так ли? — спросила Бьянка.

Она услышала, как Фрай вздохнул. — Да.

— Она выглядит подавленной, — сообщила Бьянка. — Вам следует ее навестить.

Фрай снова вздохнул, но промолчал.

— У меня много работы, — добавила Бьянка. — Я позвоню вам позже.

Она прервала связь.

Завтра ей предстояло проводить презентацию для Валадеза и других браконьерских боссов; речь пойдет о том, что они сделают с Финистеррой. Бьянка почти закончила — план получился достаточно простым и понятным, а модели возникнут из готовых чертежей. Она открыла один из файлов и немного поработала с ним, но внезапно поняла: ей трудно сосредоточиться.

Неожиданно Бьянке показалось, что от ее одежды пахнет смертью спутника Дин и убитого заратана, а также смертью, от которой ей удалось избавить Дин. Бьянка сорвала с себя одежду и бросила в грязное белье, потом приняла ванну, вымыла волосы и надела ночную рубашку.

Им следовало назвать его la ciudad muerta.

Несмотря на то, что никто из живущих ныне на Финистерре не увидит ее гибели.

Она выключила свет, но слова Дин эхом отзывались у нее в голове, когда Бьянка попыталась заснуть. Сон не шел, она не могла перестать думать. Размышлять о том, каково жить тем, кого впереди ждет только смерть.

Это чувство было ей хорошо знакомо.

Бьянка имела два преимущества перед женой Пабло Мелией, дочерью мастера музыкальных инструментов. Она прожила на десять лет больше и тайно получила техническое образование. Но у Мелии были свои достоинства: она обладала удивительным чувством собственной территории и опытом жизни с множеством

сестер. Бьянка осталась в материнском доме после того, как к ним переехала Мелия, хотя теперь это был дом Мелии, и продолжала, не имея диплома, помогать брату с заказами, которые ему удавалось заполучить. Однако ей пришлось отступать, шаг за шагом, пока не была проведена линия у двери комнаты четвертого этажа, которая принадлежала Бьянке с детства; и она похоронила себя среди чертежей и вычислений, пытаясь сделать вид, что не понимает происходящего.

А потом настал день, когда она встретилась с другой невесткой. Ее арабской невесткой. В Меркадо де лос Макуладос, где инопланетяне и иностранцы продавали свои безделушки и лекарства. Недавнее распоряжение муниципального совета открыло его для христиан.

Захра эль-Халим, успешный архитектор, привела Бьянку в свой дом, где ее угостили карамелью и ежевичным чаем и где она впервые за последние двадцать лет увиделась со своим старшим братом, изо всех сил стараясь называть его Валидом, а не Иисусом. Этот мир мог бы принадлежать ей, почувствовала Бьянка, если бы она захотела. Но в отличие от Иисуса/Валида она упорно не желала отказываться от прежних убеждений. И гильдия инженеров ее все равно бы не приняла.

В тот вечер она вернулась в дом Назарио, не обращая внимания на ядовитые вопросы Мелии о проведенном времени. Бьянка ушла в свою комнату, где лежали бесчисленные чертежи и модели и стояла мебель, которой она пользовалась всю жизнь. Некоторое время она пыталась работать, но ей не удавалось сохранять концентрацию, необходимую для управления системой.

Вместо этого она изучала себя в зеркале.

Бьянка видела не хрупкие модели летающих машин, которыми, как уснувшими в хлороформе бабочками, была завешана стена за ее спиной, а свое собственное усталое лицо, клочья сухих ломких волос и морщины, рассекавшие лоб и окружавшие глаза. И, заглянув в эти усталые глаза, Бьянка вдруг поняла, что смотрит вовсе не в зеркало, а в свое будущее, длинный прямой коридор, лишенный дверей и ответвлений, а глаза, которые она видит, это глаза Смерти — ее собственной, *su propria Muerte,* личной, персонифицированной.

Бьянка встала с постели и, включив свет, вытащила из кармана систему. Может быть, ей следует связаться со стражами?

Но вместо этого она в очередной раз восстановила рисунок, на котором был изображен простой дирижабль с двигателем, работающим на спирту. Она воспользовалась программами семьи Назарио, чтобы получить диаграммы и чертежи, список

необходимых материалов, набор инструкций по сборке и порядок предполетного контроля оборудования.

Не идеальный вариант, но заметно лучше, чем воздушный шар Дин.

А теперь она должна найти способ при помощи Дин передать обитателям Финистерры свою разработку.

И для этого — Бьянка подумала, что здесь есть некая справедливость — она обратилась к системе, которой снабдил ее Валадез. Автоматика иностранцев как раз и была создана для такой работы: никаких ограничений, кроме тех, что накладывают искомые функции, все фокусы экзотических технологий, оказавшиеся в ее распоряжении. Бьянке потребовалось всего несколько минут, чтобы сделать набросок конструкции; час ушел на то, чтобы ее улучшить, отказавшись от всего лишнего, чтобы она поместилась в саквояж, который нужно передать Дин.

Осталась лишь одна трудность — перевести данные из системы, предоставленной Валадезом, в генератор бунгало, который производил одежду, мебель и домашнюю утварь. В конце концов ей пришлось воспользоваться своей карманной системой, чтобы выйти в локальную сеть Неба (оставалось надеяться, что Валадез не станет отслеживать ее деятельность), и потратить собственные средства на приобретение соответствующей программы.

Через некоторое время она справилась и с этой проблемой. Генератор выплюнул наружу аккуратный пакет, который Бьянка тут же засунула под кровать. Завтра она заберет саквояж и постарается передать пакет Дин вместе с чертежами дирижабля.

Но прежде ей предстояло сделать презентацию для Валадеза. Интересно, каковы его мотивы? Бьянка не сомневалась, что дело не только в деньгах, даже если образ чудовища, нарисованный Дин, соответствует действительности. Быть может, он хотел отомстить? Отомстить за семью, за свою родину?

Бьянке показалось, что она близка к истине.

Вздохнув, она выключила свет.

8. Профессионалы

К утру буря утихла, и небо вновь засияло голубизной, но внутри бунгало Валадеза оставалось темно, чтобы было удобнее проводить презентацию. Для него и его команды полукругом расставили стулья; те инопланетяне, чья анатомия позволяла сидеть, также расположились на стульях. Исмаил и другие

фириджа стояли сзади. Тонкие изогнутые руки и длинные веретенообразные «ноги» машин делали их силуэты похожими на цветы в горшках.

Вдруг их ветви угрожающе зашевелились. Бьянка содрогнулась. Кто здесь на самом-то деле всем заправляет?

Однако у нее не было времени размышлять об этом. Она выпрямилась и достала свою карманную систему.

— Сейчас, — заговорила она так, чтобы ее слышали даже в дальнем конце комнаты, — мистер Фрай расскажет о метаболизме заратанов и о наших планах стимулировать внутреннее производство водорода. Я намерена сообщить вам, какую инженерную работу требуется проделать, чтобы получить этот дополнительный водород.

Карманная система Бьянки показала изображение стокилометрового заратана — не Финистерру или какую-то другую конкретную особь, а нечто вроде абстракции. Точки розового света освещали спину заратана, каждая показывала положения сфинктеров, которые предстояло вырезать и заменить на механические клапаны.

— Наша главная проблема в подготовительной фазе будет состоять именно в этих внешних клапанах. Однако нам не следует забывать и о внутреннем крене и клапанах балласта…

Она продолжала свой рассказ, показывая имплантанты и лоскуты живой ткани и описывая хирургические работы, которые должны превратить живого заратана в оживший труп. Она поражалась своему спокойному, уверенному тону профессионала.

Она вела себя почти как настоящий инженер.

Презентация подошла к концу. Бьянка глубоко вздохнула, пытаясь сохранить видимость профессионализма. Эта часть отсутствовала в ее исходном плане.

— Наконец, вопрос об эвакуации, — сказал она.

В дальнем конце комнаты зашевелился Исмаил.

— Эвакуация? — спросил он, и это было первое слово, которое прозвучало с начала презентации.

Бьянка откашлялась. Вдоль воображаемого юго-восточного края заратана появились красные звезды, примерно в тех местах, где находились Сиадад Пердида и более мелкие поселения на Финистерре.

— Население Финистерры составляет от пятнадцати до двадцати тысяч, по большей части оно сосредоточено в этих поселениях, — начала она. — Если использовать корабль размером с «Люпиту Херез», это займет приблизительно…

— Это не ваша проблема, мисс Назарио, — взмахнул рукой

Валадез. — Да и в любом случае, никакой эвакуации не будет.

Бьянка испытала шок. Очевидно, это отразилось на ее лице, поскольку Валадез рассмеялся.

— Не смотрите на меня так, мисс Назарио. Мы установим силовые купола над Сиадад Пердида и центральными *pueblos*[18], чтобы защитить жителей до тех пор, пока не доставим их туда, куда требуется. Если они не станут высовываться, то все обойдется. — Он снова хохотнул. — Проклятье, а вы что подумали? Неужели вы решили, что я намерен прикончить двадцать тысяч человек?

Бьянка ничего не ответила, выключила проекцию, села и убрала свою карманную систему. Сердце у нее отчаянно колотилось.

— Хорошо. Превосходная презентация, мисс Назарио, — сказал Валадез. — Мистер Фрай?

Фрай встал.

— Ладно, — начал он. — Разрешите мне… — Он похлопал себя по карманам. — Похоже, я забыл свою систему в бунгало.

Валадез вздохнул.

— Мы подождем, — сказал он.

В затемненной комнате установилась тишина. Бьянка старалась дышать медленно и глубоко. «Матерь божья, — подумала она, — благодарю тебя за то, что ты не позволила мне наделать глупостей».

В следующий момент у нее возникли сомнения. Дин говорила так уверенно… Где же правда?

Сейчас у нее нет возможности узнать, решила она. Нужно просто ждать.

Фрай вернулся, заметно запыхавшись.

— Ну, это не было…

Прервавший его звук прозвучал так громко, что не сразу удалось понять: это голос — на них обрушилась стена грохота, исходящего прямо из воздуха. Слова на арабском эхом разносились по лагерю, бесконечно отражаясь и повторяясь.

— ЭТО НЕЗАКОННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ. ВСЕМ ОБИТАТЕЛЯМ СЛЕДУЕТ СОБРАТЬСЯ НА ОТКРЫТОМ МЕСТЕ И СДАТЬСЯ, СОХРАНЯЯ ПОРЯДОК. НАЛИЧИЕ ОРУЖИЯ БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ ПОПЫТКОЙ СОПРОТИВЛЕНИЯ АРЕСТУ, И НАША РЕАКЦИЯ БУДЕТ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ. ЛЮБОЕ ЛЕТАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО, КОТОРОЕ ПОПЫТАЕТСЯ ПОКИНУТЬ ПОСЕЛЕНИЕ, БУДЕТ УНИЧТОЖЕНО. У ВАС ЕСТЬ ПЯТЬ МИНУТ.

Затем заявление повторили: сначала на певучем языке фириджа, потом на испанском, далее появились инопланетные символы и логограммы. Затем вновь зазвучал арабский.

— Так и так твою мать, — мрачно изрек Валадез.

Вокруг Бьянки браконьеры собирали оружие. В задней части комнаты фириджа о чем-то спорили, во всяком случае, их руки метались в воздухе, а голоса звучали пронзительно и тревожно.

— Что мы будем делать? — закричал Фрай, стараясь перекрыть оглушительный голос стража.

— Уносить ноги, — посоветовал Валадез.

— Делать сражение! — заявил Исмаил, повернув к ним несколько глаз и оторвавшись от споров с другими фириджа.

— А разве это не будет сопротивлением аресту? — спросила Бьянка.

Валадез хрипло рассмеялся.

— Вас ничто не спасет, даже если вы будете паинькой, — ответил он. — Стражи — это вам не Служба феноменологии. И не цивилизованная полиция Халифата. Убиты при попытке сопротивления аресту, вот и конец истории. Поверьте мне — я был стражем.

Вытащив из-под куртки миниатюрный пистолет, он ногой распахнул дверь и выскочил из бунгало.

Вокруг «Люпиты Херез» собралась толпа — люди и инопланетяне, — некоторые заканчивали погрузку, другие просто пытались подняться на борт.

Что-то большое, темное и быстрое пролетело над лагерем, в стороне грузовых отсеков что-то вспыхнуло, послышались крики.

Вслед за появлением темного предмета возникло ощущение тяжести, словно бок Энкантадо был палубой корабля, по которому неожиданно ударила случайная волна, прямо под ногами у Бьянки. Ее колени подогнулись, и она упала на траву, чувствуя, как в два или даже в три раза увеличивается ее собственный вес.

— Что это было? — спросила Бьянка, морщась от боли и пытаясь стряхнуть траву с юбки.

— Антигравитационный корабль, — ответил Исмаил. — Тот же принцип, что в двигателях космических.

— Антигравитация? — Бьянка смотрела вслед кораблю, но он уже исчез за спинным плавником Энкантадо. — Если у вас есть антигравитация, то почему мы сидим здесь и играем с катапультами и воздушными шарами?

— Делать очень дорого, — пояснил Исмаил. — Без массы двух солнц, так, как космический корабль. — Фириджа помахал двумя свободными руками, — Кто станет делать? Много способов дешево летать.

Бьянка сообразила, что, несмотря на слова Валадеза о

бедности Неба, она думала обо всех иностранцах и инопланетянах (а также об их кораблях и машинах, об их владении наукой) как о богатых, могущественных и свободных существах. А теперь, чувствуя себя дурой из-за того, что не сообразила раньше, Бьянка поняла: между диктатом Консилиума и властью людей вроде Валадеза пропасть столь же непреодолимая, как между богатыми арабами и самыми бедными обитателями окраин Пунта-Агила.

Она посмотрела в сторону летного поля. Воздушные буксиры взлетали, анемоптеры уносились прочь. Однако у нее на глазах один из буксиров превратился в сферу зеленого огня. Анемоптер успел долететь только до бойни, когда в него ударило статическое поле, вспыхнули пурпурные молнии, летательный аппарат рухнул на землю и взорвался.

Между тем продолжала звучать запись голоса стража, повторявшего список требований и инструкций.

— А теперь, Исмаил, — сказала инопланетянину Бьянка, — нам лучше бежать.

Фириджа поднял оружие.

— Сначала убить пленного.

— Что?

Но Исмаил уже перемещался, механические «ноги» его машины уверенно шагали по изрытой почве. Теперь его походка не казалась комичной — она стала решительной и пугающей.

Бьянка поспешила вслед за фириджа, но быстро отстала. Поверхность земли на территории бойни была изрыта колеями и изуродована оборудованием, которое использовали, чтобы скидывать выпотрошенные туши заратанов с обрыва. Наверное, раньше здесь росла трава, но теперь осталась лишь грязь да запекшаяся кровь. Только уверенность в том, что возвращение назад не сулит ничего хорошего, заставляла Бьянку двигаться дальше: она скользила и спотыкалась в вонючей грязи, которая местами доходила до колен.

Когда она добралась до бунгало Дин, Исмаил уже скрылся внутри. Дверь осталась распахнутой.

Может быть, Дин освободили стражи, подумала Бьянка, однако не могла заставить себя в это поверить.

Она вошла в бунгало, двигаясь медленно и осторожно.

— Эдит?

Никакого ответа. Впрочем, Бьянка не слишком на него рассчитывала.

Она нашла пленницу на полу, лицом вниз, ноги направлены в сторону двери, словно она пыталась бежать или спрятаться. С

расстояния в три метра Бьянка разглядела аккуратную черную дыру размером с кулак в груди Дин. Подходить ближе было не обязательно.

Карманная система Фрая лежала на полу в гостиной, как Бьянка и предполагала.

— Тебе следовало подождать, — сказала Бьянка, обращаясь к пустой комнате. — Тебе следовало мне доверять.

Она нашла свой саквояж в спальне Дин и высыпала содержимое на кровать. Похоже, Дин его даже не открывала.

Глаза Бьянки обожгли слезы. Она посмотрела на систему Фрая. Он оставил ее здесь специально, сообразила Бьянка; она его недооценила. Возможно, он с самого начала вел себя более достойно, чем она.

Женщина еще раз взглянула на тело, лежащее посреди кухни.

— Нет, не следовало, — сказала Бьянка. — Тебе вообще не следовало мне верить.

Потом она вернулась в свое бунгало и вытащила из-под кровати пакет.

9. Финистерра

Сто метров, двести, пятьсот — Бьянка падала, ветер рвал ее одежду, а растительность, покрывавшая бока Энкантадо, превращалась в размытое зеленое пятно, по мере того как изгибы тела заратана удалялись от нее. Бьянка сморгнула слезы, вызванные усиливающимся ветром, и попыталась сосредоточиться на панели монитора. Она позаимствовала его из конструкции стандартного аварийного парашюта; решила, что он должен в какой-то момент сработать автоматически. Однако имели смысл лишь показатели индикатора скорости ветра. Все остальные — высота, положение в пространстве, скорость спуска — несли какую-то чепуху сразу на трех языках, поскольку приборы не могли найти внизу твердой поверхности.

Потом Бьянка вылетела из тени Энкантадо и сощурилась от солнца, в ее сознании не успело сформироваться ни одной связной мысли, но рука конвульсивно рванула аварийную рукоять — и тут же стекловидная ткань воздушного шара начала надуваться у нее над головой. Бьянка ощутила, как натягивается упряжь, включились автоматические механизмы, и очень скоро Бьянку надежно поддерживала система растяжек.

Бьянка перевела дыхание, теперь она не падала вниз, а летела.

Она вытерла текущие из глаз слезы. Косые лучи солнца озаряли склоны Финистерры, позволяя женщине рассмотреть даже самые мелкие детали: миллионы деревьев отбрасывали миллионы крошечных теней, а утренний туман стремительно рассеивался.

Бьянка посмотрела вверх, сквозь почти прозрачный шар, и увидела, что Энкантадо горит. Она не могла отвести глаз от заратана.

Воздух становился все более теплым и влажным. С испугом Бьянка обнаружила, что падает мимо края Финистерры. Когда она конструировала воздушный шар, то рассчитывала, что Дин будет падать как можно дольше, все глубже погружаясь в атмосферу Неба, и только после этого приведет в действие насосы Максвелла, чтобы нагреть воздух в шаре и поднять его обратно на Финистерру. Но теперь опасности преследования не существовало — как со стороны стражей, так и браконьеров. Бьянка включила насосы, и падение шара замедлилось, а вскоре он начал подниматься вверх.

Ветер нес шар внутрь материка, над роскошной зеленью тропиков, дальше Бьянка видела дымы из труб Сиадад Пердида. Она оглянулась, чтобы еще раз увидеть горящий Энкантадо. Узнает ли она когда-нибудь, правду ли сказал Валадез?

Неожиданно на смену джунглям пришли обработанные поля, люди с удивлением смотрели на Бьянку. Не раздумывая, она выключила насосы и открыла клапан на верхушке шара.

Приземление получилось довольно жестким, упряжь шара автоматически раскрылась, повинуясь заложенной в ней программе. Бьянка поднялась на ноги, отряхивая порванную в несколько местах и запачканную юбку. Через поле к ней бежали дети.

Дикари, говорил Фрай. Беженцы. Интересно, изъясняются ли они на странном испанском Валадеза. Она попыталась вспомнить хоть какие-то арабские слова, но ей ничего не приходило в голову, кроме «салам алейкум». Бьянка сделала глубокий вдох.

Самый смелый из детей, мальчишка на тонких ножках, лет восьми или десяти, подошел к ней поближе. У него были черные курчавые волосы и смуглая кожа, а рубашка и шорты — из яркой ткани; скорее всего, их произвели старые автоматы, успевшие поменять шесть или семь владельцев. Он был похож на ее брата Пабло в детстве, еще до того, как семью покинул Иисус.

Стараясь не напугать мальчика, Бьянка посмотрела в его темные глаза.

— *Hyla,* — сказала она.

— *Hyla,* — ответил мальчик. — *ï Cymo te llamas? ï Es este su*

globo?

— Да, это мой шар, — ответила Бьянка. — И ты можешь называть меня «сеньора Назарио».

— Если это твой шар, — спросил не утративший присутствия духа мальчик, — ты разрешишь мне на нем полетать?

Бьянка посмотрела на восточное небо, где виднелись многочисленные точки далеких заратанов. И перед ее мысленным взором возникло видение — возможно, именно об этом мечтала Эдит Дин: в небесах Неба еще больше летательных аппаратов, чем над Рио-Пикаро, над Северным архипелагом парят разноцветные дирижабли и глайдеры, безымянные заратаны — уже не бессмысленные стаи, они превратились в хорошо знакомые и близкие ориентиры.

Бьянка повернулась, чтобы посмотреть на быстро опадающий воздушный шар — интересно, сколько потребуется труда, чтобы вновь его надуть. Она вытащила карманную систему и проверила: конструкция самодельного дирижабля все еще оставалась на месте, как и все семейные программы.

Нет, она хотела совсем другого, когда покидала дом; однако она оставалась Назарио, инженером, специалистом по аэронавтике.

Она убрала систему и повернулась к мальчику.

— У меня есть идея получше, — сказала Бьянка. — Хотел бы ты иметь собственный воздушный шар?

Мальчишка расплылся в улыбке.

Перевели с английского Владимир ГОЛЬДИЧ и Ирина ОГАНЕСОВА

© David Moles. Finisterra. 2007. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Алистер Рейнолдс
Инспектор в тигровой шкуре

Интересы расследования и раньше забрасывали Адама Фернандо далеко от дома, но ни одно предыдущее путешествие не казалось ему столь рискованно дальним и целиком зависящим от милости приборов, передававших его копии от одной браны к другой, постепенно коверкая исходный образ, словно при игре в «испорченный телефон». Специалисты Службы контроля, разумеется, уверяли, что процедура абсолютно надежна и ни одна часть его существа при копировании утеряна не будет. Но ведь он должен был верить на слово — а разве они могли позволить себе сказать что-то другое?… В памяти, как всегда после копирования, зияли туманные дыры. Например, он так и не сумел вспомнить (и в этом заключалась щекотливость ситуации), почему для конечного физического воплощения избрал обличье гигантской кошки.

Воссозданный заново Фернандо очнулся в наполовину открытом металлическом яйце, все еще скользком изнутри от

остатков биохимической массы. Он ощупал лапами узорчатую, немного свалявшуюся шерсть, а затем попробовал выпустить когти. Получилось замечательно, без всяких усилий. Видимо, какой-то участок мозга приспособили для управления этой частью тела, так что действие происходило практически рефлекторно.

Выбравшись из яйца, он огляделся. Восприятие цвета и перспективы оказалось обычным, человеческим, и это обнадеживало. Восстановительная камера представляла собой серое металлическое помещение со стандартной гравитацией, единственным украшением которого служили многочисленные приборы и инструменты. Никто его не встречал, температура воздуха была чуть ниже нормы. Видимо, хозяйка здешних мест разрешила его воплощение исключительно по настоянию Службы контроля, и, похоже, это единственная уступка, на которую она готова была пойти. Что могло означать две вещи: либо доктор Меранда Остроу собиралась препятствовать расследованию (насколько это возможно без явного нарушения закона), либо она была блаженно невинна и не считала нужным лебезить перед инспектором — даже если речь шла об обычной вежливости.

Он еще раз опробовал когти: они по-прежнему работали. Где-то сзади смутно ощущался лениво помахивающий хвост. Он собрался втянуть «лезвия», как вдруг в пастельно-серой стене раздвинулись двери, и в комнату стремительно ворвался парящий в воздухе робот — скопление тусклых вертящихся металлических шаров, похожих на неисправную модель Солнечной системы в каком-то безумном планетарии. От такого внезапного вторжения шерсть у Фернандо встала дыбом. Впрочем, вряд ли хозяйка стала бы возиться с оживлением гостя лишь для того, чтобы тут же умертвить его с помощью робота.

— Инспектор Адам Фернандо, Служба контроля, — представился он. Предъявлять документы не требовалось: вся необходимая информация была встроена в реквизиты импульса гравитона, которым был передан его восстановительный профиль.

— Естественно. Кто же еще? — не слишком любезно отозвался шар покрупнее. — Надеемся, процесс оживления вам понравился.

Фернандо, теребивший лапой отсыревшую шерсть, с трудом сдерживал дрожь.

— Да, кажется, все в порядке. Может, перейдем куда-нибудь, где потеплее?

Несмотря на изменения в строении гортани, голос звучал вполне нормально: разве что чуть выше обычного и с еле уловимыми отзвуками звериного рыка в гласных.

— Разумеется. Доктор Остроу ждет вас.

— Странно, что она не встретила меня.

— Доктор Остроу — очень занятой человек, инспектор. И сейчас — еще больше, чем когда-либо. Вам, как представителю Службы контроля, это должно быть понятно.

Фернандо хотел было сказать что-то насчет простой вежливости, но удержался: если даже доктор Остроу не слушает сейчас их разговор, никто не поручится, что робот не передаст хозяйке его содержание.

— Ну что ж, идемте. Насколько я понимаю, раз меня оживили, значит, доктор Остроу все же смогла выкроить для меня минутку?

— Конечно, — презрительно ответствовала машина. — До ее лаборатории довольно далеко, я отвезу вас. Или вы предпочтете добираться самостоятельно?

Фернандо знал, что делать. Он расставил лапы, позволив стайке летучих шаров распределиться вокруг его туловища для поддержки. Одни шарики подоткнулись под мышки, под черные подушечки лап, а другие мягко подхватили грудь и хребет, удерживая равновесие. Самый большой шар, который не был задействован в поддержке, полетел чуть впереди, создавая что-то вроде аэродинамического воздушного кармана. Через открытую дверь они вылетели в длинный извилистый коридор, с каждой секундой набирая скорость. Вскоре они уже мчались чудовищно быстро, лихо закладывая крутые виражи и проносясь сквозь двери, которые только успевали открываться и закрываться. Помня о хвосте, Фернандо поспешил его поджать — от греха подальше.

— Долго еще? — поинтересовался он.

— Около пяти минут. Осталось еще немного продвинуться в глубь инклюзии.

Фернандо вспомнил полученные инструкции.

— То, что мы сейчас видим… все это дедо рук человека? Часть станции «Пегас», верно? Мы ведь еще не видели никаких сооружений КР-Л?

— И не увидите, — отрезал робот. — Как вам прекрасно известно, исследование механизмов КР-Л находится в ведении Службы эксплуатации. Функции же Службы контроля ограничиваются второстепенными вопросами безопасности, связанными с этими исследованиями.

Фернандо ощетинился:

— И поскольку…

— Повторяю, инспектор: *второстепенными* вопросами. Доктор Остроу прекрасно осведомлена об условиях вашего здесь

пребывания, и в них не входит экскурсия по творениям цивилизации КР-Л.

— А если хорошенько попросить?

— Просите. От этого ничего не изменится.

Пока они молча мчались дальше (Фернандо решил, что так будет лучше), он обдумывал всё, что знал об инклюзиях и их значении для Метаправительства.

Сотни тысяч лет назад человечество разработало способ колонизации соседних бран: протискивая биологические данные сквозь гиперпространственную дыру в смежную реальность, а затем выращивая по этим образцам живые организмы. Сейчас Метаправительство объединяло тридцать тысяч плотно прилегающих друг к другу миров. Однако до сих пор человечеству лишь однажды удалось обнаружить следы иного разума — исчезнувшей цивилизации КР-Л.

Дальнейшая экспансия оказалась бесперспективной. От мира к миру физические условия понемногу менялись, ограничивая возможности колонизации. За пределами пятнадцати тысяч реальностей в обоих направлениях люди могли существовать исключительно в пузырях закупоренного пространства-времени, где местная физика видоизменялась, имитируя условия домашней браны. Содержать эти инклюзии было тем накладнее, чем экзотичнее становились условия. Станция «Пегас», пяти километров в поперечнике, была самой маленькой из существующих инклюзий, и тем не менее для ее поддержания требовались гигантские мощности. Впрочем, Метаправительство с готовностью взяло на себя эти расходы, поскольку рассчитывало извлечь из работы доктора Остроу немалую выгоду.

Исследования культуры КР-Л проходили под кодом «Совершенно секретно»: само существование этой цивилизации официально опровергалось Метаправительством. По всем расчетам, доктор Остроу вот-вот должна была совершить сенсационное открытие.

И все же утечка информации произошла. Кто-то из имевших отношение к программе (возможно, даже сама Остроу) проболтался. Служба контроля послала Фернандо, чтобы найти и перекрыть этот канал. Даже если для этого потребуется прикрыть лавочку доктора Остроу… У него есть такие полномочия. Другое дело, как на это посмотрит она сама.

Мелькание коридоров и дверей резко замедлилось, а через секунду Фернандо уже стоял на четырех лапах, слегка пошатываясь, и пытался восстановить равновесие. Помещение, где он теперь очутился, было гораздо просторнее, да и обстановка казалась приятнее. Роскошный белый ковер на полу, удобная

мебель, интерьер в спокойных тонах, несколько симпатичных и стильных безделушек. Отделанные искусственным камнем стены перемежались венецианскими окнами, выходившими в неправдоподобно красивый сад с петляющими тропками, каменистыми прудиками и всевозможной привозной растительностью, расположившейся под небом умиротворяющего зеленого цвета. Довольно сносная имитация какого-то популярного курортного местечка.

Меранда Остроу в серебристом платье расположилась на длинном черном диване. Перед ней на кофейном столике в форме круга были разложены игральные карты. Положив карту, она жестом пригласила Фернандо подойти ближе.

— Добро пожаловать на станцию «Пегас», инспектор, — сказала она. — Простите, что не смогла встретить вас, но я была очень занята.

Фернандо уселся в кресло и глянул на нее через стол.

— Да, я вижу.

— Это всего лишь пасьянс «Часы», инспектор, чтобы чем-то занять себя, пока я вас дожидаюсь. Не думайте, что это обычное мое времяпрепровождение.

Он решил немного смягчить тон:

— Ваш слуга говорил мне, что вы всецело поглощены работой.

— Такая уж у него роль. Должна вам признаться: в первый раз мы немного подпортили ваше оживление, и у меня просто не было времени снова дожидаться результатов.

— Вы хотите сказать…

— Я как следует не проверила реквизиты, и когда полез весь этот мех… — Она неопределенно взмахнула рукой. — Я решила, что произошла какая-то ошибка и отменила восстановление, прежде чем вы стали самим собой… в юридическом смысле.

Эта новость не порадовала Фернандо. Впрочем, случаи прерванного оживления бывали не раз, и Меранда Остроу действовала вполне законно.

— Надеюсь, вы уничтожили мои останки.

— Вовсе нет! Я нашла им отличное применение. — Она похлопала ладонью по полосатому рыжему ковру, раскинутому на диване. — Вы ведь ничего не имеете против? Симпатичный узорчик.

— Всегда к вашим услугам, — сказал Фернандо, стараясь не показать, что задет за живое. — Когда я отправлюсь восвояси, вам достанется еще одна шкура.

Взглянув куда-то за его плечо, Меранда щелкнула пальцами и обратилась к роботу:

— Можешь идти, Халиф.

Шары суетливо задвигались.

— Как прикажете, доктор Остроу.

Когда послышался легкий свист закрывающейся двери, Фернандо осторожно, чтобы не задеть карты, облокотился о столик и приблизил свою огромную усатую морду к лицу женщины. Остроу была привлекательна, несмотря на всю свою надменность. Он спросил себя, чует ли она звериное зловоние из его пасти.

— Думаю, это не займет много времени, — сказал он. — Я заинтересован в скорейшем расследовании не меньше вашего: в Службе хотят, чтобы вся эта неразбериха закончилась как можно раньше.

— Не сомневаюсь. К сожалению, я не понимаю, что вы расследуете. — Она взяла карту из одной части пасьянса, долго разглядывала ее, поджав губы, после чего положила поверх другой. — А потому не уверена, что могу вам помочь.

— Вам ведь сообщили, что произошло нарушение режима секретности?

— Да, сообщили, но я считаю, что это предположение абсурдно. Разве что преступница я сама. — Она подняла на него свои холодные, вежливые глаза. — Ведь вы так считаете, инспектор? Что я «сливаю» информацию в центральную брану, рискуя судьбой собственного проекта?

— Я знаю лишь то, что кто-то этим занимается.

— А может, кто-то из Службы контроля? Или эксплуатации? Об этом вы не думали?

— Мы проверим все версии. Но с чего-то ведь нужно начинать? Ваша станция годится для этого не хуже других.

— В таком случае вы зря теряете время. Возвращайтесь обратно и стучитесь в другие двери. А у меня полно работы.

— Почему вы так уверены, что утечка не отсюда?

— Потому что, во-первых, я отказываюсь признавать, что она вообще существует. Что у вас есть? Одни только статистические схемы и совпадения, выкопанные Службой контроля, которой, видимо, больше нечем заняться. Во-вторых, своим проектом я занимаюсь самостоятельно. Здесь просто нет кого-то еще, кто мог бы служить источником для этой несуществующей утечки.

— А как насчет вашего мужа?

Она чуть заметно улыбнулась и вытянула руку над кофейным столиком ладонью вниз. Над столешницей появилась фигурка, вроде небольшой статуэтки — степенный, похожий на священника мужчина в черном. Он сделал движение рукой — словно нарисовал в воздухе невидимый мяч, что-то едва слышно

произнес (Фернандо разобрал только слово «триста») и снова исчез. На столе остался лишь разложенный пасьянс.

Остроу выбрала новую карту, опять внимательно на нее поглядела и вернула на место.

— Мой муж умер несколько лет назад, инспектор. В тот день мы с Эдвардо работали среди, механизмов КР-Л под защитой ответвления инклюзии. Муж специализировался на акаузальной механике… — На мгновение проблеск чего-то человеческого нарушил спокойствие ее лица. — Произошел какой-то сбой, ответвление разрушилось. Эдвардо остался по другую сторону разлома. Я видела, как он провалился в пространство-время КР-Л. И видела, что оно с ним сделало.

— Простите, — пробормотал Фернандо, проклиная себя за то, что как следует не изучил биографическую информацию.

— С тех пор я занимаюсь этим делом в одиночку, мне помогают только машины. Особенно Халиф, я очень ценю его как товарища. Если хотите, можно устроить допрос машинам. Только это ничего не даст.

— И тем не менее утечка информации вполне реальна.

— Об этом можно поспорить.

— Иначе меня бы здесь не было.

— Случается и ложная тревога. Учитывая то количество данных о метачеловечестве, которое обрабатывает Служба контроля… Это ведь колоссальный объем информации, распределенный по тридцати тысячам слоев реальности! Да при таком объеме рано или поздно *любая* схема проявится практически наверняка.

— Так и есть, — согласился Фернандо, поглаживая шерсть на подбородке. — Потому-то наша Служба особое внимание придает контексту и кластеризации. Учитываются не только точные совпадения с ключевыми словами, но и подозрительное сходство — как бы опечатки, призванные сбить нас со следа. Например, Миранда вместо Меранда, Оустро вместо Остроу и так далее.

— И вы обнаружили такие кластеры?

— По нашим последним подсчетам — почти дюжину. Некто, близко знакомый с проектом, разглашает секретные сведения, и мы не можем оставить это без внимания.

Что-то в его словах показалось ей забавным.

— Выходит, у Метаправительства все же есть враги?

— Не секрет, что в верхних бранах существуют некоторые политические трудности. Поговаривают даже о расколе. В Службе эксплуатации надеются, что технологии КР-Л могут предоставить Метаправительству инструменты, необходимые для удержания миров — на тот случай, если сепаратисты попытаются усилить

свои позиции.

Остроу усмехнулась:

— Инструмент политической борьбы…

— Один из инструментов. И, разумеется, осложнений не избежать, если в жаждущих отделения бранах узнают о КР-Л и о том, что мы намереваемся сделать. Вот почему все это следует держать в секрете.

— Но эти кластеры… — Остроу откинулась на спинку дивана, бесстрастно разглядывая Фернандо. — Перед вашим прибытием мне продемонстрировали… якобы улики. Какие-то документы, и, если честно, они меня не убедили.

— Неужели?

— Если некий шпион пытается донести свое послание до других бран, к чему такая загадочность? Почему не выйти и не сказать это прямо, вместо того чтобы выдумывать головоломки? Исковерканные названия, перепутанные имена, контекст, измененный до полной неузнаваемости… Некоторые из этих ключевых слов выглядят так, словно их надергали из какой-то пьесы!

— Все, что я могу вам ответить: Служба контроля сочла эти улики достаточно вескими, чтобы предпринять немедленные действия. Происхождение этих документов изучается.

Остроу сощурила свои каменно-серые глаза.

— Происхождение?

— Я уже говорил, документы поддельные: они лишь сделаны так, чтобы казаться исторически достоверными, словно они всегда присутствовали в нашей базе данных.

— Что еще более абсурдно, чем эта ваша утечка информации.

Он улыбнулся:

— Я рад, что мы согласились хоть в чем-то.

— Надо же с чего-то начинать.

Он побарабанил когтями по кофейному столику.

— Я понимаю ваш скепсис, доктор. Но дело в том, что я не могу вернуться, пока не получу ответов на эти вопросы. Если Службу результаты моей работы не удовлетворят (то есть если причина утечки не будет обнаружена), им останется только прекратить работу станции или, по крайней мере, заменить существующую организацию на нечто более подконтрольное правительству. Так что на самом деле сотрудничать со мной и помогать мне искать решение — в ваших интересах.

— Ясно, — холодно сказала она.

— Я бы хотел взглянуть на вашу работу. Имею в виду не только станцию, но и сами создания цивилизации КР-Л.

— Исключено. Разве Халиф не дал вам понять, где кончается

ваша юрисдикция, инспектор?

— Это не вопрос юрисдикции. Убедите меня, что вам нечего скрывать, и я направлю свою докладную в другое место.

Она опустила глаза, поглаживая полосато-рыжий коврик, сделанный из его шкуры.

— Это вам ничего не даст, инспектор. Лишние хлопоты.

— Я отредактирую память перед отправкой. Как вам такое предложение?

Она поднялась с дивана, так и не закончив пасьянс.

— Что ж, сами напросились. Только если у вас потом начнет заплетаться язык, пеняйте на себя.

Вслед за доктором Остроу Фернандо из гостиной проследовал в более аскетичную половину станции. Подол серебристого платья хозяйки волочился по стального цвета полу. То и дело мимо проносились спешившие по каким-то поручениям роботы, но в целом станция была пустынна. Фернандо знал, что Служба эксплуатации несколько раз предлагала прислать сюда помощников, однако доктор Остроу неизменно отклоняла эти предложения. В конце концов, работала она эффективно, поставляя специалистам Метаправительства непрерывный поток сенсационных открытий. Согласно досье, Остроу не доверяла людям, которые, зная принцип передвижения по бранам, по своей воле шли на такую дальнюю пересылку. Неудивительно, что и к нему она отнеслась с подозрением: ведь он явился на станцию добровольно, зная, что домой вернется лишь в виде воспоминания.

Через какое-то время они подошли к зиявшему в стене овальному проему. За ним виднелась двухместная гондола, готовая ринуться в туннель.

— Инспектор, вы уверены?

— Абсолютно.

Доктор Остроу пожала плечами, давая понять, что снимает с себя всякую ответственность, после чего указала на сиденье. Сама заняла другое кресло и развернула Фернандо под нужным углом к направлению движения, взялась за рычаг управления, и гондола рванулась с места. Стены туннеля замелькали мимо, размытые от скорости.

— Скоро мы выберемся из основного купола, — сообщила Остроу.

— И попадем в пространство-время КР-Л?

— Только если механизмы поддержки выйдут из строя. Сам купол инклюзии более или менее сферической формы — насколько это слово вообще применимо к объекту одного пространства-времени, вторгающемуся в другое. Но от него к

интересующим нас участкам окружающей структуры КР-Л отходят каналы и петли. Поддерживать их гораздо сложнее, чем основной купол… Впрочем, вы наверняка в курсе, насколько это тяжело и дорого.

Фернандо почувствовал, как шерсть у него на загривке встает дыбом. Гондола теперь мчалась с такой бешеной скоростью, что не было сомнений: основной купол остался позади. Воображению Фернандо представилась узкая, хрупкая трубочка пространства-времени, выступающая из купола, и в этой трубочке он сам — крошечная движущаяся песчинка…

— Ваш муж погиб здесь?

— Нет, в другом ответвлении. После этого мы отрегулировали механизмы поддержки, так что ничего подобного повториться не должно. — В ее голосе вдруг появились игривые нотки. — А что? Неужто вы нервничаете?

— Вовсе нет. Просто хотел узнать, где произошел несчастный случай.

— В месте, подобном этому. Он никогда не любил путешествия и предпочитал оставаться в пределах основного купола.

Фернандо вспомнилась фигурка, изображавшая мужа Остроу: руки, очерчивающие невидимый шар, словно в пантомиме… Что-то в этом жесте не давало ему покоя.

— А то, над чем работал ваш муж… Он изучал теоретическую возможность коммуникации сквозь время, используя идеи КР-Л?

— К сожалению, исследование оказалось бесперспективным. Цивилизация КР-Л никогда ничем подобным не занималась. Впрочем, в Метаправительстве были рады даже тем ничтожным результатам, которые он получил.

— Должно быть, он верил, что в этом действительно что-то есть.

— Мой муж был мечтателем, — сказала Остроу. — Его единственный недостаток — неспособность отличить практическую возможность от нелепой фантазии.

— Понятно.

— Не хочу показаться вам толстокожей. Разумеется, я его любила. Но он не смог полюбить КР-Л так, как я. Для него эти поездки всегда были в тягость.

Фернандо взглянул ей в глаза, пытаясь уловить хоть проблеск чувства.

— А после этого случая вы сами не испугались?

— Лишь на наносекунду. Пока не осознала, насколько важна эта работа. И насколько важен успех — ради блага человечества. — Она наклонилась вперед и указала в глубь

туннеля. — Вот. Мы приближаемся к точке раздела. Это там, где оболочка туннеля становится прозрачной. Достигающие ваших глаз фотоны будут происходить от фотонов-аналогов в пространстве-времени КР-Л. Вы увидите их сооружения, их грандиозные машины… И будете поражены масштабами. Сама геометрия этих артефактов волнует до глубины души. Если картина вас смутит, просто закройте глаза. — Ее рука по-прежнему твердо сжимала рычаг управления. — Я уже привыкла, но ведь я лицезрею эти чудеса ежедневно.

— Хотел у вас спросить, — сказал Фернандо, — когда вы говорите об этих созданиях, то иногда произносите их название как аббревиатуру. А иногда…

— Да, крэллы, — небрежно отозвалась она. — Это сокращение, инспектор, только и всего. Задолго до того, как мы узнали, что эта реальность когда-то была обитаема, брану назвали КР-Л. «К» и «R» — это константы Больцмана и Ридберга, из ядерной физики. В пространстве-времени КР-Л эти цифры отличаются от их значений в центральной бране. «L» — это и есть параметр, который означает степень отличия.

— Значит, «крэллы» — словечко вашего собственного изобретения?

— Пусть так… Ну и что? Это слово появлялось в ваших загадочных кластерах?

— Вроде того.

Гондола ворвалась в прозрачную часть трубы. Определить, с какой скоростью они двигались теперь, было невозможно. Насколько понимал Фернандо, между ними и границей купола существовало нечто вроде стеклянной оболочки, и где-то там, за ней (физическую природу этого явления он представлял довольно смутно), состояние пространства-времени приобретало чуждые свойства, несовместимые с биохимией человека. И тем не менее это пространство-время было пригодно для жизни — для тех существ, которые там родились. Обитатели КР-Л даже развились в сверхцивилизацию, и хотя теперь они исчезли, их колоссальные машины остались.

Теперь он их увидел: громадные и подавляющие, как и предупреждала доктор Остроу. Пластинчатые грани и закругленные углы, колючие ребра выступов и решетки охладителей, дуги шаров и мерцающие выпускные сопла… От этих грандиозных сооружений исходило сиреневатое свечение, казалось, переходящее в ультрафиолет. Они простирались во всех направлениях — кажется, даже в большем количестве направлений, чем это предписывалось привычными законами перспективы. Фернандо почувствовал первые спазмы тошноты.

— Чтобы получить представление о масштабе, например, вот этого сооружения… — произнесла Остроу, привлекая его ускользающее внимание к одной из умопомрачительных фигур, — если перенести его в наше пространство-время и выстроить из атомов железа… оно окажется больше, чем газовый гигант типа Юпитера. А ведь это всего лишь теплораспределительный элемент, предохранительный клапан на другом, гораздо более крупном механизме. Вон та машина вдалеке — почти в трех световых часах от нас — тоже всего лишь одна из составляющих огромного целого.

Фернандо изо всех сил старался держать глаза открытыми.

— И далеко ли простираются эти механизмы?

— Так далеко, насколько хватает возможностей наших измерительных инструментов: сотни световых часов во всех направлениях. А может, и больше. Купол станции проникает в комплекс механизмов КР-Л, который по размерам превосходит всю нашу Солнечную систему. Мы не имеем понятия о том, где кончаются эти машины. Они могут простираться вокруг на недели, на месяцы светового времени. Быть может, они даже больше Галактики!

— А их назначение? — поинтересовался Фернандо и, заметив ее замешательство, добавил: — У меня есть необходимый допуск, доктор. Можете говорить спокойно.

— Тотальный контроль, — сказала она. — Абсолютное господство над веществом и энергией, причем не только в данной бране, но и во всех вариантах реальностей. С его помощью КР-Л были способны мгновенно влиять на происходящее в любом из миров. По сравнению с подобными механизмами наше гравитонно-импульсное оборудование, посредством которого вы сюда прибыли, выглядит как корявые поделки тупого дикаря.

Фернандо помолчал. Гондола тем временем продолжала мчаться сквозь головокружительный пейзаж.

— Но ведь КР-Л обитали только в одной бране, — заметил инспектор. — Зачем им понадобились механизмы, способные влиять на события в других реальностях?

— Ответить на этот вопрос могли бы только они сами, — сказала Остроу. — Но лично мне думается, что все это было построено, когда их существование в этом мире оказалось под угрозой.

— Что же могло угрожать такой культуре, кроме собственного чудовищного самомнения?

— Видимо, другая культура, сравнимая по уровню развития. Должно быть, их ученые открыли существование такой цивилизации — в каком-то отдаленном мире, в сотнях тысяч или

даже миллионах реальностей отсюда, — которую КР-Л сочли враждебной. Тогда они создали эти грандиозные механизмы, чтобы уничтожить угрозу в зародыше, раньше, чем та просочится к ним сквозь множество реальностей.

— Значит, геноцид?

— Не обязательно. Разве кастрировать кота — преступление?

— Смотря какого кота.

— На мой взгляд, КР-Л не были палачами. Они стремились к самосохранению, но не к полному уничтожению иной цивилизации. Хирургическое вмешательство — все, что им требовалось.

Фернандо еще раз огляделся. Видимо, мозг понемногу адаптировался к угнетающим размерам этих машин, поскольку тошнота начала проходить.

— Но тем не менее все они исчезли. Что же произошло?

— И снова могу лишь предположить: возможно, случилась роковая ошибка. КР-Л создали свои машины, но в последний момент почему-то отказались от них.

— Или все же привели их в действие, но сами же в результате и пострадали.

— Очень маловероятно, инспектор.

— Сколько реальностей вы уже исследовали? Восемьдесят или девяносто слоев в обоих направлениях?

— Что-то около того, — сказала она терпеливо.

— Откуда мы знаем, что произойдет, если заглянуть гораздо дальше? Насколько разбирались в этом ваши КР-Л?

— Я не вполне понимаю вас, инспектор…

— В детстве кто-то — кажется, это был мой дядя — объяснял мне, что слои реальности похожи на страницы бесконечно толстой книги. Они открываются на бесконечное расстояние в обоих направлениях, реальность за реальностью, и от страницы к странице чуть-чуть меняются физические условия.

— Вполне приемлемое объяснение для дилетанта.

— Но он же заметил, что существует и другая теория. Ученые относятся к ней не слишком серьезно, но и опровергнуть не могут.

— Продолжайте, — сказала Остроу.

— Идея в том, что физика миров меняется, но постепенно эти изменения сглаживаются, и всё снова возвращается к привычным параметрам. Таким образом, мы постепенно приходим обратно, к нашей реальности, но только с другой стороны. Иными словами, это круг.

— Вы совершенно правы, эту теорию мало кто принимает всерьез.

— Но ведь и опровергнуть ее не могут, верно?

— Нельзя опровергнуть гипотезу, которую невозможно проверить.

— А если проверить можно? Если от браны к бране физические изменения действительно происходят медленнее?

— Локальные отклонения здесь ни о чем не скажут. Нужно сопоставить миллионы, десятки миллионов слоев, прежде чем можно будет…

— Но вы уже упомянули, что для КР-Л такой масштаб оказался под силу. А вдруг они смогли пройти все слои по кругу, только не поняли этого? Что если они включили свои машины, и те, замкнув петлю реальностей, уничтожили в зародыше их самих?

— Любопытная фантазия, инспектор, но не более.

— Но как ужасно, будь это правда… — Поглаживая шерсть на подбородке и тихонько мурлыкая себе под нос, Фернандо погрузился в раздумья. — Служба эксплуатации собирается использовать технологии КР-Л для борьбы с еще одной возникшей угрозой.

— Метаправительство платит мне деньги за работу. Не мое дело, как оно поступает с полученными результатами.

— Однако когда я прибыл, мне ясно дали понять, что вы человек очень занятой. И вы так загружены потому, что близится ваш звездный час. Вы ведь достаточно хорошо разбираетесь в оборудовании КР-Л, чтобы заставить его работать, не так ли? Можете управлять им сквозь купол, можете повелеть ему выполнить приказ…

В ее лице ничего не изменилось.

— Метаправительству нужны результаты.

— Не сомневаюсь. Но не думаю, что Метаправительство в курсе возможных последствий. Когда вас спрашивали, что произошло с цивилизацией КР-Л, вы упомянули о сомнениях: они сами могли вызвать собственное исчезновение?

— Свои предположения, инспектор, я ограничиваю сферой разумной вероятности. Мне ни к чему увлекаться фантазиями.

— И все-таки об этом стоило доложить.

— Тут я с вами не согласна. Метаправительство намерено предпринимать меры против инакомыслящих бран в пределах области колонизации. Речь не идет о какой-то едва обнаруженной цивилизации в миллионах слоев отсюда. Даже если бы топология слоев была замкнутой…

— Но если оборудование и приводилось в действие, это произошло лишь однажды, — развивал свою мысль Фернандо. — Никто не знает, какие были побочные эффекты.

— Я проводила множество локальных тестов. Никаких сложностей не предвидится.

— Уверен, ученые КР-Л были так же самонадеянны, перед тем как включить эту штуку.

В интонациях ее голоса, и прежде не слишком теплых, зазвенел лед:

— Хочу вам еще раз напомнить, что вы находитесь здесь по заданию Службы контроля, а не эксплуатации. И насколько я помню, вы прибыли сюда для того, чтобы расследовать утечку информации, а не подвергать сомнению основу всего проекта.

— Вы совершенно правы. Но я никак не могу отделаться от мысли, что эти две вещи взаимосвязаны.

— Я не согласна даже с тем, что есть утечка информации, инспектор. Так что придется вам потрудиться, чтобы убедить меня, будто она имеет что-то общее с механизмами КР-Л.

— Я над этим работаю, — заверил ее Фернандо.

Они наблюдали, как меняются углы и перспектива в гигантских конструкциях, по мере того как гондола, достигнув конечной точки путешествия, поворачивала обратно к куполу. Фернандо даже обрадовался, когда стены шахты вновь сделались непрозрачными и они снова понеслись по темному туннелю — назад, к станции «Пегас», которая теперь казалась ему такой уютной и безопасной… Все-таки инстинкт самосохранения — сильная вещь, во всяком случае до тех пор, пока память Фернандо не будет записана и передана в центральную брану.

— Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство, — сказала Остроу, когда они причалили и вернулись в гостиную. — Но, как я и говорила, это путешествие бесполезно для вашего расследования.

— Наоборот, — возразил он. — По-моему, оно многое разъяснило. Вы позволите воспользоваться вашим пультом связи? Хочу взглянуть, не появилось ли чего-нибудь новенького, с тех пор как я приехал.

— Халиф предоставит вам все необходимое. А я должна вернуться к работе. Если понадоблюсь, попросите Халифа вызвать меня.

— Так и сделаю.

Доктор Остроу вышла, и Фернандо остался в гостиной один. Он потрогал коврик из тигровой шкуры. Абсолютная идентичность с собственной шерстью одновременно и отталкивала, и завораживала. Дожидаясь появления робота, Фернандо помахал лапой над кофейным столиком, пытаясь вызвать изображение погибшего мужа Остроу. Но маленькая фигурка не появилась.

Впрочем, это было не важно. Профессиональная память Фернандо была готова в совершенстве воспроизвести увиденное, особенно то, что показалось ему заслуживающим внимания. Он вызвал в памяти образ погибшего, подробно остановившись на том, как тот описывал руками незримую фигуру. Нет, понял Фернандо, это был не шар, а кольцо смежных бран в замкнутой петле реальностей. «Триста шестьдесят градусов», — вот что он тогда произнес. Умерший муж Меранды Остроу описывал ту же самую теоретическую метареальность, о которой когда-то говорил дядюшка Фернандо. Означало ли это, что он верил, будто цивилизация КР-Л испугалась собственной тени, мельком увиденной на огромном расстоянии? И что все эти умопомрачительные махины изобретены лишь для того, чтобы нанести удар по воображаемому врагу, не сознавая, что гибель обрушится на собственные головы?

Возможно.

Фернандо по-новому взглянул на неоконченный пасьянс на кофейном столике. Кольцо из карт, разложенных Мерандой, странным образом перекликалось с замкнутой петлей реальностей в воображении ее мужа.

Как будто Остроу сама оставила ему намек.

Пока он размышлял, явился Халиф, преобразовавший один из своих шаров в пульт связи. На матовой стальной поверхности блестели значки и кнопки. Клацая когтями по клавиатуре, Фернандо ввел необходимые команды и вскоре подключился к своему персональному каналу.

Как он и предполагал, из Службы контроля поступило новое сообщение. Оно касалось более детального анализа разглашенной информации, который еще не был закончен, когда он отправился в командировку.

Фернандо, не откладывая, позвонил в Службу.

— Привет, — сказал его собеседник в центральной бране по фамилии Кок. — Есть и хорошие новости, и плохие.

— Продолжай, — мурлыкнул Фернандо.

— Мы провели тщательный анализ ключевых слов, как и обещали. Хорошая новость: эти кластеры никуда не пропали, их статистическая значимость стала теперь еще очевиднее. Утечка однозначно есть. Так что поездка твоя не напрасна.

— И на том спасибо.

— Плохая новость: мы все еще ломаем голову над контекстом. Нет, серьезно, мы просто сбиты с толку. Тому, кто все это устроил, пришлось проделать гигантскую работу, чтобы все выглядело так, будто эти кластеры всегда были частью нашего архива.

— Постой, я не понимаю… То есть понимаю, но не улавливаю сути. Должно быть, что-то не так с вашими методами, с обработкой данных.

У Кука сделалось измученное лицо.

— Сперва мы именно так и подумали, но это происходит снова и снова. Ошибки быть не может. Тот, кто организовал утечку, подделал информацию на очень глубоком уровне — таком, что кажется, будто кластеры существовали задолго до того, как брана КР-Л вообще была обнаружена.

Фернандо понизил голос:

— Приведи пример. Кажется, Остроу упоминала какую-то пьесу…

— Это один из самых старых кластеров. «Кораблекрушение», драма из бумажной эпохи, около 001611 года. Явных отсылок к КР-Л там нет, однако речь идет о некоем ученом на призрачном острове, где когда-то обитала могущественная колдунья… Все это можно расценить как метафорический аналог Остроу и станции «Пегас». Встречается также имя Миранда…

— Автор — реальная историческая фигура?

— Вряд ли. Разве что он был до абсурдного плодовит. В архиве имеется несколько дюжин других пьес, и все они, как мы полагаем, — дело рук шпиона.

— М-мур, — задумчиво произнес Фернандо.

— Этот тип прокололся еще кое в чем, — добавил Кук. — Пьесы усеяны анахронизмами: словами и фразами, которых не было в более ранних записях.

— Небрежность, — отметил Фернандо, спрашивая себя, есть ли в этом что-то кроме простой неряшливости. — Расскажи мне еще о каком-нибудь кластере.

— Перескакиваем в 001956 год — и тут у нас еще одна поддельная драма: нечто под названием «фильм», что-то вроде записанного представления. И снова куча совпадений: Оустро вместо Остроу, Беллерофонт — это герой, который ездит на крылатом коне Пегасе, собственно КР-Л — на этот раз настоящая иная цивилизация, хотя и живущая только на одной планете, а не в целом мире. Кстати, имеется даже тигр.

— Неужели, — сухо промолвил Фернандо.

— Но странное дело: в результате поиска всплыли кое-какие второстепенные материалы, которые заставляют усомниться в том, что позднейшая пьеса каким-то образом основана на более ранней.

— Выглядит так, будто этот шпион сам направляет наше внимание от одного кластера к другому… — Фернандо почесал за ухом. — Что там дальше?

— Год 002713-й: ледовая опера на Плутоне. По причине исключительно плохих отзывов была показана всего один раз. Упоминается «бытие в тридцати тысячах пластов реальности». И это, по крайней мере, за шесть тысяч лет до того, как было доказано существование смежных миров.

— Возможно, простое совпадение. Однако… Ладно, дальше.

— Год 009655-й: премьера астроскульптуры эпохи Тельца в уинлокском звездном регионе. Сопроводительный текст содержит упоминание «эстетики обреченного Крэлла», а также «Мирандину и Калебина».

— Есть, наверное, и другие кластеры?

— Да, вплоть до наших дней. Временные промежутки совершенно случайные: мы пытались обнаружить здесь какие-то закономерности, но ничего не нашли. Возможно, для шпиона это что-нибудь значит…

— Если он существует, — заметил Фернандо.

— Разумеется, существует. Какое тут еще возможно объяснение?

— Вот это я и хочу понять.

Фернандо отключил связь, а затем посидел некоторое время в молчаливом раздумье, мысленно перетасовывая факты. А когда почувствовал, что рассмотрел их со всех возможных углов (и тем не менее пришел к одному и тому же неутешительному выводу), то велел Халифу еще раз пригласить доктора Остроу.

— Послушайте, инспектор, — сказала она, входя в гостиную, — у меня действительно нет времени…

— Садитесь, доктор.

Видимо, было нечто такое в его голосе, что заставило ее повиноваться. Доктор Остроу опустилась на диван, пряча руки в серебристых складках платья.

— В чем дело? Я же просила…

— Вы арестованы по обвинению в убийстве вашего мужа, Эдварда Остроу.

Ее лицо исказилось от ярости.

— Это абсурд. Мой муж погиб в результате несчастного случая. Это была ужасная, чудовищная ошибка, но не более того.

— Вы хотели заставить нас в это поверить. Но ведь вы его убили, верно? Вы сами подстроили крушение инклюзии, зная, что он окажется в ловушке чужого пространства-времени.

— Это смешно!

— Ваш муж понял, что случилось с цивилизацией КР-Л: как их собственные машины, пройдя насквозь все слои браны, все триста шестьдесят градусов, стерли своих создателей реальности. Он прекрасно понимал, насколько эти механизмы опасны и что

они никогда не должны стать орудием в руках Метаправительства. Вы сами сказали, Меранда: он боялся этих машин. Потому что знал, что они уже совершили и что еще способны совершить.

— Я бы никогда его не убила, — сказала она со спокойным упрямством.

— Да, если бы он не выступил против вас напрямую, если бы не стал единственным препятствием на пути к вашему профессиональному триумфу.

— С меня хватит. — Она повернула рассерженное лицо к роботу. — Халиф, проводи инспектора к ликвидационной камере. Он явно нарушает условия, на которых я согласилась его принять.

— Напротив, — возразил Фернандо. — Это по-прежнему дело особой важности.

Она фыркнула:

— Вы про эту бредовую идею утечки информации? Я наблюдала ваш недавний разговор с центральной браной, инспектор. Эта «утечка» оказалась именно тем, что я и предполагала: статистические помехи, ничего не значащие совпадения. Уже одно то, что они проявляются в источниках неоспоримо древних, говорит, что шпионы тут ни при чем. Какие еще доказательства вам нужны, инспектор?

— Вы правы, — признал Фернандо, испустив тяжелый вздох. — Это не шпионы. Здесь я ошибся.

— В таком случае признайте: ваше задание оказалось погоней за призраками, и нелепое обвинение насчет моего мужа — всего лишь отчаянная попытка спасти…

— Это не шпионы. И не утечка информации, — продолжал Фернандо, будто бы не замечая ее слов. — Это предупреждения, посланные из нашего собственного будущего.

Она удивленно заморгала.

— Простите?

— Ну да, единственное разумное объяснение. Информация просочилась в такие контекстные источники, которые выглядят абсолютно подлинными… Потому что они и есть подлинные.

— Бред!

— Все сходится. Ваш муж занимался изучением акаузальной коммуникации — то есть способов передачи сообщений назад во времени. Вы не придавали значения этой работе, ну а если в ней все же что-то было? Вдруг верное понимание технологии КР-Л позволит будущей версии Метаправительства послать самому себе предупреждение в прошлое?

— Предупреждение о чем, инспектор? — спросила она, все еще несколько испуганно.

— Я могу лишь предполагать, но, возможно, это связано с самими механизмами. Вы готовы привести в действие тот самый инструмент, который разрушил цивилизацию КР-Л. А цель предупреждения — сделать так, чтобы этого никогда не произошло. Вероятно, использование машин против отделившихся бран повлекло за собой такие ужасные последствия, что их необходимо было стереть из истории любой ценой.

— Инспектор, одумайтесь! Вы уверены, что вышли из восстановительной камеры, не повредившись в уме?

Он улыбнулся.

— Значит, опять сомнения.

— Относительно вашего рассудка — да. Ваша идея с посланием, отправленным в прошлое… В этом еще могла быть какая-то мизерная доля правды, если бы ваши драгоценные шпионы не были столь безнадежно загадочны. Кто станет посылать предупреждения и при этом запутывать факты?

— Полагаю, тот, кто очень торопится. Или чья техника еще несовершенна.

— Не пойму, к чему вы клоните…

— Я просто подумал: может, у них не хватало времени, чтобы сделать все как следует? Имелась только одна попытка, и ее надо было использовать, даже если метод еще не до конца изучен…

— Это все равно не объясняет, каким образом ключевые слова просочились не куда-нибудь, а в пьесу!

— Возможно, объясняет. Особенно если акаузальная коммуникация вызывает передачу образов сквозь время непосредственно в человеческий мозг. Автор пьесы…

— Он-то здесь при чем?

— Этот человек жил и умер задолго до открытия квантовой механики. Даже если предупреждение достигло его мозга совершенно четко и ясно, он мог интерпретировать его лишь в соответствии с собственной картиной мира. Ничего удивительного, что всё у него перепуталось и смешалось. В его понятийном аппарате не было места для исчезнувших цивилизаций и смежных слоев реальности. Зато там присутствовали острова, ведьмы и духи…

— Просто смешно. Скоро вы начнете рассказывать, что другие кластеры…

— Вот именно! Запись инсценировки, так называемый «фильм», была организована несколько веков спустя. Его создатели сделали все возможное, исходя из своих ограниченных представлений о Вселенной. Они знали о космических путешествиях, о других мирах. Это уже ближе к истине, чем та

пьеса, но по-прежнему ограничено тюрьмой их мировоззрения. Готов поспорить: в других кластерах все то же самое.

— Если я правильно поняла, — подытожила Остроу, — Метаправительство будущего возрождает изобретенную КР-Л древнюю технологию межвременной коммуникации — технологию, в которой едва разбирается. Оно пытается отправить послание в прошлое, но вместо этого распыляет его по всей истории, вплоть до тех времен, когда люди считали, будто Солнце движется по небу на паровой тяге.

— А может, и более древних, — заметил Фернандо. — Кто знает, возможно, существуют и другие кластеры, незаметные в статистическом шуме…

Остроу его перебила:

— И несмотря на весьма ограниченное понимание работы этого механизма, подобные, как вы их назвали, «случайные выстрелы» умудряются попасть прямиком в головы драматургов, режиссеров, скульпторов…

Она с показным сожалением покачала головой.

— Не обязательно, — возразил Фернандо. — Мы знаем лишь, что эти люди стали тем, кем стали в нашей временной линии. Возможно, именно это предупреждение и направило их на творческую стезю… Так сказать, посеяло в их душах зерно едва ощутимого беспокойства, избавиться от которого можно было лишь одним способом — через самовыражение, будь то пьеса, фильм или ледовая опера на Плутоне.

— Надо отдать вам должное, инспектор: вы действительно умеете вывести дискуссию за пределы логики. Неужели вы в самом деле считаете, что, если бы не послание, ни одно из произведений не появилось бы на свет?

Он пожал плечами.

— Если вы допускаете возможность посланий во времени…

— Нет, не допускаю.

— Не важно. Я надеялся вас убедить. Думал, после этого ваш арест пройдет проще для нас обоих. Хотя на самом деле это и не важно. Зато теперь вы понимаете, почему я должен положить конец вашим исследованиям. Пусть в Службах контроля и эксплуатации сами решают, насколько правдоподобна моя теория.

— А если решение будет отрицательным, мне позволят продолжить работу?

— Вы забыли об одной маленькой детали, Меранда. Обвинение в убийстве.

Она погрустнела.

— Как вы догадались?

— Я не догадался, — сказал он. — Вы мне подсказали. И даже больше: думаю, какая-то часть вашего существа — глубоко запрятанная, подсознательная часть — на самом деле жаждала, чтобы я узнал правду. Если же нет, то это был очень неудачный выбор пасьянса, Меранда.

— Вы считаете, что я мечтала быть арестованной?

— Просто я не могу поверить, что вы ненавидели своего мужа. Но он препятствовал вашим исследованиям. И поэтому должен был исчезнуть. Не думаю, что с тех пор была хоть одна минута, когда вы не казнили себя…

— Вы правы, — сказала она, словно приняв какое-то твердое решение. — Я не питала к нему ненависти. И все-таки он должен был исчезнуть. Так же, как и вы.

В мгновение ока из серебристых складок платья вынырнула рука, сжимающая гладкую черную рукоять оружия. Это был обыкновенный бластер — не самое совершенное оружие на свете, но более чем способное нанести смертельную рану.

— Пожалуйста, доктор. Уберите эту штуку, пока кто-нибудь не пострадал.

Она встала. Рука с оружием дрожала, но с прицела его не спускала.

— Халиф, — позвала она, — проводи инспектора в ликвидационную камеру. Он нас покидает.

— Меранда, вы совершаете ошибку.

— Ошибкой было бы позволить Метаправительству закрыть проект, когда я так близка к успеху. Халиф!

— Я не могу проводить инспектора, пока он сам этого не захочет, — сообщил робот.

— Я приказываю!

— Он сотрудник Службы контроля. Моя программа не позволяет…

— Пожалуйста, пройдемте со мной, — сказал Фернандо. — Уберите оружие, и мы никому об этом не скажем. Положение ваше и без того серьезное.

— Я никуда не пойду.

— Вас ждет суд. Если грамотно выстроить линию защиты, вы сумеете представить смерть мужа как непредумышленное убийство. Возможно, вы не собирались его убивать, просто припугнуть…

— Дело не в суде, — прорычала она. — Мне противна сама мысль о том, чтобы войти в эту штуковину… Когда я приехала сюда, я уже не собиралась уезжать. Я не пойду с вами.

— Вы обязаны.

Фернандо шагнул к ней, понимая, что поступает неразумно.

Он увидел, как побелел палец на курке бластера, и на мгновение подумал, что может еще успеть преодолеть разделявшее их расстояние, прежде чем оружие выстрелит. Мало у кого хватило бы духу направить оружие на агента Службы контроля и тем более спустить курок. Однако Меранда Остроу принадлежала к этому меньшинству. Дуло бластера выплюнуло стремительные сгустки сжатой плазмы. С запоздалым ужасом Фернандо увидел, как три из них врезались ему в правую лапу пониже локтя, и вся лапа исчезла в агонии оранжевого пламени, словно мел, размытый струями дождя. Боль ударила, будто молотком, и, несмотря на всю подготовку, Фернандо успел почувствовать ее в полную силу, прежде чем захлопнулись ментальные барьеры. Запахло паленой шерстью.

— Промах, доктор Остроу, — пробормотал он, через силу выговаривая слова.

— Инспектор, не подходите!

— К сожалению, я должен это сделать.

— Я убью вас. — Теперь оружие целилось ему прямо в грудь. Если предыдущий выстрел оказался неточным, то здесь промашка невозможна.

Он сделал еще один шаг. Палец на курке снова напрягся, и Фернандо приготовился встретить уничтожающий огонь.

Но оружие выпало из рук доктора Остроу, выбитое одним из меньших шариков Халифа. Женщина стиснула одну руку другой, растирая пальцы. На лице ее отразилось ошеломленное недоумение.

— Ты меня предал!

— Вы ранили сотрудника Службы контроля. Вы намеревались причинить ему другие телесные повреждения. Я не мог этого допустить. — Затем один из шаров побольше появился в поле зрения Фернандо. — Вам требуется медицинская помощь?

— Не думаю. Все равно это тело мне уже почти не нужно.

— Очень хорошо.

— Ты не поможешь мне проводить доктора Остроу в камеру?

— Как прикажете.

— В таком случае, помоги мне.

Доктор Остроу попробовала было сопротивляться, но вдвоем Фернандо и Халиф быстро с ней справились. Задней лапой Фернандо отпихнул бластер подальше, после чего левой передней крепко прижал Остроу к своей груди. Она пыталась вырываться, но оказалась бессильна против него — даже со скидкой на болевой шок от потери правой лапы.

Халиф подталкивал их к камере. Остроу всю дорогу брыкалась, но все слабее и слабее. Лишь в последний момент,

завидев серый шлем рядом с нишей ликвидационного поля, она вложила в сопротивление все оставшиеся силы. Однако ее старания пропали даром. Фернандо вместе с роботом поместили строптивицу в мемофон, пристегнув толстыми металлическими пряжками. Колпак опустился сам собой, готовый зафиксировать последний нервный образ — моментальный снимок мозга, который будет закодирован в импульсе гравитона и передан в центральную брану.

— Меранда Остроу, — объявил Фернандо, прижимая обугленную культю к пушистой груди. — Я арестовываю вас по праву, данному мне Службой контроля. Ваш восстановительный профиль запишут и передадут на хранение Метаправительству. Вы будете восстановлены в новом теле, чтобы предстать перед судом. Пожалуйста, организуйте свои мысли подобающим образом.

— Когда меня оживят, я уничтожу твою карьеру, — пообещала она.

Фернандо посмотрел на нее сочувственно.

— Вы не поверите, сколько раз я уже это слышал.

— Надо было сразу же содрать с тебя шкуру!

— Бесполезно. Вам бы прислали третью копию…

Он включил мемофон. Янтарные огоньки на шлеме замигали, а потом загорелись ровным светом, означающим, что прибор получил четкое изображение и все готово к отправке. Фернандо ввел команду, и на колпаке появилось изображение песочных часов.

— Ваши профили сейчас на пути домой, Меранда. Пока что вы существуете на законных основаниях. Наслаждайтесь этой минутой.

Он никогда прежде не говорил таких жестоких вещей, и едва эти слова сорвались у него с языка, Фернандо пожалел об этом. Насмехаться над жертвой было не в его правилах, и он устыдился того, что допустил такой профессиональный промах. Единственным его оправданием можно считать то, что его и самого вскоре ожидала та же участь.

Значок песочных часов исчез, сменившись ровным зеленым огоньком. Это означало, что импульс гравитона благополучно достиг центральной браны и восстановительный профиль не пострадал в процессе передачи.

— Бывшее тело Меранды Остроу, — начал он. — Я должен сообщить вам…

— Заканчивайте побыстрее.

Они помогли ей освободиться от шлема. Теперь тело Меранды показалось Фернандо удивительно легким: словно

какая-то важная часть была стерта или извлечена из нее в процессе записи. С точки зрения закона это была уже не доктор Меранда Остроу, а лишь биологический носитель, который она использовала для проживания в данной бране. И согласно закону Метаправительства этот носитель следовало теперь уничтожить.

Фернандо включил перламутровый экран ликвидационного поля. Затем для проверки сунул туда стило: мгновенная актиническая вспышка — и перо прекратило свое существование. Ликвидация происходила быстро и эффективно. Теоретически, атомные выстрелы разрушали центральную нервную систему задолго до того, как до нее доходили болевые сигналы, и те просто не успевали осознаться как боль.

Но, разумеется, никто не знал этого наверняка. К тому времени, когда человек оказывался в зоне действия поля, его память уже была записана. Все, что он испытывал в момент физического уничтожения, никогда не попадало в восстановительный профиль.

— Я могу втолкнуть вас в поле, — сказал он Остроу. — Но будет лучше, если вы шагнете туда сами.

Она не захотела. Халифу и Фернандо пришлось силой впихивать ее туда. Не самая приятная обязанность в работе инспектора…

После этого Фернандо уселся за мемофон и привел в порядок мысли. Совсем скоро он тоже будет поглощен огнем, чтобы вновь возродиться в центральной бране. В Службе контроля от него ждут всестороннего отчета по делу «Пегаса», и тут уж непозволительно быть неточным в деталях. Фернандо по собственному опыту знал, что небольшая мысленная подготовка сполна окупит себя в дальнейшем. В процессе записи и восстановления память всегда несколько затуманивалась, так что чем яснее его мысли будут сейчас, тем лучше.

Когда с записью было покончено и зеленый огонек сообщил о безошибочном получении нейронного профиля, Фернандо повернулся к Халифу.

— Я больше не обладаю законными полномочиями. Тот, кто говорит с тобой, не имеет права называться Адамом Фернандо. Однако надеюсь, ты не сочтешь за бестактность, если я поблагодарю тебя за помощь.

— Кто-нибудь сюда еще прибудет? — спросил робот.

— Вероятно. Впрочем, не удивлюсь, если станцию закроют. Но не переживай, моя легальная ипостась обязательно замолвит за тебя словечко.

— Благодарю, — отозвался робот.

— Это все, что я могу для тебя сделать.

Фернандо встал из-за мемофона и, как обычно, с разбега прыгнул в ликвидационное поле. Конец был не самый элегантный (отсутствие лапы мешало равновесию), зато быстрый, эффективный и исполненный не без определенной гордости.

Халиф поглядел, как сгорел тигр: прежде чем бесследно исчезнуть, полоски, казалось, повисли в воздухе. Потом робот собрал свои шарики в возбужденный рой и стал думать, что делать дальше.

Перевела с английского Зоя ВОТЯКОВА

© Alastair Reynolds. Tiger, Burning. 2006. Печатается с разрешения автора.

Мэри Розенблюм
Домашнее видео

Кайлу разбудил звонок агента — ей снилось бескрайнее поле, заросшее зеленой травой и усыпанное голубыми и белыми цветами. Фрагмент воспоминаний клиента? Иногда они просачивались в ее мозг, хотя так не должно происходить. Кайла села, все еще не вырвавшись из объятий сна, и попыталась вспомнить, не посещала ли она сама заповедник в прериях.

— Доступ, — пробормотала она, зевнула и посмотрела на мерцающее голографическое поле, формирующееся над ее настольным компьютером.

— Обычно ты в это время не спишь. — Азара, ее агент, бросила на Кайлу взгляд из-под декоративной вуали, украшенной сверкающими самоцветами.

— Я не работаю. — Кайла потянулась. — И могу позволить себе поздно вставать.

— Ты *уже* работаешь. — Азара фыркнула. — Тебе предстоит побывать на свадьбе, семья собирается на целую неделю, клиент

хочет принять участие в церемонии по полной программе, цена значения не имеет. Пожалуйста, прикройся.

— Опять твоя религия. — Однако Кайла потянулась к длинной сорочке, которую сбросила ночью, и натянула ее через голову. — Целая неделя? — Она снова зевнула. — Даже не знаю… Вчера я встретила классного парня и не уверена, что в мои планы входит отсутствовать так долго.

— Если ты хочешь, чтобы я оставалась твоим агентом, то сделаешь это, — Азара сурово посмотрела на Кайлу. — Уже много лет я не встречала таких придирчивых клиентов. Однако она платит солидную премию, а ты мой единственный «хамелеон», соответствующий ее требованиям к внешности. — Агент неодобрительно хмыкнула.

Вот как… Кайла вздохнула и повернулась к маленькой кухонной стенке.

— А ты ей сказала, что наш возраст, внешность и даже пол не имеют ни малейшего отношения к тому, что они видят нашими глазами?

— О да, — Азара пожала плечами. — Я дала обычные разъяснения. Несколько раз. — Ярко-красные губы Азары растянулись в широкой улыбке. — Но она готова платить за свою экстравагантность, поэтому нам ничего не остается, как согласиться.

— Должно быть, она богата. — Кайла насыпала ложечку зеленого суматрийского чая в чашку и поставила в чайный автомат. — Как мило с ее стороны.

— Старший администратор колонии на Марсе. Конечно, она богата, в противном случае не обратилась бы ко мне. — Азара щелкнула пальцами. — Ты с ней встречаешься через два часа. — Агент критически оглядела Кайлу. — Внешность имеет для нее огромное значение.

— Не беспокойся, — Кайла провела рукой по взъерошенным волосам и сделала пару глотков чая. — Я буду хорошо выглядеть.

— Уж постарайся. — Изображение Азары исчезло.

Кайла покачала головой: клиент всегда прав, ведь он готов платить хорошие деньги за виртуальный визит на Землю с Марса, Европы или с какой-нибудь космической станции. Она допила чай, приняла душ и надела платье из тончайшего зеленого шелка, которое купила на одной из орбитальных платформ. Его цвет отлично сочетался с глазами и рыжими волосами Кайлы. В нем она действительно превосходно выглядела.

Ровно два часа спустя ее компьютер издал мелодичный звон, установив связь с Брэдбери, главным городом колонии на Марсе. Охваченная любопытством Кайла приняла вызов. Она купила

несколько виртуальных туров в марсианскую колонию, но большинство подземных городов вызвали у нее такое же чувство клаустрофобии, как и орбитальные платформы, хотя купола на поверхности планеты обеспечивали существование водоемов и даже растительности. Наконец замерцало голографическое поле, и появилось изображение женщины. Почти старухи. Евро-кельтский фенотип, она явно не проходила генной селекции. Кайла сразу обратила внимание на лицо, изрезанное глубокими морщинами, и решительные глаза. Если учесть нынешнее состояние медицины, женщина была *очень* старой. И еще она привыкла повелевать.

— Кайла О'Коннор к вашим услугам, — представилась Кайла и вежливо улыбнулась.

Некоторое время женщина молча ее разглядывала, а потом кивнула.

— Меня зовут Джеруна Несмит, Первый администратор Брэдбери. Я бы хотела побывать на бракосочетании сына моего племянника. Оно будет проходить на небольшом острове, это частное владение. — Казалось, Джеруна наклонилась вперед, чтобы посмотреть в глаза Кайлы. — Агент, с которым я связалась, заверила меня: мои требования вам понятны.

О, да, эта женщина привыкла все держать под контролем. Кайла улыбнулась.

— Верно, однако сначала мы пообщаемся, и я получше вас узнаю. — Хотя она уже сейчас могла бы сказать, на что хочет посмотреть старая карга. — Обычно мне удается правильно улавливать желания клиентов.

— Так утверждает ваш агент. Надеюсь, она не ошибается, — Несмит выпрямилась. — Я не могу понапрасну терять время, так что давайте займемся делом.

Что ж, придется забыть о молодом управляющем из Шанхая, с которым она познакомилась в клубе вчера вечером.

— Как пожелаете. — Продолжая улыбаться, Кайла включила запись. — Расскажите мне, пожалуйста, о свадьбе.

— Что вы хотите услышать?

— Все, — Кайла откинулась назад, и умное кресло тут же отозвалось на ее движение. — Кто жених и невеста? Почему они решили заключить брак? Подходят ли они друг другу? Как относятся к предстоящему браку их родители? Каково ваше мнение о новобрачных? Кого бы вы хотели увидеть, встречи с кем предпочли бы избежать? Что вы думаете о каждом из родственников и гостей, приглашенных на свадьбу?

— А какое это имеет отношение к записи образов для меня? — Несмит приподняла брови. — Все это вас не касается.

— Я уничтожу запись нашего разговора, как только условия контракта будут выполнены… Ведь вы подписали контракт, — мягко напомнила Кайла. — Если вы хотите иметь обычное видео, то гораздо дешевле нанять оператора, а не «хамелеона». Но если вы желаете, чтобы я смотрела *вашими* глазами, обратила внимание на те детали, которые интересуют *вас*… — Кайла улыбнулась. — Тогда я должна мыслить так, как вы.

И вновь Несмит внимательно посмотрела на нее.

— Это свадьба одного из сыновей моего племянника. — Она взмахнула изящной рукой. — Беспутный, испорченный мальчишка, который никогда ничего не добьется в жизни, захотел жениться на столь же испорченной и эгоистичной девушке из большой семьи, занимающейся аквакультурой. Спектакль необходим для того, чтобы произвести впечатление на другие, близкие нам семьи.

Теперь Кайла знала, как следует смотреть на жениха и невесту. Она настроилась слушать, а женщина давала ей наставления. Обратить внимание на бессмысленное расточительство, капризы, высказывания гостей. И это еще не все… Кайла опустила ресницы, продолжая слушать, отмечая нюансы голоса, а Джеруна Несмит говорила и говорила. Изредка Кайла задавала ключевые вопросы. У старой грымзы действительно имелась программа. Любопытно. Кайла поглощала каждое слово, она примеряла на себя эту женщину, точно новое платье перед вечеринкой.

Утром того дня, когда должен был улетать ее самолет, Кайла отправилась в свою клинику. Эн Йи, ее любимый техник, была на месте.

— И куда ты намерена двинуться на сей раз? — спросила она, не спуская глаз с показаний приборов и убедившись, что Кайла удобно устроилась в кресле. — Там хотя бы будет весело?

— В любом случае, там соберется высшее общество. — Впрочем, что-то здесь было не так, и это немного тревожило Кайлу.

Она вновь проанализировала интервью с клиенткой, рассказывая Эн Йи о свадьбе. Нет, Она не понимала, в чем тут дело. Кайла наблюдала, как техник ловко привела в порядок крошечное входное отверстие в ее сонную артерию, одновременно приготовив инъекцию.

— Звучит завлекательно, — Эн Йи вздохнула, начиная вводить наносеть. — Может быть, на будущий год я отправлюсь на один из островных курортов. А в этом году придется провести отпуск в Фузхау. Мой отец собирается отметить свой столетний юбилей. — Она скорчила гримасу и рассмеялась. — Может быть,

найму тебя.

— Почему бы и нет? — сказала Кайла, и тут наносеть начала действовать.

Кайла всегда испытывала беспокойство, когда наносхемы проникали в ее мозг. Крошечные машины быстро распространялись, создавая сеть, охватывая ее память. Процесс занимал совсем немного времени, но пока он не заканчивался, все чувства Кайлы слегка менялись, а к горлу подкатывала знакомая тошнота. Эн Йи работала с ней давно и держала наготове тазик, а потом вытирала ей рот и накладывала на лоб прохладный компресс. Головная боль обрушилась на Кайлу подобно удару копья, и она закрыла глаза, сосредоточившись на дыхании, дожидаясь окончания процедуры.

Когда неприятные ощущения отступили, Эн Йи помогла ей сесть и протянула стакан яблочного сока с женьшенем. Терпкая сладость сока и знакомая горечь корня успокоили желудок, и остатки головной боли исчезли.

— А твои клиенты испытывают неприятные ощущения, когда им приходится проходить через это? — с любопытством спросила Эн Йи.

— Наверное, — кивнув, ответила Кайла. — Но они могут заплатить за перевод воспоминаний в собственную долговременную память, если у них возникнет такое желание. Так что им приходится пережить неприятный эффект только один раз. — Кайла встала, теперь она чувствовала себя хорошо. — Пожалуй, мне пора. Я еще не собрала вещи.

— Постарайся получить удовольствие, — с завистью сказала Эн Йи.

— Сделаю все, что в моих силах.

Кайла вышла из клиники и на монорельсовом поезде вернулась домой, чтобы взять багаж и отправиться в аэропорт. Наверное, она действительно получит удовольствие, даже если старуха справедливо недолюбливала гостей свадьбы. Ну, и не следовало забывать об Этане. Кайла улыбнулась, нажимая большим пальцем на панель у выхода из поезда. Тайное поручение клиентки. Этан показался Кайле симпатичным, похоже, старуха к нему неравнодушна. Так что неделя не пройдет напрасно. Кажется, с ним можно пофлиртовать — Джеруна определенно не станет возражать.

Прежде чем покинуть квартиру, Кайла раскрыла свой тайный дневник. Ей не полагалось ничего фиксировать, но записи от руки в маленьком бумажном блокнотике, найденном ею на одном из пыльных прилавков супермаркета, вполне безопасны. Они помогали Кайле преодолевать зияющие дыры в своем прошлом. К

тому же ей иногда нравилось сравнивать характеристики клиента с собственными наблюдениями, когда заказ был выполнен. Взгляды клиентов редко оказывались беспристрастными. В противном случае никто бы не нуждался в ее услугах.

* * *

Путешествие на частный остров оказалось довольно утомительным. Семья оплатила высокую степень безопасности. В век, когда похищения стали обычным делом, это было необходимо. Проверки занимали много времени, поскольку Кайла путешествовала как гость, приглашенный тем членом семьи, который не занимался планированием свадьбы. А потому не платил фирмам, обеспечивающим безопасность. Но в этом не было ничего нового, и Кайла стоически переносила бесконечные задержки. Похищение — вещь вполне реальная, и ее клиентке придется пережить такие же задержки, когда она получит воспоминания вместе с наносетью.

Но как только она взошла на борт частного челнока в международном порту Майями, все изменилось. Старуха оплачивала заказ воистину золотом, и Кайла получила все удобства, какие только были возможны. Ей предложили настоящие свежие тропические фрукты. Вино, если она пожелает. Превосходный чай, который доставил ей огромное удовольствие. Кайла привыкла спать в самолетах, поэтому проснулась отдохнувшей, когда челнок пошел на снижение над свадебным островом. Она была единственным пассажиром на этом рейсе, и как только люк открылся и спустили трап, Кайла втянула в себя влажный воздух, полный запахов цветов, гниения и земли.

Она почувствовала, как пришли в движение самые дальние уголки ее памяти. Да, ей уже доводилось бывать в подобном месте… может быть, даже здесь… Забавно, что запахи являются самым сильным звеном связи с фрагментами прежних заказов, которым удается просочиться через наносеть. Она спустилась по трапу на маленькую посадочную площадку и направилась к розовым зданиям крошечного аэропорта, предположив, что там найдет обслуживающий персонал. Цветущие ползучие растения покрывали стены и вились вокруг вымощенной плиткой дорожки, а запахи вновь подсказали: она уже здесь бывала. Кайла остановилась, дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая фигура.

— Должно быть, вы гость Джеруны. — Человек улыбнулся, но его поза выдавала некоторую напряженность. На нем была

свободная льняная рубашка и шорты. — Меня зовут Этан. — Он протянул ей руку. — Я принадлежу к той ветви семьи, которую все считают бесполезной, а потому иногда исполняю роль шофера. Добро пожаловать на свадьбу десятилетия. — Он говорил беспечно, но глаза смотрели настороженно.

— Рада с вами познакомиться, Этан, — Кайла ответила на его твердое рукопожатие и решила, что он в жизни столь же привлекателен, как и на видео, которое она посмотрела.

Она не стала возражать, когда Этан предложил взять ее сумку. Отбросив волосы с лица, Кайла улыбнулась и изучающе посмотрела на него. «Почему ты?» — размышляла она, следуя за ним по внутреннему дворику аэропорта, мимо мраморного фонтана, где плескалась вода и поблескивали золотые рыбки.

— Я с нетерпением жду свадьбы, — сказала Кайла, когда они вышли на дорогу.

— В самом деле? — спутник повернулся к ней лицом, положив руку на маленький электромобиль. — Но для вас ведь это работа, не так ли? Неужели вы способны получать от этого удовольствие? Разве посторонние мысли не помешают вам вести запись?

Великолепно. Кайла вздохнула.

— И как же произошла утечка информации? Как вы узнали, что я «хамелеон»?

— Значит, вы называете себя так? — Он поставил в машину остальной багаж, который привез на тележке носильщик. — Неужели ваша работа не кажется вам странной? Ведь вам приходится отдавать свои мысли и чувства чужим людям… за плату?

Кайла не почувствовала враждебности, как это часто бывало прежде при общении с другими людьми, узнававшими о ее настоящей профессии. Он и в самом деле хотел знать ответ.

— Наносеть не записывает мысли. — Кайла улыбнулась и уселась на пассажирское сиденье, но ей стало немного не по себе. Теперь, когда они знают, ее работа заметно усложнится. Она не сумеет получить естественных реакций, пока здесь к ней не привыкнут и не забудут о том, что ведется запись. И не раз в самое неподходящее время кто-нибудь из членов семьи, набравшись сверх меры, вспомнит и ввернет какую-нибудь колкость. Она вздохнула. — Наносеть записывает лишь чувственные ощущения… то, что видят глаза, слышат уши… вкус, прикосновения, запахи. Вот и все. Нам еще не удалось научиться телепатии. Ваша прапратётка… или кем она вам приходится… получит представление о свадьбе в диапазоне всех чувств, а не только сможет увидеть и услышать то, что там будет

происходить.

— Ах, вот оно что, — задумчиво ответил Этан, усаживаясь рядом с гостьей. — И все же это немного жутковато, не так ли? Столько времени проводить с совершенно незнакомыми людьми?

— Пожалуй, нет. — Она поправила волосы, наслаждаясь ветерком, когда электромобиль начал движение (здешний воздух показался ей слишком душным и влажным). Если Этан никогда не покидал остров, он ничего не видел, кроме роскоши местной жизни. — Такова моя работа… я узнаю о семье, стараюсь выяснить интересы моего клиента, его привычки. — Она улыбнулась Этану. — На самом деле я чувствую себя членом семьи, пока нахожусь здесь. Вот почему я считаюсь хорошим специалистом своего дела.

— «Хамелеон». — Он произнес это слово с улыбкой. — А как же ваша собственная семья? Насколько меняется ваше отношение к ней?

— У меня никогда не было семьи. — Кайла пожала плечами. — Я была лондонской сиротой в те времена, когда ирландская внешность не слишком пользовалась популярностью. Меня так никто и не удочерил.

— Сожалею.

Она снова пожала плечами, разговоры на эту тему ей надоели уже много лет назад, и Кайла сама не понимала, почему втянулась в обсуждение своего прошлого. Обычно она не рассказывала о себе, когда работала.

— А как вы оцениваете свою работу в качестве шофера? — с улыбкой спросила она. — И как получилось, что ваша ветвь семьи состоит из неудачников?

— Ну, все они актеры авангардистских театров, музыканты, горе-писатели, прожигатели жизни… во всяком случае, так считает семья. — Он рассмеялся, и Кайла не уловила в его смехе смущения или неуверенности. — Семья расплачивается по нашим долгам, прежде чем мы успеваем кого-то опозорить, однако нам объяснили наше место. — Он пожал плечами и искоса посмотрел на Кайлу. — Сам я джазовый музыкант. Одна из тех профессий, что в нашей семье не одобряют. Но я не принимаю запрещенных наркотиков, не замешан в убийствах и ограблениях или в других ужасных преступлениях, а потому получил приглашение на это сборище.

— В роли шофера.

— Ну, да. — Он ухмыльнулся, и его карие глаза заблестели. — Должны же они позаботиться о том, чтобы я знал свое место.

— И вас это беспокоит? — с любопытством спросила Кайла.

— Нисколько.

Он говорил правду. Кайла наблюдала за выражением его лица в интересах клиента. Вероятно, такая реакция оскорбит Несмит.

Они подъехали к курортному комплексу. Еще несколько оштукатуренных розовых зданий. Увитые плющом стены, тщательно подстриженные тропические растения создавали ощущение уединенности и изолированности. Бассейны с прозрачной голубой водой и водопадами казались естественным творением природы, вокруг располагались разноцветные зонты, шезлонги и бары. Этан подвез Кайлу к входу, и она зарегистрировалась у стойки, а он стоял рядом, заглядывая ей через плечо.

Конечно, персонал не позволил ей ничего сделать самой. Два очень красивых молодых полинезийца в разноцветных набедренных повязках подхватили багаж и отвели Кайлу к ее коттеджу, окруженному тенистыми пальмами. Отсюда даже был виден краешек песчаного пляжа и далекий морской горизонт: Кайла улыбнулась про себя, отметив расположение коттеджа, и протянула юношам чаевые, которые были вежливо отвергнуты. Нет, ее поселили не на первую линию с видом на океан… лучшие места предназначались почетным гостям семьи. Однако Кайла могла разглядеть воду между стволами пальм и красным жасмином. Совсем немного. Впрочем, меблировка оказалась безупречной. Лакированный бамбук и стекло, обивка из расписанного цветами хлопка — настоящая, а не синтетическая ткань.

В дверь постучали, появился еще один слуга, толкавший перед собой тележку с шампанским и закуской. *Рии-рии.* Слово всплыло в сознании неожиданно. Закуски. На каком языке? Кайла попыталась вспомнить, но у нее ничего не получилось. Два бокала.

— Вы не присоединитесь ко мне? — спросила она Этана.

Кайла улыбнулась молодому слуге, тот просиял в ответ, изящным движением откупорил шампанское и наполнил два бокала. Один с поклоном протянул Кайле, второй — Этану.

— Я сделаю лишь глоток, — сказала она. — И не более того. Шампанское туманит голову, притупляет ощущения. Выпьем за это чудесное место и время.

— Как скучно. Но вы правы относительно места и времени, — он прикоснулся своим бокалом к бокалу Кайлы, раздался мелодичный звон хрусталя. Естественно. — Расскажите, что именно моя прапратётя, или как там ее, хочет увидеть.

«Тебя», — подумала Кайла, молча поднимая бокал и делая

глоток.

— Семью. Церемонию. И как все к ней отнесутся.

— Вы мне не скажете.

— Нет, — она усмехнулась. — Конечно, нет.

— Извините. — Этан рассмеялся и пригубил свой бокал. — Мне не следовало спрашивать. — Он уселся на диванчик, и его лицо стало задумчивым. — Дело в том, что она такая… я даже не знаю… она всегда отвергала традиции. Но обычно ей это сходило с рук, — Этан усмехнулся. — Она покинула Землю и покорила свою собственную планету, — рассмеялся он. — Она удачлива в своем отрицании традиций. В отличие от нас, которые так ничего и не добились. Не могу поверить, что ее заинтересовала эта светская церемония. Вы понимаете, о чем я?

Нет, Кайла действительно не понимала. Она уселась на диванчике рядом с молодым человеком и потянулась — сказывалась усталость после долгого путешествия. При этом она оглядела Этана с ног до головы, словно он был ее новым любовником.

— А вы когда-нибудь с ней встречались?

— С Джеруной? — Этан пожал плечами. — Нет. Не думаю, что она хоть раз возвращалась на Землю с тех пор, как улетела на Марс. А это произошло еще до моего рождения.

Любопытно. Так какое же место он занимает во всей этой истории? Кайла не торопилась, наслаждаясь обществом Этана, оказавшегося гораздо симпатичнее, чем на видео. И вовсе он не был похож на испорченного богатого мальчишку, которого Кайла себе представляла. Тем хуже. Она подавила мысли о возможном «что если».

Этан вздрогнул и вытащил из кармана сотовый телефон.

— Нужно подвезти еще одного гостя. — Он встал и поставил недопитый бокал на стол. — Я хотел предложить вам сбежать с большого семейного обеда. Мы могли бы поесть на пляже. — Он посмотрел ей в глаза. — Но могу спорить, что вы откажетесь.

— Верно, откажусь. — Кайла постаралась, чтобы в ее голосе прозвучало разочарование. Впрочем, ей не пришлось особенно притворяться. — А вы мне не поможете? — Кайла поняла, что Этан намерен в любом случае сбежать с обеда. — Посидите со мной рядом? Дадите несколько подсказок? Я бы хотела, чтобы моя заказчица получила полное удовольствие за свои деньги.

После некоторых колебаний он пожал плечами и наморщил нос.

— Ради вас я готов страдать, — Этан рассмеялся. — Но вы останетесь у меня в долгу.

— Ладно, я согласна. — Она рассмеялась в ответ,

залюбовавшись стройной атлетической фигурой молодого человека, когда он повернулся и направился к двери.

«Так что же он для тебя значит?» — мысленно спросила Кайла у своей клиентки. Нечто важное, тут не могло быть никаких сомнений. Услуги Кайлы стоили очень недешево.

* * *

Блюда на предсвадебном обеде подавали превосходные, но утонченное вино плохо сочеталось с повседневными, постными разговорами. Очевидно, все уже знали о роли Кайлы. Однако после аперитивов и первых тостов гости расслабились и забыли о ней. Эта семья состояла из настоящих нытиков. Кайле быстро надоели монотонные гнусавые жалобы. Она попросила метрдотеля, чтобы ей наливали безалкогольные белые и красные заменители.

Этан прикладывался к своему бокалу, но пил и ел совсем немного. Наклонившись к уху Кайлы, он делал едкие комментарии относительно членов семьи, и ей пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не прыснуть прямо в бокал, настолько остроумными получались у него некоторые замечания.

— У меня будут из-за вас неприятности, — пробормотала Кайла, искоса посмотрев на Этана.

— Но могу спорить, что не от моей пратёти, или как там ее. — Он подмигнул Кайле. — Она никогда не была высокого мнения об этой компании. — Молодой человек сделал глоток каберне — вино подали к баранине, которую при всех мастерски разделал шеф-повар. — Меня ужасно удивил ее поступок. Вы… «хамелеоны», как вы себя называете… должны испытывать симпатию к своим нанимателям и чувствовать с ними духовное родство. — Он приподнял бровь. — Вы не могли бы рассказать мне, зачем она все это затеяла?

— Честно говоря, я не знаю. — Что было чистой правдой. Кайла поняла: именно это ее и тревожит. — Обычно мне удается разгадать замысел клиента, но только не в этот раз. — Она подняла бокал и улыбнулась, глядя собеседнику в глаза — теперь, при свете люстры, она смогла рассмотреть их как следует. — Подозреваю, что ваши… комментарии… доставят ей огромное удовольствие.

— Надеюсь. — Он чокнулся с соседкой, и улыбка замерцала в его глазах. — Мне нравится ее стиль.

Бесконечный обед все же приближался к своему финалу.

Кайла чувствовала, что Этан хочет продолжить вечер с ней наедине. С огорчением она поняла, что разделяет его желание.

Джеруна Несмит выглянула из-за ее плеча.

Через несколько дней она оставит наносеть фильтрам Эн Йи, а потом ее передадут клиенту — и все воспоминания об Этане исчезнут. Возможно, когда-нибудь знойным летом взгляд карих глаз затронет в ее душе какую-то струну, и она бездумно спросит себя: откуда взялось необычное воспоминание? У нее в дневнике останется его имя — но только в виде большого вопросительного знака. *Почему он?*

Кайла пожелала ему спокойной ночи у двери своего коттеджа. Они заглянули друг другу в глаза: казалось, их разделяет бескрайний океан. Она отвернулась первой и захлопнула за собой дверь. В этот момент девушку совсем не беспокоило, что ее ощущения достанутся миссис Несмит. Она быстро пересекла роскошную комнату, подошла к бару, налила себе двойную порцию очень дорогого бренди, выпила его залпом и улеглась в постель.

* * *

Свадьба оправдала все ожидания. Множество богатых людей, превосходная дорогая одежда от лучших дизайнеров, блеск, пышность, торжественность, цветы, роскошное угощение, изысканные напитки… Кайла оделась соответствующим образом — в платье-сари из шелкового муслина. На пороге богато убранной церкви ее на мгновение охватила паника: Этана в числе гостей не оказалось. Что подумает нанимательница? Не свяжет ли она сегодняшнее отсутствие молодого шофера с его вчерашними взглядами и вздохами, сулящими продолжение…

Однако спустя минуту Кайла заметила элегантную фигуру Этана, облаченную в безупречный костюм. Можно сказать, она сделала хороший снимок в три четверти. На лице Этана застыло отсутствующее выражение, и по нему ничего нельзя было прочитать. А затем, словно ощутив прикосновение ее взгляда, он посмотрел прямо на Кайлу. Этан не улыбнулся, но на несколько мгновений задержал ее взгляд — и она забыла о существовании своей клиентки. Кайла встряхнулась, по ее губам скользнула улыбка сожаления, и она уселась на скамью со стороны невесты, откуда ей был хорошо виден Этан.

Церемония проходила вполне традиционно, и Кайла выделила наиболее важные моменты: процессию, клятвы, обмен кольцами и тому подобное. Ее взор неизменно возвращался к

профилю Этана. Ни одна эмоция не отразилась на его лице. Однако девушка продолжала буравить его взглядом, честно отрабатывая свои деньги.

Церемония завершилась, и гостям пришлось подождать, пока все перейдут в соседнее помещение. Кайла не видела Этана. Она стала пробираться сквозь толпу, стараясь обращать внимание на детали, которые непременно заинтересуют клиентку — мелкие размолвки, обмен колкостями, побелевшие костяшки пальцев, сжимающие стакан с «мартини». О да, думала Кайла, напуская на себя равнодушный вид, но замечая все, что могло представлять хоть какой-то интерес. Я знаю, как ты относишься к этим людям и на что бы обратила внимание, если бы сама находилась здесь. Этан не ошибся. Тетушка была очень невысокого мнения о семье. За исключением самого Этана.

К сожалению, он куда-то исчез.

Кайла заняла столик с хорошим видом на сад, где продолжался торжественный прием. Пальмы отбрасывали длинные тени, а беседки, увитые благоухающими гирляндами цветов, обеспечивали желающим уголки уединения. Длинные столы были украшены ледяными скульптурами, цветами и гирляндами тропических фруктов; взгляд притягивали свежие омары, икра и бутылки с превосходными напитками. Огромный свадебный торт, окруженный ведерками с охлажденным шампанским и подносами с высокими бокалами, занимал отдельный стол. Солнце ударило девушке в глаза, она отвернулась — и ее взгляд наткнулся на Этана. Он в тот момент усаживал за стол пожилого гостя.

Она все еще смотрела на Этана, когда низко над землей с ревом пронесся маленький реактивный самолет. Он завис прямо над ними, двигатели протяжно взвыли, и самолет совершил вертикальную посадку. На землю тут же начали спрыгивать люди в масках и камуфляжной форме, вооруженные автоматическим оружием. Один из них выпустил короткую очередь по пальме, и в воздухе закружились листья.

— На землю! — рявкнул усиленный голос. — Всем лечь!

Вот дерьмо! Похищение.

Женщины пронзительно закричали, и на несколько мгновений воцарился хаос. Один из похитителей сделал выстрел, официант схватился рукой за шею, куда попал парализующий дротик, и осел на землю. На его белую куртку медленно слетали обрывки листвы. Гости опускались на траву, прошло всего несколько секунд — и все уже лежали, словно в сад выпустили заряд мощного усыпляющего газа. Кайла также растянулась на траве, не спуская глаз с Этана, который продолжал оставаться на

ногах. «Хватит геройствовать, — думала она, — ложись, ведь они наверняка пришли не за тобой. Куда же смотрит служба безопасности?» И тут Этан шагнул вперед. «Нет», — мысленно закричала Кайла, но один из людей в камуфляже уже поднял оружие и ударил Этана прикладом. Тот упал на землю. Кайла напряглась, пытаясь разглядеть, потерял ли он сознание.

— Тот, кто будет лежать неподвижно, не пострадает! — рявкнул мощный усилитель.

Австралийский акцент, отметила Кайла. Многие профессиональные отряды похитителей состояли из австралийцев. Самые отчаянные. Уголком глаза она видела, как люди в камуфляже шагали мимо гостей, некоторые сдергивали подвернувшиеся под руку ожерелья или дорогие часы, но настоящего грабежа они устраивать не собирались. Кайла поняла: отряд ищет вполне определенного человека. Именно за это им заплатили. Они заберут намеченную жертву и исчезнут.

Вдруг Кайла почувствовала, как ее схватили за плечи и рывком, словно она ничего не весила, поставили на ноги. Сердце отчаянно забилось у нее в груди, когда она посмотрела в серые глаза, глядящие на нее из-под зеленой маски.

— Пошли, — сказал мужчина.

— Вы совершаете ошибку, я не… — Кайла умолкла, когда мужчина быстрым движением заломил ей руку за спину, и ее пронзила острая боль. Девушка потеряла равновесие, а он толкнул ее вперед. — Я никто, — выдохнула Кайла, но похититель лишь сильнее заломил ей руку. Из ее глаз брызнули слезы, а боль заставила замолчать.

Она почувствовала, как ее подхватили другие руки, к шее прижали наркотический пластырь, и все вокруг начало погружаться в кромешный мрак. Промелькнуло небо, сознание уже покидало Кайлу, когда ее заносили в самолет.

А потом… ничего.

* * *

Первым ее чувством была головная боль, и ей показалось, будто она только что приняла наносеть. А потом высокая влажность и специфический аромат тропиков вернули ее на остров. Кайла села, широко раскрыв глаза и пытаясь что-нибудь разглядеть в полнейшем мраке. Она ослепла? Может быть, наркотик, который ей дали похитители, вошел во взаимодействие с наносетью и ослепил ее?

— Все в порядке. Я здесь.

Кайла узнала голос, заботливые руки легли ей на плечи.

— Этан? — Ее голос дрожал, и она прижалась к нему, а он обнял ее еще сильнее. Теперь она смогла различить его в темноте… но не слишком четко. Нет, она не ослепла. — Где мы? Что произошло?

— Огромная ошибка, — Этан хрипло рассмеялся. — Это было похищение, организованное кланом Желтого Ру. Я узнал их форму. Они и раньше нападали на семью. Обычное дело, когда ты достигаешь определенного уровня доходов.

— Я знаю, но… при чем тут я? — она сглотнула. Кайла ощупала матрас, теперь она уже смогла разглядеть стену, пару пластиковых ведер, туалет. — Я не имею ни малейшего отношения к вашей семье.

— Да и я далеко не самый важный ее член. — Этан вздохнул. — Это ошибка. Придурки захватили двух самых незначительных гостей, за которых им не заплатят достойного выкупа. Или ты можешь собрать серьезную сумму?

— О, боги, я бы не работала «хамелеоном», если бы у меня были деньги. — Кайла закрыла глаза. В голове пульсировала боль. — Они могут легко проверить мой счет: там совсем небольшая сумма. — Кайла содрогнулась, поскольку похищение было распространенным и прибыльным бизнесом с четко определенными правилами… если только похищенный мог платить. В противном случае все заканчивалось быстро и не слишком цивилизованно.

Этан убрал волосы с ее лица.

— Может быть, Джеруна за тебя заплатит, — сказал он.

Девушка покачала головой. Нет, она была «хамелеоном» и хорошо понимала людей. Джеруна Несмит не станет платить выкуп за человека, который выполняет для нее работу по контракту.

— В любом случае, нам нужно что-то придумать. — Этан вновь хрипло рассмеялся. — Едва ли я могу рассчитывать на выкуп.

— Но ты принадлежишь семье. Ты один из них.

— Да, как-то раз один из кланов похитителей сумел захватить моего старшего брата, я тогда был еще ребенком. Кажется, мне было семь. Семья отказалась платить. Вот их девиз: «Если хочешь идти своим путем, флаг тебе в руки».

Кайла не стала спрашивать, что тогда сделали с его братом. Вместо этого она принялась изучать стены. Пленники находились в какой-то примитивной хижине. Должно быть, приближался рассвет, поскольку она смогла заметить тонкие шесты, подпиравшие стены. Крыша надежно крепилась к их верхушкам и

была сделана из щитового пластика, довольно твердого материала… она это знала. Дверь, составленная из металлических звеньев, была окружена металлической рамой. Кайла не сомневалась, что дверь заперта. Но…

— Они полагают, что мы не станем проявлять особой активности, — прошептала Кайла прямо в ухо Этану, словно то были слова любви.

Весьма возможно, их подслушивали.

— Конечно, нет. Это место, предназначенное для ведения переговоров. Никто не ждет, что ты попытаешься сбежать. Обычно безопаснее не проявлять инициативы. Именно таковы правила игры.

— Посмотри сюда, — указала Кайла. — Видишь, какая широкая щель? — прошептала она. — Мы могли бы в нее пролезть. Может быть. Шесты довольно тонкие, возможно, нам удастся их раздвинуть. И тогда мы сумеем выбраться наружу.

Этан оказался возле стены, прежде чем Кайла закончила говорить. Она присоединилась к нему и схватилась за один из более тонких шестов. Они вместе потянули его на себя. Шест слегка переместился. Совсем немного… на волосок. Этан встал поудобнее, передвинул руки, и они вновь потянули шест. Теперь он сдвинулся на сантиметр, потом еще на один. Они вновь и вновь повторяли свои попытки. К тому моменту, когда им удалось вытащить два тонких шеста, те были покрыты кровью их рук. Кайла помогла Этану уложить шесты на пол и вытерла руки о порванное платье. Щель получилась узкой, всего в пару ладоней. Однако Кайла была довольно худой. Она подтянула подол платья, превратив его в некое подобие шорт, и завязала концы. Потом повернулась к Этану, взяла его лицо в свои ладони и крепко поцеловала в губы.

— Пожелай мне удачи, — сказала она.

— Милая, мы теперь вместе. — Он с жаром ответил на ее поцелуй.

— Нет. — Она слегка оттолкнула его. — Ты должен оставаться здесь.

— Я говорил тебе.-.

— Она хотела тебя, — Кайла сжала его руки, стараясь заставить понять. — Я не должна была тебе говорить, но теперь не стану ничего скрывать. Именно по этой причине она меня наняла — чтобы я наблюдала за тобой во время свадьбы.

— Джеруна? — Он выглядел ошеломленным. — Проклятье, но какое ей до меня дело? Она уже была на Марсе, когда я родился. Да и родственные связи между нами весьма отдаленные.

— Понятия не имею, — Кайла отвернулась. — Однако это

так. Она заплатит выкуп. Я могу это гарантировать. Ты в безопасности.

Она отпустила руки Этана, оттолкнула его и перекинула ногу через нижнюю перекладину. Вертикальные жерди, образующие проем, сжали ее грудь, сдавили легкие, девушке показалось, что она сейчас задохнется. Однако Кайла продолжала проталкивать тело вперед, разрывая платье и обдирая кожу о грубую кору. Наконец она вывалилась наружу. Бедра и колени ныли от боли, но Кайла тут же вскочила на ноги.

— Послушай. — Этан наклонился к ней. — Туг полно бутылок с водой и есть еда. Я успел проверить, пока ты была без сознания. Подожди минутку, я тебе кое-что передам. Такие хижины обычно ставят в пустынных местах. Возможно, тебе предстоит долгий путь.

Он исчез, но уже через мгновение в проеме появилась бутылка с водой. Потом еще… Их оказалось слишком много. Столько ей не унести.

— Достаточно, — сказала Кайла, забирая из его рук кожаные мешочки с чем-то сыпучим.

Потом она принялась складывать припасы в подол своего платья. Между тем Этан протиснулся сквозь толстые жерди и вывалился на землю рядом с ней.

— Нет, — запротестовала Кайла, но было уже поздно. — Какой же ты идиот, — сказала она, протягивая ему руку и помогая подняться.

— Возможно, ты и права относительно Джеруны. — Он наклонился к Кайле и поцеловал ее в лоб. — Но я не собираюсь сидеть здесь и ждать, чем все это закончится… Кроме того, я бы беспокоился о тебе. Пойдем.

Небо посветлело настолько, что она уже могла различить высокие деревья и кустарник. Их тюрьма теперь напоминала обычный ящик из переплетенных между собой шестов, скрывающийся под кронами высоких деревьев. Беглецов со всех сторон окружали уходящие ввысь стволы, казавшиеся черными в слабом утреннем свете, и огромные, похожие на папоротник, листья; миллионы тихих голосов поскрипывали, гудели и бормотали. Джунгли? Влажный воздух и густая растительность вызывали у нее клаустрофобию.

— Замечательно, — она посмотрела в сторону далеких кусочков серого неба. — Куда мы попали? — Неожиданно оглушительный рев разорвал тишину серого рассвета, и Кайла испуганно развернулась, стараясь разглядеть, не появилось ли какое-то страшилище, а рев между тем усиливался.

— Вот и ответ на твой вопрос. Все в порядке. Это обезьяны-

ревуны. — Этан рассмеялся и откинул волосы с глаз. — Они живут только в амазонском заповеднике. Я предполагал, что мы можем оказаться именно здесь. Во всяком случае, пахнет подходяще.

— Как мило. Рада, что тебе нравится.

Кайла постаралась вспомнить все, что она знала о заповеднике. Он занимает большую площадь. Очень большую. Что-то врезалось в ее плечо, она вздрогнула и ударила по нежданному врагу. Над ними перемещались быстрые гибкие тени. Вниз сыпались сухие сучки и листва. Обезьяны-ревуны? Ей хотелось зажать ладонями уши.

— Наверное, нам нужно идти, — сказала она. — Может быть, мы сумеем найти дорогу или хотя бы тропинку.

— О, здесь полно дорог. Это гигантская экологическая лаборатория. Вот только встретить тут кого-нибудь довольно трудно. Получить разрешение на работу в заповеднике удается немногим. — Этан снял рубашку и принялся связывать рукава. — Пожалуй, нам стоит взять с собой как можно больше воды.

Что-то маленькое и коричневое тут же опустилось на его обнаженное плечо. Он вскрикнул и ударил по нему ладонью. На плече остались кровь и убитое насекомое.

— Тебе лучше надеть рубашку. — Кайла развязала юбку. — У меня полно лишнего материала.

Было нелегко разорвать ткань без ножа, но в конце концов им удалось сделать нечто вроде мешка для воды и продуктов. К тому моменту, когда Этан закинул узел на плечо, множество насекомых умудрилось полакомиться их кровью. «Джеруна получит гораздо больше впечатлений, чем она рассчитывала», — мрачно подумала Кайла, когда они зашагали прочь от хижины.

В тусклом свете, с трудом проникающем сквозь листву, им приходилось продираться через заросли папоротников и переплетение лиан. Влажный жар накрывал их, как одеяло, и Кайле начало казаться, что она тонет. Ее легкие, открытые туфли плохо защищали ноги, но все же она не была босой. Однако очень скоро Кайла уже прихрамывала.

В джунглях так и не стало светлее. В желтовато-зеленом сумраке постоянно гудели насекомые. Кайла отскочила назад, когда коричневая лиана оказалась змеей.

— Обычная ямкоголовая змея, — заметил Этан, осторожно проводя мимо нее Кайлу. — Очень ядовитая. Но нам нужно особенно внимательно следить за теми, что обитают на земле. Их труднее заметить. Южно-американская коралловая змея опаснее всех, но ее удается вовремя увидеть. Обычно. А вот бушмейстера разглядеть нелегко — он сливается с землей. — Этан криво

улыбнулся. — Вот почему я иду первым. Я практически не чувствителен к их яду. Если они меня укусят, то почти наверняка я выживу.

— Господи, чем же ты занимался? — Кайла с опаской смотрела себе под ноги. — Ты вроде бы говорил, что играешь джаз. Так кто же ты? Факир, заклинающий змей?

— Я действительно джазовый музыкант. И еще у меня степень магистра по тропической экологии. — Этан пожал плечами. — Совершенно бесполезная степень, с точки зрения нашей семьи, но я провел в таких местах много времени.

Больше им не попадались змеи, но Кайлу пугала каждая тень. Идти стало легче, когда они вышли на звериную тропу, вьющуюся между стволами. Казалось, влажный жар вытягивает жидкость из тела Кайлы, и, хотя она довольно часто прикладывалась к бутылке с драгоценной водой, очень скоро ее начала мучить жажда. Всякий раз, когда они останавливались, Кайла напрягала слух, но непрерывный стрекот насекомых нарушали лишь крики птиц и обезьян, а однажды они услышали глухой кашель, заставивший Этана нахмуриться.

— Ягуар, — сказал он и напряженно улыбнулся Кайле. — Похитители стараются ставить хижины так, чтобы у пленников не возникало особого желания выбраться наружу.

— Тебе следовало остаться там. — Она стерла с лица пот подолом грязной юбки. — Старая карга обязательно за тебя заплатит.

— Ты бы хотела погулять здесь одна? — Этан улыбнулся спутнице, но его улыбка мгновенно потускнела. — Кроме того, я не собирался там сидеть. Я вообще нигде не намерен сидеть, как и мой отец. Он ушел из семьи, чтобы стать художником, и потерял целое состояние. Он мог бы остаться и сохранить богатство. Но ему не нравились правила. О да, у нас есть правила. — Он поднял глаза к небу и увидел, что оно заметно помрачнело. — Кажется, собирается дождь.

Он не шутил. Глаза Кайлы широко раскрылись, когда она увидела, как маленькие кусочки неба, которые ей удавалось разглядеть сквозь густые кроны деревьев, в считанные минуты из голубых стали угольно-серыми. А потом без всякого предупреждения небеса разверзлись, и на путников хлынула вода. Этан схватил Кайлу за руку и потянул за собой под естественное укрытие — упавшее дерево, густо поросшее лианами. Толстые листья надежно защищали от дождя. Кайла слизнула сладкие капли воды с губ, рассмеялась, выскочила под тугие струи и через мгновение промокла до нитки. Как приятно — теплая вода смывала с тела пот и грязь. Она спустила верхнюю часть платья с

плеч, и вода потекла между грудей. Проклятье, она почувствовала себя почти чистой. А потом дождь прекратился так же неожиданно, как и начался.

Солнце вынырнуло из-за туч. Капли воды засверкали, точно самоцветы. На миг яркий луч солнца озарил птичку с ало-голубым оперением. Кайла тихо рассмеялась, влажные волосы плотно облепили голову, платье оставалось спущенным до талии.

— Как красиво! — воскликнула она. — Конечно, путешествовать здесь очень тяжело, но какая красота кругом.

Она повернулась, чтобы посмотреть на Этана, и совершенно сознательно сбросила платье на землю. Плевать на Джеруну. Старуха осталась на другой планете. Кайла развесила платье на ветвях, чтобы оно просохло.

Этан молча оторвал несколько больших пальмовых листьев и постелил их под упавшим деревом. Крошечная обезьянка с личиком клоуна, на котором застыло выражение бесконечного удивления, выскочила из ниши и мгновенно исчезла в тени. Этан повернулся к Кайле, все так же молча взял ее за руки и притянул к себе, а затем положил ладони ей на плечи.

И вдруг порезы, синяки, душная жара — все исчезло. Кайла наклонилась вперед, ее губы коснулись его губ, и она провела по ним языком. И почувствовала, как Этан содрогнулся. Он сильно прижал ее к себе и нашел ее губы, их поцелуй получился страстным и сладким.

Они долго не разжимали объятий, потом заснули, а когда проснулись, возобновили прерванное занятие. Этан рассказал ей о мире очень богатых и о том, каково жить на самой его окраине, не являясь его частью, но и не имея возможности сохранять полную независимость. Семья была семьей, в некотором смысле ты являлся товаром, но одновременно еще и членом племени. И все же он оставался *внутри.* Кайла поведала ему о своей жизни в приюте. Она никогда не была *внутри.* А потом обнаружилось, что у нее очень высокая способность к эмпатии, и она может стать «хамелеоном».

— Так вот почему ты этим занимаешься! — он приподнялся на локте и провел кончиками пальцев по ее щеке. — Чтобы иметь возможность оказаться внутри?

— Да. — Она не желала ему врать. — Я действительно этого хочу. И платят неплохо. — Она вскрикнула от укуса. — Проклятые насекомые! — Девушка села, шлепнула себя по спине и оглядела испачканную кровью ладонь. — Может быть, нам лучше продолжить путь? Возможно, ты ошибся, и похитители скоро вернутся. — Она попыталась встать, но поморщилась и снова опустилась на землю.

Этан взглянул на ее ноги и укоризненно покачал головой.

— Кайла, почему ты мне ничего не сказала? Дай-ка я как следует осмотрю твои ноги.

— А какой смысл жаловаться? — ответила она, но не сумела сдержать крик, когда он попытался стереть грязь с ее ступни куском платья.

Кровь мгновенно пропитала ткань.

— Мы можем разорвать мою рубашку и перевязать раны. Извини, я забыл, что на тебе открытые туфли. — Он нежно погладил ее по спине. — Знаешь, я ношу в себе чип. — Он с горечью рассмеялся. — Но семейству это безразлично.

— Чип? — Она убрала с лица влажные волосы.

— В меня вживлен чип GPS. С самого рождения. Закон семьи. Таким образом нас могут найти — если, конечно, будут искать.

— А почему ты думаешь, что нас не станут искать?

— Похитители используют экранирующее устройство. Скорее всего, оно находилось на крыше хижины. Все играют по правилам, поэтому семейство почти наверняка ждет, когда с ним свяжутся похитители. Они не станут нас искать. — Этан нахмурился и посмотрел в сторону хижины. — Ты знаешь, судя по тому, как эффективно проведено похищение, мне трудно поверить, что нам так легко удалось сбежать. Эти парни знают свое дело. Они должны были перехватить нас еще на рассвете, в момент побега. — Он покачал головой и вздохнул. — Возможно, ты права, и они также играют не по правилам. — Он криво улыбнулся. — Нам лучше двигаться дальше.

Этан умудрился разорвать плотную ткань своей рубашки — чистый хлопок — на полосы и перевязал ей ноги так, что Кайла сумела надеть свои легкие туфли. Это ненамного улучшило ее положение — Кайла продолжала хромать, мелкие порезы и царапины причиняли боль. Они медленно шагали по звериной тропе вслед за заходящим солнцем.

Темнело быстро, и они решили остановиться на ночь, найдя еще одно подходящее укрытие под стволом старого мертвого дерева, со всех сторон заросшего лианами. После захода солнца прошел еще один ливень. Спрятавшись под деревом, они напились воды из своих запасов и немного поели. Оказалось, что похитители снабдили их сушеными манго и папайей.

Ночь была полна ужаса. Он не имел формы, но издавал звуки. Ворчание, свист, кашель и рев ягуара. Этан узнавал каждый звук и мог объяснить все, что происходило в густом, пахнущем гниением мраке, словно у него имелся волшебный фонарь, лучи которого пронизывали темноту ночи. Он изгнал кошмары, и Кайла чувствовала в его голосе любовь, когда его слова

превращали ночь в день. Она бы даже могла получить удовольствие от их путешествия, если бы у нее были удобные туфли. Потом Кайла задремала. В надежных объятиях Этана сон ее был крепок и безмятежен.

Когда Кайла проснулась, все тело онемело, а живот подвело от голода. Между тем рассветало, и она уже различала темные стволы деревьев и веерообразные пальмовые листья. Этан еще спал, его лицо, скрывали предрассветные сумерки. Кайла заметила, что щеки его покраснели, а когда коснулась кожи, она оказалась горячей. Лихорадка. «Я не буду тебя помнить», — подумала она и ощутила горькое сожаление. Если «хамелеон» не вернет наносеть, то его исключат из Союза. Никто не станет тратить огромные деньги, чтобы нанятые тобой пара глаз и ушей унесли воспоминания, которые ты хочешь сохранить или удержать в надежде на выкуп. Кайле пришлось дорого заплатить за то, чтобы стать членом Союза и получить лицензию — на это могли рассчитывать лишь те, кто считался достойным доверия. И если ты обманывал это доверие однажды, то терял его навсегда.

Но даже такая жертва не могла ей помочь. Наносеть самоуничтожается через некоторое время, если не проходит фильтрацию и стабилизацию. Через несколько дней воспоминания улетучатся — передаст она их Джеруне или нет. Конечно, Кайла может провести здесь достаточно времени. Она невесело улыбнулась, глядя в серую утреннюю пелену. Ей оставалось надеяться, что они не сумеют отсюда выбраться. Во всяком случае, это произойдет не слишком скоро.

Она не обманывалась относительно будущего. Стена между *внутри* и *снаружи* всегда остается непреодолимой. Конечно, ты можешь проникнуть за нее — на некоторое время. Но оно всегда остается не слишком долгим. Правила. У нее нет общего будущего с Этаном. Она вздохнула, сожалея, что не отказала Джеруне, а ее агент не нашла другого «хамелеона». Кайла провела кончиками пальцев по щеке Этана, наблюдая, как затрепетали его ресницы, а потом золотые глаза посмотрели на нее, и на его губах появилась нежная улыбка узнавания.

Кайла наклонилась над ним и встретила его губы.

* * *

Они вышли на дорогу лишь к полудню, когда стало особенно жарко: обжигающие солнечные лучи пробивались сквозь, казалось бы, непроницаемую стену листьев и лиан, ослепляя и заставляя спотыкаться. Несколько мгновений они стояли, прижимаясь друг

к другу и щурясь на солнце. Вдруг Этан испустил победный вопль, затем подхватил Кайлу на руки и закружил, но не удержался на ногах, и они упали в пыль, едва живые от голода и жажды, но хохочущие, точно идиоты.

А очень скоро из-за поворота появился маленький электрический джип, и темнокожий водитель ударил по тормозам. Он говорил на центрально-американском испанском, но Этан знал этот диалект и перевел Кайле его слова. Их спаситель оказался лесничим заповедника; по счастливому совпадению сегодня утром он решил проверить именно этот сектор джунглей. Лесничий внимательно выслушал рассказ Этана и заявил, что его возмущают похитители, использующие заповедник как укрытие для своих жертв. Иногда лесничие сами подвергаются опасности. У него оказались с собой вода и кукурузные лепешки, которыми он щедро поделился с беглецами. Поездка до его штаб-квартиры заняла четыре часа.

На месте их уже поджидал самолет с медиками на борту: семья все-таки решила позаботиться о своем блудном сыне. Этана и Кайлу сразу осмотрели, обработали раны и переодели, прежде чем Кайла успела перевести дыхание.

— Нас доставят в семейную больницу для наблюдения и лечения, — сказал ей Этан, усаживаясь рядом на сиденье. — Самолет прислал мой дядя. — Он коснулся руки девушки. — Наверное, нас на некоторое время разлучат. Кайла… — он смолк и вздохнул: — Я не хочу, чтобы ты забыла… это.

— Я ничего не могу поделать. — Она старалась, чтобы ее голос звучал спокойно.

— Нет, можешь. Сохрани свои воспоминания. Поглоти их, как это делают твои клиенты, — он схватил ее за руку, и его лицо побледнело.

— Они не могут тебе запретить.

Девушка покачала головой.

— У меня искусственный иммунитет, — прошептала она. — Наносеть не отдаст мне воспоминаний. Я не способна их ассимилировать.

— Но как ты можешь с этим мириться? — Неожиданно его охватил гнев, глаза засверкали. — Как ты можешь… отбросить часть своей жизни и просто уйти? Как можно отказаться от своего прошлого?

У прошлого есть зубы. От него следует убегать, его слишком опасно хранить и лелеять. Во всяком случае, так было прежде. Она отвернулась, не в силах выдержать его взгляда.

— Если я постучу в твою дверь, ты меня не узнаешь. Получится, что с нами ничего не произошло.

— Может быть, — прошептала она. — Я не знаю.

— Я хочу, чтобы ты это помнила.

Она посмотрела на него, встретила его взгляд и поняла, что кроме гнева в нем прячется страх.

— И ты… отдашь это Джеруне? — хрипло спросил он.

Она не могла ему солгать, а потому промолчала. Если она поступит иначе, на какую другую работу она может рассчитывать?

Он поднялся, не глядя на Кайлу.

— Шлюха, — сказал он и перешел в хвостовую часть самолета.

Довольно долго она сидела неподвижно, глядя на свои исцарапанные руки и перевязанные ноги.

Пройдет несколько дней, и она забудет даже последнее произнесенное им слово.

* * *

Кайла надеялась, что еще раз увидит Этана. Ее задержали в клинике на сутки, провели курс ускоренной терапии, чтобы залечить порезы на ногах, вернули багаж, оставшийся на острове, и предложили доставить домой на семейном самолете. Она уже собиралась покинуть больничную палату, как в дверь постучали. Сердце Кайлы замерло, однако на пороге стоял семейный адвокат, вручивший чек на крупную сумму. Он предложил девушке подписать документ, в котором она отказывалась от претензий к семье.

Кайла не стала возражать и все подписала. История с похищением не их вина.

Молчаливый служитель отнес ее вещи в частный самолет; она медленно последовала за ним, поскольку боль в ногах все еще давала о себе знать. Поднявшись по трапу, Кайла на мгновение остановилась и окинула взглядом больничный городок. Жизнь в этом райском уголке с уютными коттеджами, аккуратными дорожками и пышными садами шла своим чередом. Одетый в форму обслуживающий персонал не обращал на нее ни малейшего внимания, а старик в кресле-каталке, которого вывезли на прогулку, даже не взглянул в ее сторону.

Она вошла в самолет, и дверь за ней закрылась.

* * *

Кайла игнорировала послания электронной почты своего агента так долго, как только могла. Когда она наконец отключила блокировку, в голографическом поле появилось изображение Азары, темные глаза которой сверкали гневом, а украшенная самоцветами вуаль нетерпеливо дрожала.

— Позволь поинтересоваться, что ты делаешь? Клиентка грозит мне судебным преследованием. Как тебе хорошо известно, контракт защищает меня, но я могу угрожать тебе. И вовсе не судебным преследованием, испорченная девчонка. Ни один мой «хамелеон» ни разу не попытался украсть товар. И тебе лучше не создавать прецедент, слышишь меня, Кайла?

Кайла впервые видела своего агента в таком гневе. Прежде Азара не обнаруживала и малейшего недовольства.

— Я хочу сама поговорить с Джеруной Несмит, — сказала Кайла.

— Еще чего! Ты немедленно отправишься в клинику, — рявкнула Азара. — Я говорила с твоим техником. Она сообщила мне, что нано-сеть начнет разлагаться через двадцать четыре часа. Времени в обрез: надо отфильтровать воспоминания и сделать цифровую копию.

— Времени достаточно. Я немедленно отправлюсь в клинику, — Кайла опустила голову. — Как только поговорю с Джеруной.

Азара прищурилась, и ее изображение застыло. Она решила войти в контакт с нанимательницей, находившейся на Марсе.

— Клиентка готова поговорить с тобой, — с недоумением отозвалась через некоторое время Азара: похоже, слова Джеруны ее удивили.

— Пожалуй, я могу дать тебе еще один шанс, если ты обещаешь, что больше никогда не будешь вести себя так… по-детски. Конечно, у тебя будет испытательный срок. — Она пристально посмотрела на Кайлу. — Клиентка тебя не винит. — Азара приподняла брови, словно дожидалась какой-то реакции Кайлы. Потом пожала плечами. — И я не буду держать на тебя зла, если все обойдется.

Кайла встала.

— Я свяжусь с Эн Йи, пусть начинает фильтровку.

— Она тебя ждет. — На красных губах Азары появилась легкая улыбка. — Не разочаруй меня, девочка.

Угроза в ее словах не оставляла никаких сомнений — Кайла рискует лишится членства в Союзе, и не только… Девушка склонила голову и отключила голографическое изображение Азары.

Этан так и не связался с ней.

Впрочем, она на это не слишком рассчитывала. Его последнее слово осталось висеть в воздухе, словно горький привкус пепла. Она молча ждала, пока не замерцало поле голограммы, связавшее ее с далеким Брэдбери.

В поле появилось морщинистое лицо Джеруны Несмит. Оно сохраняло невозмутимое выражение, но Джеруну выдавали глаза, светившиеся торжеством.

— Я сожалею, что вам пришлось пережить такие неприятности, — вежливо заговорила Джеруна. — Впрочем, нельзя не восхищаться наукой. Даже ужас можно стереть всего за час фильтрации.

— Вы послали похитителей. — Кайла спокойно сидела в своем кресле, не сводя взгляда с морщинистого лица Джеруны. — Вы приказали им похитить меня. Меня и Этана. — Ее голос слегка дрогнул, когда она произнесла это имя, однако Кайла заметила, как сузились глаза Джеруны. Теперь уже не вызывало сомнений, что она торжествует.

— Почему вы так поступили? — Кайла склонила голову к плечу. — Зачем потратили столько денег?

— Вы очень умны. — Тонкие губы старой женщины сложились в удовлетворенную улыбку. — Как вы догадались?

— Похитители ведут себя иначе. Во всяком случае, когда речь идет о членах могущественной семьи. — Кайла пожала плечами. — Вы забыли. Я чувствую людей. Головорезы действовали без малейших колебаний. Они знали, кого следует забрать. Я видела: они не сомневались, что все делают правильно. А «случайно» встреченный лесничий? Он ведь отслеживал наше местонахождение, не так ли?

Теперь Джеруна уже не скрывала улыбки.

— Вы беременны?

Кайла сглотнула, ей вдруг показалось, что она получила удар в живот.

— Нет, — ответила она, поджав губы. — Вы стремились именно к такому исходу?

— Отнюдь. — Джеруна вздохнула. — Но это было бы… дополнительным бонусом.

— Зачем вы так поступили? — продолжала допытываться Кайла.

— Чтобы искупить свои грехи. — Джеруна покачала головой. — Возможно, вам трудно в это поверить, но когда-то я была молода. Довольно привлекательна. И весьма умна. — Она улыбнулась. — Один из моих дальних родственников в меня влюбился.

— Отец Этана, — предположила Кайла.

— О, нет, моя дорогая, вы мне льстите. — Джеруна фыркнула. — Его дед. Мне ужасно хотелось покинуть Землю, он был против, а я считала, что любовь может подождать, пока у меня появится для нее время. — Она посмотрела на Кайлу, и ее улыбка потускнела. — Никогда не повторяйте моей ошибки, дитя. Теперь я знаю: Вселенная дает человеку всего один шанс.

Нет! Кайла сумела проглотить это слово, прежде чем оно сорвалось с ее губ, и постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

— Так чего же вы хотите? Воспоминание, которое должно заменить то, что так и не произошло?

— Ты близка к истине. — Улыбка вновь стала расцветать на лице Джеруны, а глаза засияли голодным блеском. — Ты принесла мне прошлое, которое у меня не хватило ума прожить. Я буду вечно у тебя в долгу. Поверь мне, я очень хорошо плачу. — Теперь она улыбалась во весь рот, но в глазах появилось равнодушное выражение — Джеруна собиралась закончить разговор. — Тебя ждет очень щедрая премия, которая должна компенсировать моральный ущерб.

Шлюха — так он ее назвал.

— Азара ошиблась. — Кайла подождала, когда глаза Джеруны снова сфокусируются на ней.

— В чем ошиблась? — Джеруна слегка встревожилась.

— Мы не занимались любовью, — сказала Кайла. — Мы полюбили друг друга. Ведь вы рассчитывали именно на это, не так ли? Свести нас вместе, подвергнуть опасности… Джунгли — наилучшая декорация для такого спектакля. Сильный, уверенный в себе Тарзан и растерянное дитя городских улиц. Однако вам не следовало так сильно стараться. — Гнев душил Кайлу, она с трудом могла говорить. — А теперь эта любовь не продается.

— У нас контракт, — лицо Джеруны побледнело.

Ее изображение замерло. Она попыталась связаться еще с кем-то.

— Не нужно беспокоиться, — Кайла горько рассмеялась. — Мой агент ошибся относительно крайнего срока. Вы не успеете вызвать штурмовой отряд.

— Ты не сможешь их сохранить. Я знаю, как устроена наносеть. — Джеруна сжала кулаки. — Не делай глупостей. Ты больше никогда не будешь работать «хамелеоном». Уж я об этом позабочусь.

— О, мой агент справится с этим и без вашего участия. Не беспокойтесь. — Кайла посмотрела на числа, мерцающие у основания голографического поля. — Мы обе проиграли. Прямо… сейчас.

Ее расчет был верен: все произошло, словно она нажала на кнопку. Прежде Кайла так никогда не поступала, теперь ей придется обойтись без фильтра. Раньше она засыпала у Эн Йи, а когда приходила в сознание, то чувствовала себя превосходно.

«Этан, — подумала она, стараясь удержать в памяти его лицо, прикосновения, его близость. — Я не могу этого забыть».

Все тускнело… тускнело… теряло смысл… лицо… потом исчезло имя… словно льдинка на солнце. Невозвратимо…

От пронзительного вопля заложило уши, страшно заболела голова. Кайла заморгала.

В голографическом поле пожилая женщина сжимала голову обеими руками, коротко подстриженные волосы пучками торчали между пальцев. Кайла только что о чем-то говорила с клиенткой. Джеруна… дальше она забыла.

— Ах ты, сука, не пытайся меня обмануть! — закричала женщина. — Этан, дай мне Этана!

Она хочет получить наносеть, вспомнила Кайла. Что-то пошло не так… Старуха продолжала кричать.

— Вам следует обратиться к моему агенту, — сказала Кайла и выключила поле.

Знакомая головная боль сжала стальными пальцами ее виски, и Кайла застонала. Все это должно было происходить в клинике Эн Йи, а не здесь. Кайла осторожно прикоснулась к голове и, пошатываясь, направилась на кухню, чтобы заварить чай. Наверное, возник сбой в программе. Как давно она вживила наносеть?

— Проверка даты, — сказала она, и на опустевшем поле появились числа.

Она тупо посмотрела на них, чувствуя, как ее охватывает ледяной страх.

Этого не может быть.

Она выронила чашку с чаем и даже не почувствовала, что ее ноги обожгла горячая жидкость, подбежала к дивану и вытащила из-под него свой дневник. Он раскрылся: закладкой служил засохший лист папоротника. Одна страница была вырвана… записи о последнем контракте? О той старухе, что на нее кричала?

Я с этим покончила. — Прочитала Кайла, не в силах поверить своим глазам. — *Я знаю, что ты придешь в ярость, но пора все прекратить. В последние несколько дней я кое-что потеряла. Тебе ничего не известно, поскольку ты этого не пережила, тем не менее это важно. Всякий раз, когда я делала свою работу, появлялись «мы»… то есть я, которая переживала, и ты — с другой стороны фильтра.*

Я… мы… мы стали сотней женщин — и что же мы все потеряли? Я не знаю. И ты не знаешь. Я не собираюсь больше ничего тебе говорить, поскольку это исчезло навсегда, вот только с тобой ничего не случилось. И больше не случится никогда. Я задержала наносеть, и произошел ее необратимый распад. Начинай искать другую работу, дорогая. Мы… все мы… больше не будем шлюхами, мы лишились прежней работы.

Ошеломленная Кайла бросила дневник. «Я этого не писала», — подумала она, прекрасно понимая, что не следует себя обманывать. Подобные мысли ей и раньше приходили в голову. Обычно они возникали посреди ночи в конце тех суток, когда она избавлялась от наносети.

Так что же с ней случилось?

Она напряглась, стараясь вспомнить, увидела кабинет Эн Йи, и в ее сознании всплыла их беседа, тело вспомнило очертания койки, на которой она лежала, перед тем как принять наносеть…

…и она вновь увидела кричащую в голографическом поле старую женщину.

На голографическом поле появилась иконка Азары — казалось, она пульсирует от злости. Кайла не стала отвечать. Украсть наносеть можно только один раз. Потом тебя заносят в черный список.

— Надеюсь, оно того стоило, — пробормотала Кайла, но, несмотря на горечь этих слов, почувствовала странное облегчение. Она оглядела свою квартиру. — У нас был чудесный дом.

* * *

Азара прислала ей документы о расторжении договора и официальное извещение об исключении из Союза. И вежливое предупреждение о грядущей мести. Кайла покинула город и направилась на восток, стараясь замести следы. Оставалось надеяться, что Азара не станет тратить много денег на ее поиски. Кайла сняла комнату в трущобах на окраине. Прежде комната выполняла роль гостиной в большом семейном доме. Здесь имелись общая ванна и кухня, но в ее комнате установили всего лишь крошечный умывальник. В худшие времена Кайла готовила в микроволновой печи и на электрогриле, так что все было не так уж печально. Она сумела найти работу официантки в каком-то захудалом ресторанчике и получала неплохие чаевые, поскольку была хорошенькой, а свойственная девушке эмпатия помогала ей быстро устанавливать дружеские отношения с посетителями.

Иногда, по утрам, она вспоминала свои сны. И, просеивая их, спрашивала себя, были ли они частью тех последних потерянных дней.

Пришла осень вместе с дождями, грязью и долгими ожиданиями поездов, идущих в центр города. И вот однажды утром, когда она поливала свои домашние цветы — Кайла купила их на рынке, чтобы как-то украсить комнату, — кто-то постучал в ее дверь.

— Кто там? — спросила она, заглядывая в крошечный глазок.

Наверное, соседка Сухара пришла «взять взаймы» немного риса.

В который раз.

Однако человек, стоявший перед дверью, был ей не знаком.

— Кайла, вы меня не помните? Мы были… друзьями.

Этот голос… Кайла вздрогнула, как от удара током. Не следует его впускать, подсказывал девушке здравый смысл, лучше вызвать Дарио, могучего борца, живущего рядом.

Тем не менее она открыла дверь и отступила на шаг, чтобы впустить гостя. Симпатичный парень. Ее сердце забилось быстрее. Он огляделся, и на его лице появилось выражение… страдания.

— Простите, что побеспокоил, — сказал он. — Вы меня не… помните.

Он не задавал вопроса, но в его глазах застыло умоляющее выражение.

Она не торопилась, внимательно рассматривая его волосы, слегка усталое лицо, одежду из дорогих натуральных тканей, что говорило о его принадлежности к элите. Что ж, именно такими были ее клиенты. Кайла отрицательно покачала головой, и его плечи поникли.

— Я понимаю, между нами что-то было. Однако все мои воспоминания исчезли. Я сожалею.

— А вы не находили потом… у вас не осталось никаких записей, которые вы делали для себя? Писем о том, что… произошло?

Обо мне, хотел сказать он. Кайла вновь покачала головой.

— Это моя вина. Я рассердился. А потом… — он закрыл глаза. — Я заболел, по-настоящему заболел, видимо, подхватил какой-то редкий тропический вирус, который долго не поддавался лечению. А когда поправился и начал поиски… было уже слишком поздно. Наносеть распалась, вы переехали, и я не мог вас найти. Я был ужасно зол во время нашей последней встречи. Я знаю, вы подумали, что я… — он сжал руку в кулак и ударил по своему бедру. — Вы действительно ничего не помните, все исчезло без следа?

Его досада была так сильна, что наполнила комнату. Кайла непроизвольно шагнула навстречу гостю и положила руку ему на плечо.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Не знаю, что бы я хотела от вас услышать… — она заглянула в его карие глаза с золотыми искрами в глубине. — Все исчезло.

«И ты принадлежишь к элите. А я — нет».

Он посмотрел куда-то мимо нее, словно увидел что-то за спиной Кайлы.

— Вы не согласитесь пообедать со мной?

— Я же говорила вам…

— Я знаю. — Он снова посмотрел на нее, и кривая улыбка чуть тронула уголки его губ. — Я не буду больше говорить о… том времени. Я лишь хочу пообедать с вами.

Незнакомец не внушал ей угрозы.

— Конечно, — отозвалась Кайла. К тому же она нашла его симпатичным, что бы там ни произошло в прошлом. И он ей понравился. — Сегодня у меня свободный вечер.

— Замечательно. — Теперь, когда он улыбнулся, его глаза засияли золотом. — Я музыкант — когда не болтаюсь по джунглям без особой выгоды для себя. — Он немного помолчал. — Сегодня у меня выступление в другом конце города. После обеда… вы бы не хотели послушать? Я играю классический джаз. Очень старые мелодии. И… — его золотые глаза заблестели, — я отношусь к той ветви семьи, в которой принято нарушать правила. Иногда очень важные правила.

Он явно нервничал. Словно она могла отказаться.

— Конечно. — Кайла улыбнулась и протянула ему руку. И на мгновение, когда их ладони соприкоснулись, она увидела зеленые листья, золотой свет, ощутила запах влаги, гниения и земли, аромат цветов. Странно, но запахи иногда проникают сквозь наносеть. И вдруг его рука показалась ей знакомой. — Я с удовольствием послушаю, как вы играете.

Перевели с английского Владимир ГОЛЬДИЧ и Ирина ОГАНЕСОВА

© Mary Rosenblum. Home Movies. 2006. Публикуется с разрешения автора.

Далия Трускиновская
Оружие «Х»

Значит, говоришь, эта твоя Марианна сто мужиков за пояс заткнет? И в Марианскую впадину ныряла на игре «Кто глубже»? И по карате-до у нее какой-то жуткий дан, и Эверест штурмовала? И вообще?…

Впервые слышу, чтобы все это было поводом для женитьбы. Давай-ка я тебе, сынок, одну давнюю историю расскажу. Из тех времен, когда я подвизался в шоу-бизнесе и чуть не отправился на тот свет при неудачном гиперпрыжке к Антаресу. А ты постарайся понять. Постараешься? Вы в колледже уже проходили, надеюсь, историю открытия планеты Нателла? Не проходили? М-да…

Как ты можешь судить хотя бы по названию, случилось это полвека назад… Но, судя по твоим кристально чистым глазам, ты и в школе не знал, когда планетам стали давать человеческие имена. Вот интересно, знаешь ли ты, какой персонаж лет этак шестьсот назад сказал: «Не хочу учиться, а хочу жениться». Был,

был такой юноша — а ты лишь неудачливый плагиатор!

Так вот, первая же запись, доставленная зондами с Нателлы, привела человечество в восторг. Еще бы — наконец нашлись братья по разуму! Да еще какие! Двуногие, двурукие, с одним ртом и парой ушей! Сразу же вылезли все сумасшедшие, сколько их на тот момент было в Ближнем Космосе (в Дальнем тоже, конечно, были свои безумцы, но каждый занимался важным для себя делом и советов Галактическому конгрессу не давал).

Земные сумасшедшие представили весь спектр безумия — от экспедиций для распространения на планетке буддизма до буксировки ее к земной орбите с целью создания заповедника. Они насмотрелись передач о космической живности и думали, что уютный мирок Нателлы, где аборигены живут в деревянных хижинах и в каменных башнях, копают огороды и ловят в озерах шестилапых лягушек, так же любопытен для наблюдателя, как схватки золотых акул в океанах планеты Фербеллин.

Какое-то время разведслужбы пачками снимали с грузовых судов всевозможных «зайцев», желающих пожить на романтической Нателле при раннем феодализме. Думаешь, их ловили на подступах к Нателле? Какое там! Они понятия не имели, в какую сторону двигаться, и попадались в самых неожиданных местах. Оружие, которое они тащили с собой, составило прелестную экспозицию — ее потом открыли в Музее освоения Дальнего Космоса, и два месяца народ толпами ходил смеяться над древопластиковыми, просто пластиковыми и чуть ли не жестяными мечами. Потом, когда стало ясно, что на планету все равно не пустят, «зайцы» угомонились — а мы вот задумались…

Наши три телекоммуникационные компании, входящие в концерн, еще не терпели убытков, но интерес ко многим каналам как-то тихо угас, и все меньше находилось желающих разместить там свою рекламу. Нужно было нечто, собирающее всех зрителей именно у нас. А к тому времени главным носителем рекламы были шоу сюрвивистов… Ну, «сюрвив» — по-французски выживать… Учить языки, как я понимаю, ты тоже не пожелал.

Сюжеты о выживании на вершине Килиманджаро или на дне тех же фербеллинских океанов уже всем приелись. Космические сюжеты были скучны, как овсянка на воде, потому что сорок инстанций круглосуточно заботилось об отсутствии малейшего риска для наших добровольцев. Одно время мы таскали по орбитальным станциям известных певцов и модельеров — пока не выяснилось, что за время их странствий в метрополиях стремительно появляются новые звезды, и к моменту выхода очередной серии шоу «Соло в скафандре» его героев узнают в

лицо только пенсионеры и домохозяйки.

Криминальные шоу с погонями в реальном времени тоже наскучили. Наши букмекерские конторы отмечали понижение ставок — даже если в группе выживающих или убегающих была порнозвезда Бекки Рид, готовая позировать голышом хоть в торосах Антарктиды, — это уже никого не возбуждало.

Речь шла об очень больших деньгах, сынок. Нашими рекламодателями были «Галактический маршрут», авиаконцерн «Филипс и Джейми», банк «Трансспейс», еще пятерка банков помельче. Их маркетологи внимательно следили за рейтингом передач и публиковали отчеты. И выходило, что скоро наш концерн будет работать для одних лишь марсианских бабушек, ценительниц ретро-эротики, а азартные мужики, увидев на экранах нашу заставку, будут тут же переключаться на дешевые спортивные каналы.

Марсианские бабушки — это не собирательный образ. Пока на Марсе не стали возводить купола, состарившиеся первые поселенцы жили очень скучно в своих пансионатах и готовы были радоваться любой ахинее на экранах. Но они уже не летали лайнерами «Галактического маршрута» и не хранили миллиардов в банке «Трансспейс»!

Мы слушали, слушали новости про Нателлу, а потом как-то разом пришли к мысли, что лишь она поднимет наш рейтинг, и тут есть за что побороться.

Контракт мы готовили два года. Потом посчитали — начиная с первого наброска проекта и кончая последним приемо-сдаточным актом, по которому мы избавлялись от всякой арендованной оргтехники и транспорта, было задействовано двадцать восемь юристов!

А что ты думаешь? Могло быть и вдвое больше! Когда имеешь дело со старыми ослами из Управления периферийной разведки, помешанными на всякой секретности и на каждое наше слово имеющими по десять параграфов разнообразных инструкций…

Нам еще повезло — мы получили очень умную подсказку. По совету одного хитрого депутата конгресса все три наши телекомпании пристегнулись к обсуждению государственного бюджета, и вот с нашей подачи активисты какого-то непонятного движения вышли на улицы с плакатами, требуя сократить ассигнования на никому не нужную периферийную разведку, а освободившиеся деньги направить то ли голодающим Африки, то ли голодающим Азии, то ли голодающим Ассиро-Вавилонии. Пресса подняла шум, общественность загалдела, финансирование трех сверхдальних экспедиций срезали по самое не могу — не знаю, правда, получили ли с тех денег хоть виртуальный медный

грош наши голодающие… И только тогда старые ослы, утирая слезы, снизошли до обсуждения проекта «Королевский изумруд».

Дело в том, что от нашего проекта Управление периферийной разведки получало тридцать три процента прибыли. Это цифра, в которой восемь нулей. Она прекрасно затыкала финансовую прореху управления. А нужно было им сделать всего ничего — отвернуться и уставиться на какой-нибудь другой сектор звездного неба, когда наша база выйдет на орбиту Нателлы.

Мы даже базу снаряжали за свой счет!

А как ты полагаешь: концерн, который держит три мощные галактические телекомпании и еще прорву всяких походных студий на малых планетах, где живет более тысячи колонистов, может себе позволить космобазу на пятьсот персон обслуги, со всеми штатными зондами и челноками? В нее были вложены бешеные деньги, но за четыре года она окупилась полностью, а теперь, морально устарев, стала передвижным музеем концерна, болтается по фронтирам и приносит неплохой доход.

Так вот, над Нателлой старые ослы дрожали, как над младенцем. Они цацкались и нянькались с этой планеткой, не допуская прессу даже на орбитальные станции.

Вообще-то позиции Управления периферийной разведки были по-своему понятны. Из ста тысяч планет, где теоретически возможна жизнь, она обнаруживается в лучшем случае на полутора сотнях, как правило — в виде бактерий, а чтобы эта жизнь уже доросла до разумной фазы, и чтобы она соответствовала нашим понятиям о социуме, и чтобы этот социум составляли существа, подозрительно похожие на хомо сапиенс, — такое даже по теории больших чисел вообще не должно было произойти. Однако произошло.

Проект «Королевский изумруд» в общих чертах сперва выглядел так: бригада из двенадцати добровольцев, отобранных по принципу разнообразия, высаживается на планете Нателла, в этом самом, как его, раннем Средневековье. Перед высадкой парень из шестой этнографической экспедиции, устроившийся во дворец истопником, прячет под сиденьем королевского трона большой зеленый камень. Кто доберется до дворца и раздобудет камень — тот и победитель.

Это действительно был изумруд — только очень уж искусственный. С кулак. С мой кулак, не с твой!

Потом, сообразив, что все слишком просто, мы чуть изменили условие: кто доставит камень к месту приземления космобота, тот и победит. Предполагалось, что участники начнут выслеживать друг дружку, по-всякому пакостить конкурентам, а нам только этого и надо.

Главный приз был по тем временам царский. Да мы еще набрали мелких призов. Мы все продумали — даже тот, кто первым сходил с дистанции, получал ключи от двухместного бокса на «Новой Атлантиде» и кредитную карту, которой хватило бы на пять лет полного безделья. Там вообще было за что повоевать! Наши рекламные агенты нагребли такую кучу контрактов, что прямо сердце радовалось!

Съемка всех этих безобразий намечалась и с орбитальной космо-базы, и с управляемых зондов. Камеры активизировались по сигналу самих участников. Скажем, игрок знает, что сейчас ему предстоит драка с дворцовой стражей, и нажимает кнопку на браслете. Заодно страхует себя на случай серьезной опасности — диспетчеры, следящие за двенадцатью экранами, поднимут тревогу, и несчастному придут на помощь… если успеют, конечно. А если не успеют, тоже горя мало: мы получим душераздирающие кадры, которые соберут у экранов одиннадцать миллиардов зрителей. Тем более — голографические эффекты и полнейшая иллюзия собственного присутствия. Мы даже подготовили специальные салоны на десять мест с вирт-костюмами и ароматизаторами.

Да, тогда у многих еще были экраны, а не телениши. Это у тебя дома целая арка в твой рост, где прямо-таки живые люди ходят. Тогда висели на стенках плоские такие экранчики, и никакого тебе запаха, ни ветерка.

В Управлении периферийной разведки при одной мысли о том, что человек из этнографической экспедиции будет прятать всякую дрянь под королевским троном, встали на дыбы, а это ведь была самая невинная часть нашей затеи. Старые ослы не сразу сообразили, что наши добровольцы могут принести Нателле технический прогресс.

И очень даже просто.

Ведь кто может проникнуть в тронный зал? Или умеющий махать мечом авантюрист, или человек, сумевший приблизиться к местному королю путем интриг, или изобретатель парового двигателя!

Но в конце концов они принялись вопить о преступности самого понятия «прогрессор», и мы совместно разработали документ, который должны были *подписать* участники игры. Это сочинение мы потом опубликовали в своем журнале телепрограмм и на сайте компании. Судя по отзывам, мы насмешили до икоты более четырехсот тысяч человек. Текст был примерно такой: «Я, участник сюрвив-игры «Королевский изумруд», обязуюсь во время игры в полевых условиях раннего Средневековья не проводить опытов по клонированию, по генной

инженерии, по пересадке органов, по воздухоплаванию…» и т. д., и т. п. Так что публика с нетерпением ждала первых передач.

Да! Главное забыл! Я оказался в жюри, которое отбирало участников. Вот там я чуть не спятил. Мест у нас было двенадцать, а кандидатов после первого тура — двенадцать тысяч. Это, так сказать, виртуальных кандидатов, которых отобрали по анкетам. А еще каждого из жюри осаждали толпы родственников и знакомых, старавшихся пропихнуть либо себя, либо своего кандидата.

Потом я узнал, что из двенадцати мест четыре было продано, но это уже мелочи.

Разумеется, у нас были фавориты. Для них мы зарезервировали три места. Обязательно требовалось ввести в команду игроков одну звезду любовных интерактивок. Тебе ее имя ничего не скажет — Айрис Дин. Если на экране Дин с ее способностью к головоломным импровизациям — все женщины Ближнего и Дальнего Космоса наши! Для них же пригласили звезду подводного плавания — Рашида Самумхана. Ну еще Джимми, светлоглазая мулаточка с такими формами, что вспомнишь — и мысли путаются. Ей и петь не надо — хватало того, что она в открытом платье выходила на сцену и под музыку приплясывала. Пела она, впрочем, тоже неплохо.

Стало быть, борьба шла фактически за пять мест. И какая борьба! Всех сотрудников концерна, включая роботов-уборщиков, атаковали и в реальном, и в виртуальном, и чуть ли не в астральном мире.

Сперва мы просто возвращались домой всякий раз иным маршрутом, потом вообще переселились к дальним родственникам, но нас и там доставали мольбами. Я же договорился с президентом одной крупной охранной фирмы, и на те полторы недели, что оставались до окончательного решения, поселился у него в кабинете. Там меня действительно не трогали — по крайней мере, до предпоследнего дня.

А утром предпоследнего дня в кабинет вошла изумительной красоты блондинка. То есть ни прибавить, ни убавить. И встала передо мной на колени.

Когда лежишь на президентском диване, имея на себе под одеялом только трусы с пикантным рисунком, а лет тебе чуть за тридцать, такая коленопреклоненная блондинка наводит на самые разные мысли… Разумеется, оказалось, что она пришла проситься в команду. Тайный предварительный отбор состоялся, у нас осталось всего две сотни анкет, но как она об этом прознала и как ей удалось до меня добраться… Слово за слово — я пообещал ей, что в конкурсе анкет постараюсь защитить ее

интересы. Она же не только пообещала, а, как бы сказать точнее… Она свое обещание исполнила тут же, в кабинете.

Я запомнил ее имя — я, старый дурак, на всю жизнь запомнил!

Лайза Липинска.

И вот настал тот самый день. Мы все заказали себе билеты на лайнеры, которые чуть ли не прямо из студии должны были развезти нас по разным концам Ближнего Космоса. У ворот нас ждала орда убийц — тысяч этак пятнадцать желавших поучаствовать в игре. А взять мы могли, повторяю, только двенадцать. И хотя толпу стерегли чуть ли не три полка мобильных полицейских сил, смотреть на нее, даже из окна, было жутковато.

Я выполнил обещание. Я дал Лайзе высшие баллы всюду, где мог, и вообще-то не кривил душой. Я даже полагал себя вершителем высшей справедливости — она действительно заслуживала победы. По конкурсу видеозаписей и интеллектуальному уровню Лайза прошла в двадцатку финалистов; им оставалось последнее, самое решительное собеседование. Нас же вывели через какой-то страшный подвал и немедленно отправили в почетную ссылку — пока страсти не утихнут.

И вот сижу я с Алексом Свенсом на берегу тишайшей лагуны, мы пьем пиво, которое подносят шоколадные девочки, смотрим на экран, где транслируется финал конкурса и крупным планом — счастливые победители. Это прямой эфир, и тут же из зала их грузят в геликоптер и везут на космодром.

Мы видим стройного белокурого атлета, причем кудри у него почти по пояс. Его одежду (пляжные плавки) тщательно проверяют — не хочет ли он протащить с собой предмет, противоречащий раннему Средневековью, — а он позирует перед камерой.

— Комплект получился замечательный, все амплуа заняты. Арчи у нас классический тип жиголо, — говорит Алекс. — Его для того и взяли в команду, чтобы обеспечивал эротические кадры. Есть еще темненький, Рашид. А жаль, что негра не взяли. Этот негр точно бы всех уделал.

Я в лицо никого из игроков не знал, кроме блондинки, поскольку имел дело только с анкетами и с программой, которая их обрабатывала. Жиголо так жиголо, лишь бы не высадился в раннем Средневековье в этих вот плавках, тогда нам старые ослы такой иск впаяют — мало не покажется.

Потом красотку Джимми показали.

— Тоже известно, чем будет действовать, — заметил

Алекс. — Вот увидишь, она тамошнего короля на себе женит и откажется возвращаться.

Мы называли жителей большой деревни, в которой по сценарию разворачивались бурные события, королем, королевой, баронами, дамами, капелланами. Молодой король, кстати, был и по земным меркам очень хорош собой.

Ну и пусть поженятся, подумал я, у каждого свое оружие. А кадры королевской свадьбы очень даже украсят нашу передачу.

Потом был мужчина средних лет с подозрительно умным лицом.

— Погоди! — воскликнул я. — По анкете это оператор мусоросборщика Лео Пирл! Так какой же он мусоросборщик?!

Дело в том, что мы должны были избегать всех возможных видов дискриминации — по интеллектуальному, половому, возрастному, профессиональному и прочим признакам. Коли есть в команде один профессор, значит, должен числиться и трудяга. Опять же: вряд ли кто всерьез будет переживать за профессора, а трудяга, простая душа, соберет у экранов всех незамужних теток средних лет.

— Вот и я думаю, что никакой. Держу пари — врач, даже, возможно, специалист по гинекологии и акушерству, — каким-то непостижимым образом догадался Алекс. — Надо будет затребовать его анкету и выяснить, не пропал ли в его родном городе за неделю до вылета специалист соответствующей квалификации. Уволился по семейным обстоятельствам — и сгинул?

Конечно, мы об этом намерении честно забыли. Но пока мы сочиняли оператора-гинеколога, еще несколько претендентов проскочили незамеченными. И вот перед нами на экране возникла вся шеренга вместе с дублерами. Мало ли, а вдруг кому-нибудь при виде космочелнока дурно сделается?

— А где?… — начал было я и осекся. Алекс Свенс — личность яркая, но у него язык во рту не помещается. Если он догадается, что я кому-то покровительствовал, особенно блондинке…

— Что — где?

— Этот, как его, Роланд Лебусс.

— Да вот же, с краю!

Роланда формально отправили сражаться за королевский изумруд, а фактически он специалист по альтернативной биологии. Старые ослы поклялись не пустить на свою драгоценную Нателлу ни одного альтернативщика, но биологи не растерялись. Они еще раньше завербовали в свой фонд парочку спятивших миллиардеров. Так что Лебусс — один из тех, место для кого попросту купили.

Так вот, среди двенадцати бойцов обоего пола моей блондинки Лайзы не было. Имя звучало, а Лайзы не было!

А я точно знал, что она в двадцатке и должна мелькнуть на экране.

— Алекс, ты запись включил? — спросил я.

— Нет, но она уже есть в гипернете.

Я влез в гипернет, но сеть оказалась перегружена. Не мы одни хотели повторения сюжета. Когда я добрался до записи, геликоптер с участниками уже был вне связи. И тот факт, что позже я все-таки сумел совместить известное мне имя с неизвестным лицом, уже решительно ничего не значил.

Блондинка, кстати, потом вышла на связь и извинилась. Она хотела помочь подружке, которая сильно нуждается в деньгах. Я выругал блондинку и отключился. Потом отыскал данные этой улетевшей на игру подружки и крякнул.

Да, эта королевой не станет…

Вот почему я особенно внимательно следил за событиями. Кое-кто сообразил, что я лоббировал интересы одной участницы. Если она чего-то натворит — мне ведь еще как достанется! Оставалось надеяться, что она не станет изобретать деревянных подводных лодок и выращивать в глиняных горшках антибиотики. И если с ней по ее глупости чего случится — «комплименты» выслушивать мне.

А с виду — клуша клушей! С ней просто не может не случиться какой-нибудь неприятности.

Итак, двенадцать игроков, обработанные специалистами по гипнолингвистике, высадились на этой самой Нателле. В «достоверных» костюмах, нелепых шапках, в деревянных башмаках на босу ногу, а через плечо — переметная сума с потайным карманом, где спрятана аптечка. Других предметов нездешнего происхождения не было — их перед спуском и сканировали, и обыскивали. Вот разве что браслеты для связи, оформленные как местное народное творчество.

Эти браслеты были связаны с тридцатью зондами-невидимками, которые пожертвовала военная промышленность — опять же за рекламу. Мы разместили ее сюжеты о счастливых новобранцах и свадьбах в узком казарменном кругу.

Сценаристы додумались высадить игроков в разных местах, чтобы они не перегрызли друг другу глотки еще до начала настоящей борьбы.

Я посмотрел кадры высадки моей клуши Лайзы. Она чувствовала себя под прицелом камеры удивительно естественно. Сходила в кустики, потом одернула юбку, поправила высокий колпак на голове и бодро зашагала к ближайшему хуторку за

холмом. После коротких переговоров вошла в ворота — и пропала. Но браслет молчал — значит, и опасности не было.

Жиголо-блондин Арчи хуторками не интересовался — он двинул в город. Первым включил браслет, чтобы вся замершая у экранов Галактика видела, как он шагает и песенку поет. Песенка привела нас в ужас — это были рекламные куплеты дамского нижнего белья. Но когда на дороге показался абориген, Арчи заткнулся — на это у него мозгов хватило.

Жиголо-шатен Марсель уселся на перекрестке и при появлении роскошных носилок стал корчить рожи и растирать якобы поврежденную ногу. К нему подъехал начальник конвоя, через пять минут красавчика уже грузили на носилки. Вот что значит знать свое ремесло! А ты, сынок, за что ни возьмешься, всюду у тебя крах, провал и фиаско. Великое дело — ремесло, даже самое нелепое, и скоро ты в этом убедишься.

Блондинка Айрис Дин затребовала съемку, когда к ней посреди дороги приклеился дядька в кожаных доспехах, отполированных до металлического блеска. Она всяко выделывалась и наконец позволила дядьке усадить себя на конский круп. То есть мы для простоты называли это животное «конем». А оно больше смахивало на рогатую ламу, да еще, судя по следам, когтистую.

Роланд Лебусс, как я и полагал, даже не вышел на дорогу, а остался в лесу. Он там за птицами наблюдал. И связывался с зондом для того, чтобы запечатлеть очередное перепончатокрылое — камеры-то у него не было.

Несколько суток спустя уже стало ясно, как наши бойцы устроились в так называемом королевстве. Заработал тотализатор, пошли первые драки и амурные приключения. Красавец-брюнет Рашид влип в неприятность — ему показалось, что женщина, сопровождаемая вооруженными мужчинами и закутанная в шкуры, местная графиня или герцогиня. А она была жрицей и как раз вышла на охоту за очередной жертвой. Рашид чуть не угодил на здоровенный валун с ямкой, в которую очень хорошо укладывается тело связанной жертвы, и с канавкой для стока крови. Он спасся, прыгнув в реку и проплыв метров тридцать под водой. А потом сильно расстраивался, что с перепугу не догадался активизировать камеру на зонде, такие кадры пропали! Мы, конечно, все его жалобы пустили в ближайшей передаче «Королевского изумруда», внесли сумятицу в расклады букмекеров и крепко повысили свой рейтинг.

Потом вперед вырвался фальшивый мусорщик Лео Пирл. Он первым пристроился к королевской свите — вправил вывихнутую когтистую лапу местному лохматому коню. Я так и знал, что он

из медиков — больно глаза умные, а на лице написано, что любое количество алкоголя ему нипочем. Лео получил главный приз первого промежуточного этапа.

Потом гонку повел жиголо-шатен Марсель. Он стал чем-то вроде избранника королевы, только без нарушения супружеского долга. Он с ней в камушки играл, сидя на корточках посреди двора, и ее детишкам песни пел. Так у них там было принято — чтобы при богатой замужней даме молодежь состояла. Марсель поселился при дворе, получил там свою каморку и приблизился к «Королевскому изумруду», но приблизился слишком рано.

Нам требовалась длительная игра, мы заключили контракты в расчете на полтора года общегалактического времени. А он забыл об этом и поторопился подружиться сперва с королевой, потом и с королем.

Собственно говоря, король был так себе… Вот у меня сейчас под началом около двухсот человек, так? У каждого семья — старики, младенцы, какая-то родня. Если всех собрать — тысяча человек, пожалуй, наберется. Значит, я вместе со своим подразделением корпорации был бы на той Нателле чем-то вроде графа. У нашего короля таких графьев с герцогами и тому подобными маркизами было под три десятка. Вот и считай.

Конечно, за горным хребтом, в другой долине, был еще какой-то король, но тот уж совсем дикий. У него не то что дворца или замка — приличной палатки не было. По-моему, он вообще был бродячий. Мы этого потому и выбрали, что он имел деревянный замок на холме с каменной башней посередке, а еще особый сарай, где размещалось полтораста обжор. Правда, не каждый день, а по большим праздникам. Вот как раз там и стояло тяжеленное кресло с высокой спинкой, а под сиденьем был упрятан изумруд. Под холмом имелась большая деревня, которую наши историки называли «форбург». Из этого фор-бурга со временем вырастет город — ну, так мы не стали морочить зрителям голову, «городом» деревню и назвали. И даже название придумали. Погоди… как там его… Ага! Вавилон!

Сперва его предупредили: парень, не торопись! Но эти шоу-бои, эти красавцы безмозглые думают только о себе и не видят дальше собственного носа. Он чихать хотел на предупреждения и однажды ночью полез в сарай взламывать кресло. Но за ним следили круглосуточно.

Есть, сынок, такая штука — импульс «кси». Он активизирует в спасательных браслетах одну функцию — из неприметной щелочки выскакивает иголка и делает инъекцию какой-то дряни. Человека парализует на несколько суток. Браслеты, как ты понимаешь, нам выдали со складов Управления периферийной

разведки. Иногда у разведчиков возникают нештатные ситуации: нужно резко замедлить обмен веществ, иначе попавший в беду парень не доживет до спасательной экспедиции. Ну, нам это вполне подходило. Импульс полетел из штаба на космобазе к нашему торопыге и уложил того на пороге сарая. Там его и нашли утром — неподвижного, лишенного дара речи, способного лишь метать глазами молнии.

А наши монтажеры изготовили превосходный сюжет: как Марсель крадется через двор, сжимая в руке нож, и как перед ним встает длинный и тощий дед в белом балахоне — жрец, охраняющий ночной покой королевского замка. Они хотели изобразить молнию из пальцев жреца, но это уже было бы слишком.

Не успели разобраться с Марселем — поступило злобное сообщение от корпорации «Белль-Дам». Они разместили у нас рекламу нижнего белья — а какое белье, если гонку ведут мужчины? Значит, нужно выдвигать женщин. Мы посовещались и решили, что лидером пока побудет Джимми, и подсказали ей, как действовать.

Вот так мы и жили на космобазе — выстраивали игру, чтобы угодить и рекламодателям, и зрителям, и букмекерам. И, следя за поединком между Джимми и Айрис, за их брачными плясками вокруг молодого короля, не обращали особого внимания на аутсайдеров — Лебусса, одного занятного парнишку с Новой Монтаны и Лайзу.

Лайза дважды требовала к себе внимания. Один раз показала, как сидит на коленях у того самого вояки, с которым уже имела дело Айрис Дин. Он там был вроде генерала, и мы даже удивились, как этой клуше удалось столь высоко взлететь. И однажды она вызвала зонд с перепугу — куда-то шла и оказалась на лугу, окруженная стадом местных когтистых лошадок. Мы ей выписали приз за самый смешной сюжет игры.

Когда все наши бойцы подобрались к изумруду достаточно близко, мы запустили в местные монархические круги предсказание, мол, деревянное кресло содержит в себе души всех королевских предков, и потому его нужно охранять днем и ночью, а если за ним не уследят, династия прервется. Немедленно у ворот сарая были поставлены вооруженные сторожа. Бойцы взвыли, а мы обрадовались — похоже, история эта затянется больше чем на полтора года!

Но рано мы начали веселиться — бойцы кое-что смыслили в арифметике. Каждый из них уже получил какие-то промежуточные призы, вот они прикинули, что стоимость этих призов вполне окупает год сидения в космическом захолустье, и

притихли. Никто не захотел всерьез рисковать жизнью, и мы, члены жюри, наконец получили заслуженный нагоняй за то, что выбирали самых сексапильных, а не самых активных бойцов. Мы вяло оправдывались — выбрали любимцев публики, ради которых она согласна сидеть перед экранами. Нам велели из шкур вон вылезти, а оживить игру.

Мы затребовали огнедышащего дракона.

Этих драконов было изготовлено штук пять для разведки на одной планете, где водились только рептилии. Огонь, в сущности, бутафорский — чтобы отпугивать агрессивных зверюг. Про них нам рассказал в свое время кто-то из Управления периферийной разведки, когда мы рассчитывали справиться со старыми ослами поодиночке и возили их в самые дорогие и экзотические кабаки. За базар нужно отвечать — мы мобилизовали старого осла, он чуть ли не под пытками выдал недостающую информацию, «Галактический маршрут» сдал нам почти бесплатно в аренду какой-то допотопный драндулет на фотонных ускорителях, и дракона мы привезли. Высадили его на горном хребте и задали программу свободного поиска. Он безвредный, если слишком близко не подходить, но шуму — на всю Нателлу. И никакой экологической катастрофы, в которой нас пыталась обвинить пресса. Скандал был нам на пользу — с двенадцати миллиардов количество зрителей подскочило до тринадцати с четвертью, и мы сели переписывать договоры с рекламодателями.

Наши бойцы кинулись наперебой заключать контракты с королем на уничтожение дракона. Главное условие — оказаться в одиночестве возле королевского кресла хоть на полчаса. Король заподозрил неладное — он накрепко запомнил, что в кресле заключены души предков. Вмешалась старая королева, вмешались жрицы, которые ходят на охоту за жертвами, начался скандал в высших сферах. Наконец жрицы заявили, что ставят к сараю свой караул. Мы на космобазе тихо радовались — наконец хоть какое-то оживление!

Некоторое время спустя, когда дракон, отработав программу свободного поиска, получил от оставшегося неизвестным доброжелателя сигнал приступать к программе охраны информации и разбушевался не на шутку, Роланд Лебусс вызвал космобот. Он утверждал, что к моменту приземления у него в руках будет «Королевский изумруд». Мы люди простые, на психиатров не учились, но всякий, кто работает в сфере шоу-бизнеса, собирает за несколько лет свою личную коллекцию разнообразных сумасшедших. Если целый год слоняться по лесу, разговаривая исключительно с перепончатокрылыми, недолго и свихнуться.

К тому же у нас хватало хлопот с драконом. Он большого вреда не приносил, но мы все-таки доставили его на планету в обход Управления периферийной разведки. Количество зрителей росло — но росло и количество неприятностей, а тут еще Лебусс со своими глупостями.

Но он мало что требовал космобот — так еще и связался со своими приятелями-биологами. Оказалось, у них был заранее придуман код. Никто из нас в биологии не разбирается, вот мы и не обращали внимания на странные монологи Роланда. А он довольно много поведал о поисках изумруда. Ведь у нас были смонтированы сюжеты с участием аутсайдеров на случай, если главные герои дадут промашку и нечем будет заполнять эфирное время. Добраться до этих сюжетов было несложно, тем более что недалеко от Нателлы трудилась экспедиция, в составе которой находились и биологи-альтернативщики, умеющие обращаться с электроникой.

Управление периферийной разведки получило от биологов сообщение и встрепенулось. Оно теперь могло прихлопнуть всю нашу игру, ведь изумруд похищен и герой ждет награды! У нас было одно спасение — импульс «кси». Но хитрый Роланд каким-то образом заблокировал браслет.

Игра пошла вразнос. Мы послали сигнал всем нашим сексапильным брюнетам, шатенам и блондинам: срочно найти Роланда Лебусса и уничтожить! Сигнал был перехвачен, но бойцы уже приняли меры — не желая пачкать руки в крови, а ноги в болотной грязи, они живенько разбежались по разным углам королевства.

Мы поняли, что сами себя перехитрили. Нужно было брать нормальных парней, а не этих… Извини, сынок, чуть с языка не сорвалось. Но и нормальных мы взять не могли — тогда бы никто не заключил с нами контрактов на размещение рекламы.

На космобазу примчались сразу три комиссии — от Управления периферийной разведки, от Фонда развития альтернативной биологии и от Полицейского управления Галактического конгресса.

Именно теперь, когда у экранов сидело уже четырнадцать с половиной миллиардов зрителей, нам приходилось сворачивать игру, скоренько назначать победителя и убираться с Нателлы, пока в дело не вмешался Совет лидеров Галактического конгресса.

В общем, пришлось выйти на связь с Лебуссом. Его друзья гарантировали ему неприкосновенность, и космобот приземлился в указанном им месте, чтобы забрать его и изумруд. Изумруд Роланд, кстати, показал, и наши бутафоры признали его

подлинным.

А теперь вообрази, сынок, каково было наше удивление, когда у трапа космобота мы увидели Лайзу и Лео Пирла!

И вот теперь я начинаю рассказывать эту историю заново, с самого начала. Слушай и делай выводы.

Лайза Липинска была сиротой, а выросла в детском пансионате. Когда ей исполнилось девятнадцать, она могла уйти оттуда, но осталась работать инструктором-стажером по мелкой моторике. Потом даже закончила специальные курсы и стала профессиональным инструктором.

Что такое мелкая моторика? Ну вот есть у тебя пальцы. Допустим, я попрошу тебя вдеть нитку в иголку… Извини, забыл — ты и слов таких не знаешь. Допустим, я попрошу тебя усиком от снарк-транслятора собрать псевдокристаллы с платы акровистера. Сложно? Ну вот, способность пальцев выполнять такие мелкие и точные движения и есть мелкая моторика.

Лайза сперва занималась со здоровыми детишками, потом разработала свои курсы упражнений для больных. Она бы так и протрудилась всю жизнь, не выходя из пансионата, но мы затеяли игру «Королевский изумруд» и раструбили о ней на весь Ближний и Дальний Космос. Особенно, как ты понимаешь, мы налегали на цифры — сколько стоят призы, каковы будут гонорары шоу-звездам, и так далее. Простой зритель очень такие цифры любит.

Но зрители бывают разные. Одни от наших миллионов пришли в восторг, а другие возмутились — на что уходят бешеные деньги, когда в пансионате малышам не на что фрукты купить? Ну, не фрукты, там на самом деле речь шла о диагностическом оборудовании. В общем, Лайза стала думать, что тут можно сделать. И додумалась.

В отличие от прочих наших бойцов, она очень внимательно смотрела записи этнографических экспедиций. Потом, уже подав анкету, вместе с подружками изучила тот самый документ, который мы сдуру вывесили на сайте «Королевского изумруда». Ну, ты помнишь: «Я, участник сюрвив-игры «Королевский изумруд», обязуюсь во время игры в полевых условиях раннего Средневековья не проводить опытов по клонированию, генной инженерии, пересадке органов, воздухоплаванию…» и т. д., и т. п.

Потом с помощью самой красивой девицы пансионата Лайза добилась моего покровительства. И оказалась на многострадальной Нателле.

Лайзе выдали совершенно аутентичную одежду — в том числе и юбку, сотканную из грубой пряжи.

Покинув космобот, она, если ты помнишь, сперва зашла в кустики. Там она сломала несколько подходящих веточек и,

обдирая их ногтями на ходу, двинулась к ближайшему хутору, где ее пустили переночевать.

И что же сделала эта ведьма? Она буквально распустила свою юбку на нитки и, смотав клубочки, села в уголке вязать носок. Но не для себя, а совсем маленький. Когда хозяйка хутора спросила у нее, чем это она занимается, Лайза показала почти готовый детский носочек.

Она знала, что на планете Нателла еще не изобрели трикотажа! И она не нашла его в списке, который нам навязало Управление периферийной разведки, чтобы спасти Нателлу от прогрессоров.

А вязать она умела превосходно — и крючком, и спицами. Я ж тебе говорю — мелкая моторика! Она же на этом и выстроила свои передовые методики!

Дальше все было просто — хозяйка хутора заказала ей носки для всего семейства, а потом для всех соседей. Лайза преспокойно сидела и вязала. Она знала, что рано или поздно слух о ней дойдет до королевского двора, и какая-нибудь местная маркиза в домотканой мантии вытребует мастерицу для своих услуг. Так и получилось.

Еще на космобазе она высмотрела среди бойцов Роланда Лебусса и решила, что это мужчина серьезный. Поладила она также с фальшивым мусорщиком Лео Пирлом. Лео хотел заработать денег не для себя, а для своей клиники. Ему требовалась новая операционная.

Вот эти трое и объединились.

Лео врачевал при дворе вьючную скотину и отвлекал наше внимание от Лайзы. Каждый раз, когда она появлялась в покоях старой королевы со своими творениями, он вызывал зонды и собирал общее внимание на себя. А Лебусс приготовил в лесу всякие берлоги и волчьи ямы на случай, если мы захотим вывести его из игры и пришлем группу захвата.

Когда он в первый раз объявил, что завладел королевским изумрудом, камня у него еще не было — но именно в ту ночь Лайза вытащила изумруд из-под кресла. С разрешения главной жрицы принесла вязаные головные повязки свирепым теткам, охранявшим сарай с креслом, и заодно научила их, как вывязывать крючком столбики без накида и столбики с накидом. Ты не удивляйся, сынок, что я такие слова знаю — я эти проклятые столбики на всю жизнь запомнил! А потом Лайза передала камень Лео, а Лео отнес его на лесную опушку, где и спрятал в назначенном месте. Все, игра окончена!

И ведь никто из нас не заметил, что население Нателлы стало щеголять в вязаных вещах! А мы могли бы догадаться, отчего

местные дамы стали укорачивать свои юбки. Полосатыми носочками они хотели похвастаться! А потом — узорными жилеточками. А потом — ажурными накидочками, будь они неладны…

И ведь ничего у нее не было, кроме собственных ловких пальцев! У Арчи оружие — бицепсы, золотые кудри по пояс, улыбка, у Джимми оружие — талия тоньше моего запястья, а бедра — во! У Айрис оружие — острый ум, у Рашида — реакция, как у леопарда… И все ведь играли по правилам — на камеру, чтобы тринадцать миллиардов телезрителей ни шага, ни словечка не упустили. Честно играли, ничего не скрывали, из всего рекламный сюжетик умели сделать! И что же? Ничего не сработало! Одна трата времени.

Лайза произвела на бедной Нателле целую культурную революцию. И улетела к себе в пансионат — заказывать и ставить диагностическое оборудование. А Лео отправился строить новую операционную. А Роланд Лебусс — выкупать землю для заповедника орланов-белохвостов.

Мы увязли в долгом и бестолковом судебном процессе с Управлением периферийной разведки. Наших бойцов вызывали в качестве свидетелей — вот почему я знаю, что Лайза и Роланд в конце концов поженились. На краю заповедника они строят поселок, куда приглашают детей из пансионата. Пресса о нем молчит, но ты знай, сынок — он есть, и там ни одной телениши, ни одного старенького телеэкранчика. Как они живут без игровых шоу и без рекламы — даже подумать страшно.

Но вот прошло столько лет, и я обнаружил, что голова моя пуста. Я помню имена каких-то бездарных певцов, каких-то девиц, которых никто и никогда не видел одетыми, в моих ушах звучат вопли шоу-бойцов, цифры какие-то огромные, смысл которых давно утрачен, и жуткие двустишия вроде «Покупайте на обед триметилдебилонед!».

Всю жизнь я на это потратил, всю жизнь. Куда только ни летал, в гиперпрыжках побывал, в тау-туннелях, лишь бы изготовить самый дорогой рекламный сюжет. И пальцы мои не знали никакой мелкой моторики, кроме кнопок коммуникатора, и глаза мои не знали никакой красоты, кроме экранной — а от нее даже марсианских бабушек, которые на любое зрелище были согласны, с души воротило.

А они вот живут до сих пор на лесной опушке и ходят в больших и теплых свитерах с невероятными узорами… на столе у них миски с медом и земляникой… и хозяйка в доме — женщина, не бизнес-леди, не звезда, а женщина…

Значит, говоришь, эта твоя Марианна сто мужиков за пояс

заткнет? И по карате-до у нее какой-то жуткий дан, и Эверест штурмовала? И в игре «Леди Погибель» уже участвовала? Третье место? И вообще?…

Что? Не слышу!

Уже ничего не говоришь?

Вот то-то!

ВИДЕОДРОМ

БЕОграфические заметки

БЕОграфические
ЗАМЕТКИ
Знаменитый Роберт Земекис разродился экранизацией одного из самых загадочных литературных произведений в мировой истории.

Знаменитый Роберт Земекис разродился экранизацией одного из самых загадочных литературных произведений в мировой истории.

Поэма «Беовульф» относится к почетной категории «дедушек и бабушек» европейской словесности. Происхождение литературного памятника, как обычно в таких случаях, окутано тайнами и вызывает споры ученых, а имя автора — или «коллектива авторов» — смыто рекой времени. Предположительно, поэма создана в седьмом или восьмом веке новой эры. И долго передавалась изустно, прежде чем перо вывело ее слова на пергаменте, По устоявшейся версии, она записана монахами примерно в десятом веке. Хотя более правдоподобным выглядит предположение, согласно которому анонимный переписчик раннего Средневековья объединил несколько сказаний в одно, разумеется, «творчески переработав». Единственный список поэмы, сильно поврежденный при пожаре двухсотлетней давности, в настоящий момент хранится в Британском музее.

Эпический сюжет многократно пересказывался в иных литературных источниках. Вождь дружины гаутов Беовульф приплывает на помощь датскому королю Хротгару, дабы остановить бесчинства чудовища Гренделя. В побоище он ухитряется оторвать Гренделю руку, и тварь издыхает. Тогда вдруг откуда ни возьмись появляется еще более опасная мать монстра, но в подводной пещере Беовульф и с ней справляется в одиночку. Куда реже пересказываются дальнейшие события жизни героя. По возвращении на родину Беовульф со временем сам становится правителем и спустя полвека после схватки с

Гренделем ценой своей жизни убивает дракона, много веков охранявшего сокровища.

Линейный героический сюжет, четкий конфликт и относительно небольшое число действующих лиц, казалось бы, облегчали тексту путь на киноэкран, А мотив борьбы с чудовищем сближал поэму с «готическими» произведениями девятнадцатого века, Однако Беовульфу в этом плане повезло значительно меньше, чем Франкенштейну или Дракуле. Впервые история проникла на экраны в 1966 году в пяти эпизодах семейного телешоу «Джека-нори», которое представляло из себя нечто вроде отечественных телевизионных моноспектаклей. Спустя пятнадцать лет Беовульф снова появился на телеэкране, на этот раз в виде мультфильма с оригинальным названием «Грендель, Грендель, Грендель», Повествование велось от лица Гренделя, которого озвучил знаменитый британский актер Питер Устинов. Пожалуй, с этой постановки наметилась тендеция к «очеловечиванию» одного из самых известных монстров в истории мировой культуры.

Хотя новые крупные экранизации возникли только спустя два десятка лет, кинематографисты постоянно вспоминали о поэме. Персонажей по имени Беовульф можно встретить и в фильме ужасов «Осторожно: дети играют» (1989) известной независимой студии «Трома», и в сериале «Зена — королева воинов». Мотивы поэмы присутствуют во многих жанровых лентах. Например, в финале «Чужих» Джеймса Камерона, когда Рипли после победы над монстрами борется с их королевой. В «Чужом 3» Дэвида Финчера та же Рипли сама оказывается матерью чудовища ивынуждена покончить с собой. В приключенческой картине Кевина Рейнольдса «Робин Гуд — принц воров» после поединка с шерифом Ноттингема отважный Робин из Локсли чуть не погибает от руки ведьмы (в первоначальной версии она — мать шерифа).

Но все это — вольные интерпретации, и авторы вполне могли бы откреститься от старинного источника. Хотя не стоит забывать, что во «Властелине Колец» Толкина — и соответственно, киноварианте Джексона — параллели с «Беовульфом» вполне осознанные.

А в конце двадцатого — начале двадцать первого века англо-саксонский эпос пережил что-то вроде бума экранизаций. Иногда — по нескольку наименований в сезон. Сначала в 1998 году появилась анимационная версия, созданная российскими мультипликаторами совместно с коллегами Великобритании и США (режиссер Юрий Кулаков). В следующем году вышли сразу две совершенно не похожие друг на друга ленты, объединенные

первоисточником.

Блокбастер «13-й воин» Джона Мактирнана явил «двойную» экранизацию. Он перенес на экран не сам «Беовульф», а роман Майкла Крайтона «Пожиратели мертвецов», опубликованный еще в 1976 году и основанный на сюжете поэмы. Крайтон вольно переосмыслил события эпоса (вполне вероятно — как и древний анонимный автор, изложивший фольклорные предания в ключе новозаветного мировоззрения). Гауты превратились в викингов, писатель даже поменял имена героев: например, Беовульф стал Бульвифом, Хигелак — Хиглаком. Все сказочные персонажи и события получили реалистичное объяснение: образы огнедышащего дракона и Гренделя объединились в неизвестное современной науке племя «пожирателей мертвецов» вендалов, а мать Гренделя превратилась в жрицу племени, обитающую в пещере под водопадом. Главной фигурой выведен вовсе не скандинавский герой, а рассказчик, пришелец с Востока Ахмед ибн Фадлан (Антонио Бандерас). Причем христиан среди героев, в отличие от оригинального «Беовульфа», нет вообще: араб — мусульманин, викинги и вендалы — язычники.

Идейный фон картины своеобразен. С одной стороны, проводится мысль, что даже такие этнически и религиозно далекие люди, как ибн Фадлан искандинавы, могут научиться понимать и уважать друг друга. С другой стороны, по отношению к «пожирателям мертвецов», не вызывающих никакого сочувствия, оправдано и тотальное истребление.

Майклу Крайтону не понравился вариант Мактирнана. Писатель лично переснял и перемонтировал картину, В частности, заменил исполнительницу роли «матери Гренделя» на более молодую, справедливо посчитав, что поединок могучего викинга со старухой зрителя не впечатлит. Крайтон даже переименовал ленту в «13-й воин» (первоначально она называлась, как роман). Но меры не помогли: фильм, переносящий в Средневековье идеи глобализации и нормы политической корректности, потерпел неудачу в прокате.

* * *

В том же году появилась и первая «официальная» полнометражная экранизация, двадцатимиллионный «Беовульф» Грэма Бейкера. Хотя от текста авторы ушли намного дальше, чем Крайтон, предложив зрителю редкий — и, скорее всего, преднамеренный — образчик трэша. Картина выглядит больше похожей на экранизацию комиксов (или даже манга), где

смешались элементы фэнтези, альтернативной истории, паропанка и постапокалиптической фантастики. Одинокий боец с нечистью Беовульф (Кристофер Ламберт), путешествуя по разным мирам, попадал в осажденную варварами цитадель, «внутренней угрозой» которой был мутант Грендель, сын короля Хротгара и прежней хозяйки-демонессы. Причем Беовульф тоже оказывался мутантом, своеобразным «Гренделем наоборот»: он сын человеческой женщины и бога Ваала, обреченный бороться со злом, чтобы самому не стать его орудием. Авторы превратили картину в дайджест стереотипов кинофантастики: здесь есть герметический «ужастик» а-ля «Чужой» с непременным взрывом в конце, монстр а-ля «Хищник», сцены поединков под техно-саундтрек а-ля «Смертельная битва» (модная в то время) и блондинка с щупальцами а-ля «Особь». Видимо, заразившись веселым творческим хулиганством режиссера, отечественные прокатчики выпустили фильм под названием «Био-Волк», Но парадоксальным образом тот показал, сколь многим обязана древнему «Беовульфу» современная массовая культура. Ведь лента Бейкера не столько заимствовала, сколько возвращала сюжету ранее заимствованное и переработанное другими. Вероятно, таков был и замысел: подобно осовремененным постановкам Шекспира, продемонстрировать, как выглядел бы эпос в наши дни.

В 2005 году поэму опять дважды адаптировали для экрана: вышли короткометражный «Меч короля» Уильяма Блэша и значительно более известный полнометражный «Беовульф и Грендель» телевизионного режиссера Стурла Гуннарссона, уроженца Исландии. Уже само название последнего из фильмов говорит о том, что оба персонажа выведены равнозначными фигурами. Враг датчан здесь «очеловечен» радикальнее прежнего: высокорослому исполнителю роли Гренделя даже потребовался минимум грима — главным образом, парик и окладистая борода, как и другим актерам. Новшество Гуннарссона: в его версии Беовульф и Грендель этически уравнены. Почти бессловесный дикарь Грендель кроваво мстит Хротгару за гибель отца, которого датчане убили без особой причины, просто из ненависти к чужаку. Искатель приключений Беовульф в исполнении Жерара Батлера, жаждущий битвы ради земной славы, не имеет над ним морального преимущества. Это усилено и темой любовного треугольника: Беовульф и Грендель каждый по-своему любят одну женщину. Интересно, что линия матери Гренделя оказалась никак не развита: это «традиционный» монстр, закономерно сраженный рукой героя.

Гуннарссон постарался сделать видеоряд максимально

реалистичным и достоверным. И не в плане правдоподобия спецэффектов (их почти нет), а в том смысле, что вся фантастика органично вплетена в бытовую жизнь героев. Грендель — настоящий тролль, но тролли представлены как нечто скорее приземленное, чем сверхъестественное: то ли исчезающая народность, то ли нечто вроде «снежных людей». Картина снята к тому же в нарочито бесстрастной манере, так что действо временами напоминает фильмы знаменитого датского объединения «Догма» во главе с Ларсом фон Триером.

В две тысячи седьмом кинематографисты, словно сговорившись, выдали «на гора» сразу четыре экранизации «Беовульфа», причем все — американские. Такого внимания к своей персоне, наверное, не знал даже граф Дракула в лучшие времена.

Первым «отстрелялся» малобюджетный телевизионный «Грендель» Ника Лайона. Далее должны были последовать совершенно не похожие друг на друга «Беовульф: Принц Гаутов» дебютанта Скотта Вегенера и «Пришелец» Говарда Маккэйна. Первый фильм представляет собой также малобюджетную постановку, предпринятую с благотворительными целями: все вырученные средства должны пойти на борьбу с раковыми заболеваниями. Оригинальная авторская «находка» в том, что Беовульф здесь… негр (афрогаут?). «Пришелец» в первоначальном варианте сценария был научно-фантастической адаптацией «Беовульфа», однако сценарист Маккэйн изменил фабулу, чтобы обеспечить финансирование проекта. Хотя знакомый сюжет легко узнать даже в синопсисе: звездный пришелец Каинан (Джим Кэвизел) терпит крушение на землях викингов и возглавляет их борьбу против чудовища Моорвена, тоже прибывшего из космоса.

Сейчас трудно сказать, что явят зрителю экранизации Вегенера и Маккэйна, потому что обе премьеры сдвинуты на 2008 год. Вероятно, чтобы не конкурировать в прокате с наиболее масштабной на сегодняшний день версией — «Беовульфом» Роберта Земекиса.

* * *

Режиссер воспользовался уже а пробированной им в «Полярном экспрессе» технологией, известной как «захват движения», или «захват представления» (performance capture). Актеры при этом снимаются на синем или зеленом фоне, одетые в специальные комбинезоны и оклеенные датчиками, которые

считывают даже мелкую лицевую моторику, После цифровой обработки от исполнителя остается виртуальный «каркас», Режиссер волен «надеть» на него любую текстуру и придать любую внешность: можно воспроизвести облик артиста, а можно сгенерировать выдуманного персонажа с заданной мимикой и пластикой.

Земекис применил и то, и другое. Процедура «захвата движения» позволила сократить бюджетные затраты и пригласить несколько «дорогих» актеров. И если цифровые образы Энтони Хопкинса (Хротгар) или Анжелины Джоли (мать Гренделя) похожи на исполнителей, то в случае с Беовульфом и Гренделем режиссер избрал иной путь. По воспоминаниям продюсера Стива Старки, «Беовульф — совершенно неповторимый герой, и никто из реально живущих актеров не смог бы воплотить в себе все те качества, которые соответствовали видению этого персонажа Бобом». Для роли выбрали уже немолодого и грузного Рэя Уинстона, превратив его в двухметровую «белокурую бестию». Гренделем стал Криспин Гловер, уже снимавшийся у Земекиса в «Назад в будущее», и узнать его в компьютерном образе можно только по пронзительному взгляду.

Принципиальное отличие фильма Земекиса от предыдущих экранизаций не только в размахе и технологиях. В ранних постановках, как правило, воспроизводили сюжет борьбы с Гренделем и его матерью. Новый «Беовульф» охватывает всю историю персонажа, включая трагический финал и вставной эпизод с марафонским заплывом через море. Однако Земекис с командой прекрасно понимали, что переносить архаичную фабулу на экран «один в один» не имело смысла: слишком изменились ценности и слишком искушен стал зритель, чтобы удивить его банальной историей о противостоянии героя и чудовища.

Сценарий новой версии написали известный фантаст Нил Гейман и Роджер Эйвери, когда-то вместе с Тарантино сочинивший сюжеты для «Криминального чтива». Что можно было ожидать от нестандартно мыслящего дуэта? В лучших своих традициях Гейман и Эйвери поставили сказание о Беовульфе с ног на голову. При этом несколько тем, пунктирно намеченных в других экранизациях, доведены до логического конца. Так завершена реабилитация Гренделя. Монстр выставлен практически невинной жертвой и все свои деяния совершает исключительно с целью самозащиты. Земекис дополнительно придумал мотивировку, что нападения Гренделя обусловлены физической болью: шум разнузданного гульбища в Хеороте, войдя в резонас со стенами пещер, пагубно действует на его барабанные

перепонки. В то же время Беовульф в первой половине фильма — едва ли не отрицательный герой, а мать Гренделя показана чудовищем не столько внешне, сколько внутренне: это обольстительная интриганка, сделавшая сына орудием своих манипуляций и косвенно его погубившая.

Гейман и Эйвери «изобрели велосипед», снова подняв вопрос о родственных связях Хротгара и Гренделя, затронутый еще в «Био-Волке». Правда, как и в остальном, пошли дальше предшественников, привив на генеалогическое древо ветвь самого Беовульфа. Стержневым в новой трактовке стал внутренний конфликт героя, пожинающего плоды своих ошибок, чего не было и не могло быть в оригинальной поэме. Но именно это придало фильму психологическую глубину. Здесь парадоксально чувствуется подражание Шекспиру, столь ценимому Гейманом. Великий Бард также любил выворачивать чужие сюжеты наизнанку, прёвратив хладнокровного мстителя Гамлета из хроники Саксона Грамматика в заложника душевных терзаний. Драматизм нового «Беовульфа» тоже порой достигает накала шекспировских страстей.

Но эксперименты с фабулой и видеорядом не везде на пользу фильму. Из-за большого количества сюжетных линий остался нераскрытым образ Гренделя. Мы не узнаем, кто так страшно изуродовал это несчастное создание, похожее на огромного Горлума, почему оно столь чувствительно и как смогло долго выживать вблизи Хеорота.

Пластика живых актеров не всегда согласуется с полностью цифровыми образами. А рассчитанная «неестественность» графики уравновешена довольно жестким для такого кино натурализмом. Эстетически фильм вливается в новомодную струю «высокобюджетного трэша», наряду с «Городом грехов» и «Грайндхаусом». Компьютерные кровь, слизь, оторванные конечности, шутки типа «С ума сойти! У него нет члена!» льются и сыплются с экрана настолько густо, что впору заподозрить: фамилия режиссера на самом деле не Земекис, а Родригес. Впрочем, смешение высокого и низкого вполне отвечает шекспировскому духу.

Открытый финал картины словно подчеркивает: история Беовульфа не закончена, и линия его экранизаций — тоже. «Нам нужен герой», — говорит Хротгар у Земекиса.

В цифровой век его слова не потеряли смысла.

Аркадий ШУШПАНОВ

Фильмография основных кино- и телеверсий «Беовульфа»

1981 — «Грендель, Грендель, Грендель» (Grendel Grendel Grendel, Великобритания)

1998 — «Ожившие сказания: Беовульф» (Animated Epics: Beowulf, Россия-Великобритания-США)

1999 — «13-й воин» (The 13th Warrior, США) 1999- «Беовульф/ Био-Волк» (Beowulf, США)

2005 — «Меч короля» (Blade of the King Concept Film, США) 2005 — «Беовульф и Грендель» (Beowulf amp; Grendel, Канада-Великобритания-Исландия) 2007 — «Грендель» (Grendel, США) 2007 — «Беовульф» (Beowulf, США)

2007 — «Беовульф: Принц Гаутов» (Beowulf: Prince of the Geats, США)

2007 — «Чужеземец» (Outlander, США)

ХИТ СЕЗОНА
Цветок на асфальте

НА АСФАЛЬТЕ
Параллельные миры пересекаются. Эта идея западает в души все большему числу приверженцев. Где бы еще пересечься? — терзается креативная часть глобуса и счастливо находит точки и плоскости.

Параллельные миры пересекаются. Эта идея западает в души все большему числу приверженцев. Где бы еще пересечься? — терзается креативная часть глобуса и счастлово находит точки и плоскости.

В 2001 году снятый студией DreamWorks фильм о зеленом огре перевернул все наши представления о «настоящей сказке»: в меру волшебной и без излишнего сюсюканья — а значит, вполне правдивой. И перевернутость ее с ног на голову только сыграла на пользу и картине, и зрителям. Видимо, лавры «Шрека» не давали покоя студии «Уолт Дисней», подвигая на создание «чего-нибудь этакого».

Мир анимации полнится талантами, не осталось незамеченным и это устремление.

Основной замысел, на котором основан сценарий ленты «Зачарованная», авторства Билла Келли, состоял в том, чтобы поместить доверчивую простодушную героиню в современный недобрый мир, Келли утверждает, что это была идея типа «а что если…». Но как добиться правдоподобия персонажа, если даже младшие школьники скептически относятся к чудесам? Кем надо быть, чтобы уметь удивляться, любить и сохранять душу чистой и открытой? Сумасшедшей, дикаркой или… мультяшкой? «Вот оно!» — подумал Билл Келли, и первый шаг к фильму был сделан. Уже на этапе создания съемочной группе было ясно: фильм обречен на успех. Одним из продюсеров выступил Барри Зонненфельд, известный и как режиссер («Семейка Адамс», «Люди в черном», «Дикий, дикий Вест»), и как оператор («Сбрось маму с поезда», «Большой»).

Прочитав предварительный сценарий, режиссер Кевин Лима

(«102 далматинца», «Тарзан») заявил: «Этот сценарий просто-таки написан для того, чтобы фильм снимал именно я».

Лима оказался верным поклонником диснеевской сказки, а также человеком, который может играть и шутить с материалом, не теряя уважения к классике, бережно и щедро помещать в кадр намеки на мультфильмы Мастера, но делать это без излишнего благоговения. Одним из основных вкладов режиссера в предсъемочную работу стала идея, что два мира — нарисованный и реальный — могут соединиться в таком «неподходящем» месте, как Нью-Йорк, где люди нечасто поют о своих чувствах, даже если и «живут долго и счастливо».

Фильм открывает классическая диснеевская завязка: прекрасная Жизель ждет принца своей мечты. У нее есть все необходимое, чтобы стать настоящей принцессой: красота, доброе сердце, нежный голос и способность общаться с животными. Мечта начинает сбываться, когда принц Эдвард слышит песню девушки и бросается на поиски невесты.

На следующий день героиня спешит на свою свадьбу, но колдовство королевы Нариссы забрасывает ее так далеко от волшебной страны, как только возможно, и она уже не персонаж красочного мультипликационного мира — она превратилась в реальную женщину и переместилась в самое прозаическое место, современный Манхэттен в Нью-Йорке.

Кевин Лима считает, что главное в фильме — это противостояние цинизма и чистого простодушия. Жизель — собирательный образ Белоснежки, Золушки, Спящей Красавицы, Белль и Русалочки — приходит в наш суровый мир и принимает его таким, каков он есть, вбирая все радости жизни. Ее доброта зачаровывает любого одинокого человека, с которым девушка заговаривает.

Превращение мультяшек в людей стало ядром повествования. В фильме Роберта Земекиса 1988 года «Кто подставил кролика Роджера» миры — «реальный» и «нарисованный» — существовали совместно, так сказать, в одном кинопространстве, а идеи превращений постоянно витали в воздухе. И значит, должны были когда-нибудь обрести плоть.

Заблудившейся в каменных джунглях красавице Жизель (Эми Адамс) спешат на помощь милая шестилетняя девочка Морган (Рэйчел Ковей) и ее очень серьезный отец — адвокат Роберт (Патрик Демпси). Когда влюбленный принц Эдвард (Джеймс Марсден) находит свою романтическую героиню, она уже кое-что знает о чуждом мире, познакомилась с новыми людьми и открыла для себя возможности иной эмоциональной наполненности жизни.

Смесь манхэттенского асфальта и сказочного блеска предъявлена зрителю творческой группой, в которой немало известных людей. Например, оператор Дон Берджес («Форрест Гамп», «Изгой»), художник Стюарт Виртцел («Паутина Шарлотты»), а музыку и песни написали Алан Менкен и Стивен Шварц — неоднократные лауреаты премии «Оскар» («Аладдин», «Покахонтас», «Принц Египта»).

«Зачарованная» — романтическая комедия, и это не просто отвлекает от реальности, но и заставляет посмотреть на нее с другой точки зрения. Картина слегка старомодна в музыкальных номерах, что делает ее еще более милой и загадочной. Фантазия, музыка, живое действие, компьютерно оживленные звери — вот компоненты замечательного коктейля, каким и является «Зачарованная», фильм для любого возраста.

Наталья СМОЛЯНИНОВА

РЕЦЕНЗИИ

Чертов мобильник (Hellphone)

Производство компаний Captain Movie, Mandarin Cinema, Studio Canal и др. (Франция), 2007. Режиссер Джеймс Хат.

В ролях: Жан-Батист Монье, Дженнифер Декер, Бенджамин Джангерс, Владимир Консиньи и др. 1 ч. 38 мин.

И подростковые комедии, и молодежные ужастики уже успели стать направлениями киноиндустрии. Не редкость и продукт, представляющий собой смешение двух этих жанров. Из ряда похожих друг на друга, словно близнецы, фильмов «Чертов мобильник» выделяет лишь страна-производитель. Французы, как известно, предпочитают не покупать голливудское кино, а снимать такое же, но свое. В данном случае — чересчур «такое же», национальное происхождение ни в чем не проявляется.

Чтобы покорить сердце одноклассницы, главный герой, едва вступивший в пору полового созревания оболтус Бивис… простите, Сид (типично французское имя, не правда ли?) становится обладателем чудо-мобильника, помимо массы функций и наворотов наделенного собственным сознанием. Телефон тут же начинает лезть в жизнь хозяина, меняя ее к лучшему, Разумеется, в меру своего разумения. Ничего не напоминает? Правильно, привет, «Клик: с пультом по жизни»! Когда разногласия по вопросу «что такое хорошо?» между мобильником и Сидом становятся непреодолимыми и даже такой аргумент, как признание хозяину в любви, не действует, телефон из не в меру услужливого раба превращается в ревнивого деспота. Здравствуй, кинговская «Кристина»! Эта работа мастера ужасов, точнее, ее экранизация, похоже, стала главным источником вдохновения для французских кинематографистов — расправа с телефоном при помощи пресса буквально цитирует соответствующий эпизод фильма Джона Карпентера.

Разумеется, в финале картины подлинные дружба и любовь торжествуют. Адский гаджет, ухитрившийся разнообразными способами уничтожить большую часть учеников и педагогов школы, где учится Сид (ну прямо «Факультет» Родригеса), отправляется в морскую пучину. И тут создатели фильма не обошлись без киноцитаты. Привет, «Властелин Колец»! Прощай, «Чертов мобильник»…

Сергей Цветков

Восход тьмы
(The Seeker: The Dark Is Rising)

Производство компаний Twentieth Century-Fox Film Corporation, Walden Media и Marc Platt Productions, 2007. Режиссер Дэвид Каннингем.

В ролях: Александр Людвиг, Кристофер Экклстон, Иэн МакШейн и др. 1 ч. 34 мин.

Давно отгремела битва, в которой силы Света не позволили Тьме захватить безраздельную власть над миром. На экране кружит зловещая воронья стая. Силы зла готовятся к реваншу, и остановить их может лишь подросток, наделенный сверхспособностями, о которых он до поры до времени не подозревает.

Нет, хотя дело происходит в Англии, его зовут не Гарри Поттер. Героя преследует Темный всадник, скачущий по Британии (которую уже не впервые голливудские кинематографисты предпочли снимать не на Туманном Альбионе, а в Румынии).

В жизнь четырнадцатилетнего Уилла Стэнтона, полную обычных для подростка тревог и радостей, неожиданно вторгается непознанное. Сначала охранники супермаркета оказываются в буквальном смысле оборотнями в погонах, затем странный и страшный всадник требует, чтобы Уилл отдал ему некий Знак… Наконец, бессмертные воины Добра — Старейшины — объясняют ему; он седьмой сын седьмого сына, Искатель. Его миссия — найти спрятанные в разных временах Знаки. Лишь собрав их, можно остановить Восход Тьмы. Юному Стэнтону придется заглянуть в средневековый склеп, побывать на петушиных боях XVII века, пережить набег викингов, а также наладить отношения со старшим братом, испытать первое разочарование в любви и понять, насколько дорога ему его семья.

Обвинение во вторичности уже готово сорваться с языка, но справедливости ради надо сказать, что пятитомная сага, второй роман которой стал основой фильма, была начата британской писательницей Сьюзен Купер более сорока лет назад. С тех пор многие находки, активно заимствованные коллегами автора по фэнтези-цеху, превратились в заезженные штампы. Конечно, вряд ли это может полностью оправдать неоригинальность визуального решения картины. С другой стороны, стоит ли ждать откровений от фильма-сказки для семейного просмотра?

Матвей Грибков

Бладрейн-2: Освобождение

(Bloodrayne II: Deliverance)

Производство компаний Boll Kino Beteiligungs GmbH amp; Co. KG и Brightlight Pictures (Канада), 2007. Режиссер Уве Болл.

В ролях: Натассия Малые, Майкл Эклунд, Зак Уард и др. 1 ч. 35 мин.

Уве Болл… Вероятно, самый бестолковый режиссер современности решил наснимать за свою карьеру фильмов практически всех жанров. На этот раз он дорвался до Дикого Запада и слепил вестерн. Не обычный, а вампирский. Вампиры и ковбои, надо сказать, не столь уж частое сочетание в кинематографе, так что здесь перед режиссером распростерлось непаханое поле для экспериментов. Однако неплохая перспектива снять что-то новенькое так и осталась перспективой.

Бладрейн — героиня вампирского игрового (а теперь уже киношного) эпоса — появляется на Диком Западе в городке Деливаранс, где происходят чудовищные события. Сюжет прост, как четвертак: вампир Билли Кид, отъявленный бандит и головорез (зачем реального исторического персонажа сделали кровососом — непонятно), с бандой таких же отморозков-вурдалаков держит весь городок в страхе, собираясь сделать жителей себе подобными.

Но, как и следовало ожидать, непостижимым образом об этом узнает красотка-полукровка Бладрейн (длинный плащ и шляпа-стетсон прилагаются), которая мчится на помощь и дает отпор мерзавцам.

Увы, Кристанна Локен не порадовала редких поклонников лент Уве Болла своим появлением на экране, ее место заняла малоизвестная Натассия Мальте. Впрочем, это значения не имеет, как и само место действия. Будь это космический корабль, галеры, тюремный двор, пустыня или Дикий Запад — ничего не изменилось бы. У Болла, которому не дают покоя лавры Эда Вуда, все всегда одинаково — туповатые диалоги, занудный сюжет и отвратительные съемки. Мрак и тени могут создавать некую загадочность, но в данном случае лишь скрывают низкое качество CGI-эффектов и неумение снимать яркие запоминающиеся виды.

В чем не откажешь режиссеру — так это в упорстве, Стряпая фильмы, с треском проваливающиеся в прокате, Уве Болл сосредоточенно продолжает работать «на полном серьёзе». Приглашает более или менее известных актеров, но умудряется «запороть» самые многообещающие проекты. Как ему это удается? Загадка…

Вячеслав Яшин

Дьявол и Дэниел Уэбстер (Shortcut To Happiness)

Производство компаний Yari Film Group, Splendid Pictures, El Dorado Pictures и Miracle Entertainment, 2004. Режиссер Алек Болдуин.

В ролях: Энтони Хопкинс, Дженнифер Лав Хьюитт, Алек Болдуин, Дэн Эйкройд и др. 1 ч. 35 мин.

«Дьявол в деталях!» — гласит прокатный девиз очередной (третьей по счету) картины, снятой по рассказу дважды лауреата Пулитцеровской премии, поэта и прозаика Стивена Винсента Бене. Дьявол, похоже, остался единственной деталью, связывающей режиссерский дебют актера Алека Болдуина с литературным первоисточником. Фильм, вопреки оригинальному прокатному названию, которое переводится как «Кратчайший путь к счастью», шел к зрителю дорогой долгой и извилистой, Заброшенная на полку лента была выкуплена кинопродюсером Бобом Яри и перемонтирована, что весьма раздосадовало Болдуина. В результате в титрах режиссером ленты значится вымышленный Гарри Киркпатрик. Так или иначе, но после всех злоключений картина спустя шесть лет после начала съемок увидела свет.

Герой новой экранизации — писатель Джейбез Стоун (Алек Болдуин). Однажды он лишается работы, получает отказ издателя, теряет все деньги на счете, оказывается жертвой уличных грабителей, которые крадут ноутбук с текстом нового романа, а в довершение еще и становится причиной гибели случайного прохожего. Тогда-то к мистеру Стоуну и приходит Дьявол в обворожительном обличье Дженнифер Лав Хьюитт с предложением в обмен на бессмертную душу решить все его проблемы и подарить десять лет успеха.

Конечно же, писатель соглашается и, конечно же, очень скоро начинает жалеть о своем решении. Но не все потеряно: оказывается, аннулировать договор можно, выиграв процесс, судья и свидетели на котором — друзья героя, пострадавшие от его черствости и равнодушия, а присяжные — покойные классики англоязычной литературы…

Редкий случай в современном фантастическом кино: фильм без сногсшибательных спецэффектов, снятый в нарочито старомодной манере, благодаря вечной теме и отличному актерскому ансамблю смотрится на одном дыхании от первой до последней минуты.

Сергей Цветков

2035: Город-призрак (Nightmare City 2035)

Производство компании L amp;P Productions Inc. (США-Болгария), 2007. Режиссер Теренс Уинклесс.

В ролях: Максвелл Колфилд, Алексис Торп, Стефан Иванов, Велизар Бинев и др. 1 ч. 27 мин.

Великий и ужасный Гудвин сумел превратить в Изумрудный самый обычный город, всего лишь раздав очки с зелеными стеклами его жителям и гостям. Героям же новой американо-болгарской ленты видеть «город, которого нет» помогают вживленные в мозг компьютерные чипы. Они же транслируют на центральный компьютер службы безопасности данные о состоянии здоровья каждого горожанина и при необходимости могут скорректировать антиобщественное поведение: например, усмирить насильника.

Но, разумеется, подлинной целью вживления чипов оказывается не общественное благо, а удовлетворение жажды власти главы полицейского ведомства.

Существующее подполье, несмотря на тотальный контроль, обзаводится своим человеком во вражеском стане, показав полицейскому Макдауэллу подлинное, не приукрашенное чипом лицо города, Увиденное (а также любовь руководительницы повстанцев) превращает Макдауэлла в пламенного борца с бесчеловечным режимом. А вот напарник полицейского, также освобожденный повстанцами от внешнего контроля, воспринимает произошедшее как страшную утрату. Теперь все его усилия направлены на то, чтобы причинить Макдауэллу, которого он считает главным виновником случившегося, как можно больше страданий. А ведь у того есть еще и главный враг…

Впрочем, все кончится хорошо, не сомневайтесь, Добро победит зло и сбросит его с многоэтажки, а безмолвствовавший доселе народ ликованием встретит превращение «города-мечты» в убогие развалины.

Даже не слишком искушенный в кинофантастике читатель, опираясь лишь на изложенное выше краткое содержание фильма, без труда вспомнит не менее десятка картин, ставших источником тех или иных сюжетных ходов «Города-призрака». Но проблема даже не в том, что этот неудачный гибрид «Матрицы» с «Разрушителем», поданный в эстетике «Капитана Пауэра и солдат будущего», насквозь вторичен. Главная беда — он бесконечно серьезен. И от этого крайне нелеп.

Сергей Цветков

Путевой обходчик

Производство компаний Twentieth Century Fox C.I.S., Importfilm и Monumental Pictures (Россия), 2007. Режиссеры Игорь Шавлак и Павел Руминов.

В ролях: Александр Высоковский, Алексей Дмитриев, Дмитрий Орлов, Олег Каменщиков, Светлана Меткина и др. 1 ч. 20 мин.

На смену уголовным «чиста конкретна пацанским» боевикам пришли интеллектуальные драмы, смешные комедии, неплохо сделанные мистика и фэнтези. На очереди — ужасы.

Увы, как бы ни хотелось каждый новый фильм гордо назвать прорывом в отечественном кинематографе, ничего, кроме грустной усмешки, такое желание не вызывает. «Путевой обходчик» — один из тех фильмов, что клепаются «за рупь на коленке». Тарантино тоже начинал с малобюджеток, но так то Тарантино…

Сюжет незамысловат и не блещет изысками.

После не совсем удачного ограбления банка три бандюгана с тремя заложниками бегут от сил правопорядка, скрываясь в подземельях метро. Углубляясь все дальше и дальше, они начинают исчезать по одному, являя затем свои останки на страх выжившим. Причина сих невзгод — путевой обходчик с киркой в руке, алчущий вырвать людям глаза…

На фоне хороших продаж второго переиздания глуховского «Метро 2033» сюжет про подземку мог бы стать вполне востребованным. Если бы не одно огромное «но». Наблюдать за мытарствами псевдодиггеров, в каждом кадре сравнивая сие кинцо с не самыми удачными лентами категории «Б», попросту унизительно для зрителя.

В «Путевом обходчике» каждая сцена цинично и нагло списана с достойных/бездарных образчиков жанра. Громадный список признательностей в финальных титрах можно было бы смело разнообразить именами персонажей триллеров и ужастиков 1980-х. Темная картинка давно стала синонимом низкого бюджета. Мелькающая панорама освещенного туннеля вопреки замыслу авторов банально раздражает, а не навевает страх и ужас. И игра актеров не вызывает вообще никаких эмоций — кроме искреннего желания, чтобы маньяк побыстрее избавил зрителя от мучений, уничтожив всех персонажей.

Ну а финал вполне под стать фильму. Разгадка происходящего настолько банальна, что просто вызывает оторопь.

Вячеслав Яшин

Обитель зла-3
(Resident Evil: Extinction)

Производство компаний Constantin Film Produktion, Davis-Films и Impact Pictures (США-Канада), 2007. Режиссер Рассел Малкехи.

В ролях: Милла Йовович, Одед Фер, Майк Эппс, Али Лартер, Крис Эган, Ашанти, Иэйн Глен и др. 1 ч. 34 мин.

Режиссер, подаривший когда-то зрителям двух «Горцев» и «Настоящую Маккой», на несколько лет исчез из списка активно снимающих для большого экрана и заделался телевизионщиком, А после недавней невнятной истории о гробнице Тутанхамона с Каспером ван Дьеном в главной роли снова снял добротный фильм — третью часть саги о спецназовке Эллис и злобном конгломерате «Амбрелла».

Вторая часть «Обители зла», мягко говоря, получилась не совсем удачной и чуть было не свела на нет интерес к истории противостояния белокурой девицы и всесильной корпорации. Рассел Малкехи реанимировал этот интерес. Фильм вышел весьма зрелищным, даже несмотря на то, что временами вызывает непреодолимое желание сравнить его с классическим «Безумным Максом».

Ареал деяний героини от фильма к фильму постепенно расширяется, В первой картине все происходило в подземелье «Амбреллы», во второй действие перенеслось в сам Ракун-сити. По прошествии нескольких лет с тех пор, как Т-вирус вырвался из лаборатории (а именно — в третьей части), сонмы зомби вышли на просторы пустыни Невада, а затем практически полностью заполонили Землю. Горстка выживших и разбросанных по стране людей пытается вырваться из мест, захваченных мертвецами, и прорваться на Аляску, куда зомби еще не добрались. Эллис же полна решимости добраться до руководства «Амбреллы» с помощью своих многочисленных клонов.

Истории про зомби, роад-муви, тема клонирования — режиссер перемешал жанры добившись при этом весьма достойного результата. Лента смотрится на одном дыхании и оставляет приятное впечатление не зря потраченного времени. Жаль только, что открытый финал третьей части беззастенчиво намекает на бесчисленное количество продолжений. И если они будут сняты, то на радость поклонников саги во власти зомбированных чучел окажется не только вся планета, но уже и ближний космос…

Алексей Архипов

ПРЕМЬЕРА
Ждём Индиану!

Предлагаем вашему вниманию традиционный обзор российских кино-премьер грядущего полугодия. Напоминаем, что график премьер дан по состоянию на ноябрь 2007 года, и в последующем даты начала проката некоторых фильмов могут измениться.

Январь начнется показом совместной финско-российско-британо-германской анимационной фэнтези-ленты ***«Лесной народец, или Невероятные приключения Рояли» (Rollin sydan).*** Юный тролль-разгильдяй Ролли и девочка-эльфийка Милли должны разыскать некое волшебное сердце, которое спасет мир от превращения в камень. Мультипликационный жанр в январе поддержит японский футуристический аниме-фильм ***«Агент Вексилл» (Vexille),*** действие которого происходит в 2077 году. Продолжится афиша первого месяца зимы сиквелом кроссовера ***«Чужие против Хищника 2» (Aliens vs. Predator: Requiem)*** — знаменитые монстры сойдутся в противостоянии на Среднем Западе, Именитый французский режиссер Жан-Жак Анно представит мифологическую фантазию, которую наши прокатчики ничтоже сумняшеся обозвали ***«Миллион лет до нашей эры 2» (Sa majeste Minor)***.

Хоррор-версия «Вождя краснокожих» — ***«Шепот» (Whisper)*** — расскажет, что негоже заниматься киднеппингом, особенно если похищенный ребенок владеет черной магией, Российская пародийно-экс-центричная комедия ***«Самый лучший фильм»*** с участием звезд российских масс-медиа и резидентов программы Comedy Club поведает историю современного парня Вадика, который с собственной свадьбы попадает прямиком в приемную Бога, где общается с секретарем Всевышнего по поводу своей беспутной жизни. Одноименный римейк известного гонгконгского хоррора ***«Глаз» (The Eye)*** мы увидим в американском исполнении, с Джессикой Альба в главной роли. Завершит январский репертуар долгожданная третья игровая часть цикла об обаятельных галлах — ***«Астерикс на Олимпийских играх» (Asterix Aux Jeux Olympiques)***. Обеликса вновь сыграет Жерар Депардье, в роли Астерикса Кристиана Клавье сменит Клови Корнилла, а в образе Юлия Цезаря выступит… Ален Делон.

Очередная экранизация знаменитого романа Ричарда Мейтсона ***«Я — легенда» (I Am Legend)*** наконец-то выйдет в свет в **феврале** с соответствующим названием — до этого были «Последний человек на Земле» (1964) и «Человек Омега» (1971). На этот раз роль последнего землянина, который не подвергся влиянию смертоносного вируса, уничтожившего человечество, сыграет Уилл Смит. Романтическая комедия ***«Невеста с того света» (Over My Dead Body)*** поведает о том, как дух умершей девушки мучает обстоятельными советами новую пассию своего бывшего парня. *Сразу две российские* фантастические премьеры запланированы на этот месяц. В триллере Романа Прыгунова ***«Индиго»*** за подростками, обладающими невероятными способностями, начинается охота — они пропадают один за другим (в главных ролях задействованы сплошь дети и родственники знаменитостей — Иван Янковский, Михаил Ефремов, Мария Шукшина, Никита Пресняков, Николай Ефремов; да и сам режиссер — сын известного актера Льва Прыгунова). В приключенческой ленте ***«До первой крови»*** четверка «черных археологов» проваливается во времени в 1942 год.

А вот один американский подросток, весьма напоминающий Анакина Скайуокера (что неудивительно, ведь его играет Хейден Кристенсен), вдруг обнаруживает в себе способности к телепортации. Однако такая «халява» оказывается с двойным дном — по сюжету фильма ***«Телепорт» (Jumper)*** обладателей такого дара стремится уничтожить некая древняя секта, Тема японских *мистических* звонков еще себя не исчерпала — поэтому и в американской римейк-экранизации романа Якуси Акимота ***«Один пропущенный звонок» (One Missed Call)*** она на первом плане. Ну а на закуску в конце зимы — проект Мэтта Ривза о чудовище, разрушающем Нью-Йорк, ***«Кловерфилд» (Cloverfield)***.

Март — месяц каникул, и репертуар обычно соответствует. Так, в семейной фэнтези ***«Мой домашний динозавр» (The Water Horse: Legend of the Deep)*** двое детей находят на берегу озера некое яйцо. Что из этого получится — ясно из названия фильма. Еще одна парочка детей, близнецы Спайдер и Джаред, окажется в параллельном сказочном мире Спайдервик в ленте ***«Спайдервик: хроники» (The Spiderwick Chronicles)***. А мультяшный слоненок ***«Хортон» (Horton Hears a Who!)***, обладающий невероятным слухом, будет спасать… население цветка.

Но и взрослое кино не отстает. Знаменитый голливудский немец Роланд Эммерих решил пройтись путями Рони-старшего и показать нам быт древних людей в ленте ***«10 000 лет до нашей эры» (10,000 B.C.)***. А знаменитый российский режиссер Тимур

Бекмамбетов явит нашему зрителю свой первый крупный голливудский фильм — экранизацию «супергероического» комикса ***«Особо опасен!» (Wanted)***. Под занавес марта вступит в действие и научная фантастика: противостояние инопланетного пришельца инопланетному же монстру во времена викингов будет продемонстрировано в картине ***«Пришелец» (OutLander).***

Апрель, как обычно, беден на фантастику. Среди всего киноурожая месяца лишь после упорных поисков можно откопать всего-то парочку хоррор-лент. Это ***«Кошелек или жизнь» (Trick 'r Treat)*** — мрачная фантазия на тему Хеллоуина (действительно, а почему бы фильм про Хеллоуин не показать в апреле?), и ***«Солнцестояние» (Solstice)*** — история девушки, узнавшей тайну смерти своей сестры-близняшки.

Зато в **мае** нас ждут крупные премьеры. С полюбившимися героями зритель встретится во второй части нарнийской саги — ***«Хроники Нарнии: Принц Каспиан» (The Chronicles of Narnia: Prince Caspian)***. Поклонники творчества Виктора Пелевина будут осчастливлены первой серьезной экранизацией текста любимого автора — фильм Виктора Гинзбурга ***«Generation П»*** в иностранном прокате получил название *Wow!* (слава Богу, что в российском оставили оригинальное). Фэнов аниме, автомобильных гонок и «Матрицы» братья Вачовски порадуют игровой киноверсией ***«Спиди-гонщика» (Speed Racer)***. Любителям комиксов будет представлен масштабный ***«Железный человек» (Iron Man)*** Джона Фавро. Ну а на закуску фанатам, если они к тому времени не полопаются от счастья, вызванного окончанием многолетнего ожидания, Стивен Спилберг и Джордж Лукас выдадут наконец столь вожделенную четвертую часть «индианы» — ***«Индиана Джонс и Королевство хрустального черепа» (Indiana Jones and the Kingdom of the Crystal Skull)***.

Данные по июню еще довольно скудны. Но точно известно, что в этом месяце на российских экранах будет представлен очередной кинокомикс ***«Невероятный Халк» (The Incredible Hulk)*** со звездным актерским составом в основных ролях (Эдвард Нортон, Лив Тайлер, Тим Рот и др.). Интересно, что режиссером фильма станет постановщик обоих «Перевозчиков» Луи Летерье. Также на начало летних каникул припасены анимационная НФ про роботов с интригующим названием ***«ВАЛЛ-И» (Вселенский Аннигилятор Ландшафтный Легкий — Интеллектуальный) (WALL-E (Waste Allocation Load Lifter — Earth Class)*** и мультипликационная вуция ***«Кунг-фу Панда» (Kung Fu Panda).***

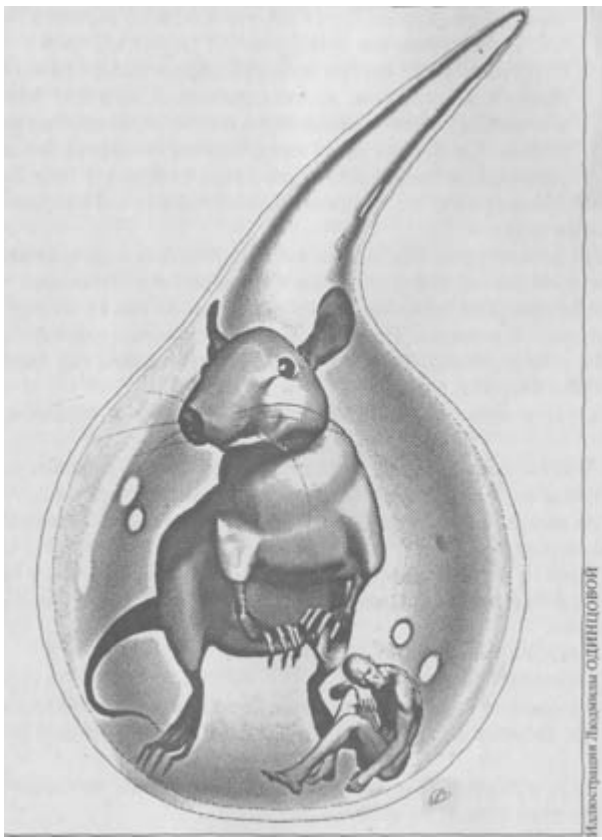
Тимофей ОЗЕРОВ

ПРОЗА

Тед Косматка
Пророк острова Флорес

Если это лучший из всех возможных миров, каковы же тогда остальные?

Вольтер.



Когда Поль был мальчиком, он играл в Бога на чердаке над гаражом родителей. Отец так это и назвал: «играл в Бога» — в тот день, когда все обнаружил. И разнес вдребезги. Поль смастерил клетки из досок два на четыре дюйма, найденных за гаражом, и металлической сетки с ячейками в четверть дюйма, купленной в местном хозяйственном магазине. Когда отец уехал выступать на конференцию по теологической эволюции, Поль начал сооружать собственную лабораторию по эскизам, выполненным в последний день школьных занятий.

Он был еще слишком мал, чтобы воспользоваться отцовскими

электроинструментами, поэтому доски для клеток ему пришлось пилить ручной пилой. Для резки проволочной сетки он взял у матери большие черные ножницы. Петли открутил от дверец старого шкафа, а гвозди взял в ржавой банке из-под кофе, что висела над заброшенным верстаком отца.

Как-то вечером мать услышала стук молотка и подошла к гаражу.

— Что ты там делаешь? — спросила она на правильном английском, глядя на прямоугольник света, льющегося с чердака.

Поль высунул в окошко голову — торчащие черные волосы, усыпанные опилками.

— Просто играю с инструментами, — ответил он, что в определенном смысле было правдой. Ведь он не мог солгать матери. Солгать осознанно.

— Какими инструментами?

— Молотком и гвоздями.

Она смотрела на него снизу вверх, ее изящное лицо напоминало разбитую китайскую куклу — кусочки фарфора, склеенные не очень точно.

— Будь осторожен, — сказала мать, и он понял, что она говорит и об инструментах, и об отце.

— Хорошо.

По мере того как Поль мастерил клетки, дни превращались в недели. Исходные материалы ему достались крупные, поэтому и клетки он делал приличными — так меньше приходилось пилить. И они получились огромными, сложными конструкциями, абсурдно большими по сравнению с животными, для которых предназначались. Не клетки для мышей, а целые мышиные города — площадью с крышку стола, — в которых легко разместилась бы немецкая овчарка. Он потратил на эту затею почти все карманные деньги, покупая разные необходимые мелочи: листы плексигласа, пластиковые бутылочки для воды и деревянные штырьки, которые он приспособил на задвижки для дверец. Пока соседские дети играли в баскетбол и догонялки, Поль работал.

Он покупал беговые колеса и прокладывал дорожки. Подвешивал веревочные петли, чтобы мыши могли вскарабкаться на разные платформы. Самих мышей он купил в зоомагазине. Прежде всего он приобрел белых мышей, которых продавали на корм змеям, но иные из них оказались с разноцветными шкурками. Попалось даже несколько английских — с гладкими лоснящимися шкурками, вытянутыми тельцами и большими тюльпанообразными ушами. Ему требовалась разнообразная популяция, поэтому он старался приобрести различные виды.

Трудясь над постоянными мышиными домами, он держал

грызунов в маленьких аквариумах, поставленных один на другой на столе в центре комнаты. И в тот день, когда Поль закончил последнюю большую клетку, он выпустил мышей в их новое обиталище одну за другой — первых исследователей нового континента. Решив отметить это событие, он привел на чердак своего приятеля Джона, который от такого зрелища просто остолбенел.

— Ты сам все это сделал? — изумился Джон.

— Да.

— Наверное, много времени ушло.

— Несколько месяцев.

— А мне родители не разрешают держать дома животных.

— Мне тоже. Но это мыши, а не домашние зверушки.

— А кто же они?

— Эксперимент.

— Какой такой эксперимент?

— Пока не придумал.

* * *

Мистер Финли стоял возле проектора, рисуя маркером красный эллипс на листе прозрачного пластика. Спроецированный на стену, он напоминал кривую полуулыбку между осями X и Y.

— Это отображает количество дочерних атомов. А это… — он нарисовал зеркальное отражение первого эллипса, — количество родительских атомов. — Положив маркер на проектор, он обвел взглядом ряды студентов. — Может кто-нибудь сказать, что означает точка пересечения?

Дарен Майклз в переднем ряду поднял руку:

— Время полураспада элемента.

— Совершенно верно. Джонсон, в каком году была изобретена радиометрическая датировка?

— В 1906-м.

— Кем?

— Резерфордом.

— Какой метод он использовал?

— Урановo-свинцовый…

— Нет. Уоллес, а ты можешь сказать?

— Он измерял количество гелия как промежуточного продукта распада урана.

— Хорошо. Так кто же тогда использовал урановo-свинцовый метод?

— Болтвуд, в 1907 году.

— И как были встречены эти первые результаты?

— Со скептицизмом.

— Кем?

— Эволюционистами.

— Хорошо. — Мистер Финли повернулся к Полю. — Карлсон, можешь нам сказать, в каком году Дарвин написал «О происхождении видов»?

— В 1867-м.

— Правильно. И в каком году теория Дарвина окончательно утратила доверие большей части научного сообщества?

— Это произошло в 1932 году. — Предвидя следующий вопрос, Поль продолжил: — Когда Кольхорстер изобрел калий-аргоновую датировку. Новый метод доказал, что Земле меньше лет, чем полагали эволюционисты.

— В каком же году теория эволюции потерпела окончательный крах?

— В 1954-м, когда Уиллард Ф.Либби из Чикагского университета изобрел датировку по углероду-14. Он получил Нобелевскую премию в 1960 году, когда с помощью углеродной датировки раз и навсегда доказал, что возраст Земли составляет 5800 лет.

* * *

Приходя на чердак, Поль надевал белый лабораторный халат. То был один из старых отцовских халатов, поэтому ему пришлось обрезать слишком длинные рукава. Отец Поля был доктором философии, крупным и успешным блондином. С матерью Поля он познакомился после аспирантуры, когда его пригласила консультантом китайская исследовательская фирма. Некоторое время они работали над одними и теми же проектами, но никто и никогда не сомневался, что именно отец Поля был в семье научным светочем. Гением, знаменитостью. И еще он был сумасшедшим.

Отец Поля любил все крушить. Он калечил телефоны, пробивал стены и ломал столы. Нарушал обещания ничего не трогать. Однажды он сломал кости; полицию вызвали врачи «скорой помощи», не поверившие в байку о том, как мать Поля упала с лестницы. Они не поверили рыдающей фарфоровой женщине, клявшейся, что муж ее и пальцем не тронул.

Отец Поля был стихийным явлением, катаклизмом. Таким же

непредсказуемым, как удар кометы или извержение вулкана. На чердаке было удобно прятаться, и Поль целиком отдался своему увлечению.

Поль изучал мышей так, словно они были шимпанзе Гуделл[19]. Наблюдения за их «общественной жизнью» он записывал в зеленом перекидном блокноте. Он обнаружил, что, существуя большими группами, мыши образуют стаи наподобие волчьих, с доминантным самцом и доминантной самкой — структурированную социальную иерархию, включающую сексуальные привилегии, четкую собственную территорию и почти ритуальные демонстрации подчиненного положения самцов рангом ниже. Доминантный самец совокуплялся с большинством самок. Мыши, как узнал Поль, могут даже убивать друг друга.

Природа не терпит пустоты, и мышиная популяция разрасталась, заполняя все новые миры, которые он для них создавал. Мышата рождались слепыми и розовыми, но как только у них вырастала шерстка, Поль записывал ее цвет в блокноте. Были мышата желтовато-коричневые, черные и серые. Иногда золотистые. Попадались крапчатые, полосатые и со смесью окрасок. В следующих поколениях появлялись цвета, каких не было у купленных мышей первого поколения, и ему хватило знания генетики понять, что это пробиваются на поверхность рецессивные гены.

Поля восхищала сама концепция генов — стабильных элементов, с помощью которых Бог обеспечил перенос наследуемых характеристик от одного поколения к следующему. В школе этот процесс называли Божественным Переносом.

Поль продолжал исследования и узнал, что локусы[20] пигментации у мышей хорошо картированы и хорошо понятны. Он разбил мышиную популяцию на категории по фенотипу — набору внешних признаков — и обнаружил одну мышь, темноглазую и бледно-кремовую, у которой должны были присутствовать трижды рецессивные гены: bb, dd, ee. Но ему было уже недостаточно просто разводить мышей, наблюдать за ними, заполнять квадраты Паннета[21]. Ему хотелось заняться настоящей наукой. А поскольку настоящие ученые пользуются микроскопами и электронными весами, Поль попросил, чтобы ему подарили их на Рождество.

Он быстро обнаружил, что мыши не очень-то любят находиться под микроскопом и сразу убегают с предметного столика. Зато электронные весы оказались полезны. Поль взвешивал каждую мышь и скрупулезно записывал результаты. Он стал задумываться над идеей выведения собственной

инбредной[22] линии — мышей с определенной комбинацией четких признаков, — но никак не мог придумать, какие признаки выбрать.

Он перелистывал блокнот, и тут его осенило. Январь-17. Не дата, а мышь — семнадцатая мышь, родившаяся в январе. Поль подошел к клетке и открыл дверцу. Комочек песочного цвета метнулся в сторону, но Поль ловко ухватил за хвост мышку — пятнистую и с большими ушами. В принципе, ничего особенного в ней не было. От сестер она отличалась лишь пометкой в блокноте. Поль взглянул на пометку и записанную рядом цифру. Из более чем девяноста мышей, занесенных в блокнот, Январь-17 была самой крупной из всех, что ему довелось взвешивать — на целых два грамма.

* * *

В школе его учили, что с помощью науки можно расшифровать истинное значение Божественных Слов. Бог записал язык жизни четырьмя буквами — А, Т, Г и Ц[23]. Но Поль занимался этим не для того, чтобы приблизиться к Богу. А по самой простой причине — он был любопытен.

Уже наступила ранняя весна, когда отец поинтересовался, чем его сын занимается на чердаке.

— Так, всякой всячиной.

Они возвращались в отцовской машине с уроков игры на пианино.

— Твоя мать сказала, что ты там что-то мастеришь.

Поль струхнул:

— Я там строил крепость, уже давно.

— Тебе почти двенадцать лет. Не поздновато ли играть в крепости?

— Да, наверное.

— Я не хочу, чтобы ты все время там торчал.

— Хорошо.

— И не хочу, чтобы это отразилось на твоих оценках.

— Хорошо, — согласился Поль, не получивший за два года ни единой четверки.

Оставшуюся часть пути они проехали молча. Поль исследовал стены только что сформировавшейся реальности. Потому что умел распознавать толчки, предвещающие землетрясение.

Он разглядывал руки отца на руле. Хотя Поль и был весь в отца — крупным для своего возраста мальчиком, чертами лица он больше походил на мать-азиатку и нередко гадал, не это ли

причина, из-за которой он не может преодолеть разделяющую их с отцом пропасть. А стал бы отец иначе относиться к веснушчатому и светловолосому сыну? Нет, решил Поль. Отец был бы таким же. Тем же стихийным бедствием, тем же катаклизмом. Он не мог не быть таким, какой он есть.

Поль смотрел на руки отца, и годы спустя, думая об отце, даже после всего, что случилось, он вспоминал именно тот момент. Отец ведет машину, его руки на руле, миг предчувствия беды, которое потом оправдалось, но и этот же миг сам по себе — лучший из всех, что когда-либо будет между ними.

* * *

— Что ты сделал? — изумленно спросил Джон. Поль тайком провел его на чердак и теперь демонстрировал Берту, держа бедняжку за хвост. Шкурка у нее была в чудесных золотистых пятнышках, длинные усики шевелились.

— Она из последнего поколения, Ф4.

— И что это значит?

Поль улыбнулся:

— Она родственница сама себе.

— Какая большая мышь!

— Пока самая большая. Пятьдесят девять граммов, взвешена в стодневном возрасте. А средний вес мышей — около сорока.

Поль положил мышь на ладонь Джона.

— Чем ты ее кормил?

— Тем же, чем и остальных. Взгляни на это. — Поль показал ему графики, которые начертил подобно мистеру Финли: слегка направленный вверх эллипс между осями X и Y, отображающий медленное увеличение веса тела в каждом новом поколении.

— Один самец из поколения Ф2 потянул на сорок пять граммов, поэтому я скрестил его с самыми крупными самками, и они родили более сорока мышат. Я взвесил их всех в возрасте ста дней и выбрал четырех великанов. Потом скрестил их между собой и проделал то же самое в следующем поколении. И получил такую же кривую распределения веса в форме колокола, только колокол был немного смещен вправо. Берта оказалась самой крупной из всех.

Джон с ужасом взглянул на Поля:

— И это работает?

— Конечно, работает. Ведь люди почти пять тысяч лет проделывали то же самое с домашними животными.

— Но тебе не понадобились тысячи лет.

— Нет. Меня даже немного удивило, что все так хорошо получилось. Ничего сложного здесь нет. Взгляни на нее — она всего лишь Ф4, четвертое поколение. И представь, как будет выглядеть Ф10.

— Очень похоже на эволюционизм.

— Не болтай чепуху. Это всего-навсего направленный отбор. Если имеется достаточно разнообразная популяция, то просто поразительно, к чему может привести легкий толчок в нужном направлении. Ведь если подумать, то я пять поколений подряд обрубал нижние 95 процентов кривой распределения веса. Конечно же, мыши стали крупнее. Наверное, при желании я смог бы пойти и в другую сторону, уменьшая их. Но вот кое-что меня удивило, хотя я заметил это лишь недавно.

— Что?

— Когда я начинал, более половины мышей были альбиносами. А сейчас таких лишь одна из десяти.

— Ну, и?

— Я никогда специально не проводил отбор по этому признаку.

— И что?

— А то, что когда я делал выбраковку… когда решал, каких именно размножать, то иногда вес двух мышей оказывался одинаковым, и я выбирал наугад. Думаю, просто так уж вышло, что мышей одной разновидности я выбирал чаще, чем других.

— К чему ты клонишь?

— А что если в природе тоже так происходит?

— Как это?

— Ну, как с динозаврами. Или с мамонтами, или с пещерными людьми. Ведь они когда-то существовали, мы про них знаем, потому что находим кости. Но теперь-то их нет. Бог сотворил все живое примерно шесть тысяч лет назад, правильно?

— Да.

— Но каких-то животных больше нет. Они вымерли.

* * *

Это произошло в выходные. Берта была беременна, непристойно и чудовищно. Поль отсадил ее в один из аквариумов, создав островок спокойствия на столе в центре чердака. В уголке стеклянной клеточки стояла коробочка с бумажными салфетками, и Берта превращала кусочки бумаги в уютное гнездышко, чтобы произвести в нем на свет очередное поколение гигантов.

Поль услышал, как в гараж въехала отцовская машина. Он рано вернулся домой. Поль задумался, не выключить ли на чердаке свет, но понял, что это лишь привлечет внимание отца. И стал ждать, надеясь на везение.

В гараже было странно тихо — лишь негромко работал мотор в машине. У мальчика похолодело внутри, когда он услышал, как потрескивают ступени лестницы под весом отца.

Тут его на секунду охватила паника — на единственную отчаянную секунду, пока он лихорадочно искал взглядом, куда можно спрятать клетки. Глупый порыв — деваться все равно некуда.

— Что за вонь? — вопросил отец, когда его голова показалась из отверстия люка. Родитель замер и осмотрелся. — Ого…

Он только это и сказал. И повторил, когда поднимался в комнату. Он стоял там, как исполин, и смотрел. Единственная лампочка без плафона замаскировала его глаза тенями.

— Что это? — произнес он наконец.

От его мертвого голоса желудок Поля превратился в ледышку.

— Что это? — Теперь громче, и что-то изменилось в глазах-тенях.

Отец протопал к нему, навис над ним.

— Что это?! — завопил он, брызгая слюной.

— Я… я думал…

Большая рука метнулась вперед, ударила Поля в грудь, смяла в кулаке футболку, рванула в воздух.

— Это еще что за гадость? Разве я тебе не говорил: никаких животных в доме! А ты притащил эту мразь в дом! В мой дом!

Рука распрямилась, швырнув Поля на клетки, перевернув один из столов — дерево и сетки с треском рухнули, запищали мыши, отлетели покореженные петли. Погибли месяцы и месяцы работы.

Отец заметил аквариум с Бертой, схватил его. Поднял высоко над головой — и настал момент, когда Полю показалось, что он почти видит Берту и мышат внутри нее, бесчисленные поколения, которым уже не суждено родиться. Затем руки отца пошли вниз — как стихийное бедствие, катаклизм. Поль зажмурился, чтобы в глаза не попали осколки, а в голове его вертелась только одна мысль: «Вот как это происходит. Именно так это и происходит».

* * *

Когда Полю исполнилось семнадцать, он поступил в

Стэнфордский университет. Два года спустя отец умер.

В Стэнфорде он выбрал двойную специализацию по генетике и антропологии, взяв восемнадцать часов за семестр. Он изучал переводы свитков Мертвого моря и апокрифические тексты, прошел курсы по сравнительной интерпретации и библейской философии. Изучал фруктовых мушек и половое размножение. Еще студентом он завоевал право на престижную летнюю интернатуру под руководством знаменитого генетика Майкла Пура.

Поль сидел в аудиториях, где преподаватели в темных костюмах излагали теории о Кибре и Т-вариантах, микроцефалине-1 и гаплоидной группе D. Он узнал, что ученые идентифицировали структуры внутри семейства протеинов под названием AAA+, которые, как было показано, инициируют репликацию[24] ДНК, и что эти генетические структуры были сохранены во всех формах жизни, от людей до самых древних бактерий, став визитной карточкой самого великого проектировщика.

И еще Поль изучал запрещенные тексты. Он изучал сбалансированные равновесия[25] и Харди-Вейнбурга[26], но в одиночку и по ночам, бродя по темным залам внутри собственной головы, потому что больше всего его восхищали компромиссы. Поль был юношей, который понимал компромиссы.

Он узнал о недавно открытом гене APOE4, общем почти для всех живущих на планете людей, и прочел теории о том, каким образом вредоносные гены стали встречаться в популяции с такой высокой частотой. Оказывается, хотя APOE4 и вызывает болезнь Альцгеймера, он также защищает мозг от разрушительных для него последствий недоедания в раннем детстве. Ген, уничтожающий мозг в семьдесят лет, защищает его в возрасте семи месяцев. Он узнал, что люди с серповидно-клеточной анемией невосприимчивы к малярии, а носители гетерозиготных генов кистозного фиброза менее восприимчивы к холере, что во время эпидемий чумы люди с кровью группы А выживали чаще, чем люди с кровью других групп, и это всего за одно поколение навсегда изменило процентное соотношение групп крови среди населения Европы. Некоторые утверждали, что этот процесс теперь медленно имитируется геном CKR5[27] и вирусом ВИЧ.

На лекциях по антропологии Поль узнал, что все его современники могут проследить свою родословную до предков из Африки, живших почти шесть тысяч лет назад, когда все человечество существовало в пределах единственной небольшой популяции. И еще профессора говорили: было не менее двух миграций людей из Африки — узкое место генетики в пользу

теории Всемирного потопа. Но каждая культура имеет собственные верования и убеждения. Мусульмане называют это Аллахом, евреи — Яхве. Научные журналы проявляют осторожность и больше не называют это Богом, а говорят о разумном создателе — архитекторе, со строчной «а». Впрочем, в глубине души Поль решил, что все это сводится к одному и тому же понятию.

Поль узнал, что ученые сканировали мозги монашек, пытаясь отыскать отметку Бога, но не смогли ее найти. И узнал о теории эволюции. Хотя официальная наука давно ее развенчала, приверженцы этой теории еще существовали — их убеждения обрели почти бессмертный статус по соседству с родственными областями псевдонауки, прозябая на задворках рядом с более старыми системами убеждений наподобие астрологии, френологии и акупунктуры. Современные эволюционисты считали, что все различные системы датировок ошибочны, и предлагали целый набор ненаучных объяснений того, почему изотопные методы дают неправильные результаты. Кое-кто из них даже поговаривал о фальсификации данных и мировом заговоре.

Эволюционисты игнорировали общепринятую интерпретацию геологической хронологии. А также чудо плаценты и идеальную сложность глаза.

На младших и старших курсах Поль изучал археологию — древние останки *Homo erectus* и *Homo neanderthalensis*. А также останки нелюдей — афаренсиса, австралопитека и Пана[28].

В мире археологии граница между людьми и не-людьми могла быть расплывчатой — но всегда оставалась важной. Для некоторых ученых Homo erectus был расой давно вымерших людей, засохшей веткой на древе человечества. Для их более консервативных коллег он вообще не был человеком — просто неким «другим», отрыжкой творца, независимым существом, изготовленным с помощью того же набора инструментов. Но это была уже крайняя точка зрения. Официальная наука, разумеется, приняла в качестве индикатора принадлежности к человечеству использование каменных орудий. Люди изготовляли орудия. Лишенные души животные — нет. Конечно, и в официальной науке все еще шли споры. Ископаемые останки KNM ER 1470, найденные в Кении, выглядели настолько безупречно сбалансированными между человеком и не-человеком, что была даже изобретена новая категория: почти-человек. Споры обещали стать весьма жаркими, спорщики приводили в качестве доказательств антропометрическую статистику.

Подобно благосклонному учителю, внезапно явившемуся на детскую площадку, чтобы разнять драчунов, на сцене появилась

наука генетика. А потом, заняв точку пересечения между двумя страстями в жизни Поля — генетикой и антропологией, — родилась наука палеометагеномика.

Поль получил степень бакалавра в мае и начал дипломную работу в сентябре. Через два года, получив ученую степень, он переехал на восточное побережье, чтобы работать в «Вестинг геномикс», одной из передовых лабораторий, занимающейся генетическими исследованиями.

Три недели спустя он уже находился в Танзании, осваивая в полевых условиях разработанную лабораторией методику извлечения ДНК из костей возрастом 5800 лет. Более древних костей в мире не существовало.

* * *

Двое мужчин вошли в ярко освещенную комнату.

— Значит, здесь и проводятся анализы? — произнес незнакомый голос с акцентом австралийца-горожанина.

Поль оторвался от микроскопа и увидел своего руководителя в сопровождении мужчины постарше, облаченного в серый костюм.

— Да, — ответил мистер Лайонс.

Незнакомец переместил вес тела на тиковую трость. Волосы у него были коротко остриженные и седые, с аккуратным косым пробором.

— Меня никогда не перестает изумлять, — продолжил незнакомец, оглядываясь, — насколько похожи лаборатории по всему миру. Даже культуры, которые ни в чем не могут согласиться между собой, сходятся в том, как сконструировать центрифугу, где разместить стойку с пробирками, какой краской покрасить стены. Всегда белой. А лабораторные столы — черной.

Мистер Лайонс кивнул. Он был из тех, кто носил свой авторитет как униформу (на два размера больше), которую требовалось непрерывно поправлять, чтобы выглядеть прилично.

Поль встал и стянул с рук латексные перчатки.

— Гэвин Макмастер, — представился незнакомец, протягивая руку. — Рад с вами познакомиться, мистер Карлсон.

Они пожали друг другу руки.

— Поль. Можете звать меня Поль.

— Извините, что прервал вашу работу.

— Я все равно в это время делаю перерыв.

— Не буду мешать вашей дискуссии, — сказал Лайонс и вышел.

— Прошу вас, — Поль указал на ближайший рабочий стол. — Присаживайтесь.

Гэвин опустился на стул.

— Обещаю не отнять у вас много времени, — сказал он. — Но мне необходимо с вами поговорить. Мы последние несколько дней оставляли сообщения для вас, и…

— А-а… — Поль изменился в лице. — Так вы из… — Да.

— То, что вы связались со мной здесь, весьма необычно.

— Могу вас заверить, что и обстоятельства весьма необычны.

— Тем не менее не могу сказать, что мне понравилось, занимаясь одной работой, получить предложение заняться другой.

— Теперь я вижу: случилось недоразумение.

— Каким образом?

— Вы назвали наше предложение работой. Считайте, что мы просим вас о консультации.

— Мистер Макмастер, я очень занят. Я сейчас в середине нескольких проектов и, если честно, удивлен, что Вестинг позволил вам войти в эту дверь.

— Вестинг уже «на борту». Прежде чем связаться с вами сегодня, я взял на себя смелость поговорить с руководством.

— Как вам удалось?… — Поль уставился на визитера, Гэвин приподнял бровь. Когда имеешь дело с корпорациями, вопрос «как?» обычно бывает риторическим. Ответ всегда один. И всегда включает долларовые знаки.

— Разумеется, вас тоже ждет премия. — Макмастер пододвинул к нему через стол чек. Поль едва взглянул на бумажку.

— Повторю, я сейчас в середине нескольких проектов. Возможно, кого-нибудь из наших специалистов по анализу образцов ваше предложение заинтересует.

Макмастер улыбнулся:

— При обычных обстоятельствах я предположил бы, что это ваша тактика заключения сделок. Но ведь это не так?

— Не так.

— Когда-то я был таким же. Черт, может быть, я и сейчас такой.

— Тогда вы меня поймете. — Поль встал.

— Я вас понимаю лучше, чем вы думаете. Но иногда деньги бывают куда красноречивее людей. Кстати, бренность денег способны ощутить лишь те, кто соглашается их принять.

— У меня такого опыта не было. Прошу меня извинить. — Вежливость подобна стене. Этому он научился у матери.

— Прошу вас… Прежде чем мы расстанемся, я хочу вам кое-

что показать.

Гость открыл портфель и достал пачку глянцевых фотографий.

На секунду Поль замер. Потом взял снимки из протянутой руки Гэвина. Поль смотрел на фотографии. Долго смотрел.

— Эти ископаемые останки найдены в прошлом году на острове Флорес в Индонезии, — пояснил Гэвин.

— Флорес, — прошептал Поль, все еще разглядывая карточки. — Я слышал, там нашли странные кости. Но не знал, что уже есть публикации.

— Потому что мы ничего не публиковали. Пока, во всяком случае.

— Эти размеры не могут быть правильными. Шестидюймовая лучевая кость.

— Они правильные.

Поль взглянул на собеседника:

— Почему я? — После этих слов защитная стена рухнула, выпустив на волю азарт ученого.

— А почему нет?

Теперь настала очередь Поля приподнять бровь.

— Потому что вы хороший специалист, — пояснил Гэвин.

— Есть и другие.

— Потому что вы молоды и пока не обрели репутацию, которой побоитесь рискнуть.

— Или на которую смогу опереться.

Гэвин вздохнул:

— Потому что я не знаю, суждено ли было археологии стать такой важной, какой она стала. Удовлетворит ли вас такой ответ? Мы живем в мире, где религиозные фанатики становятся учеными. Скажи, парень, ты религиозный фанатик?

— Нет.

— Вот почему. Или примерно поэтому.

* * *

В начале мира имелось конечное число уникальных созданий — конечное число видов, которое с тех пор значительно уменьшилось в результате вымирания. Образование видов есть особое событие, находящееся за пределами естественных процессов; феномен, относящийся к моменту творения и к тайнам Аллаха.

Из показаний свидетеля-эксперта на судебном процессе по делу о ереси в Анкаре, Турция.

* * *

Перелет до Бали занял семнадцать часов, еще два они летели до острова Флорес на зафрахтованном самолете. Затем четыре часа ехали на джипе через крутые горы в самое сердце джунглей. Полю это могло показаться путешествием в другой мир. Пошел дождь, перестал, затем пошел снова, превратив дороги в нечто такое, с чем пришлось считаться.

— Здесь всегда так? — поинтересовался Поль.

— Нет, — сообщил Гэвин. — В сезон дождей дороги намного хуже.

Флорес — остров цветов. С воздуха он выглядел наподобие длинной ленты джунглей, брошенной в синюю воду, частичкой в ожерелье островов, протянувшемся между Австралией и Явой. Линия Уоллеса[29] — более реальная, чем любая линия на карте — находилась западнее, в направлении Азии и империи плацентарных млекопитающих. Здесь правил странный император.

К тому времени, когда они въехали в Рутенг, Поль сильно устал и тер слипающиеся глаза. Рядом с джипом бежали дети, в чьих лицах сочетались черты малайцев и папуасов — коричневая кожа, крепкие белые зубы, мечта стоматолога. Городок стоял одной ногой в джунглях, другой — на склоне горы. На его окраине начиналась долина, спускавшаяся вниз на несколько километров.

Мужчины разместились в отеле. Комната Поля оказалась с минимальными удобствами, но чистая, и он заснул как убитый. На следующее утро он проснулся, принял душ и побрился. Гэвин встретил его в вестибюле.

— Отель простоват, ты уж извини, — сказал Гэвин.

— Нет, все в порядке. Там есть душ и кровать. Это все, что мне нужно.

— Мы используем Рутенг как своего рода базовый лагерь для раскопок. Наше следующее жилье уже не будет таким роскошным.

Подойдя к джипу, Поль проверил свое снаряжение. И, лишь усевшись на пассажирское сиденье, заметил пистолет — черная кожаная кобура была закреплена изолентой на дверце водителя. Вчера ее там не было.

Гэвин заметил его взгляд:

— Мы живем в безумные времена, приятель. А про эти места

история просто забыла — до недавних событий, которые заставили вспомнить.

— Что еще за недавние события?

— С точки зрения одних — религиозные события. Для других — политические. — Гэвин помахал рукой. — Ставка у этой находки больше, чем просто амбиции ученого.

Они ехали на север, спускаясь в долину и проезжая мимо последних остатков цивилизации.

— Вы боитесь, что кто-то может похитить кости? — спросил Поль.

— Да, это одно из моих опасений.

— Одно?

— Легко делать вид, будто мы играем лишь теориями — идеями, придуманными в некоей башне из слоновой кости соперничающими группами ученых. Словно все это лишь какое-то интеллектуальное упражнение. — Гэвин взглянул на него серьезными темными глазами. — Но потом ты видишь эти кости, берешь, ощущаешь их вес, и иногда теории умирают у тебя в пальцах.

Дорога в долину шла ломаными зигзагами, время от времени сменявшимися округлыми поворотами. На прямых участках нависающие ветви превращали ее в туннель, а джунгли — во влажную ткань, бьющую в ветровое стекло. Но время от времени эта ткань отдергивалась, и за краем обрыва показывалась долина во вкусе Голливуда — архетип всех долин, где сквозь дымку тропических испарений проглядывали джунгли. На таких участках грунтовой дороги резкий левый поворот руля сделал бы их поездку очень быстрой… и последней.

Гэвин назвал пункт их назначения — «Лиандж буа», в переводе «Холодная пещера». И объяснил, как все, возможно, произошло — сценарий. Вокруг жаркие джунгли, поэтому двое или трое вошли в пещеру, чтобы посидеть в прохладе или поспать. Или же, возможно, шел дождь, и они вошли в пещеру обсохнуть, но только дождь не прекращался, реки вышли из берегов, как это иногда происходит, и они оказались в ловушке, отрезанные водой, а потом их утонувшие тела оказались погребены под илом и осадками.

Они некоторое время ехали молча, пока Гэвин не произнес третий вариант:

— Или же их там съели.

— Кто съел?

— Homo homini lupus est, — ответил Гэвин. — Человек человеку — волк.

Они пересекли набухшую от дождей реку, вода в которой

поднялась до самых дверей. На несколько секунд Полю показалось, что течение схватит джип, утянет вниз, и они были на волосок от этого — Гэвин, ругаясь сквозь зубы и вцепившись в руль побелевшими пальцами, с трудом удержал машину на мелководье. Когда они выехали на берег, он сказал:

— Надо править строго на север, если отклониться от прямой линии хоть на несколько футов, то машина так и пойдет кувыркаться вниз по течению.

Поль не стал спрашивать, откуда ему это известно.

За рекой находился лагерь. Ученые в широкополых шляпах или банданах. Молодые и в возрасте. Двое или трое без рубашек. Темноволосая женщина в белой рубашке сидела на бревне возле своей палатки. Но одно было общим у всех — хорошие ботинки.

Все головы повернулись на звук мотора, и когда джип остановился, собралась небольшая толпа, чтобы помочь разгрузиться. Гэвин познакомил его со всеми: восемь ученых и двое рабочих. В основном австралийцы. Индонезиец. Один американец.

— Герпетология, приятель, — сказал один из них, пожимая Полю руку. Невысокий, коренастый, с рыжей бородой, никак не старше двадцати двух лет. Его имя Поль забыл уже через секунду, но слова «герпетология, приятель» застряли в памяти. — Это моя специальность, — продолжил коротышка. — Я в это ввязался из-за профессора Макмастера. А сам я из Австралии, из университета Новой Англии. — Улыбка у него была широченной, а крючковатый острый нос указывал на подбородок. Полю он понравился.

Когда они кончили разгружать джип, Гэвин повернулся к новенькому:

— А теперь, думаю, настало время для самого важного знакомства.

Пещера оказалась неподалеку. Из джунглей торчала зазубренная глыба известняка с навесом из лиан, а под ним — темный зев. Камень имел беловато-коричневый оттенок старой слоновой кости. Его обволок прохладный воздух, пол заметно понижался от входа. Глаза Поля вскоре привыкли к темноте. Пещера оказалась шириной в тридцать метров, в форме полумесяца, развернутого к джунглям — глинистый пол, низкий куполообразный потолок. Сперва он ничего не увидел, потом заметил в дальнем углу две торчащие из глины палки. Привыкнув к сумраку, глаза различили яму.

— Это здесь?

— Здесь.

Поль снял рюкзачок и достал из пластиковой упаковки белый

бумажный костюм.

— Кто прикасался к костям?

— Тэлфорд, Маргарет и я.

— Мне понадобятся образцы крови всех вас для сравнительного анализа.

— На примесь посторонних ДНК?

— Да.

— Мы прекратили копать, как только поняли значение этой находки.

— Все равно. Мне будут нужны образцы крови всех, кто здесь копал. Любого, кто приближался к костям. Завтра я сам возьму образцы.

— Понял. Нужно что-нибудь еще?

— Уединение. — Поль улыбнулся. — Не хочу, чтобы кто-либо входил в пещеру, пока я работаю.

Гэвин кивнул и ушел. Поль достал брезент и крючки для его крепления. В идеале образцы должен брать тот, кто выкопал кости. А еще лучше, если образцы ДНК будут отобраны, пока кости все еще в земле. Это снижает степень загрязнения. А оно есть всегда. Какие бы меры предосторожности ни принимались, как ни закрывай раскоп брезентом, даже при минимуме людей, работающих на площадке, загрязнение все равно будет.

Поль пролез в яму, закрепив на голове фонарик. Бумажный костюм легко скользил по мокрой земле. Он не мог сказать, какие это кости — только то, что это кости, полуприкрытые землей. Для него это было главным. Материал оказался мягким, не окаменевшим. Придется работать осторожно.

Работать пришлось целых семь часов. Он сделал два десятка фотографий и тщательно записал, из каких костей были взяты конкретные образцы. Кем бы ни оказались эти существа, они были маленькими. Поль герметично упаковал образцы ДНК в стерильные пакетики для перевозки.

Когда он выбрался из-под брезента, уже наступила ночь.

Гэвин встретил его у костра возле пещеры.

— Закончил?

— На сегодня. Я взял шесть различных образцов минимум у двух разных индивидуумов. На завершение уйдет еще дня два.

Макмастер протянул ему бутылку виски.

— Не рановато ли праздновать?

— Праздновать? Ты всю ночь проработал в могиле. Разве в Америке не пьют после похорон?

* * *

Той ночью возле лагерного костра Поль слушал звуки джунглей и голоса ученых, ощущая, как вокруг него сгущается история.

— Предположим, что это не так, — сказал Джек, худой и очень пьяный американец. — Предположим, что эти существа не были нашими предками. Тогда что это будет означать?

Рыжебородый герпетолог по имени Джеймс простонал:

— Ну сколько можно мусолить эту идиотскую доктрину о происхождении?

— Тогда что же это? — спросил кто-то.

Они передавали бутылку по кругу, время от времени поглядывая на Поля так, словно он был священником, приехавшим отпустить всем грехи, а его комплект для взятия образцов — всего лишь атрибут сана. Когда подошла очередь Поля, он сделал большой глоток из бутылки. Виски они допили уже давно и сейчас употребляли какой-то местный рисовый самогон, принесенный рабочими. Поль проглотил жидкий огонь.

Желтоволосый мужчина сказал: «Это истина», — но Поль пропустил часть разговора и впервые осознал, насколько все они пьяны. Джеймс рассмеялся после чьих-то слов, а женщина в белой рубашке повернулась и сказала:

— Некоторые называют их хоббитами.

— Кого?

— Человек с Флорес — хоббит. Они ростом в три фута.

— Толкин бы гордился, — вставил кто-то.

— Нижняя челюсть, почти целый череп, части правой ноги… а объект так и остался безымянным.

— Но кто это?

— Слушай, ты с нами?

Только через несколько секунд Поль сообразил, что вопрос задали ему. Через пламя костра на него смотрели карие женские глаза.

— Да, — ответил он. — Еще несколько дней.

— Но кто это? — повторил тот же голос.

Поль сделал еще глоток, пытаясь заглушить голос паники у себя в голове.

* * *

За следующие два дня Поль кое-что узнал о женщине в белой рубашке. Ее звали Маргарет. Двадцать восемь лет. Австралийка. Аборигенка по материнской линии, судя по линиям рта.

Остальными ее предками могли быть голландцы, англичане, кто угодно. Зато этот полный рот… зубы, как у детей из Рутенга, мечта стоматолога. Каштановые волосы она связывала на затылке, чтобы они не падали на лицо во время раскопок. Она рассказала ему, что это ее шестые раскопки.

— Мои главные, — сказала она, сидя на стуле, когда Поль брал у нее кровь, вытянув тонкий указательный палец, на котором набухала красная жемчужина, готовая раскрыть ее секреты. — Большинство археологов работает всю жизнь, так и не сделав крупной находки. Может быть, тебе повезет. Вероятно, нет. Но это главные раскопки, в которых мне довелось участвовать.

— А как же братья Лики[30]? — спросил Поль, вытирая ее палец.

— Фу! — Она с притворным отвращением махнула на него рукой. — На них вкалывала куча рабочих. Чертовы Кеннеди от археологии.

Поль не смог не рассмеяться.

* * *

> Это подводит нас к так называемой доктрине общего происхождения, согласно которой каждый вид рассматривается как продукт уникального и индивидуального творения. Следовательно, все люди, как живые, так и жившие, происходят от общего и однократного акта творения. И оказаться за пределами этой цепочки потомков, даже несмотря на внешнее сходство, означает быть кем-то иным, не человеком.
>
> *Из статьи в «Журнале наследственности».*

* * *

В тот вечер Поль помог Гэвину нагрузить джип для поездки в Рутенг.

— Я отвожу наших рабочих обратно в город, — сказал ему Гэвин. — Они работают здесь неделю, потом неделю отдыхают. Хочешь, я отвезу твои образцы?

Поль покачал головой:

— Не могу. Есть очень строгий протокол, касающийся передачи образцов.

— Где они сейчас?

Поль похлопал по карману на штанине.

— А когда ты вернешься с образцами, что будет дальше?

— Передам их группе аналитиков.

— Так ты не будешь анализировать их сам?

— Я буду помогать, но тут строгие правила. Я постоянно исследовал ДНК животных, и оборудование точно такое же. Но для изучения человеческого генома требуются лицензия и контроль.

— Ладно, приятель, тогда я вернусь завтра вечером и подвезу тебя. — Гэвин подошел к джипу и протянул Полю спутниковый телефон. — На случай, если что-нибудь произойдет, пока меня не будет.

— Думаете, что-нибудь произойдет?

— Нет, — ответил Гэвин и, помолчав, добавил: — Не знаю.

Поль провел пальцем по телефону, темному блоку из пластика размером с ботинок.

— Что вас тревожит?

— Если честно, то, когда я привез тебя сюда, это привлекло внимание, к которому мы не были готовы. Сегодня я получил тревожный звонок. До сих пор нам удавалось лавировать и уклоняться от радара, но теперь… теперь мы привезли специалиста со стороны, и кое-кто захотел узнать — зачем.

— Кто именно?

— Официальные лица. Индонезия неожиданно очень заинтересовалась.

— И вас тревожит, что они закроют раскопки?

Гэвин улыбнулся:

— Ты изучал теологию?

— А что?

— Меня давно восхищала личность Авраама. Ты знаешь, кто это?

— Конечно, — ответил Поль, не понимая, в каком направлении пошел разговор.

— От этого овечьего пастуха происходит вся история монотеизма. Он заложил фундамент трех «авраамических» религий — иудаизма, христианства и ислама. Когда евреи, христиане и мусульмане преклоняют колени перед их Единственным Истинным Богом, то молятся они богу Авраама. — Гэвин закрыл глаза. — И все равно они грызутся между собой.

— А какое это имеет отношение к раскопкам?

— Слово «пророк» происходит от греческого *prophetes.* На иврите оно звучит как «наби». Думаю, никто не выразился лучше Абрахама Гершеля, когда он написал: «Пророк есть человек, который чувствует яростно». А ты как считаешь, Поль? Думаешь

ли ты, что пророки чувствуют яростно?

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— О, не обращай внимания. — Гэвин снова улыбнулся и покачал головой. — Всего лишь ворчу по-стариковски.

— Вы не ответили: полагаете ли вы, что раскопки прекратят?

— Мы пришли на их землю, их территорию. Приехали сюда и нашли кости, которые противоречат их верованиям. Что, по-твоему, может произойти?

— Противоречат их верованиям? А чем, по-вашему, являются эти кости? Вы никогда не говорили.

— Не знаю. Они могут быть человеческими, но с патологией развития.

— Так говорили о первых костях неандертальцев. А потом находили все новые и новые.

— Это может быть микроцефалия.

— И какая же микроцефалия делает человека ростом в три фута?

— Странная форма черепа и малый размер тела могут и не иметь связи. На этих островах пигмеи тоже есть.

— Таких маленьких пигмеев не бывает.

— Но вдруг здесь сработали два фактора сразу… допустим, это кости микроцефального представителя… — Гэвин замолк и вздохнул. Вид у него стал такой, словно он внезапно признал поражение.

— Вы ведь думаете совсем не так? — уточнил Поль.

— Это самые маленькие из найденных костей, которые похожи на человеческие. Могли они принадлежать людям с патологическими отклонениями? Не знаю. Возможно. Патология может возникнуть где угодно, поэтому мы не можем ее исключить, когда у нас для работы есть только несколько образцов. Но я все время думаю о том, что данные кости найдены здесь неспроста.

— То есть?

— Эти кости не были найдены в Африке или в Азии. Их нашли на маленьком острове. Рядом с костями карликовых слонов. Это совпадение? Господи, да ведь они охотились на карликовых слонов.

— Но если это не патология, то кто они, по-вашему? Вы так и не сказали.

— В этом и заключается мощь генетики, друг мой. Мы уже не обязаны верить. Мы можем точно узнать. А как раз это и представляет главную опасность.

* * *

— На островах происходят странные вещи.

Белой рубашки на Маргарет не было. Она сидела в комбинезоне с открытыми руками, и влажная кожа глянцевито поблескивала. Свет костра отгонял ночь, зажигая крохотные свечи в их глазах. Приближалась полночь, ученые сидели вокруг костра, слушая потрескивание пламени. Слушая джунгли.

— Как на Галапагосских островах, — сказала она. — Зяблики.

— Да брось, — возразил Джеймс. — Мы нашли маленькие черепа, с мозгами по размеру примерно как у шимпанзе. Островная карликовость рода Homo — ты это объяснение предлагаешь? Нечто вроде местной адаптации за последние пять тысяч лет?

— Ничего лучше у нас нет.

— Эти кости слишком отличаются. Они не из нашей линии предков.

— Но они моложе, чем другие архаики. Это вам не хомо эректус — одна из ветвей, обрубленных еще на заре времен. Эти существа выжили и существовали здесь очень долго. Кости даже не окаменели.

— Неважно, все равно они — не мы. Или они делят с нами общее происхождение от Человека, или с самого начала были созданы отдельно. Никаких промежуточных видов нет. И не забывайте, что они всего лишь в метр ростом.

— Это лишь оценка их роста.

— Точная оценка.

— Ахондроплазия[31]…

— В этих черепах не больше ахондроплазии, чем в моем. Я бы даже сказал, что скошенная передняя кость является *анти*ахондропластической.

— Определенный дефицит гормона роста мог бы…

— Нет, — сказал Поль, заговорив впервые. Все повернулись к нему.

— Что нет?

— У пигмеев нормальный уровень гормона роста. Во всех исследованных популяциях — негритосов, туземцев Андаманских островов, пигмеев из Конго. У всех он нормальный.

Все молча смотрели на него.

— Отличается область их рецепторов, — продолжил Поль. — Пигмеи вырастают пигмеями из-за их рецепторов гормона роста, а не из-за самого гормона. Если даже делать ребенку пигмея инъекции гормона роста, он все равно вырастет пигмеем.

— И все ж я не вижу, как это влияет на то, являются ли кости останками наших предков, — сказала Маргарет.

Джеймс обвел взглядом сидящих вокруг костра:

— Итак, они на нашей линии предков? Они — мы или другие?

— Другие.

— Другие.

— Другие.

— Но ведь у них были каменные орудия, — прошептала Маргарет, не веря услышанному.

Все уставились на Поля, но он лишь смотрел на огонь и молчал.

* * *

Следующее утро началось с ливня. Раскопочная команда забилась в палатки или сидела под брезентовым навесом возле костровой ямы. Лишь Джеймс наплевал на дождь и отправился в джунгли. Он вернулся через час, улыбаясь до ушей.

— Взгляни-ка на это, — сказал он, протягивая что-то Полю.

— Что это?

— Недоеденный варан. Этот вид встречается только здесь.

Теперь и Поль разглядел, что Джеймс держит лапу с когтями.

— Крупная ящерица.

— О, нет. Эта еще молодая. По эту сторону линии Уоллеса мать-природа ведет себя странно. Мало того, что большинство видов нашей стороны больше нигде не встречается. Многие из них не имеют даже отдаленных родственников где-либо еще. Такое впечатление, что Бог здесь начал с нуля, решив заполнить все экологические ниши.

— Как ты заинтересовался герпетологией? — спросил Поль.

— «Через Его творения познаем мы Бога»…

— Макмастер упоминал карликового слона.

— Да, стегадон. Они уже вымерли.

— А что их погубило?

— То же, что убило много древней фауны на этом острове. Классический катастрофизм[32] — извержение вулкана. Мы нашли слой пепла чуть выше самых молодых костей.

* * *

Однажды, лежа в постели с женщиной, Поль смотрел через окно на луну. Женщина гладила пальцем шрамы на его теле.

— У тебя был жестокий отец.

— Нет. Он был сломленный человек, вот и все.
— А есть какая-то разница?
— Да.
— Какая?
— Он всегда сожалел о содеянном.
— А это имело значение?
— Да, каждый раз.

* * *

О: Конечно, случаи локальной адаптации происходили. Популяции все время адаптируются к изменяющимся условиям.

В: С помощью какого процесса?

О: За счет успешного дифференциального воспроизводства. При наличии генетической изменчивости такое почти неизбежно. Это всего лишь вопрос математики и генов. Пятьдесят восемь столетий — долгий срок.

В: Можете привести пример?

О: В эту категорию попадает большинство собак, выведенных человеком для удовлетворения его нужд. Хотя физически они отличаются друг от друга, изучение генов показывает, что все они — один вид, хотя и разделенный на несколько четких подвидов.

В: Значит, вы утверждаете, что Бог сотворил исходную собаку, а человек вывел различные породы?

О: Это вы произнесли слово «Бог», а не я. И для протокола, милочка: Бог сотворил волка. А человек сотворил собак.

Из протокола судебного процесса над генетиком Майклом Пуром.

* * *

Они заявились на следующее утро под видом полицейского патруля. В сияющих новеньких «дайхацу» с трубчатыми каркасами вместо крыши. С оружием.

Поль услышал их до того, как увидел — выкрики и команды на непонятном языке. Он находился с Джеймсом у входа в пещеру. Увидев первую штурмовую винтовку, Поль бросился к

палаткам. Он сунул пакетики с образцами в поясную сумку и набрал номер на спутниковом телефоне. Гэвин отозвался после второго звонка.

— Здесь полиция, — сообщил Поль.

— Боже милостивый, ведь я только сегодня разговаривал с чиновниками, — сказал Гэвин. За стенами палатки раздавались сердитые крики. — И меня заверили, что ничего подобного не произойдет.

— Они солгали.

— Дело скверно. Очень скверно, — пробормотал Джеймс за спиной Поля.

— Вы где? — спросил Поль.

— Все еще в Рутенге.

— Тогда все уже кончится, пока вы сюда доберетесь.

— Поль, тебе опасно там оста…

Поль оборвал связь.

Он взял нож из набора для работы с образцами и разрезал заднюю стенку палатки. Выскользнул наружу, за ним — Джеймс. Поль заметил Маргарет — она в нерешительности стояла на краю леса. Их глаза встретились, Поль жестом указал на джипы. На счет «три» они побежали к ним.

Они забрались в машину и захлопнули дверцы. Солдаты — теперь Поль знал, что это именно солдаты — не заметили их, пока Поль не завел мотор. Малайские лица повернулись на звук, яростно вопя.

— Наверное, вам захочется пристегнуть ремни во время этой поездки, — сообщил Поль. Затем надавил педаль, разбрызгивая грязь из-под колес.

* * *

— Не стреляйте, — прошептал Джеймс на заднем сиденье, молитвенно закрыв глаза.

— Что? — не понял Поль.

— Если они стреляют, то это не полиция.

Пуля пробила заднее окно и вышибла кусок ветрового стекла, украсив его паутиной трещин.

— Черт! — взвизгнула Маргарет.

Быстро взглянув в зеркало заднего вида, Поль увидел, как солдаты забираются в один из «дайхацу». Он крутанул руль вправо.

— Не сюда! — крикнула Маргарет. Поль проигнорировал ее и вжал в пол акселератор.

Джунгли проносились мимо на расстоянии вытянутой руки. Ухабы грозили вышвырнуть с усеянной ямами дороги. Сзади их нагонял «дайхацу». Китайским фейерверком захлопали выстрелы, звякнул металл. Они свернули за поворот и увидели впереди реку — большую и тупую, как небо. Поль добавил скорости.

— Нам реку не переехать! — крикнул Джеймс.

— Нужно лишь добраться до середины.

Еще одна пуля врезалась в джип.

Они въехали в реку — вода с ревом захлестнула капот, хлынула сквозь пробитое ветровое стекло. Сильно и внезапно запахло илом.

Поль уперся ногой в пол.

Джип запыхтел, немного продрейфовал, уцепился за гравий на дне. Они добрались примерно до середины, затем Поль крутанул руль влево. Мир начал разворачиваться. Правое переднее крыло приподнялось, раскачиваясь от течения. Мотор заглох. Они поплыли.

Поль обернулся. Машина преследователей резко затормозила у самой воды, из нее выпрыгивали солдаты. Джип развернуло — одно из колес ударилось о подводный камень.

— Плавать умеете? — спросил Поль.

— Нашел, когда спрашивать!

— Я бы на вашем месте расстегнул ремни.

Джип ударился о другой камень, заскрипел металл, затем небо поменялось местами с водой, и все вокруг потемнело.

* * *

Они выбрались на берег несколькими милями ниже по течению, где реку пересекал мост. Грунтовая дорога вывела их к местечку под названием Реа. Там они сели в автобус. У Маргарет были при себе деньги.

Беглецы не разговаривали, пока не приехали в Баджаву.

— Думаю, они не собирались причинять вред тем, кто занимался раскопками. Им были нужны только кости.

— Они в нас стреляли.

— Потому что предположили, будто у нас есть то, что им нужно. Они стреляли по колесам.

— Нет, — сказала она. — Не по колесам.

Они провели несколько дней в номере отеля — Джеймс не мог покинуть его стен: рыжие волосы выдавали его моментально. Поль, скуластый полуазиат, сливался с толпой, хотя и был сантиметров на пятнадцать выше местных.

* * *

В тот вечер, лежа на одной из двуспальных кроватей и глядя в потолок, Джеймс сказал:

— Если это не кости наших предков… то хотел бы я знать, как они выглядели.

— У них был огонь и каменные орудия, — отозвался Поль. — Наверное, они очень походили на нас.

— Знаешь, мы ведем себя так, слово мы избранные. Но что если все было не так?

— Не думайте об этом, — сказала Маргарет.

— Что если Бог вначале создал все эти разные виды, разные варианты… а мы всего лишь тот вид, который убил остальных?

— Заткнись, — велела она.

— Что если был не один Адам, а сотня Адамов?

— Да заткнись же, Джеймс!

Наступило долгое молчание, которое нарушал лишь уличный шум, просачивающийся сквозь тонкие стены.

— Поль, — спросил Джеймс, — если ты привезешь образцы в лабораторию, ты ведь сможешь это узнать?

Поль молчал. Он думал о тех, кто будет делать анализы, и гадал.

— Победители пишут учебники истории, — сказал Джеймс. — Быть может, они пишут и библии. Хотел бы я знать, какая религия умерла вместе с ними.

* * *

На следующий день Поль вышел купить еды. Когда он вернулся, Маргарет в номере не было.

— Где она?

— Пошла искать телефон. Сказала, что сразу вернется.

— Почему ты ее не остановил?

— Не смог.

День сменился вечером. Когда стемнело, оба поняли, что Маргарет не вернется.

— Как мы попадем домой? — спросил Джеймс.

— Не знаю.

— И твои образцы… Даже если мы доберемся до аэропорта, тебя ни за что не пустят в самолет вместе с ними. Тебя обыщут. И найдут их.

— Придумаем какой-нибудь способ, когда все уляжется.

— На это можешь не надеяться.

— Все успокоится.

— Нет, ты все еще не понял. Когда вся твоя культура опирается на идею, ты не можешь себе позволить оказаться неправым.

* * *

Вынырнув из глубин сна, Поль услышал это. Нечто.

Он знал — это случится, хотя до сего момента и не сознавал, что знает. Потрескивание дерева, легкий ветерок от приоткрывшейся двери. Шок и страх были бы лучше — ворвавшиеся солдаты, арест, высылка, депортация, юридическая система. Молчаливый человек в темноте означал многое. И ничего хорошего. Сразу вспомнились слова «наемный убийца».

Поль медленно вдохнул. Внутри него был холод — та его часть, которая уже умерла и никогда не сможет испугаться. Та часть, которую в него вложил отец. Взгляд Поля обшарил тени и отыскал место, где тень двигалась, словно подгоняемая через комнату ветерком. Если убийца один, у него еще есть шанс.

Поль решил было спастись бегством — броситься к двери, оставив здесь образцы. Но его остановил все еще спящий Джеймс. Тогда он принял другое решение.

Он метнулся с кровати, выбросив перед собой простыню и обернув ею сгусток темноты. Силуэт переместился, темный, как пятнышки на шкуре пумы, темные на темном — они там есть, хотя их нельзя увидеть. И Поль знал, что застал убийцу врасплох, но мгновенно понял — этого будет недостаточно. Сильный удар едва не сбил его с ног, отбросив к стене. Разбилось зеркало, осколки со звоном посыпались на пол.

— Что за черт? — Джеймс включил свет, и мир появился с внезапностью фотовспышки. Убийца оказался индонезийцем, противоестественная тишина исходила от него волнами, как жар от печи. Он нес с собой финал, небытие в длинном лезвии. Он был в шоке. В шоке застигнутого врасплох профессионала, стоящего на полусогнутых ногах с блестящим лезвием в руке. На зеркальной стали — кровь. Только в тот момент Поль ощутил боль. Только тогда понял, что ранен.

Индонезиец двигался быстро. Очень быстро. Настолько, что Поль не успевал следить за его движениями, покрывая расстояние со скоростью мысли, через комнату к Джеймсу, который успел лишь дернуться в сторону, прежде чем нож рассек воздух. Глаза Джеймса удивленно распахнулись. Поль рванулся вперед, пользуясь только тем, что у него было — ростом, силой,

инерцией. Он врезался в убийцу, как футбольный защитник, стиснул руками, впечатал в стену. В груди индонезийца что-то хрустнуло подобно сломанной ветке, и враги расцепились. Убийца делал что-то руками, металл заскрежетал по кости… новая темнота, и Поль ощутил, как из его глазницы выходит сталь.

Гнева не было. Вот что самое странное. Сражаться за свою жизнь и не испытывать гнева. Убийца снова бросился в атаку, и Поля спасли только его габариты. Он схватил противника за руку и вывернул ее, перенося схватку на пол. И втиснул всю свою волю в три квадратных дюйма горла индонезийца, сминая его как пустую алюминиевую банку. В него снова вошла сталь, но Поль держался и давил, пока черные глаза не погасли.

Поль скатился с тела и рухнул на пол. Добрался ползком до Джеймса. Там была не лужа крови, а целое болото — пропитался весь матрац. Джеймс все еще оставался в сознании.

— Не капай на меня кровью, слышишь? — сказал Джеймс. — Никогда не знаешь, какую заразу можно подцепить от вас, американцев. Не хочу потом объясняться с подружкой.

Поль улыбался умирающему, плакал, закапывал кровью из своих ран, вытирал наволочкой кровь с его бороды. И держал руку Джеймса, пока тот не перестал дышать.

* * *

Очнувшись, Поль увидел белизну. Он моргнул. На стуле рядом с госпитальной койкой сидел мужчина в костюме. Возле двери стоял полицейский в форме.

— Где я? — спросил Поль. Он не узнал своего голоса. То был голос гораздо более старого человека. Наглотавшегося стекла.

— В Маумере, — ответил мужчина в костюме — белый, лет тридцати пяти, типичный юрист.

— Давно?

— Один день.

Поль коснулся повязки на лице:

— А глаз?…

— Сожалею.

Поль воспринял новость кивком.

— Как я сюда попал?

— Вас нашли на улице, голого. А в вашем номере — двух мертвецов.

— И что теперь будет?

— Ну, это зависит от вас. — Мужчина в костюме

улыбнулся. — Я представляю здесь неких лиц, заинтересованных в том, чтобы все завершить тихо.

— Тихо?

— Да.

— Где Маргарет? И мистер Макмастер?

— Сегодня утром их отправили самолетом в Австралию.

— Я вам не верю.

— Мне все равно, верите вы мне или нет. Я лишь отвечаю на ваши вопросы.

— Что с костями?

— Конфискованы для сохранности, разумеется. Индонезийцы закрыли раскопки. Это ведь их пещера, в конце концов.

— А образцы ДНК в номере отеля, в пакетиках?

— Они были конфискованы и уничтожены.

Поль промолчал.

— Как вы оказались на улице? — спросил костюм.

— Вышел.

— А почему голым?

— Решил, что только так меня оставят в живых. Это был единственный способ показать, что у меня нет с собой образцов. Я истекал кровью. И знал, что за мной все равно придут.

— Вы умный человек, мистер Карлсон. Значит, вы решили, что надо оставить им образцы?

— Да.

Мужчина в костюме встал и вышел.

— Большую часть, — прошептал Поль.

* * *

По дороге в аэропорт Поль попросил таксиста остановиться. Расплатившись, вышел. Приехал на автобусе в Бенгали, а там нанял такси до Реа.

В Реа он сел на автобус, и когда тот покатился по дороге, Поль крикнул:

— Стой!

Водитель нажал на тормоз.

— Извините, — объяснил Поль. — Я кое-что забыл.

Он вышел из автобуса и зашагал обратно в город. Слежки за собой он не заметил.

В городе, на одной из боковых улочек, он отыскал его — цветочный горшок со странным розовым растением. И принялся выковыривать из горшка землю.

На него закричала старуха. Он протянул ей деньги:

— За цветок. Я любитель цветов.

Она могла не понимать английский, но язык денег поняла.

Он зашагал по улице с горшком в руке. Джеймс был кое в чем прав. А в чем-то ошибался. Не сотня Адамов, нет. Всего два. Все австралоидные существа были созданы как некий параллельный мир. «И ты познаешь Бога по творениям его…» Но зачем было Богу создавать двух Адамов? Вот вопрос, который не давал Полю покоя. А ответ: Бог не стал бы этого делать.

Два Адама. Два бога. По одному с каждой стороны линии Уоллеса.

Поль представил, что это началось как соревнование. На песке провели линию, чтобы посмотреть, чьи творения будут доминировать.

Поль теперь понимал, какую ношу взвалил на себя Авраам, став свидетелем рождения религии.

Шагая по улицам, Поль рыхлил пальцами землю в горшке. Коснулся пакетика, вытащил его. Этот пакетик никакие аналитики не увидят никогда. Уж он об этом позаботится.

Он прошел мимо стоящей в дверях пожилой женщины, у которой был полный рот прекрасных зубов. Подумал о костях в пещере и о странных людях, которые когда-то обитали на этом острове.

Он протянул ей цветок:

— Это вам.

Потом остановил такси и сел.

— Отвезите меня в аэропорт.

Пока старая машина тряслась по пыльным улицам, Поль снял наглазную повязку. Заметил, как водитель посмотрел в зеркало заднего вида и брезгливо отвернулся.

— Понимаете, они солгали, — сказал Поль водителю. — Насчет сложности глаза. О, есть разные способы…

Водитель включил радио и уставился вперед. Поль морщился, разматывая повязку над раной и вытягивая белую марлю длинными полосками. В черепе взрывалась боль.

— Пророк есть человек, который чувствует яростно, — сказал он и сунул пакетик в пустую глазницу.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Ted Kosmatka. The Prophet of Flores. 2007. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2007 году.

Святослав Логинов
Встречная полоса

— Это и есть дорога? — спросил Тирлич. Это и есть дорога? — спросил Тирлич.

— Она самая! — мальчишка, вызвавшийся проводить приезжего, с готовностью кивнул.

Лента дороги лежала перед ним. Серое покрытие (язык не поворачивался назвать его асфальтом), белые строки разметок. Три ряда движения в одну сторону, три — в другую. И никаких ограждений, отбоек, дорожных знаков. Обочина никак не обустроена: ни съездов, ни кювета… ничего. Просто серое покрытие заканчивается, и начинается земля. Здесь она вытоптана, серая, под стать дороге, а в других местах, говорят, растет трава или лес подступает вплотную к дорожному полотну.

— А вон переход, — мальчишка махнул рукой в сторону невысокого красного столбика. — Идемте покажу.

Столбик был не металлический, а словно бы пластмассовый. Впрочем, Тирлич знал, что эта пластмасса не поддается никакому

инструменту. Столбик несокрушим, как и вся дорога.

— Это он цвет меняет?

— Ага. Он сейчас красный, чтобы никто через дорогу не ходил. Скоро машина пойдет, сбить может.

— А животные как же? Корова у кого-нибудь потеряется и выпрется на трассу. Ей на цвет столбика плевать.

— Не… ничего не будет. Животные, знаете, как дороги боятся? То есть не боятся ни капельки, но сами по себе на дорогу в жизни не ступят. Наши, когда на волков охотятся, знают, что со стороны дороги можно флажками не обкладывать, туда они и так не пойдут. А деревенские коров у самой дороги пасут и стадо, когда нужно, через дорогу гонят — и ничего. Только телята к матери жмутся.

— Это что, машина? — спросил Тирлич, указав на черневшее вдали пятно.

— Не… — парень прищурился, приложил ладонь козырьком ко лбу. — Из хуторских кто-то едет. Не иначе, на ярмарку намылился. На возу едет, и волы запряжены. Кто — не разобрать, далеко еще.

— Он что, на волах прямо по трассе? — ужаснулся Тирлич.

— И чего такого? Он же по правой стороне. Там можно.

— А волы машин не пугаются?

— Не… Это кони могут понести, а волам по фигу.

Сзади донеслось негромкое гудение — звук работающего мотора. Тирлич не успел оглянуться, как мимо пронесся автомобиль. Рассмотреть его толком не удалось, но что это именно автомобиль, сомнений не было. Стремительные обводы, низко поставленный мост, красные стоп-сигналы в два ряда. Фигуру водителя не различить за тонированными стеклами, хотя на такой скорости все равно ничего бы не удалось рассмотреть.

«Километров двести пятьдесят, — прикинул Тирлич. — Хорошо идет…»

Несколько секунд автомобиль дразнил взгляд красными огнями, затем исчез из виду.

— Сейчас еще будет, — сказал мальчишка. — Видите, столб красным остался.

Тирлич оглянулся, ожидая увидеть еще одну летящую машину.

— Никого…

— Так она еще далеко. Не видать. Столбики с запасом время показывают, чтобы можно было неспешно дорогу перейти.

— А если кто на красный пойдет?

— Это как повезет, — рассудительно ответил мальчишка. — Иной пробежит, а кого и собьет, всяко бывает.

— И часто люди тут погибают?

— Случается. У пацанов игра есть дурная. Пропустят машину и, не глядя, какой цвет, через дорогу бегут. А следующая машина, может, за первой впритык идет, у них на это никакого правила нет. Повезет перескочить, он и хвастает смелостью. А случается, что и хоронить нечего.

— Сам небось тоже бегаешь?

— Я ученый. Я еще шкетом был, когда при мне Котьку машиной сшибло. Дало так, что только брызги полетели. А я у самого края стоял, так меня всего кровью изгваздало. Я ажно зашелся, без памяти домой принесли. С того я даже при зеленом столбе через дорогу иду с опаской.

— Правильно делаешь. А на месте взрослых я бы и вовсе вдоль дороги ограду поставил.

— Ага… удержит она, как же.

Там, где лента магистрали сливалась с горизонтом, возникло неприметное поначалу движение, блеснули притушенные солнечным днем фары, запоздало возник нарастающий звук мотора. Черный автомобиль мелькнул и исчез. Придорожный столбик сменил окраску, засветившись зеленым.

— Хотите, можно на ту сторону сходить, — предложил гид. — Только там ничего интересного нет.

— Погоди. Ты вот что скажи: если машина кого собьет, она что же, не останавливается?

— С чего ей останавливаться? Нешто там люди сидят? Говорят, будто там вовсе никого нет, сама по себе едет.

— Я слыхал, что если встать у дороги и голосовать… ну… стоять с поднятой рукой, то машина может остановиться. Это правда?

Мальчишка в сомнении пожевал губами, потом вздохнул и сплюнул в придорожную пыль.

— Я так и знал, что вы будете про это спрашивать…

— И все-таки?

— Я откуда знаю? Мне еще жить не надоело… Говорят, правда.

— А сам видел, как другие уезжали?

— Не… Сам не видел.

— И никто из тех, кто уезжал, назад не вернулся?

— Может, кто и возвращался, только мы про такое не знаем. Наши вообще редко уезжают, все больше приезжие, вроде вас.

На этот раз звук послышался с другой стороны. Неспешный, деревенский. Скрипели колеса, глухо тупали по твердому копыта волов. Повозка, которую они разглядывали издали, достигла наконец стоящих при дороге людей.

— Здрасьте, дядька Маган! — громко поздоровался мальчишка.

Усатый возница прикоснулся двумя пальцами к полям шляпы, молча кивнул. Повозка проследовала мимо, один из волов на ходу ронял лепехи жидкого навоза.

— Что же, с той стороны машины никогда не едут?

— Нет, конечно. С чего бы им с той стороны ехать?

— А с этой с чего?

— С этой они всегда едут. А зачем да почему — вы лучше не думайте, а то с непривычки с ума сойти можете.

— Вы, значит, привычные…

— Мы — привычные. Вон хуторские знай себе катаются в город да обратно, но только по этой обочине. У них в город и дороги другой нет; зачем, если тут такая благодать. Они так полагают, что с паршивой овцы — хоть шерсти клок. А если спросить у мужика, зачем ему дорога, так он и в хрюкало заехать может.

— Чистит дорогу кто? — спросил Тирлич, скользнув взглядом по навозным лепешкам.

— Она сама чистится. Вот увидите, через полчаса от этих лепех и следа не останется. Вы только не вздумайте на дорогу ничего кидать. Говорят, она мстит тем, кто наррчно гадит. Волам ничего не будет, а человеку не простит.

— Как она может мстить?

— Так и может. Задумается человек и попрется на красный. А машина тут как тут, да и не одна. Косяком пойдут, так что тело никто достать не может, пока его дорога нацело не сожрет.

— Жуткие вещи ты рассказываешь…

— Уж какие есть. Не я их придумал.

Тирлич взглянул на часы.

— Пожалуй, мне пора. Номер в гостинице, должно быть, уже готов. Пойду отдыхать.

Он достал пару серебряных монет, протянул их провожатому. Пацан, не ожидавший такой щедрости, просиял.

— Знаете, что еще здорово? Ночью сюда прийти. Особенно, если тучи низкие. Машины фарами издали светят прямо на облака: вжик! — как молния или зарница. Тут до вас был один, так он говорил, что в жизни ничего красивее не видал. Хотите, я вас отведу? Хоть бы и сегодня ночью…

— Честно говоря, не знаю. Устал с дороги.

— Тогда вот что сделаем. Я вам покажу, где живу, а вы, как надумаете, стукните мне в окошко. Я мигом выскочу и провожу.

— Ты прирожденный чичероне, — сказал Тирлич.

Судя по всему, мальчишка не знал этого слова, но возражать

не стал. Не ожидая особой платы, он проводил Тирлича до дверей гостиницы, указав по дороге свой дом и отметив крестиком окно, в которое следует стучать, когда потребуется ночная экскурсия.

— Как тебя зовут, чичероне?

— Корш, — кратко ответил пацан.

— Парни тебя Коржиком не дразнят?

— Я им подразнюсь… — пообещал Корш, показав неожиданно большой костистый кулак.

— Тогда я тоже остерегусь дразниться.

— Дразнитесь как угодно. Вы только без меня ночью к дороге не ходите.

— А что так?

— Место смутительное, мало ли что может случиться.

— А с тобой, значит, не случится.

— Со мной — не случится. Я против ейных прелестей стойкий.

— Ну, тогда я спокоен, — Тирлич одарил Корша дополнительной мелкой монеткой и вошел в гостиницу.

Номер и впрямь был готов. Тирлич оглядел выделенные ему апартаменты и заторопился объясниться с хозяином.

— Я же просил дешевый номер, не дороже талера за ночь. Поймите, я не миллионер, царские палаты мне не по карману!

— Не извольте беспокоиться! — вскричал владелец заведения. — Все, как заказывали, ровно талер в сутки. Лишнего не беру.

— Сколько же тогда стоят дешевые номера?

— Талер в сутки, — отчеканил хозяин. — В моей гостинице любой номер стоит такую сумму. Но для уважаемых туристов — лучшие комнаты.

— Странно, — сказал Тирлич, но спорить не стал. В конце концов, хозяину виднее, почем сдавать номера. Если он до сих пор не разорился, то знает, что делает. А у приезжего постояльца есть более интересные темы для размышления.

О таинственном шоссе рассказывали во всех странах и землях. Рассказы рознились как раз настолько, чтобы всякий понимал: все это сказки, и не надо требовать от них большего. Притча, аллегория, иносказание… при чем тут плотная лента автобана, белый пунктир разметки, светофоры странной конструкции и автомобили, стремительно летящие из ниоткуда в никуда?

Из пункта N в пункт N выехал автомобиль. Спрашивается, зачем он это сделал, что ждет его в пункте назначения и почему навстречу ему не выехал другой автомобиль? В школьных задачниках непременно кто-нибудь выезжает навстречу.

«Жизнь — это не школьный задачник, — снисходительно объясняли Тирличу. — А время всегда идет из пункта N в прошлом в тот же самый пункт, находящийся в будущем. И никто и никогда не движется в прошлое. Это же такая простая аллегория, поэтический образ!»

Вот только аллегория не бывает столь грубо вещественна и не давит мальчишек, вздумавших перебежать наперерез поэтическому образу.

Ах, эти аллегории! Что угодно можно толковать как угодно. Скажем, такой троп (чтобы не сказать труп): черный лимузин олицетворяет власть, и либо человек ложится власти под колеса, и тогда судьба его неотличима от судьбы навозной кучи, либо рано или поздно автомобиль с затененными стеклами приедет за ним.

«Фи! — сморщится эстет. — Только не надо политики! Дорога, в противовес вашим кучам, символ экзистенции…»

«Дорога — прорыв в грядущее…»

«…путь к Богу…»

Путь к себе. Недаром никто не едет по ней в обратную сторону. Можно уйти от политики, от грядущего и от Бога, но нельзя от себя.

Но почему? Если дорога олицетворяет политику, почему она проходит здесь, где нет никого важней благодушно-ленивого мэра? Если это символ будущего, то откуда он взялся в глуши, где до сих пор ездят на волах? Если это путь к Богу, почему на нем убивают детей и уезжают, не оглянувшись? Если это путь к себе, зачем нужен такой путь?

С подобными мыслями или сразу засыпаешь, или до утра комкаешь простыни бессонницей. Промаявшись пару часов, Тирлич поднялся и вышел в гостиничный холл. Там было темно, лишь на ресепшене горел огонек. Настольная лампа, старомодная, но все же электрическая, хотя Тирлич не удивился бы, увидав свечу или газовый рожок. Пожилой администратор, примостившись к лампе, читал книгу.

— Доброй ночи, — поздоровался Тирлич.

— Здравствуйте, — ответил консьерж. Было заметно, что он чувствует себя неловко, не зная, о чем говорить с постояльцем.

— Не спится, — пожаловался Тирлич. — Слишком много впечатлений, все так необычно. Должно быть, переутомился.

— Вообще у нас город тихий, достопримечательностей почти нет, туристов мало…

— У вас — дорога. Я ходил сегодня смотреть.

— Это да, — нехотя признал консьерж. — Поначалу она впечатляет. Хотя на самом деле в ней ничего особенного. Едут

себе и едут. Если под колеса не соваться, считай, что их и нету.

— Вам, должно быть, надоело, а мне пока в диковинку.

— Хотите чаю? — предложил консьерж.

— Не откажусь.

Консьерж зажег спиртовку под серебряным чайничком, достал из шкафчика жестяную коробку с чаем. Как же это было непохоже на современные чаепития с электрокипятильниками, напоминающими больничную утку, и чайной пылью в пакетиках… в презервативах, как презрительно говорил Тирлич. Чай, который заварили для постояльца, наверняка доставили со сказочной Ланки быстроходным чайным клипером или привезли из Китая караванами по Великому шелковому пути. Такой чай располагает к доверительной беседе, и Тирлич, погрев руки о тонкий фарфор чашки, спросил:

— Я, наверное, задам бестактный вопрос, но почему хозяин гостиницы так сильно скинул для меня плату за номер?

— Дело в том, — оглянувшись на двери, ответил консьерж, — что сейчас мертвый сезон. Вы назвали цену, которую готовы платить. Вообще, это нормальная цена за дешевый номер, но для приезжих у нас только номера люкс, так что хозяину оставалось либо сдавать люкс за талер в сутки, либо уступить вас конкурентам, в то время как люксы будут пустовать.

— А просто номер за нормальную цену…

— Это невозможно. В обычных номерах останавливаются жители окрестных сел, а это народ суеверный. Хозяин опасается, что вы хотите уехать по дороге, а после этого никто из прибывших по торговым делам в вашем номере не остановится.

— Боятся, что страсть к дороге заразна?

— Нет, просто дурная примета. Удачи в делах не будет.

— Я так и знал, что это как-то окажется связано с дорогой. Осмелюсь предположить, что все странности вашей жизни от того, что рядом проходит дорога. Так что вы напрасно делаете вид, будто ее нет.

— Это дорога делает вид, будто нас нет.

Чай оказался под стать фарфоровым чашкам, серебряному чайничку, спиртовке, жестяной чайнице позапрошлого века с изображением зеленого куста на фоне гор. Безо всяких добавок и отдушек, чистый чайный аромат, запах экзотических стран, сказочных приключений, дороги. Странно, как могут люди, пьющие такой чай, всю жизнь просидеть на одном месте, особенно, когда совсем близко гудит моторами овеществленная метафора. С другой стороны (а любую мысль можно рассматривать по меньшей мере с трех сторон), аромат хорошего чая навевает мечты о нехоженых тропах, а не о пробензиненном

автобане.

— Я слышал, что ночью автострада представляет собой изумительное зрелище.

— Вполне возможно. Только я не рекомендовал бы ходить туда ночью одному.

— Тоже дурная примета или ночью что-то не так?

— Вот именно — или… Завораживает она, особенно тех, кто непривычен. Некоторые под колеса бросаются, другие уезжают. Одно время в мэрии даже лежал законопроект, по которому ночная прогулка к дороге приравнивалась к попытке самоубийства и наказывалась довольно ощутимым штрафом. Единственный раз, когда в мэрии обсуждалась проблема дороги. Разумеется, дебаты ни к чему не привели, а жаль. Я придерживаюсь либеральных взглядов, но поймите, одно дело — свободный выбор, совсем иное — самоубийство под влиянием случайного импульса. А ведь это иначе как самоубийством не назовешь.

— Даже когда человек не бросается под колеса, а уезжает?

— Особенно, когда человек уезжает. Так что, если угодно, останавливайте машину днем, предварительно распорядившись своим имуществом, и не ходите к дороге ночью один.

— Не буду ходить один, — пообещал Тирлич. — Меня уже предупреждали, но я решил, что парнишка просто напрашивается на чаевые.

— Вы говорите о Корше?

— Совершенно верно. Вы его знаете?

— Городок маленький, поневоле будешь знать всех. А Корш хоть и мальчишка, но ходить с ним безопасно.

— Я уже заметил. Очень здравомыслящий молодой человек.

Тирлич допил чай, поднялся.

— Благодарю за чай и беседу. Пожалуй, я пройдусь немного. Если потянет к дороге, то господин Корш показал, в какое окошко я должен постучать. На улицах-то у вас ночью спокойно?

— На улицах спокойно. Приятной прогулки.

На улицах и впрямь оказалось тихо, спокойно, безлюдно. Вой моторов сюда не долетал, лишь отсветы фар скользили по низким тучам. По словам чичероне Корша именно в это время суток дорога всего красивей. Ой, хитрец! Сначала расписал красоты, а потом — «вы туда не ходите…»

Тирлич постоял возле окна, помеченного крестиком, усмехнулся и, не постучав, пошел к дороге.

Дорога не спала. Меняли свет пешеходные столбики, зеленовато светлела флюоресцирующая разметка. Машины шли с неровными интервалами, иной раз по десять штук кряду.

Временами движение замирало на несколько минут, тогда наступала хрупкая тишина, тревожная, заставляющая вслушиваться, когда же раздастся звук мотора. Потом вдалеке вспыхивали фары, свет нарастал, следом рождался гул, ровный, мощный; в то мгновение, когда машина пролетала мимо, звук менялся, словно автомобиль тонко вскрикивал, жалуясь на бесцельную езду. И, хотя понимаешь, что это всего лишь обман слуха, простейший акустический эффект, но когда стоишь у дороги ночью и слушаешь стоны убегающих автомобилей, в это не слишком верится.

Тирлич осторожно коснулся носком ботинка дорожного покрытия. Не отпускало дурное предчувствие, что, едва он ступит на дорогу, субстанция, так похожая на асфальт, вцепится в ноги и начнет жадно жрать. Навозные лепешки, оставленные волами, истаяли за десять минут. А сколько времени потребуется дороге, чтобы поглотить человека? Юный гид, рассказывая о развлечениях местной пацанвы, обмолвился, что иной раз от сбитого машиной и хоронить нечего. Судя по всему, это не фигура речи, так оно и бывает. Испугаются пацаны, убегут, не вытащив тело неудачника, а когда придут взрослые, мостовая уже чиста, как в день постройки.

Но ведь люди через дорогу ходят, а жители окрестных деревень и хуторков, собравшись в город, едут на телеге прямо по автотрассе. И ничего, волы копыта не стаптывают, и тележные обода остаются целы. Значит, система утилизации в дорожном покрытии включается не мгновенно. Дорога на то и дорога — двигаться по ней можно безопасно. Она уничтожает только неподвижное.

И все-таки ступить на твердое было страшно.

Пропустив три или четыре машины и дождавшись очередного зеленого периода, Тирлич внутренне сжался и перебежал на ту сторону. Разумеется, ничего особого не произошло, столбик зеленел еще минуты полторы.

Перейдя дорогу, он оказался совсем рядом с полосой, по которой двигались машины, и каждый раз, когда автомобиль проносился мимо, Тирлич чувствовал толчок воздуха, направленный от дороги, но заставляющий качнуться вперед. Так человека, стоящего рядом с железнодорожными путями, затягивает под колеса проходящего поезда.

Теперь Тирлич понимал, что значит «смутительное место» и как оно завораживает. Нестерпимо хотелось поднять руку, чтобы неведомое хотя бы на минуту прекратило свое коловращение и обратило внимание на человека. Пропасть всегда манит к себе, заряженный пистолет гипнотизирует черным зрачком дула, и

нужно быть горцем или профессиональным военным, чтобы не слышать смертельного зова. Нужно быть рассудительным мальчиком Коршем или сонным дядькой Маганом — тогда сможешь жить рядом с дорогой, воспринимая ее как нечто само собой разумеющееся.

Столбик зеленел, обещая, что машины пока не будет. Тирлич неуверенно поднял руку, но тут же быстро опустил ее, спрятал обе руки за спину, крепко сцепил пальцы, словно боялся, что рука самовольно поднимется и остановит спешащий автомобиль.

— Эй!..

Тирлич вскинул голову и увидел Корша. Мальчишка бежал, размахивая руками. Перед самым носом бегущего столбик переменил цвет, предупреждая, что через дорогу идти нельзя. Мальчишка заметался вдоль обочины, а потом рванул поперек трассы.

Хотя Тирлич помнил, что столбики показывают время с запасом, в расчете на неспешного пешехода, внутри у него все оборвалось в ожидании неминучей беды. Однако мальчишка перебежал благополучно и, тяжело дыша, остановился рядом с Тирличем.

— Вы чего? Жить надоело?

— По-моему, это тебе жить надоело, — заметил Тирлич.

— Это я из-за вас. Так и знал, что умотаете сюда один.

Черный автомобиль просвистел мимо, позволив Тирличу выдержать паузу и не отвечать.

— Во, зеленый зажегся, — сказал Корш. — Пошли отсюда.

— Погоди… ты мне вот что ответь: если не останавливать машину, а просто пойти по дороге, по безопасной стороне, то куда придешь?

— Никуда.

— Как это?

— А вот так. Не будешь же век шагать, когда-нибудь устанешь, а останавливаться на дороге нельзя. Сойдешь на обочину отдохнуть, тут-то дорога и потеряется. Раз — и нет ее, как не было. Выбирайся потом лесом.

— А на автомобиле никто не пробовал? Не на этих, а на своем.

— Думаете, вы один такой умный? Люди по-всякому пробовали, да обломались. На своей машине ехать — бензин кончится, а заправок тут нет. В позапрошлом годе один такой приезжал. Рванул прямо по опасной стороне с черными наперегонки. А толку?… Все равно пришлось затормозить, и, пока он из канистры в бак бензин переливал, дорога ему колеса проела. Пришлось пешком возвращаться, благо, что запасы еды

были. За неделю дошел, хорошо, что живой, а то некоторые так и пропадают. В городе на этот счет болтают всякое, что, мол, и на своей машине можно доехать до конца дороги, но я тому не верю. Они или спать на дороге улеглись, или в лесу сгинули. По-моему, так выходит.

— Слушай, а на вертолете никто не пробовал над дорогой пролететь?

— Не… вертолетов у нас не было.

Наступил долгий красный период, машины шли с завидной регулярностью, через каждые полминуты. Отблеск на облаках, свет фар, вой пролетающего автомобиля. Зрелище, конечно, впечатляет, но ничего особо красивого в нем нет. Соврал приезжавший прежде Тирлича турист или просто допустил поэтическое преувеличение.

Дождались зеленого, перешли дорогу.

— Если я проголосую, — не унимался Тирлич, — а когда машина остановится, не стану в нее садиться… что, меня туда силком потащат?

— Она просто не остановится, — хмуро ответил мальчишка. — Они как-то знают, кто всерьез голосует, а кто из баловства. Тут об этом такую историю рассказывают… Жилау нас одна девица. Красивая, многие за ней ухаживали, но все впустую, потому как характер у нее был взбалмошный. Очень ей хотелось, чтобы парни по ней страдали, а она перед ними выкобенивалась. Знаете, бывают такие девки, что со всеми заигрывают, но никому «да» не говорят. В конце концов народ это понял, и стали от нее ухажеры отпадать. Один только и остался, самый затруханный. Стало ей это обидно, и объявила она, что нет для нее в городе ровни и, раз все такие изменщики, она уедет отсюда навсегда. Вышла к дороге и подняла руку. И что бы вы думали, простояла на виду у всего города с поднятой рукой целых два часа. Никто не притормозил. Делать нечего, вернулась домой и послала к последнему убогому кавалеру сказать, что согласна за него замуж. Только тут уже он отказался. Кто к дороге с поднятой рукой выходил — хуже порченного считается, у нас с ним никто дела иметь не будет.

— И чем все кончилось?

— Да ничем. Помаялась она сколько-то времени да и бросилась под машину. Так ее дорога и тут не приняла, откинула на сторону. Пришлось ее за кладбищем закапывать. Так-то у нас самоубийц нету, только она за оградой лежит.

— Что-то твои истории одна мрачней другой, — заметил Тирлич.

— Как же иначе? — удивился Корш. — По-другому

неинтересно будет.

— Что же твоя девица просто не уехала из города? На поезде.

— На поезде можно по делам съездить, а потом вернуться. Навсегда наши из города на поезде не уезжают. У нас — дорога.

Дальше шли в молчании. В голове у Тирлича теснилось множество вопросов и предположений, но все они начинались с инфантильного зачина «а если…», который и без того слишком часто звучал в последнее время.

Возле гостиницы Тирлич остановился и протянул Коршу серебряный талер.

— Считай, что это за спасение моей жизни. Но больше через дорогу на красный не бегай.

— Вы бы лучше мне часы подарили, — сказал Корш, шмыгнув носом.

— Ничего себе! Часы двадцать талеров стоят. И потом: что же, я сам без часов останусь?

— Я ведь вижу, вы все равно по дороге уедете, и останавливать вас бесполезно. Сегодня я успел, так вы завтра сбежите и пропадете ни за грош. Так что часы вам больше не понадобятся. А мне бы они пригодились.

— Вот что, — произнес Тирлич, указательным пальцем приподняв за подбородок голову Корша и заглядывая ему в глаза, — часы мне и самому пригодятся, потому что уезжать я не собираюсь. Хочешь знать, почему?

— Ну…

— Сколько, ты говоришь, людей уезжает каждый год?

— Человек пять, может, больше.

— Так вот, я не хочу быть ни шестым, ни десятым. Быть первым — куда ни шло, а на шестого я не согласен.

Тирлич кивнул Коршу и направился к гостинице. Двери оказались заперты, пришлось довольно долго стучать, прежде чем заспанный консьерж отворил припозднившемуся постояльцу.

— Не ожидали, что вернусь? — приветливо спросил Тирлич.

— Почему же? Я знаю, что вы пошли гулять, а слишком долго на наших улицах делать нечего. Ночных заведений нет, жители спят, магазины закрыты. А просто ходить быстро надоедает.

— Мне почему-то кажется, что окружающие смотрят на меня, как на потенциального самоубийцу, который ищет удобного случая, чтобы броситься под колеса.

— Вы много общались с местными?

— Практически ни с кем.

— Так и не делайте поспешных выводов.

— Фермер, когда здоровался с Коршем, на меня и не взглянул. Словно я уже мертвец.

— Хуторяне вообще неприветливы. А вот я, если бы полагал, что вы не вернетесь, попросил бы вас оставить ключ от номера. Вы заплатили вперед за три дня, это ровно три талера. Сменить замок на двери за такую сумму не получится.

— Вы меня убедили! — со смехом ответил Тирлич. — Три талера, это серьезно. Так что я непременно проживу у вас три дня, а перед отъездом обязательно сдам ключ.

Консьерж улыбнулся, показывая, что понял шутку.

Проснулся Тирлич поздно, когда на ресепшене сидела миловидная дама средних лет. Тирлич сдал ключ и осведомился, где в городе можно прилично позавтракать. Выяснилось, что по утрам большинство кафе открыты и кормят во всех пристойно. Поначалу показалось странным: кто же может ходить в кафе утром? Но стоило заглянуть в первое же заведение, как несложная тайна открылась. Городские дамы предпочитали пить утренний кофе не в одиночестве, а сбившись в маленькие говорливые коллективы. Стараясь не замечать потаённых взглядов, Тирлич позавтракал и отправился осматривать город. К дороге он твердо решил сегодня не ходить. Сначала следовало осмыслить впечатления минувшего дня. А если ходить к трассе как на службу, можно впасть в подобие гипнотического транса. Хорошим подобные вещи не кончаются.

Городок оказался уныл и однообразен. Мэрия, перестроенная в конце девятнадцатого века в псевдоготическом стиле, две церкви, скучные, как протестантский проповедник, пожарная команда, перед которой на постаменте выставлена позеленевшая от времени помпа, с какими сто лет назад разъезжали борцы с огнем. Десяток двухэтажных особнячков, составлявших исторический центр города, и пригоршня домов поновее. Многоквартирных громад в городке не водилось, да и кому они могли тут понадобиться?

Мэрия по совместительству была и картинной галереей; в коридорах первого и второго этажей висели полотна, под каждым из которых была привинчена табличка с именем художника и датой. Даты не впечатляли, имена ничего не говорили. Во всяком случае, можно быть уверенным, что здесь нет ни одной подделки. На полотнах красовались мертворожденные итальянские пейзажи и физиономии уважаемых граждан — мэров и членов исправы. И никакого намека на то, что поблизости гудит дорога.

Больше смотреть в городе было решительно нечего, разве что отправиться на кладбище, где сторож, несомненно, продемонстрирует пару любопытных надгробий начала восемнадцатого века, а быть может, и могилу той дуры, о которой рассказывал Корш. Впрочем, подобные вещи высмеял еще Джером

К.Джером, так что на кладбище Тирлича совершенно не тянуло.

Зато на одном из относительно новых домов он обнаружил мемориальную доску. Вырезанные на мраморе буквы сообщали, что в этом доме с 1936 по 2005 годы проживал Трэш Граух, а чтобы никто не обознался, чуть выше в овальный картуш был врезан профиль настолько заурядный, что даже инструмент скульптора не мог придать ему значительности. Все это очень напоминало могильную плиту, да и кто в городе, кроме автора кладбищенских шедевров, мог выполнить такую работу?

Тирлич пожал плечами и пошел обедать. Он выбрал другое кафе и снова не прогадал.

Вернувшись в гостиницу и получая ключ, он спросил у консьержки:

— Вы не подскажете, кто такой Трэш Граух?

— Вы его знали? — оживилась дама.

— Нет. Я увидал в городе памятную доску, и мне стало любопытно. Никогда не слышал этого имени. Чем он прославился?

— Он торговал скобяными товарами. Хороший был магазин, я туда часто заходила.

— И за это ему поставили памятник?

— Нет, что вы… Он завещал свой дом городу при условии, что там установят мраморную доску с надписью. Он сам ее заказал, потом пришлось только дату смерти добавить. Дом хороший, кто ж от такого откажется? Конечно, власти согласились. Вот и висит доска.

— Понятно, — сказал Тирлич, не ожидавший такого, но ничуть не удивившийся.

— Вы не понимаете, — возразила консьержка, — он же одинокий был, ни жены, ни детей. Прожил жизнь, а зачем? Надо же после себя хоть что-то оставить, даже таким способом. Мне, например, его жалко.

В номере было также нечего делать, как и на улице. Тирлич повалился на заправленную горничной постель и задумался.

И чего, спрашивается, он узнал? Какую истину постиг? Чего ради стремился сюда?… Только для того, чтобы увидеть, как машины скрываются за горизонтом?

Вопросы, вопросы… сорок тысяч риторических вопросов.

Тирлич был так же одинок, как и Трэш Граух, тоже ничем не прославился. Прямо хоть мемориальную доску заказывай.

Была в жизни одна даже не мечта, а уверенность: есть на свете дорога, и там он постигнет смысл жизни. Как же, постиг… Дороге нет никакого дела до тех, кто стоит на обочине, хоть на пену изойди в поисках смысла жизни. Она обратит на тебя

внимание только в ту минуту, когда ты поднимешь руку, чтобы уйти навстречу неизвестности. Но и это ничего не изменит. «Еще один», — скажут люди и забудут.

Тирлич не хотел быть «еще одним».

Поселиться в городе, посвятить остаток жизни наблюдениям за дорогой, ее изучению… Ничего не выйдет, сюда приезжали настоящие ученые, специалисты во всех мыслимых областях, но ничего не выяснили и очень быстро теряли интерес. Должно быть, так дорога защищается — еще одна система самоочистки, растворяющая излишнее любопытство окружающих. Потому и городок тут сонный, безразличный ко всему. Так что думай, пока тебе не стало наплевать. Поселившись в этом городе, станешь таким же, как все.

Интересно, пробовал ли кто-нибудь остановить проезжающий автомобиль силой? Скажем, внезапно перегородить дорогу… Наверное, пробовал, недаром же Корш рассказывал, что дорога мстит тем, кто нарочно гадит.

И все-таки зачем существует эта дорога, чего ради мчится по ней поток машин, почему все они едут в одну сторону и зачем в таком случае нужна встречная полоса?

Природа не знает слова «зачем». Мы не спрашиваем, для чего течет река и с какой целью горы стоят на своем основании. Только героя Мопассана мог интересовать вопрос: «Зачем ночами светит Луна?» Телеологические принципы неприменимы к природе, они имеют смысл лишь для того, кто во всякой мелочи видит промысел Божий. «Река течет для того, чтобы уносить грязную воду и доставлять нам для питья чистую. Горы стоят для того, чтобы мы могли пасти на склонах своих баранов». Глупцы, у природы есть один вопрос: «Почему?» — и один ответ: «Потому что». Зато там, где просматривается воля Создателя, вопрос «зачем?» неизбежен, и ответ на него непременно следует искать. Только Господни пути неисповедимы, да и то потому, что Бога нет.

Тирлич спустился вниз, спросил у дежурной:

— Простите, нет ли у вас писчей бумаги и пары конвертов?

— Да, конечно, ответила женщина.

Конверты были с фирменной надпечаткой отеля, а бумагу сверх того украшал рисуночек: дорога и спешащий по ней автомобиль. Конечно, ведь письма отсюда пишут только туристы, приехавшие поглазеть на чудесную магистраль.

Тирлич написал письмо приятелю, единственному, кто знал, куда он уехал. На втором конверте сделал надпись: «Чичероне Коршу на память», — потом снял с руки часы и вложил в конверт.

Свои вещи Тирлич оставил в номере, а ключ, как и обещал,

сдал администраторше.

— Почта ближайшая где?

— Можете оставить письма у нас, почтальон заходит по утрам, а раньше письма все равно не уйдут.

— Лучше я сам.

На почте Тирлич отправил письмо приятелю. Второй конверт остался в кармане.

Пока не закрылись кафе, Тирлич поужинал в еще одном городском заведении и снова остался доволен. Когда стемнело, а кафе начали закрываться, не торопясь вышел на улицу.

Окно, отмеченное крестиком, было открыто, в комнате темно. Тирлич осторожно положил пакет с часами на подоконник и не оглядываясь пошел к автостраде.

Нагретое за день покрытие дышало теплом, словно большой зверь лежал неподалеку. Мерцала разметка, светились красным столбики переходов. Прошла одинокая машина, зажегся зеленый. Можно безопасно переходить на ту сторону. Тирлич покачал головой и остался стоять. Он и в самом деле не желает быть ни шестым, ни десятым. Иное дело быть первым. Первый неизбежно приносит в мир нечто новое, а люди рождаются на свет именно для этого.

Столбик сменил цвет на запрещающий. Тирлич шагнул вперед, остановился на самом краю и поднял руку. Он стоял у встречной полосы, где ни разу не прошла ни единая машина, и голосовал у пустой дороги — человек, посмевший бросить вызов притче. Слева прошел автомобиль, сразу за ним второй и третий. Поднятая рука затекла и налилась усталостью. Спрашивается, чего он ждет? Что сейчас из темноты появятся волы, впряженные в повозку, и дядька Маган, коснувшись пальцами полей шляпы, скажет: «Садись, подвезу».

Глупо, все глупо. Но раз у дороги есть встречная полоса, на это должна быть причина.

По низким облакам зарницей скользнул отблеск, потом на той стороне, где ночами царила темень, вспыхнуло слепящее пятно. Тирлич переступил с ноги на ногу и выше вздернул уставшую руку.

Невидимый водитель переключил фары на ближний свет, автомобиль затормозил.

Кори Доктороу
Когда сисадмины правили Землей

Когда служебный телефон Феликса зазвонил в два часа ночи, Келли повернулась на бок, ткнула его в плечо и прошипела:

— Почему ты не выключил эту проклятую штуковину, когда ложился спать?

— Потому что я должен оставаться на связи.

— Ты же не долбаный врач, — продолжила она, пиная его, когда он сидел на краю кровати, натягивая брюки, которые бросил на пол, перед тем как лечь спать. — Ты чертов системный администратор.

— Это моя работа.

— На тебе пашут, как на правительственном муле! И ты знаешь, что я права. Господи, ты же теперь отец и не можешь убегать посреди ночи всякий раз, когда накрывается чей-то источник порнухи. Не отвечай на звонок.

Он знал, что жена права. Он ответил на звонок.

— Главные роутеры не отвечают. BGP не отвечает.[33] —

Механическому голосу системного монитора было все равно, если его проклянут, и Феликс тут же это сделал. Хоть немного полегчало.

— Может быть, я смогу все наладить из дома, — сказал он. Феликс мог подключиться к источнику бесперебойного питания «клетки» и перезагрузить роутеры. ИБП находился в другом сетевом блоке и имел собственные независимые роутеры, питающиеся от своих ИБП.

Келли уже сидела на постели, он мог различить очертания ее фигуры на фоне изголовья кровати.

— За пять лет нашего брака ты ни разу не смог наладить что-либо отсюда, из дома, — заявила она. На сей раз она была не права: он постоянно решал разные проблемы из дома, но делал это незаметно, не привлекая ее внимания, потому она об этом и не знала. Но Келли все же попала в точку — судя по его журналам событий, после часа ночи уже ничто и никогда нельзя было исправить и наладить, не приезжая в «клетку». Закон бесконечной вселенской извращенности, он же Закон Феликса.

Пять минут спустя Феликс уже сидел за рулем. Из дома он ничего сделать не сумел. Сетевой блок независимого роутера тоже оказался недоступен из сети. В последний раз такое случилось, когда один строитель-идиот перерубил ковшом экскаватора оболочку главного кабеля, ведущего в информационный центр, и Феликс стал одним из полусотни разъяренных сисадминов, которые неделю торчали над образовавшейся в результате ямой и кляли на чем свет стоит несчастных бедняг, сидевших в ней круглосуточно, сращивая десять тысяч проводков.

В машине телефон звонил еще дважды. Он переключил его на стереосистему и выслушал через большие басовые динамики автоматические сообщения об отключении от сети новых критических элементов инфраструктуры.

Затем позвонила Келли.

— Привет, — отозвался он.

— Не подлизывайся. Я по голосу слышу, как ты подлизываешься.

Он невольно улыбнулся:

— Проверь — не подлизываюсь.

— Я тебя люблю, Феликс.

— А я от тебя без ума, Келли. Ложись поспи.

— 2.0 проснулся, — сообщила она. Находясь в ее лоне, ребенок получил имя Бета-Тест, а когда у нее отошли воды, Феликс, узнав об этом по телефону, выскочил из офиса с криком: «Повелитель Золота отправился в путь!» Они начали называть

малыша 2.0 раньше, чем он завершил свой первый крик. — Этот мелкий паршивец родился, чтобы меня сосать.

— Извини, что разбудил тебя. — Он уже почти добрался до инфоцентра. Никакого уличного движения в два часа ночи. Феликс притормозил и свернул ко въезду в гараж. Ему не хотелось прерывать звонок Келли, въехав в подземный гараж.

— Дело не в том, что ты меня разбудил. Ты работаешь там уже семь лет. У тебя в подчинении трое молодых парней. Отдай телефон им. Ты свой долг выполнил.

— Мне не хочется просить своих подчиненных делать что-либо, чего я не могу сделать сам.

— Все, что от тебя требовалось, ты уже сделал. Пожалуйста… Я ненавижу просыпаться одна среди ночи. По ночам мне тебя не хватает больше всего.

— Келли…

— Я уже не сержусь. Мне просто тебя не хватает, вот и все. Ты навеваешь мне сладкие сны.

— Хорошо.

— Что, так просто? Ты согласен?

— Именно так. Очень просто. Не могу допустить, чтобы тебе снились плохие сны, и я выполнил свой долг. Отныне я буду на ночных дежурствах только для того, чтобы заработать дополнительный отпуск.

Она рассмеялась:

— Сисадмины не берут отпуска.

— А этот возьмет. Обещаю.

— Ты прелесть. О, замечательно… 2.0 только что выполнил аварийный дамп системы по всей моей ночнушке.

— Весь в меня.

— Кто бы сомневался.

Она повесила трубку, и он завел машину на стоянку инфоцентра, сунув в щель пропуск и приподняв усталое веко, чтобы сканер сетчатки хорошенько разглядел его все еще сонный глаз.

Феликс задержался у автомата в «чистой комнате» и взял себе энергетический батончик с гуараной и убойной крепости кофе в чашке-непроливайке. Он быстро проглотил батончик и выпил кофе, затем позволил внутренней двери прочесть геометрию его ладони и измерить параметры тела. Дверь с шипением отворилась, из шлюза за ней его обдуло потоком воздуха (внутри поддерживалось избыточное давление), и он наконец-то оказался допущен во внутреннее святилище.

Там царил бедлам. «Клетки», где стояли серверы, были рассчитаны на то, чтобы внутри перемещались два-три

сисадмина. Все остальное свободное пространство, до последнего кубического дюйма, было отдано гудящим стойкам с роутерами, серверами и дисковыми полками. Сейчас туда плотно, как селедки в бочке, втиснулись не менее двадцати сисадминов. То было настоящее сборище черных маек с непостижимыми лозунгами, орава нависающих животов над поясами, увешанными мобильниками и чехольчиками с универсальными инструментами.

При обычных обстоятельствах в «клетке» царил едва ли не мороз, но теперь все эти тела перегревали небольшое замкнутое пространство. Пятеро или шестеро взглянули на него и скривились, когда он вошел. Двое поздоровались с ним по имени. Феликс втиснул свой живот в узкий проход между стойками и начал пробираться в дальний конец помещения, где располагались серверы «Ардента».

— Феликс. — Это был Ван, и этой ночью он не дежурил.

— Что ты здесь делаешь? Хочешь, чтобы завтра утром мы оба превратились в невыспавшиеся развалины?

— Что? А, ты об этом… Там стоит мой персональный сервер. Он «упал» примерно в половине второго ночи, меня разбудил монитор процессов. Надо было позвонить и сказать, что я сюда еду — избавил бы тебя от хлопот.

Собственный сервер Феликса — корпус, который он делил с пятью друзьями — находился в стойке этажом ниже. Интересно, не «упал» ли и этот?

— Что произошло?

— Массированная атака флэш-червя. Какая-то сволочь заставила все серверы Windows в сети гонять проверки по методу Монте-Карло по каждому блоку интернет-протоколов, включая IPv6. А у больших роутеров «Циско» все административные протоколы работают через v6, и все они «падают», если запускается более десяти проверок одновременно, а это означает, что практически все обмены данными снизились почти до нуля. DNS[34] тоже накрылись — такое впечатление, что вечером кто-то отравил передачу данных между зонами. Да, и еще есть некий почтовый компонент, рассылающий весьма правдоподобные сообщения всем, кто находится в твоей адресной книге, выплевывая при этом Элиза-диалог, который отключает электронную почту и сообщения, чтобы заставить тебя запустить троян[35].

— Господи!

— Вот-вот.

Ван относился к сисадминам второго типа — выше шести футов ростом, волосы собраны в длинный «конский» хвост,

торчащий кадык. Его грудь с выступающими ребрами прикрывала майка ВЫБЕРИ СВОЁ ОРУЖИЕ на фоне многоугольных игровых костей для ролевой игры.

Ну а Феликс оставался админом первого типа — семьдесят или восемьдесят фунтов лишнего веса вокруг талии и аккуратная, но длинная борода, которой он прикрывал лишние подбородки. На его майке значилось ПРИВЕТ, КТУЛХУ и красовалось изображение симпатичного безротого Ктулху в стиле «Привет, Китти». Они с Ваном были знакомы более пятнадцати лет, пересеклись сперва через Usenet, потом в реале на пивных вечеринках Freenet в Торонто, затем на парочке сборищ фанатов «Звездного пути», а кончилось тем, что Феликс взял Вана работать в «Ардент» под своим началом. Ван был надежен и методичен. Электротехник по образованию, он имел привычку заполнять один спиральный блокнот за другим подробными записями всех своих действий с указанием даты и времени.

— На этот раз даже не ПЕМКИС, — мрачно заключил Ван.

«Проблема Есть Между Клавиатурой И Стулом». Почтовые трояны попадали как раз в эту категорию — если бы у людей хватало ума не открывать подозрительные почтовые вложения, то трояны давно бы канули в прошлое. Но «черви», которые грызли сейчас роутеры «Циско», не были проблемой, связанной с людской дуростью — они были просчетом некомпетентных инженеров.

— Нет, тут виноват «Майкрософт», — подтвердил Феликс. — Всякий раз, когда я оказываюсь на работе в два часа ночи, причиной тому или ПЕМКИС, или «Майкроленивец».

* * *

Кончилось все тем, что они взяли и отключили чертовы роутеры от интернета. Не Феликс, разумеется, хотя ему до зуда в кончиках пальцев хотелось это сделать, а потом перезагрузить роутеры, предварительно отключив их интерфейсы IPv6. Это проделали два Ублюдочных Оператора из Ада, которым пришлось повернуть два ключа одновременно, чтобы получить доступ в свою «клетку» — как охранникам в пусковой шахте ракеты «Минитмен». Через это здание проходило девяносто пять процентов внешнего трафика Канады. И система безопасности здесь была покруче, чем в большинстве пусковых шахт «Минитменов».

Феликс и Ван выводили серверные стойки «Ардента» в

оперативный режим один за другим. Серверы подвергались бомбардировке вирусами, и едва очередной роутер снова выходил в онлайн, все расположенные за ним серверы оказывались открыты для атаки. Каждый сервер в интернете или тонул в потоке «червей», или порождал вирусные атаки, или делал и то, и другое одновременно. После примерно сотни тайм-аутов[36] Феликс смог пробиться на сайты NIST и Bugtraq и скачать некоторые патчи для ядра[37], которые могли снизить нагрузку на порученные ему компьютеры. К десяти утра он так проголодался, что был готов съесть задницу дохлого медведя, но он все же перекомпилировал ядра своих операционных систем и снова вывел их в оперативный режим. Длинные пальцы Вана порхали над клавиатурой системного администратора — высунув кончик языка, он выводил статистику нагрузок по каждому серверу.

— У меня на Гридо было двести дней аптайма[38], — сообщил Ван. Гридо был самым старым сервером в стойке, еще с тех дней, когда они называли каждый серверный корпус в честь персонажей «Звездных войн». Теперь они именовались в честь Смарфов, но Смарфы уже кончались, и они перешли на персонажей из «Макдональдса», начав с лэптопа Вана по имени Майор Макчиз.

— Гридо восстанет вновь, — пообещал Феликс. — У меня внизу стоит 486-й, у него больше пяти лет аптайма. Если придется его перезагружать, это разобьет мое сердце.

— Да для какой хренотени ты используешь 486-й?

— Ни для какой. Но у кого поднимется рука выключить компьютер с пятью годами аптайма? Это все равно что подвергнуть эвтаназии собственную бабушку.

— Есть хочу, — заявил Ван.

— Я тебе вот что скажу, — решил Феликс. — Мы сейчас «поднимем» твой сервер, затем мой, потом я отвезу тебя в «Лейквью ланч» позавтракать пиццей, и до конца дня можешь взять отгул.

— Согласен, — быстро отозвался Ван. — Шеф, ты слишком добр к нам, работягам. Тебе надо бы держать нас в яме и регулярно бить, как поступают все остальные боссы. Мы все этого заслуживаем.

* * *

— Это твой телефон, — сказал Ван. Феликс выбрался из потрохов 486-го, который упорно отказывался включаться. Он выпросил запасной блок питания у парней, занимавшихся борьбой со спамом, и теперь пытался установить его в корпус

старого компьютера. Ван протянул Феликсу его телефон, выпавший из пояса, когда Феликс, согнувшись, пытался добраться до задней стенки компьютера.

— Привет, Кел, — отозвался он. В трубке слышалось какое-то фоновое сопение или шуршание. Может, статика? Или это 2.0 плещется в ванне? — Келли?

Связь оборвалась. Он перезвонил, но не добился ничего — ни сигнала соединения, ни голосового сообщения. Вскоре время соединения кончилось, и на экранчике телефона высветилось: ОШИБКА СЕТИ.

— Проклятье, — негромко процедил он и повесил телефон на пояс. Келли захотела узнать, когда он вернется домой, или попросить, чтобы он купил что-нибудь на обратном пути. Она оставит голосовое сообщение.

Он тестировал блок питания, когда его телефон зазвонил вновь. Феликс схватил трубку:

— Келли, что случилось?

Он постарался изгнать из голоса даже намек на раздражение. Потому что ощущал за собой вину: говоря технически, он выполнил свои обязательства перед «Ардент файненшиал», как только серверы компании снова заработали. Последние три часа он потратил исключительно на себя — хотя и собирался выставить за них счет компании.

В трубке раздалось всхлипывание.

— Келли? — Он ощутил, как от лица отхлынула кровь, а большие пальцы на ногах онемели.

— Феликс, — он еле разобрал свое имя сквозь всхлипывания. — Он умер… господи, он умер.

— Кто? Кто, Келли?

— Уилл.

Уилл? Какой еще Уилл?… И он рухнул на колени. Имя Уильям они вписали в свидетельство о рождении малыша, хотя и продолжали называть его 2.0. Феликс хрипло застонал.

— Я больна, — услышал он. — Я даже стоять больше не могу. О, Феликс. Я так тебя люблю.

— Келли! Что происходит?

— Всё… всё… В телевизоре работает только два канала. Господи, Феликс, за окном валяются мертвецы… — Он услышал, как ее вырвало. Телефон стал работать с паузами, возвращая издаваемые ею звуки наподобие эхоплекса[39].

— Никуда не уходи, Келли! — крикнул он, и тут линия схлопнулась. Он набрал 911, но едва нажал кнопку соединения, как на экране снова появилась надпись ОШИБКА СЕТИ.

Феликс выхватил у Вана Майора Макчиза, воткнул в него

сетевой кабель от 486-го, запустил Firefox из командной строки и вышел через Google на сайт полиции города. Он стремительно начал искать на сайте бланк интерактивного заявления в полицию. Феликс никогда не терял головы. Он решал проблемы, а когда впадаешь в панику, это не решает проблему.

Отыскав бланк, он изложил подробности своего разговора с Келли, как составлял бы отчет о найденной ошибке: пальцы работают быстро, описание исчерпывающее, — и щелкнул кнопку ПОСЛАТЬ.

Ван заглянул ему через плечо и прочитал текст.

— Феликс… — начал он.

— Боже мой… — пробормотал Феликс. Он осознал, что все еще сидит на полу, и медленно встал. Ван взял у него лэптоп и попробовал выйти на несколько сайтов новостей, но все они оказались в тайм-ауте. Невозможно было судить о причине: или происходит нечто ужасное, или сеть зашаталась под ударом суперчервя.

— Мне домой, — заявил Феликс.

— Я тебя отвезу, — сказал Ван. — А ты продолжай звонить жене.

Они подошли к лифтам. Рядом находилось одно из немногих в здании окон — маленькое и круглое, с толстым бронированным стеклом. Дожидаясь лифта, они выглянули в окно. На улицах маловато машин для среды. И больше, чем обычно, полицейских машин?

— О, господи… — Ван показал Феликсу, куда смотреть.

К востоку от них находилась башня службы новостей «Канадиен ньюс» — гигантское здание-игла цвета слоновой кости. Теперь эта игла торчала наклонно, словно воткнутая в мокрый песок ветка. Неужели она двигается? Да. Она все больше наклонялась, медленно набирая скорость, падая на северо-восток, в сторону финансового центра. Через секунду она миновала последнюю точку наклона и рухнула. Они ощутили толчок, когда всё их здание качнулось от ударной волны, потом услышали грохот. Из обломков поднялось облако пыли, затем послышалась канонада — это самая высокая в мире отдельно стоящая конструкция обрекла на гибель массу близлежащих зданий.

— Трансляционный центр падает… — сказал Ван.

И он падал — небоскреб «Си-Би-Си», канадского аналога «Би-Би-Си». Люди разбегались во все стороны, их давило падающими обломками бетона и кирпичами. Увиденное сквозь круглое окошко зрелище походило на искусно сделанный графический ролик, скачанный с какого-нибудь сайта.

К этому моменту вокруг них уже столпились сисадмины.

Пихаясь, они выглядывали в окошко, пытаясь увидеть разрушения.

— Что случилось? — спросил один из них.

— Упала башня «Канадиен ньюс», — ответил Феликс. Собственный голос доносился до него словно издалека.

— Это был вирус?

— Червь? Ты о чем? — Феликс уставился на парня, молодого админа второго типа, пока еще с небольшим животиком.

— Я не о черве. Я получил по электронной почте сообщение, что во всем городе объявлен карантин из-за какого-то вируса. Говорят, это биологическое оружие. — Он протянул Феликсу свой наладонник.

Феликс настолько погрузился в чтение сообщения, разосланного министерством здравоохранения Канады, что даже не заметил, как во всем здании погас свет. Потом сунул наладонник в руку владельцу и всхлипнул.

* * *

Минуту спустя врубились генераторы. Сисадмины бросились к лестнице. Феликс схватил Вана за руку и потянул обратно.

— Наверное, нам лучше переждать все это в «клетке», — сказал он.

— А как же Келли?

Феликс ощутил, как к горлу подступает тошнота.

— Нам надо вернуться в «клетку», и немедленно. — Воздух туда подавался через фильтры, удаляющие микрочастицы.

— Феликс, тебе нужно домой…

— Это биологическое оружие. Супервирус. А здесь, я думаю, нам ничто не грозит, пока держатся фильтры.

— Что не грозит?

— Подключись к IRC[40].

Они подключились. Ван воспользовался Майором Макчизом, а Феликс вышел в сеть через Смарфетку. Они пробежались по каналам чатов, пока не отыскали тот, где мелькало несколько знакомых «ников».

› Пентагона нет. белого дома тоже

› МОЙ СОСЕД В САН-ДИЕГО БЛЮЕТ КРОВЬЮ СО СВОЕГО БАЛКОНА

› Кто-то разрушил здание «Геркин». Банкиры бегут из Сити как крысы.

› Я слышал, что вся Гинза — сплошной пожар

Феликс напечатал:

› Я в Торонто. Мы только что видели, как упала башня CN. Я слышал сообщение о биологическом оружии, которое убивает очень быстро.

Ван прочитал это и сказал:

— Ты ведь не знаешь, насколько быстро. Может быть, мы все заразились еще три дня назад.

Феликс закрыл глаза:

— Будь это так, мы сейчас ощутили бы какие-то симптомы. Наверное…

› Похоже, электромагнитный импульс накрыл Гонконг и, может быть, Париж — съемки со спутников в реальном времени показывают, что там полный мрак, а через все их сетевые блоки роутинг[41] не идет.

› Вы в Торонто?

Это спросил незнакомый Феликсу ник.

› Да. На Фронт-стрит.

› у меня сестра в университете Торонто и я не могу с ней связаться — можете ей позвонить?

› Телефоны не работают — напечатал Феликс, взглянув на ПРОБЛЕМЫ СЕТИ.

— У меня в Майоре Макчизе есть обычный телефон, — сказал Ван, запуская программу голосовой связи через интернет. — Только что вспомнил.

Феликс взял у него лэптоп и набрал номер домашнего телефона. Послышался один звонок, который тут же сменился кваканием, похожим на сирену «скорой помощи» в итальянском фильме.

› Телефон не работает — снова напечатал Феликс.

Он взглянул на Вана и увидел, что его худые плечи трясутся.

— Дерьмо, — пробормотал он. — Миру приходит конец.

* * *

Час спустя Феликс с трудом заставил себя выйти из чата. Атланта горела. Манхэттен был «горячим» — настолько радиоактивным, что вышли из строя веб-камеры, смотрящие на площадь Линкольна. Все обвиняли исламистов, пока не стало ясно, что Мекка превратилась в дымящийся кратер, а членов саудовской королевской династии повесили прямо перед их дворцами.

Руки у Феликса дрожали. Ван тихонько плакал в дальнем углу «клетки». Феликс снова попытался дозвониться домой, затем

в полицию. Результат оказался таким же, как и в предыдущие двадцать попыток.

Он вышел по локальной сети на свой сервер, стоящий этажом ниже, и стал смотреть почту. Спам, спам, спам. Опять спам. Автоматические сообщения. Вот — срочное сообщение от системы обнаружения вторжений на серверы «Ардента».

Он открыл его и быстро прочитал. Кто-то грубо и настойчиво пробивался на его роутеры. Но и сигнатуре червя эти попытки не соответствовали. Он выполнил трассировку[42] и обнаружил, что атака производится из того же здания, где находится он — из системы в «клетке» этажом ниже.

На такой случай у него имелись наготове кое-какие процедуры. Он просканировал порты атакующего и выяснил, что порт 1337 был открыт — на жаргоне хакеров, использующих буквенно-цифровой заместительный код, этот порт назывался «лит», или «элит». Это был порт того типа, который червь оставляет открытым, чтобы выскальзывать наружу или пробираться обратно. Феликс поискал в сети известные вирусы, которые оставляют «слухача» у порта 1337, сузил список подозреваемых на основе «отпечатков пальцев» операционной системы компрометированного сервера и в конце концов отыскал.

Это был древний червь, против него на всех серверах уже много лет назад должна быть установлена защита. Неважно. У Феликса имелся для него программный клиент, и он воспользовался им, чтобы создать на том сервере корневой раздел для себя, к которому он затем и подключился, а потом осмотрелся.

К системе был подключен еще один пользователь — scaredy. Феликс проверил монитор процессов и увидел, что этот scaredy и запустил все те сотни процессов, которые пробивались на его сервер, и множество других.

Он открыл чат:

› Прекрати пробиваться на мой сервер

Он ожидал хвастовства, вины, отрицания. Но ответ его удивил.

› Ты в инфоцентре на Фронт-стрит?

› Да

› Господи я уже думал что в живых больше никого не осталось. Я на четвертом этаже. Я думаю что снаружи проведена атака биологическим оружием. И не хочу покидать чистую комнату.

Феликс громко и облегченно выдохнул.

› Так ты меня сканировал, чтобы я проследил, откуда идет атака?

› Да

› Умный ход

Сообразительный парень.

› Я на шестом этаже, со мной еще один.

› Что тебе известно?

Феликс скопировал для него журнал чата, послал и выждал, пока собеседник усваивал новости. Ван встал и принялся расхаживать по комнате. Глаза у него остекленели.

— Ван? Что с тобой, приятель?

— Мне надо отлить.

— Дверь не открывай. Вон в том мусорнике я видел пустую бутылку из-под минералки.

— Точно, есть.

Вышагивая, как зомби, он подошел к мусорнику и вытащил пустую двухлитровку. Потом отвернулся.

› Я Феликс

› Уилл

Когда Феликс подумал о 2.0, у него медленно сжался желудок.

— Феликс, мне нужно уйти, — заявил Ван и направился к двери шлюза. Феликс бросил клавиатуру, вскочил, подбежал к Вану и вцепился в него.

— Ван, — сказал он, заглядывая в тусклые и невидящие глаза друга. — Посмотри на меня, Ван.

— Мне нужно, — повторил Ван. — Надо попасть домой и накормить кошек.

— Там, на улице, что-то есть, быстрое и смертельное. Может быть, его унесет ветер. Может, там уже все рассеялось. Но мы будем сидеть здесь, пока не узнаем об этом наверняка. Или когда у нас не останется иного выбора. Сядь, Ван. Сядь.

— Мне холодно, Феликс.

В помещении действительно было очень холодно. Руки Феликса покрылись гусиной кожей, а ноги словно превратились в куски льда.

— Сядь напротив серверов, возле вентиляторов. Оттуда идет теплый воздух.

Ван подошел к ближайшей стойке и пристроился возле нее.

› Ты еще там?

› Пока на месте — занимаюсь кое-какой логистикой

› Как долго мы еще не сможем выйти?

› Понятия не имею

После этого никто из них долго ничего не печатал.

* * *

Феликсу пришлось дважды воспользоваться бутылкой из-под минералки. Потом Ван употребил ее снова. Феликс попытался дозвониться Келли. Сайт городской полиции уже давно «упал».

В конце концов он пробрался обратно к серверам, сел, обхватил колени руками и зарыдал, как ребенок.

Через минуту подошел Ван, сел рядом, обнял Феликса за плечи.

— Они мертвы, Ван. Келли и мой сын. У меня больше нет семьи.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Я знаю вполне достаточно. Господи, неужели всему пришел конец?

— Мы посидим здесь еще несколько часов, а потом выйдем. Скоро все должно вернуться к нормальной жизни. Пожарные справятся. И еще армию мобилизуют. Все будет хорошо.

У Феликса болели ребра. Он не плакал с тех пор… с тех пор, как родился 2.0. Он еще крепче обхватил колени.

И тут дверь открылась.

Вошли два сисадмина с покрасневшими от усталости глазами — один в майке с надписью ГОВОРИ СО МНОЙ ЗАНУДНО, а второй в форменной рубашке Electronic Frontiers Canada.

— Пошли, — сказал Говори Занудно. — Мы все собираемся на верхнем этаже. Поднимайтесь по лестнице.

Феликс поймал себя на том, что затаил дыхание.

— Если в здании есть биоагент, то мы все инфицированы, — «порадовал» Зануда. — Так что просто вставайте и идите. Встретимся наверху.

— Есть еще один парень на четвертом этаже, — сообщил Феликс, вставая.

— Да, Уилл. Мы его нашли. Он уже наверху.

Зануда был одним из тех Ублюдочных Операторов из Ада, которые обесточили большие роутеры. Феликс и Ван поднялись по лестнице медленно, их шаги гулко отражались от стен пустой лестничной шахты. После ледяного воздуха «клетки» им казалось, что на лестнице жарко, как в сауне.

На верхнем этаже располагалось кафе, где все еще работали туалеты, из кранов лилась вода, работали и торговые автоматы, продающие кофе и разную еду. Перед ними выстроились очереди встревоженных сисадминов. Никто не хотел встречаться взглядом с другим. Феликс задумался над тем, кто из них Уилл, потом встал в очередь к автомату.

Прежде чем у него кончилась мелочь, он раздобыл пару энергетических батончиков и гигантскую чашку ванильного кофе. Ван занял место за столом, и Феликс поставил перед ним чашку и

положил батончик.

— Просто оставь мне немного кофе, — сказал он, направляясь занимать очередь в туалет.

К тому времени когда все они более или менее устроились, облегчились и подкрепились, в кафе вернулись Зануда и его друг. Они сняли кассовый аппарат в конце прилавка с подогреваемыми лотками для горячих блюд, и Зануда забрался на прилавок. Все разговоры медленно стихли.

— Я Ури Попович, а это Диего Розенбаум. Спасибо всем, что пришли. Вот что нам известно точно: энергия в здание уже три часа поступает от генераторов. Визуальное наблюдение показывает, что это единственное здание в центральной части Торонто, где имеется электричество — и оно у нас будет еще три дня. Снаружи выпущен на волю биологический агент неизвестной природы. Он убивает быстро, в течение нескольких часов, и распространяется аэрозольным путем. Инфицирование происходит при вдыхании зараженного воздуха. Начиная с пяти утра сегодняшнего дня никто не открывал наружные двери этого здания. И никто не откроет, пока не получит от меня разрешение.

Нападения на главные города по всему миру повергли аварийные службы в хаос. Атаки были электронные, биологические, ядерные и с использованием обычных взрывчатых веществ, а объекты агрессии рассеяны очень широко. Я инженер службы безопасности, и там, где меня обучали, атаки подобного рода обычно рассматриваются как оппортунистические: то есть группе Б удается взорвать мост, потому что все силы брошены на ликвидацию последствий грязного ядерного взрыва, устроенного группой А. Это умный ход. Самым ранним событием, какое мы смогли обнаружить, стала газовая атака в метро Сеула, проведенная местной ячейкой «Аум синрикё» около двух часов ночи по восточноевропейскому времени. Возможно, это событие и стало той соломинкой, которая сломала спину верблюду. Мы совершенно уверены, что «Аум синрикё» не может стоять за всемирной катастрофой подобного масштаба — у них нет истории информационной войны, и они никогда не демонстрировали той организационной хватки, которая необходима, чтобы поразить столько целей одновременно.

Мы заперлись здесь ради будущего, во всяком случае до тех пор, пока биологический агент не будет опознан и рассеян. Мы будем обслуживать серверы и поддерживать сеть в рабочем состоянии. Это критически важная инфраструктура, и наша работа — обеспечить ей пять девяток аптайма. Во времена национального бедствия мы несем за это двойную ответственность.

Один из сисадминов поднял руку. Он смотрелся очень дерзко в зеленой майке НЕВЕРОЯТНАЯ ГРОМАДИНА и был одним из самых молодых.

— Кто сделал тебя королем?

— У меня под контролем главная система безопасности, ключи от каждой «клетки» и пароли для наружных дверей — кстати, все они сейчас заперты. Я тот, кто собрал вас всех здесь и объявил собрание. Я не желал этой работы, потому что она дерьмовая. Но кому-то нужно ее делать.

— Ты прав, — согласился парень. — И я могу делать ее не хуже тебя. Меня зовут Уилл Сарио.

Попович взглянул на него сверху вниз:

— Что ж, если позволишь мне договорить, то я потом, может быть, вручу тебе бразды правления.

— Бога ради, заканчивай. — Сарио повернулся к нему спиной и подошел к окну. Он внимательно смотрел наружу. Взгляд Феликса тоже переместился туда, и он увидел, что в городе поднимается несколько маслянистых столбов дыма.

После того как Зануду Поповича прервали, он утратил прежний напор.

— Короче, этим мы и займемся, — только и сказал он.

После затянувшейся паузы парень обернулся:

— О, теперь моя очередь?

Послышались доброжелательные смешки.

— А вот что думаю я: весь мир скоро окажется по уши в дерьме. Произошли скоординированные атаки на все критические узлы инфраструктуры. И есть только один способ всё это скоординировать: через интернет. Даже если мы согласимся с тезисом, что атаки были оппортунистическими, нам надо задать вопрос о том, как нападение может быть организовано за несколько минут. Ответ один — интернет.

— Значит, по-твоему, нам нужно выключить интернет? — рассмеялся Попович, но смолк, когда Сарио не ответил.

— Этой ночью мы увидели атаку, которая едва не убила интернет. Немного DoS-атак на важнейшие серверы, немного манипуляций с DNS[43], и он падает, как дочка проповедника. Копы и военные — просто банда технофобных лузеров, они вообще практически не полагаются на сеть. Если мы вырубим интернет, то создадим непропорционально большую помеху нападающим и лишь небольшую помеху защитникам. А когда придет время, мы сможем его восстановить.

— Да ты гонишь, — пробормотал Попович, у которого буквально отвисла челюсть.

— Это логичное решение. Многие не любят смотреть в лицо

логике, когда она диктует тяжелые решения. Но это проблема людей, а не ее.

Начавшиеся после этих слов разговоры быстро перешли в гвалт.

* * *

— Заткнитесь! — взревел Попович. Шум стих примерно на один децибелл. Попович рявкнул снова и топнул по прилавку. Наконец какое-то подобие порядка восстановилось. — Говорить по одному, — сказал Зануда. Лицо его раскраснелось, руки он держал в карманах.

Один админ был за то, чтобы остаться. Другой — чтобы уйти. Им нужно отсидеться в «клетках». Провести учет имеющихся запасов и назначить главного по снабжению. Выйти и отыскать полицию или пойти добровольцами в госпитали. Надо назначить охранников, чтобы обеспечить неприступность входной двери.

Феликс вдруг с удивлением обнаружил, что стоит с поднятой рукой. Попович дал ему слово.

— Меня зовут Феликс Тремонт, — сказал он, забравшись на один из столов и достав из кармана наладонник. — Хочу вам кое-что прочитать.

«Правительства Промышленного Мира, изнуренные гиганты из плоти и стали, я прибыл из Киберпространства, нового дома Разума. В интересах будущего я предлагаю вам, чье место уже в прошлом, оставить нас в покое. Вам нет места среди нас. У вас нет места там, где собираемся мы.

У нас нет выбранного правительства, и вряд ли оно у нас будет, поэтому я обращаюсь к вам, обладая лишь теми полномочиями, с какими всегда говорит сама свобода. Я объявляю глобальное общественное пространство, создаваемое нами, независимым от тирании, которую вы стремитесь навязать. У вас нет морального права властвовать над нами, равно как нет методов принуждения, которые вы могли бы использовать.

Правительства черпают свою юридическую силу из согласия тех, кем они управляют. Вы не просили нашего согласия и не получали его. Мы не приглашаем вас. Вы не знаете нас, как не знаете и наш мир. Киберпространство вне пределов ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, словно это общественный строительный проект. Не сможете. Это естественный процесс, и мы растем за счет наших коллективных действий».

Это цитата из «Декларации независимости

киберпространства». Она была написана 12 лет назад. Я думал, что никогда не читал ничего прекраснее. Я хотел, чтобы мой сын вырос в мире, где киберпространство свободно и где эта свобода влияет на реальный мир, тоже делая его свободнее.

Феликс сглотнул и потер глаза. Ван неуклюже похлопал его по ботинку.

— Мой чудесный сын и моя чудесная жена сегодня умерли. И миллионы других тоже. Город буквально пылает. Многие города вообще исчезли.

Он всхлипнул и снова сглотнул.

— Но по всему миру люди вроде нас собрались в подобных зданиях. Они пытались справиться с ночной атакой червя, когда разразилась катастрофа. У нас есть независимый источник питания. Еда. Вода.

У нас есть сеть, которую плохие парни использовали таким образом, какой хорошие парни не могли и предположить.

Нас объединяет любовь к свободе, которая рождена нашим неравнодушием и заботой о сети. Мы отвечаем за самый важный инструмент организации и управления в истории человечества. В данный момент мы самое близкое подобие правительства, которое осталось в мире. На месте Женевы сейчас кратер. Вашингтон в огне, а здание ООН эвакуировано.

Распределенная республика киберпространства пережила эту бурю практически без последствий. И теперь мы — хранители бессмертной, огромной и чудесной машины, потенциально способной возродить мир. Лучший мир.

Мне незачем больше жить — только ради этого.

В глазах Вана блестели слезы. И не только у него. Феликсу не стали аплодировать. Долгие секунды, растянувшиеся до минуты, все хранили полное и уважительное молчание.

— И как мы это сделаем? — абсолютно серьезно спросил Попович.

* * *

Группы новостей заполнялись быстро. Они объявили их в news.andim.net-abuse.email, где собирались все борцы со спамом и где существовала устойчивая культура товарищества при отражении полновесных атак.

Новой группой стала alt.november5-disaster.recovery, с подгруппами recovery.goverance, recovery.finance, recovery.logistics и recovery.defence. Да будет благословенна «мохнатая» иерархия alt и все те, кто по ней плавает.

Сисадмины появлялись в ней один за другим. Остался в онлайне гигант Google, где доблестная Королева Конг руководила командой помощников, которые раскатывали на роликах по огромному инфоцентру, заменяя в стойках умершие жесткие диски и нажимая клавиши перезагрузки. Сайт «Интернет-архив» в Президио выпал из сети, но его зеркало в Амстердаме оказалось живо, и они переадресовали DNS так, что разницы практически никто и не заметил. Amazon упал. Paypal работал. Blogger, Typepad и Livejournal работали и заполнялись миллионами сообщений от уцелевших и перепуганных людей со всего мира, сбивавшихся вместе ради толики электронного тепла.

Ленты фотографий на сайте Flickr оказались ужасны. Феликсу пришлось отписаться от них, когда он увидел фото женщины и младенца, лежащих в кухне и переплетенных мучительной смертью в жуткий иероглиф. Они не были похожи на Келли и 2.0, но этого и не требовалось. Феликса затрясло, и он не мог остановиться.

«Википедия» работала, но шаталась от нагрузки. Спам лился потоком, словно ничего не случилось. По сети бродили вирусы.

Основные события происходили в recovery.logistics.

› Для проведения региональных выборов мы можем воспользоваться механизмом голосования групп новостей

Феликс знал, что это должно сработать. Голосования в группах новостей Usenet проводились уже более двадцати лет и без серьезных проблем.

› Мы выберем региональных представителей, а они выберут премьер-министра

Американцы настаивали на президенте, что Феликсу не понравилось. Его будущее не будет американским будущим. Американское будущее ушло навсегда вместе с Белым домом. А он строил дом побольше этого.

На связь вышли французские сисадмины из «Франс телеком». Инфоцентр «Европейского союза радиовещания» уцелел после атак, разрушивших Женеву, и оказался полон настороженных немцев, чей английский был лучше, чем у Феликса. Удалось установить хорошие отношения и с остатками команды «Би-Би-Си» на Канарских островах.

В recovery.logistics общались на многоязычных диалектах английского, и Феликс имел на своей стороне движущую силу. Некоторые админы занимались тем, что остужали слишком горячие головы, затевавшие неизбежные и дурацкие перебранки; они пускали в ход опыт, накопленный за долгие годы. Другие слали полезные предложения.

И удивительно: лишь немногие сочли, что Феликс слегка рехнулся.

› Думаю, нам надо провести выборы как можно скорее. Самое позднее — завтра. Мы не можем управлять законно без согласия тех, кем управляем.

Через несколько секунд пришел ответ:

› Ты что, серьезно? Согласие управляемых? Если я все поняла правильно, то большинство людей, которыми ты предполагаешь управлять, сейчас или мучаются перед смертью, или прячутся под столами, или потрясенно бродят по улицам городов. И когда ОНИ смогут проголосовать?

Феликсу пришлось признать ее правоту. Королева Конг была умна. Женщин-админов оказалось немного, и это стало настоящей трагедией. Такими женщинами, как Королева Конг, просто нельзя разбрасываться. Надо будет пробить решение о том, чтобы сбалансировать число женщин в его новом правительстве. Потребовать, чтобы каждый регион выбрал по одному мужчине и по одной женщине?

Он охотно подбросил ей этот аргумент. Выборы состоятся завтра, уж он за этим проследит.

* * *

— Премьер-министр киберпространства? Почему бы не назваться Великим Пуба[44] глобальной информационной сети? Это более почетно, звучит круче и даст тебе примерно столько же полномочий. — Уилл лег спать в кафе рядом с Феликсом, а Ван примостился с другого бока. В помещении изрядно попахивало: в него набились двадцать пять сисадминов, которые не мылись уже минимум пару-тройку дней. А некоторые и гораздо дольше.

— Заткнись, Уилл, — сказал Ван. — Ты хотел вырубить интернет.

— Поправка: я *хочу* вырубить интернет. Настоящее время.

Феликс приоткрыл один глаз. Он так устал, что даже это показалось тяжелой атлетикой.

— Послушай, Сарио, если тебе не нравится моя предвыборная платформа, то предложи свою. Есть множество людей, которые считают меня полным кретином, и я их за это уважаю, потому что они или выставили свои кандидатуры против меня, или поддерживают тех, кто выставил. Это твой выбор. Но хныканье и жалобы в меню не включены. Так что либо спи, либо вставай и

опубликуй свою платформу.

Сарио медленно сел, развернул куртку, которой пользовался вместо подушки, и надел ее.

— Ну и хрен с вами. Я ухожу.

— Я думал, он никогда не исчезнет, — буркнул Феликс и отвернулся. Не в силах заснуть, он еще долго лежал и думал о выборах.

Кроме него имелись и другие кандидаты. Некоторые из них даже не были сисадминами. Один американский сенатор оказался в тот день в своем уединенном летнем доме в Вайоминге, с автономным генератором и спутниковым телефоном. Каким-то образом он отыскал нужную группу новостей и вбросил шляпу на предвыборный ринг. Какие-то хакеры-анархисты из Италии яростно атаковали группу всю ночь, публикуя написанные на корявом английском пространные статьи о политическом банкротстве «управления» в новом мире. Феликс взглянул на их сетевой адрес и определил, что они, вероятно, сидят в небольшом институте интерактивного дизайна возле Турина. Италия пострадала очень серьезно, но в небольшом городе эта ячейка анархистов сумела отыскать прибежище.

Удивительно много кандидатов выступали за отключение интернета. Феликс сомневался, возможно ли такое вообще, но решил, что понимает их стремление покончить разом и с работой, и с миром. Почему бы и нет? Судя по всему, заботы админов до сих пор сводились к каскаду технических проблем, нападениям и оппортунизму, и все они в совокупности завершились Большим Обломом. Атака террористов здесь, жесткая контратака правительства там… Не успеешь опомниться, как они добьют то, что еще уцелело.

Он заснул, думая о логистике отключения интернета, и ему снились кошмары, в которых он был единственным защитником сети.

Проснулся он от какого-то шуршания. Повернувшись на бок, Феликс увидел сидящего Вана. Бросив скомканную куртку на колени, тот энергично расчесывал свои худые руки. Кожа на них стала цвета солонины и чешуйчатой. В лучах света, льющихся сквозь окна кафе, летали и клубились облачка кожных чешуек.

— Что ты делаешь?

Феликс сел. Он вида того, как ногти Вана раздирают кожу, его тело тоже зачесалось. Он уже три дня не мыл голову, и иногда у него возникало ощущение, что голову буравят маленькие насекомые, откладывающие в волосах яйца. Вечером, когда он поправлял очки, то прикоснулся к задней стороне ушей, и на его пальце оказалась блестящая пленка сала. Когда он пару дней не

принимал душ, на задней стороне ушей у него появлялись угри, а иногда и огромные глубокие фурункулы, которые Келли в конце концов выдавливала с каким-то извращенным удовольствием.

— Чешусь, — ответил Ван и принялся за голову, выпустив в воздух облако перхоти, где оно присоединилось к чешуйкам с рук. — Господи, у меня все тело зудит.

Феликс достал Майора Макчиза из рюкзачка Вана и подключил к нему один из кабелей локальной сети, которые змеились тут по всему полу. Затем принялся искать через Google все, что считал подходящим запросом. На слово «чешется» он получил 40 600 000 ссылок. Тогда он испробовал составные запросы и получил более конкретные ссылки.

— Думаю, это экзема на нервной почве, — констатировал он.

— Нет у меня никакой экземы.

Феликс продемонстрировал ему несколько впечатляющих фотографий красной раздраженной кожи, покрытой белыми чешуйками.

— Экзема, — сказал он, указывая на подпись ниже фотографии.

Ван осмотрел свои руки.

— Похоже, — согласился он.

— Тут написано, что надо увлажнять кожу и смазывать ее кортизоновой мазью. Загляни в аптечку на втором этаже в туалете. Кажется, я видел эту мазь.

Подобно всем остальным сисадминам, Феликс обыскал кабинеты, офисы, туалеты, кухню и кладовые, после чего его рюкзачок пополнился рулоном туалетной бумаги и четырьмя энергетическими батончиками. По негласному соглашению еда в кафе считалась общей, при этом каждый сисадмин приглядывался к другим — не страдает ли кто из них обжорством и не прихватывает ли что-либо про запас. Все были убеждены, что втихаря происходит и то, и другое.

Ван встал, и когда на его лицо упал свет, Феликс увидел, как набухли его веки.

— Я напишу в рассылку, спрошу про другие антигистамины, — пообещал Феликс.

Через несколько часов после первого собрания они организовали четыре почтовые рассылки и три форума на «Википедии» для тех, кто уцелел в здании, но за последующие дни решили, что хватит и одной. Феликс все еще был членом небольшой рассылки вместе с пятью своими верными друзьями, двое из которых были заперты в таких же «клетках», но в других странах. Он подозревал, что другие админы поступают так же.

Ван, волоча ноги, направился к двери.

— Удачи тебе на выборах, — сказал он, похлопав Феликса по плечу.

Феликс встал и принялся расхаживать по кафе, время от времени останавливаясь, чтобы выглянуть в грязные окна. В Торонто все еще бушевали пожары, их стало еще больше. Он пытался отыскать почтовые рассылки или сетевые дневники горожан, но нашел лишь те, которые вели другие админы в других инфоцентрах. Возможно — и даже вероятно, — что у тех, кто выжил в городе, имелись более важные дела, чем посылать сообщения через интернет. Его домашний телефон все еще работал время от времени, но он перестал звонить домой уже на второй день, когда, в пятидесятый раз услышав голос Келли, читающий автоматическое сообщение, заплакал прямо на совещании по планированию.

И не только он.

День выборов. Пора держать ответ.

› Ты нервничаешь?

› Нет — напечатал Феликс.

› если честно, то меня мало волнует, одержу ли я победу. Я просто рад, что мы это делаем. Альтернатива торчать здесь, сходить с ума, ожидая, пока кто-нибудь не выломает нашу дверь.

Курсор долго не перемещался. Королева Конг отвечала с большой задержкой, потому что управляла своей командой гуглоидов в «Гугльплексе» и делала все, что могла, лишь бы ее инфоцентр оставался в онлайне. Три оффшорные «клетки» «Гугля» отключились, а два из шести их резервных сетевых каналов были уничтожены. К счастью для нее, число запросов в секунду постепенно сокращалось.

› Есть еще Китай

У Королевы Конг имелась большая доска с картой мира, раскрашенной в цвета, обозначающие число запросов к «Гуглю» в секунду, и она творила с ней чудеса, показывая на цветных диаграммах динамику падения числа запросов во времени. Она загрузила на сайт много видеоклипов, показывающих, как чума и бомбы вымели планету: первоначальный шквал запросов от людей, желающих понять, что происходит, а затем мрачное и резкое падение, когда болезнь начинала косить свои жертвы.

› Китай до сих пор выдает девяносто процентов от номинала

Феликс покачал головой.

› Ты ведь не думаешь, что это они во всем виноваты?

› Конечно, нет.

Потом она стала набирать что-то и остановилась.

› Я верю в гипотезу Поповича. Каждая сволочь в мире использует других сволочей для прикрытия. Но в Китае их прижали к ногтю быстрее и решительнее, чем в других странах. Может быть, мы наконец-то выяснили, какая может быть польза от тоталитарного государства.

Феликс не смог удержаться от искушения и напечатал:

› Тебе повезло, что твой босс не может это прочесть. Ведь вы были весьма активными участниками строительства Великого Китайского Брандмауэра.

› Это была не моя идея. И мой босс мертв. Наверное, они все мертвы. По всему району Залива нанесли серьезный удар, а потом произошло землетрясение.

Они видели автоматический поток данных Службы геологического наблюдения США, поведавшей о землетрясении в 6,9 балла, которое превратило в развалины Северную Калифорнию от Гилроя до Севастополя. Некоторые веб-камеры показали масштаб разрушений — взрывы газопроводов, сейсмически модифицированные строения, падающие, словно конструкции из детских кубиков после хорошего пинка. Здание «Гугльплекса», установленное на гигантские стальные пружины, тряслось, как тарелка с желе, но серверные стойки остались на месте, а худшим ранением у них оказался сильно поврежденный глаз одного из админов, которому в лицо угодил нож для обжима кабеля.

› Извини. Я забыл.

› Ничего. Мы ведь все потерянные люди, верно?

› Да. В любом случае, выборы меня не волнуют. Кто бы ни победил, мы делаем хотя бы ЧТО-ТО

› Нет — если они проголосуют за одного из слизняков

«Слизняками» некоторые из админов называли тех, кто хотел отключить интернет. А ввела термин в обращение Королева Конг — очевидно, он описывал невежественных IT-менеджеров, сквозь строй которых она пробивалась на протяжении всей своей карьеры.

› Не проголосуют. Они просто устали и огорчены, вот и все. Те, кто тебя одобряет, одержат победу

Среди уцелевших гуглоиды были одной из самых многочисленных и влиятельных группировок, наряду с командами спутниковой связи и оставшимися трансокеанскими командами. Поддержка Королевы Конг стала для него сюрпризом,

и он послал ей письмо, на которое она коротко ответила: «не могу допустить, чтобы командовали слизняки».

› мне надо идти — напечатала она, и тут связь с ней прервалась.

Феликс запустил браузер и набрал google.com. Браузер выдал тайм-аут. Он повторил запрос на соединение, потом снова и снова, пока на экране не появилась главная страница сайта. Какой бы ни была причина обрыва связи — отказ питания, вирусы, еще одно землетрясение, — она ее восстановила. Феликс фыркнул, увидев, что они заменили буквы «о» в логотипе Google маленькими изображениями глобуса Земли с торчащими из него грибовидными облачками.

* * *

— Есть что-нибудь пожевать? — спросил Ван. Была вторая половина дня, но на время в инфоцентре особого внимания не обращали. Феликс похлопал по карманам. Сисадмины все-таки назначили интенданта, но к тому времени все уже успели запастись кое-какой едой из автоматов. Феликс раздобыл дюжину энергетических батончиков и несколько яблок. Он взял еще и парочку бутербродов, но мудро съел их в первую очередь, пока те окончательно не зачерствели.

— Остался один батончик, — сообщил он.

Этим утром он заметил, что брючный ремень стал просторнее, и даже ненадолго порадовался этому. Потом вспомнил, как Келли дразнила его за лишний вес, и расплакался. Затем съел два батончика, и у него остался всего один.

— О-о… — протянул Ван. Его и без того худые щеки запали еще больше, а плечи над цыплячьей грудью поникли.

— Держи. И голосуй за Феликса.

Ван взял у него батончик и положил на стол перед собой.

— Ладно, я хочу вернуть его и сказать: «Нет, не могу», но я зверски голодный, поэтому просто возьму его и съем, хорошо?

— Не возражаю. Валяй.

— Как продвигаются выборы? — спросил Ван, срывая с батончика обертку.

— Не знаю. Давно уже не проверял.

Пару часов назад он выигрывал с небольшим преимуществом. В подобной ситуации отсутствие лэптопа серьезно ограничивало возможности Феликса отслеживать информацию. В разных «клетках» находился десяток таких же бедняг, как и он сам — тех, кто рванул из дома по срочному вызову, не прихватив с собой

что-либо со встроенным WiFi.

* * *

— Тебя прокатят, — заявил Сарио, усаживаясь рядом с ними. Он стал печально знаменит в инфоцентре тем, что никогда не спал, подслушивал разговоры и затевал в реальной жизни стычки того же накала страстей, что и мгновенно вспыхивавшие в Usenet перебранки. — Победителем станет тот, кто понимает несколько фундаментальных истин. — Он поднял кулак и принялся отсчитывать пункты, разжимая палец за пальцем. — Первый: террористы используют интернет, чтобы уничтожить мир, и мы должны опередить их, уничтожив интернет. Второй: даже если я не прав, вся эта затея яйца выеденного не стоит, потому что у нас скоро кончится горючее для генераторов. Третий: если оно не кончится сейчас, то кончится потом, потому что старый мир скоро вернется, а ему наплевать на ваш новый мир. Четвертый: жратва у нас исчезнет быстрее, чем силы на споры о причинах, почему нам не следует выходить наружу. У нас есть шанс сделать хоть что-то, что поможет миру восстановиться: мы можем убить сеть и ликвидировать ее как инструмент в руках плохих парней. Или же мы можем переставить несколько кресел на мостике твоего личного «Титаника», на котором ты плывешь к прекрасной мечте под названием «независимое киберпространство».

Проблема заключалась в том, что Сарио был прав. Горючее у них кончится через два дня — время от времени в городской сети появлялся ток, и это сэкономило им часть горючего. И если согласиться с его гипотезой о том, что интернет в первую очередь использовался как инструмент для организации нового хаоса, то его отключение станет верным решением.

Но жена и сын Феликса были мертвы. Он не хотел заново отстраивать старый мир. Он хотел построить новый. В старом мире для него больше не было места.

Ван почесал свою воспаленную, шелушащуюся кожу. Облачка чешуек закружились в душном, наполненном испарениями воздухе. Сарио брезгливо выпятил губу:

— Отвратительно. Мы дышим рециркулированным воздухом, если ты этого не знаешь. И какая бы проказа тебя ни пожирала, забивать своей дрянью фильтры весьма… антиобщественно.

— Ты сам главный авторитет по антиобщественному, Сарио, — ответил Ван. — Катись отсюда, или я тебя забью плоскогубцами. — Он перестал чесаться и похлопал по чехольчику с универсальным инструментом, совсем как стрелок

по кобуре с револьвером.

— Да, я такой! У меня болезнь Аспергера, и я не принимал лекарства уже четыре дня. А у тебя какая гребаная причина?

Ван еще немного почесался.

— Извини, — сказал он. — Я не знал.

Сарио расхохотался:

— О, вы все бесценны! Готов поспорить, что три четверти собравшихся здесь пребывают на грани аутизма. А я просто-напросто задница. Зато я не боюсь говорить правду, и это делает меня лучше тебя, недоносок.

— Пошел на хрен, слизняк, — отрезал Феликс.

* * *

У них оставалось топлива меньше, чем на день, когда Феликса избрали первым в истории премьер-министром Киберпространства. Но сначала подсчет голосов запорол чей-то сетевой робот, посылавший письма с ложными бюллетенями для голосования, и они потеряли целый драгоценный день, пересчитывая голоса заново.

К тому времени идея начала все больше походить на шутку. Половина инфоцентров замолкла. Карты запросов в «Гугль», составляемые Королевой Конг, выглядели все мрачнее по мере того, как все больше мест в мире уходило в оффлайн, но одновременно она вела статистику по новым и все более многочисленным запросам — в основном связанным со здоровьем, жильем, санитарией и самообороной.

Вирусная нагрузка на сеть падала. Многие пользователи домашних компьютеров остались без электричества, поэтому их «зомбированные» компьютеры, прежде рассылавшие вирусы, выпали из сети. Магистрали[45] на схемах все еще светись и мерцали, но послания из этих инфоцентров становились все более отчаянными. Феликс не ел целый день, и персонал на одной наземной станции трансокеанской спутниковой связи — тоже.

* * *

Вода тоже заканчивалась.

Попович и Розенбаум пришли к Феликсу сразу, едва он успел ответить на несколько поздравительных писем и разослать по

группам новостей уже заготовленную «тронную» речь.

— Мы собираемся открыть двери, — сообщил Попович. Как и все, он похудел, а кожа у него стала жирной и грязной. Пахло от него примерно как от мусорных баков за рыбным рынком в жаркий день. Феликс не сомневался, что у него запашок не лучше.

— Хотите сходить на разведку? Поискать горючее? Мы можем создать рабочую группу. Отличная идея.

Розенбаум грустно покачал головой:

— Мы собираемся отыскать наши семьи. Что бы там ни было снаружи, оно уже рассеялось. Или не успело. В любом случае, здесь нет будущего.

— А как же обслуживание сети? — спросил Феликс, хотя уже знал ответ. — Кто не даст роутерам «упасть»?

— Мы оставим тебе главные пароли ко всем, — сказал Попович. Руки у него дрожали, глаза потускнели. Как и многие курильщики, застрявшие в инфоцентре, он всю неделю страдал без сигарет. Все, что содержало кофеин, тоже кончилось два дня назад. Но курильщикам пришлось тяжелее всего.

— И я просто останусь здесь и буду поддерживать систему в онлайне?

— Ты и все те, кого это еще волнует.

Феликс знал, что бездарно потратил свой шанс. Выборы казались поступком благородным и отважным, но, если подумать, они стали всего лишь предлогом для соперничества в то время, когда им следовало решать, что делать дальше. Проблемой оказалось то, что дальше делать было нечего.

— Я не могу заставить вас остаться.

— Да, не можешь. — Попович повернулся и вышел.

Розенбаум посмотрел ему вслед, потом схватил Феликса за плечо:

— Спасибо, Феликс. Это была прекрасная мечта. А может, все еще есть. Может быть, мы раздобудем еду, горючее и вернемся.

У Розенбаума была сестра, с которой он поддерживал контакт по сети в первые дни кризиса. Потом она перестала отвечать. Админы разделились на тех, у кто был шанс попрощаться, и на тех, у кого его не было. Каждый считал, что другому повезло больше.

Они написали сообщение для внутренней группы новостей — в конце концов, они все еще оставались админами, — и вскоре на первом этаже собрался небольшой почетный караул из сисадминов, решивших посмотреть, как два их товарища будут выходить через двойные двери. Уходящие набрали код — поднялись стальные заслонки, затем открылись внутренние

двери. Они шагнули в вестибюль и закрыли за собой двери. Открылись наружные двери. На улице было очень ярко и солнечно, и, если не считать непривычной пустоты вокруг, все выглядело нормально. Душераздирающе нормально.

Двое сделали робкий шаг в новый мир. Затем еще один. Повернулись, помахали оставшимся. И внезапно схватились за горло, рухнули и начали корчиться и дергаться.

— Господи-и-и!.. — только и успел выдохнуть Феликс, как парочка шутников отряхнулась и встала, хохоча так, что вскоре оба ухватились за бока. Затем они помахали им снова, повернулись и ушли.

— Господи, вот придурки-то, — сказал Ван и почесал руки, на которых виднелись длинные кровоточащие царапины. Его одежда была до такой степени усыпана чешуйками кожи, что казалась посыпанной сахарной пудрой.

— А по-моему, было очень смешно, — возразил Феликс.

— Боже, как я хочу есть.

— К счастью для тебя, в нашем распоряжении вся еда, какую мы сможем достать.

— Вы слишком добры к нам, простым работягам, мистер президент.

— Премьер-министр, — поправил Феликс. — И ты не работяга, а заместитель премьер-министра. Ты мой официальный разрезатель ленточек и вручатель чеков на огромные суммы за инновации.

От шуток им обоим полегчало. А зрелище того, как уходят Попович и Розенбаум, подбодрило всех. К тому времени Феликс уже знал, что вскоре уйдут остальные.

Исход был предопределен запасом горючего, но кто захочет ждать, пока оно кончится?

* * *

› Половина моей команды утром ушла — напечатала Королева Конг.

Разумеется, «Гугль» держался очень хорошо. Нагрузка на серверы стала гораздо меньше, чем была с тех пор, когда весь «Гугль» умещался в нескольких самодельных персоналках, стоящих под конторским столом в Стэнфорде.

› а нас осталась четверть — ответил Феликс.

Прошел всего лишь день после ухода Поповича и Розенбаума, но трафик групп новостей упал почти до нуля. У них с Ваном тоже не имелось много времени, чтобы играть в республику

Киберпространство. Они были слишком заняты, изучая системы, которые передал им Попович — большие роутеры, продолжавшие работать как главный пункт обмена данными для всех сетевых магистралей Канады.

Но все же время от времени кто-то посылал сообщения в группы новостей, обычно желая попрощаться. Старые сетевые войны из-за того, кто станет ПМ, нужно ли отключать сеть или кто берет слишком много еды, отошли в прошлое.

Феликс перезагрузил группу новостей и увидел типичное сообщение.

› Свихнувшиеся процессы на Solaris ТК

› Привет. Я всего лишь мелкая компьютерная сошка, но я остался тут один, а четыре наших DSL-сервера только что упали. Похоже, на них работает какая-то клиентская учетная программа, которая пытается подсчитать, какие счета надо выставить нашим корпоративным клиентам, и она порождает тысячи запросов и жрет весь обмен данными. Я хочу ее прихлопнуть, но у меня не получается. Какой магический ритуал мне надо совершить, чтобы заставить этот проклятый думатель грохнуть подобное дерьмо? Один черт, ведь вряд ли кто из наших клиентов когда-нибудь оплатит счета. Я запросил парня, который написал эту программу, но он уже давно покойник, и все, кто мог помочь, тоже.

Феликс перезагрузил группу снова и увидел ответ. Он был коротким, авторитетным и по существу — такой, каких почти никогда не увидишь в группах новостей крупного калибра, когда новичок задает глупый вопрос. Апокалипсис разбудил во всемирном сообществе системных администраторов дух терпеливой взаимопомощи.

Ван заглянул ему через плечо.

— Черт, кто бы подумал, что он на такое способен?

Феликс взглянул на имя отправившего ответ. Он пришел от Уилла Сарио. Феликс перешел в окошко чата.

› сарио я думал что ты хотел отключить сеть почему же ты помогаешь салагам налаживать их сервера?

› мистер ПМ, а вдруг у меня просто сил нет смотреть как компьютер страдает в руках любителя?

Феликс перешел на канал, где он общался с Королевой Конг.

› Давно уже?

› С тех пор, как я спала? Два дня. Когда кончится горючее? Через три дня. Когда у нас кончилась еда?

Два дня назад.

› Господи. Я прошлую ночь тоже не спал. У нас здесь не хватает рук.

› есть тут кто? я моника и живу в пасадене и мне до смерти надоело делать уроки. ХОчешь скаЧать мою фотку?

Троянские роботы теперь трудились во всех IRC, перепрыгивая на любой канал, где имелся хоть какой-то трафик. Иногда пять-шесть ботов начинали флиртовать друг с другом. Когда Феликс наблюдал за тем, как одна вирусная программа пытается уговорить другую свою версию загрузить трояна, ему становилось немного не по себе.

Они одновременно вышибли бота из канала. У него теперь для этого имелся скрипт. Количество же спама практически не уменьшилось.

› Как получается, что спама не становится меньше? Ведь половина чертовых инфоцентров уже не работает

Королева Конг долго не отвечала. Как и всегда, когда ожидание ответа затягивалось, он уже привычно перезагрузил главную страницу «Гугля». И точно, сайт завис.

› Сарио, у тебя хоть какая-то еда есть?

› Вам не помешает парочка лишних обедов, ваше превосходительство?

Ван снова перешел на Майора Макчиза и находился на том же канале.

— Вот ведь скотина… А ты сегодня неплохо выглядишь, чувак.

Ван смотрелся далеко не так хорошо. Вид у него был такой, словно его может повалить хороший порыв ветра, а речь стала флегматичной и вялой.

› привет конг все в порядке?

› все хорошо пришлось отойти и дать кое-кому пинка под зад

— Как трафик, Ван?

— С утра упал на 25 процентов. — Имелось определенное количество сетевых узлов, соединение с которыми осуществлялось через их роутеры. Предположительно, большую их часть составляли домашние или коммерческие пользователи из тех мест, где еще имелось электричество, а центральные АТС телефонных компаний пока работали.

Время от времени Феликс подключался к каналам связи и прослушивал их, надеясь отыскать кого-нибудь с новостями из большого мира. Но почти весь трафик оказался автоматическим: пересылались резервные копии данных или обновления. И спам.

Много спама.

› Количество спама растет потому, что службы по борьбе со спамом отключаются быстрее серверов и компьютеров, на которых спам генерируется. Все службы по борьбе с сетевыми червями централизованы и собраны в нескольких местах. А генерируется спам на миллионах зомбированных компьютеров. Жаль, что у лузеров не хватило здравого смысла выключить свои домашние компьютеры перед тем, как откинуть копыта или смыться.

› если так пойдет и дальше то к обеду мы уже не будем пересылать ничего кроме спама

Ван хрипловато и с натугой кашлянул.

— Как раз хотел об этом поговорить, — сказал он. — Я думал, что этот момент наступит раньше. Феликс, по-моему, если мы просто возьмем и уйдем отсюда, этого никто и не заметит.

Феликс посмотрел на его изможденное лицо, кожу цвета говядины с длинными незаживающими расчесами. Пальцы у Вана дрожали.

— Ты пьешь достаточно воды?

— Весь день, каждые десять секунд. Что угодно, лишь бы брюхо не было пустым. — Он показал на стоящую рядом с ним полную воды двухлитровку от «Пепси».

— Надо устроить совещание, — решил Феликс.

* * *

В первый день их было сорок три. Теперь осталось пятнадцать. Шестеро отреагировали на сообщение о сборе своеобразно — просто ушли. Все и так знали тему совещания.

— И ты допустишь, чтобы всё попросту развалилось?

Только у Сарио еще осталось достаточно энергии, чтобы разозлиться по-настоящему. Он будет злиться до самой могилы. На горле и лбу у него даже выступили вены. Он потрясал кулаками. Завидев его, остальные сразу встрепенулись и не сводили с него глаз, забыв о необходимости поглядывать в окошки чатов или журналы трафика.

— Сарио, ты что, издеваешься? — вопросил Феликс. — Ведь это ты хотел прикончить сеть!

— Я хотел сделать это чисто! — рявкнул Сарио. — И не желал, чтобы она истекла кровью и померла навсегда, дергаясь и задыхаясь. Это должно было выглядеть общим решением глобального сообщества тех, кто ее поддерживал и обслуживал.

Утвердительным поступком, совершенным руками людей. А не победой энтропии, хакерских программ и вирусов. Черт побери, вот что сейчас происходит в сети!

В кафе на верхнем этаже по всему периметру имелись окна из закаленного стекла, отклоняющие свет. Обычно жалюзи на них были опущены. Теперь Сарио промчался вдоль окон, поднимая жалюзи. Феликса изумило, что у Сарио еще осталась энергия, чтобы бегать. У него едва хватило сил подняться по лестнице в кафе.

Помещение заливал резкий дневной свет. За окном был ясный солнечный день, но куда бы ни падал взгляд из этой высокой точки над горизонтом Торонто, везде поднимались столбы дыма. Башня в центре города, гигантский модернистский кирпич из черного стекла, извергала в небо пламя.

— Сеть разваливается, как и все вокруг. Слушайте, слушайте. Если мы бросим сеть умирать медленно, какие-то ее части останутся живы еще несколько месяцев. А может, и лет. И что будет по ней гулять? Трояны. Черви. Спам. Системные процессы. Зональные пакеты данных. То, чем мы пользуемся, разваливается и требует постоянного обслуживания. То, что мы отвергаем, не используется и может жить бесконечно. Мы собираемся оставить после себя сеть, похожую на мусорную яму, набитую промышленными отходами. Это и станет нашим наследием — памятью каждого удара по клавиатуре, которые делали вы, я и кто угодно и когда угодно. Дошло? Мы собираемся бросить ее подыхать медленной смертью, как раненую собаку, вместо того, чтобы прервать ее мучения одним выстрелом в голову.

Ван почесал щеки, и Феликс увидел, что он вытирает слезы.

— Сарио, ты и прав, и не прав, — сказал он. — Оставить сеть ковылять понемногу дальше — правильно. Мы все еще долго будем понемногу ковылять, и, может быть, она еще кому-нибудь пригодится. Если где угодно в мире хотя бы один пакет данных будет передан от одного пользователя другому, то сеть сделает свое дело.

— Хочешь убить ее чисто, можешь это сделать, — заявил Феликс. — Я премьер-министр, и я так решил. Я сообщу тебе корневые пароли. И всем вам тоже. — Он повернулся к белой доске, на которой работники кафетерия обычно писали название текущего фирменного блюда. Теперь доску покрывали останки жарких технических дебатов, которые вспыхивали между админами с первого дня.

Он расчистил на доске рукавом кусочек места и стал писать длинные и сложные буквенно-цифровые пароли, сдобренные знаками препинания. У Феликса был дар запоминать пароли

такого рода. Он сомневался, что это ему когда-нибудь еще пригодится.

› Мы уходим, конг. Горючее все равно почти кончилось

› да что ж тогда правильно. Для меня было честью работать с вами, мистер премьер-министр

› какие у тебя перспективы?

› я поручила молодому админу позаботиться о моих женских нуждах и мы нашли еще одну кладовочку с едой которой нам хватит на пару недель ведь нас теперь осталось всего пятнадцать

› ты потрясающая, Королева Конг, серьезно. Но не изображай из себя героя. Когда надо будет уйти — уходи. Там снаружи обязательно что-нибудь найдется

› береги себя Феликс, серьезно кстати я тебе писала что количество запросов из Румынии увеличилось? Может быть они там постепенно становятся на ноги

› в самом деле?

› да, в самом деле. Мы ведь как чертовы тараканы, нас трудно убить

Связь прервалась. Феликс вышел в Firefox и перезагрузил Google. Сайт не отзывался. Он еще несколько раз щелкал кнопку перезагрузки, но безрезультатно. Он закрыл глаза и услышал, как Ван чешет ноги, потом набирает на клавиатуре что-то короткое.

— Они снова на связи, — сообщил он.

Феликс облегченно выдохнул. Затем послал в группу новостей сообщение — то самое, которое он переписывал пять раз, пока текст его не удовлетворил.

— Ты тут береги все, ладно? Мы еще вернемся. Когда-нибудь.

Уходили все, кроме Сарио. Он отказался. Но все же спустился их проводить.

Админы собрались в вестибюле, Феликс поднял бронированную дверь, и внутрь ворвался свет.

Сарио протянул руку.

— Удачи, — сказал он.

— Тебе тоже, — отозвался Феликс. Рукопожатие у Сарио оказалось твердым. — Может, ты и был прав.

— Может быть.

— Все еще собираешься выдернуть пробку?

Сарио взглянул на подвесной потолок, словно пытаясь разглядеть сквозь усиленные потолочные перекрытия гудящие серверные стойки на верхних этажах.

— Посмотрим, — сказал он наконец.

Ван почесался, и облачко белых чешуек заплясало в солнечных лучах.

— Пошли найдем тебе аптеку, — сказал Феликс и двинулся к двери. Остальные админы последовали за ним.

Они подождали, пока за ними закроются внутренние двери, затем Феликс открыл наружные. Воздух был на вкус, как скошенная трава, как первые капли дождя, как озеро и небо, а мир казался старым другом, от которого целую вечность не было весточки.

— Пока, Феликс, — сказали другие админы. Они постепенно расходились, пока он стоял наверху короткой бетонной лестницы. От яркого света у него слезились глаза.

— Кажется, на Кинг-стрит была аптека, — сказал он Вану. — Разобьем окно кирпичом и добудем тебе кортизон, хорошо?

— Ты у нас премьер-министр. Вот и действуй.

* * *

За пятнадцать минут они не встретили ни единого человека. И не услышали ни единого звука, если не считать птичьего чирикания и гудения ветра в электрических проводах над головами. Все это очень напоминало прогулку по Луне.

— Готов поспорить, у них там есть шоколадные батончики, — сказал Ван.

Желудок Феликса непроизвольно сжался. Еда.

— Угу, — буркнул он. Рот наполнился слюной.

Они прошли мимо небольшого трехдверного автомобиля. На переднем сиденье они увидели высохшее тело женщины с высохшим младенцем на руках, и рот Феликса наполнился горькой желчью, хотя сквозь поднятые окна запах едва пробивался.

Он уже несколько дней не думал о Келли и 2.0. Феликс упал на колени, к горлу снова подкатило. Здесь, в реальном мире, его семья мертва. Все, кого он знал, мертвы. И ему захотелось лечь на тротуар и замереть, пока он тоже не умрет.

Худые руки Вана скользнули ему под мышки и слабо потянули вверх.

— Не сейчас, — сказал он. — Когда мы окажемся под надежной крышей и что-нибудь поедим, вот тогда и сможешь это сделать, но не сейчас. Ты меня понял, Феликс? Не сейчас, черт побери!

Ругань Вана привела его в чувство. Он встал. Колени дрожали.

— Еще один квартал, и все. — Ван положил руку Феликса себе на плечо и повел его дальше.

— Спасибо, Ван. Извини.

— Не за что. Кстати, тебе очень нужно под душ. Только не обижайся.

— Я не обижаюсь.

Витрину аптеки защищала металлическая решетка, но ее уже давно сорвали, а стекло выбили. Феликс и Ван пролезли в дыру и забрались в полутемную аптеку. Несколько стендов были опрокинуты, но в целом все выглядело нормально. Возле кассы Феликс одновременно с Ваном увидел стойки с батончиками, и они бросились к ним, схватили по горсти и сразу набили полные рты.

— Вы едите, как свиньи.

Они резко обернулись на голос. Перед ними стояла женщина, облаченная в лабораторный халат и удобные туфли. Она держала пожарный топор почти такой же длины, как и сама.

— Берите, что вам надо, и уходите, договорились? Никому из нас проблемы не нужны. — У нее был острый подбородок и проницательные глаза. На вид — лет сорок или чуть старше. Она совершенно не походила на Келли, и это было хорошо, потому что Феликсу хотелось подбежать к ней и обнять. Еще один живой человек!

— Вы врач? — спросил Феликс.

— Так вы уйдете или нет? — Она подняла топор.

Феликс поднял руки:

— Серьезно, вы врач? Фармацевт?

— Я была медсестрой, лет десять назад. А теперь веб-дизайнер, в основном.

— Вы шутите? — изумился Феликс.

— Никогда не встречал девушку, которая разбирается в компьютерах?

— Вообще-то моя подруга руководит инфоцентром «Гугля»…

— Вы шутите? — теперь уже изумилась она. — Инфоцентром «Гугля» руководила женщина?

— Руководит, — поправил Феликс. — Он все еще в онлайне.

— Быть не может. — Она немного опустила топор.

— У вас есть кортизоновая мазь?… Могу рассказать вам эту историю. Меня зовут Феликс, а это Ван, которому нужны все антигистамины, которыми вы сможете поделиться.

— Поделиться? Феликс, старина, да у меня здесь столько лекарств, что хватит на сто лет! И срок годности у них кончится гораздо раньше, чем они сами. Но ты говорил, что сеть все еще работает?

— Работает. Более или менее. Именно этим мы и занимались всю неделю. Поддерживали ее работу. Но все же долго она не протянет.

— Да, я тоже так думаю. — Она опустила топор. — У вас есть что-нибудь в обмен? Я мало в чем нуждаюсь, но пытаюсь не закиснуть, и поэтому обмениваюсь с соседями. Это как играть в цивилизацию.

— У вас есть соседи?

— Не менее десятка. Люди из ресторана через дорогу варят очень хороший суп, хотя овощи у них консервированные. Но они выменяли у меня почти все бумажные полотенца.

— У вас есть соседи, и вы с ними торгуете?

— Ну да. Без них мне стало бы совсем одиноко. Лечу им насморк и разные болячки, какие могу. Наложила шину на сломанное запястье… Слушайте, хотите диетический хлеб с арахисовым маслом? У меня его целая тонна. А то ведь у твоего дружка вид такой, что он сейчас умрет на месте.

— Да, пожалуйста, — сказал Ван. — У нас нет ничего на обмен, но мы трудоголики в поисках нового ремесла. Вам помощники не нужны?

— Не очень-то. Но от компании не откажусь.

Они съели бутерброды, затем суп. Люди из ресторана принесли его и обслужили их по всем правилам, хотя Феликс и заметил, как они морщатся, и удостоверился, что канализация в задней комнате работает, душ — тоже. Ван мылся долго, Феликс поступил так же.

— Никто из нас не знает, что делать, — сказала женщина. Ее звали Роза. Она отыскала бутылку вина и несколько одноразовых пластиковых чашек в отделе товаров для дома. — Я думала, что в городе появятся вертолеты, или танки, или хотя бы мародеры, но у нас все тихо и спокойно.

— Но и вы вели себя очень тихо, — заметил Феликс.

— Не хотела привлекать к себе лишнее внимание.

— А вы никогда не думали, что многие здесь поступают так же? Может быть, собравшись, мы придумаем, что делать дальше?

— Или же нам перережут глотки, — возразила она.

— Она права, — кивнул Ван.

Феликс возбужденно вскочил:

— Нет, нам нельзя так думать. Послушайте, мы сейчас на распутье. Мы можем или опуститься на дно, махнув на все рукой, или хотя бы попробовать создать нечто получше.

— Лучше? — Она презрительно фыркнула.

— Ладно, пускай не лучше. Но что-то. Создавать что-то новое — все больше пользы, чем дать миру зачахнуть и погибнуть.

Господи, ну что вы собираетесь делать, когда прочитаете здесь все журналы и съедите все чипсы?

Роза покачала головой:

— Красивые слова. Но что же нам все-таки делать, черт побери?

— Что-нибудь, — ответил Феликс. — Мы будем делать что-нибудь. Что-нибудь — это лучше, чем ничего. Мы возьмем кусочек мира, где люди разговаривают друг с другом, и станем его расширять. Найдем всех, кого сможем, позаботимся о них, и они позаботятся о нас. Наверное, мы сломаемся. Возможно, у нас ничего не получится. Но я скорее проиграю, чем сдамся.

Ван рассмеялся:

— Знаешь, Феликс, ты еще более чокнутый, чем Сарио.

— А мы завтра с утра пойдем и вытащим его. Он тоже станет частью нового. Все станут. В гробу я видал конец света. Никакой конец не наступил. Человечество не такая неженка.

Роза снова покачала головой, но теперь она слегка улыбалась:

— А ты кем станешь? Папой-императором мира?

— Он предпочитает должность премьер-министра, — сообщил Ван театральным шепотом. Антигистамины сотворили чудо с его кожей, ставшей из ярко-красной нежно-розовой. — Хотите стать министром здравоохранения, Роза?

— Мальчишки, — протянула она. — Играете в свои игрушки. А как насчет такого предложения: я стану помогать всем, кому смогу, но при условии, что вы никогда не попросите меня называть его премьер-министром, а меня никогда не назовете министром здравоохранения?

— Договорились! — сказал Феликс.

Ван наполнил всем чашки и перевернул бутылку, чтобы вытекли последние капли. Они подняли чашки.

— За мир, — сказал Феликс. — За человечество. — Он задумался. — За возрождение.

— За что угодно, — вставил Ван.

— За что угодно, — согласился Феликс. — За все.

— За все, — поддержала его Роза.

Они выпили. Феликс хотел прийти домой, посмотреть на Келли и 2.0, хотя его желудок сжимался от одной мысли о том, что он там может увидеть. Но на следующий день они начали Возрождение. А через несколько месяцев начали все сначала, когда противоречия разорвали на части небольшую и хрупкую группу, которую им удалось собрать.

А год спустя они вновь начали все сначала. И пять лет спустя — еще раз.

* * *

Миновало почти шесть месяцев, прежде чем он пришел домой. Ван помогал ему в пути, держась немного сзади и прикрывая ему спину, пока они ехали на велосипедах. Чем дальше на север они ехали, тем сильнее становился запах горелой древесины. Они видели много сгоревших домов. Иногда мародеры сжигали ограбленные дома, но чаще виновником была природа, начинавшая пожары примерно так же, как в лесах и в горах. Прежде чем они доехали, им попалось шесть кварталов, где все дома сгорели дотла.

Но жилой район, где стоял дом Феликса, все еще был оазисом зловеще нетронутых зданий, выглядевших так, словно их немного обленившиеся владельцы ненадолго вышли, чтобы купить краски и новые лезвия для газонокосилок и привести дома в исходное состояние.

В каком-то смысле видеть такое оказалось даже хуже, чем пепелища. Они слезли с велосипедов около микрорайона и молча зашагали дальше, катя рядом велосипеды и прислушиваясь к шелесту ветра в деревьях. Зима в этом году запаздывала, но все же *приближалась,* и вскоре Феликс начал дрожать от холода.

У него не было ключей. Они остались в инфоцентре, несколько месяцев и миров назад. Ручка на двери не поворачивалась. Тогда он ударил дверь плечом, и она с громким треском выломилась из сырой, прогнившей рамы. Дом гнил изнутри.

Дверь упала в воду. В доме было полно стоячей воды, в гостиной набралась вонючая лужа глубиной в четыре дюйма. Он осторожно пересек ее, ощущая, как на каждом шагу под ногами проседают прогнившие до губчатого состояния доски.

На втором этаже его ноздри заполнил запах отвратительной зеленой плесени. Он вошел в спальню, где мебель была знакома, как друг детства.

Келли лежала на кровати вместе с 2.0. По тому, как они лежали, было ясно, что умирали они в мучениях — скрюченные тела, Келли свернулась калачиком над младенцем. Тела вздулись, сделавшись почти неузнаваемыми. А запах… боже, какой там стоял запах…

У Феликса закружилась голова. Он подумал, что сейчас упадет, и ухватился за шкаф. Эмоция, которую он не мог определить — ярость, гнев, скорбь? — заставила его жадно глотать воздух, словно он тонул.

А потом все прошло. Мир остался в прошлом. Келли и 2.0 — тоже. Осталось дело, которое надо сделать. Он завернул их в

одеяло, ему помог угрюмый Ван. Они вышли на лужайку перед домом и стали по очереди копать могилу лопатой, которую Келли держала в гараже для садовых работ. К тому времени они стали уже опытными могильщиками. И набрались опыта в обращении с покойниками. Они копали, а настороженные собаки наблюдали за ними из высокой травы на соседних лужайках, но и собак они хорошо научились отгонять метко брошенными камнями.

Выкопав могилу, они положили в нее жену и сына Феликса. Он поискал слова, чтобы произнести их над свежим холмиком, но в голову ничего не пришло. Он выкопал так много могил для жен стольких мужчин и для мужей стольких женщин… слов просто не осталось.

* * *

Феликс копал канавы, искал консервы, хоронил мертвых. Он сажал и собирал урожай. Починил несколько машин и научился делать дизельное биотопливо. В конце концов он оказался в инфоцентре маленького правительства — маленькие правительства возникали и распадались, но у этого хватило ума понять, что нужно вести учет, и ему понадобился человек, чтобы его вести и поддерживать все в рабочем состоянии. Феликс взял с собой Вана.

Они проводили много времени в чатах и иногда встречали там старых друзей из того странного времени, когда они правили Распределенной республикой Киберпространства. Встречали тех, кто упорно называл его премьер-министром, хотя в реальном мире его никто больше так не называл.

Большую часть времени жизнь была не очень-то хороша. Раны Феликса никогда не заживали, как и у большинства других. Были болезни, затяжные и внезапные. Трагедия сменяла трагедию.

Но Феликс любил свой инфоцентр. Здесь, среди гудящих серверных стоек, он никогда не испытывал ощущения, что живет в первые дни лучшего мира. Но что живет в последние дни мира — тоже.

› иди спать, Феликс

› скоро, конг, скоро. Резервное копирование почти закончилось

› да ты трудоголик, приятель

› кто бы говорил

Он перезагрузил главную страницу «Гугля». Королева Конг держала его в онлайне уже два года. Буквы «о» в слове Google постоянно менялись, когда ей это взбредало в голову. Сегодня

они были мультяшными планетками — одна улыбалась, другая хмурилась.

Он долго смотрел на них, потом вернулся в режим терминала — проверить, как идет резервное копирование. Хотя бы сегодня оно шло, как по маслу. Архивы маленького правительства были в безопасности.

```
› ладно спокойной ночи
› береги себя
```

Ван помахал ему вслед, когда он направился к двери, потягиваясь и хрустя позвонками.

— Спокойных снов, босс.

— Только не сиди здесь опять всю ночь, — сказал Феликс. — Тебе ведь тоже надо спать.

— Ты слишком добр к нам, работягам, — отозвался Ван и забарабанил по клавиатуре.

Феликс закрыл за собой дверь и вышел в ночь. За домом тарахтел генератор на биотопливе, выплевывая едкий дым. Луна стояла высоко, и он ею полюбовался. Завтра он вернется, наладит еще один компьютер и опять станет бороться с энтропией. А почему бы и нет?

Этим он занимался всю свою жизнь. Ведь он был сисадмином.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Cory Doctorow. When Sysadmins Ruled the Earth. 2006. Публикуется с разрешения автора.

КРУПНЫЙ ПЛАН

Альтернативная ностальгия
Антон Первушин. Звезда: новый советский роман. Лениздат

Космическая тематика в советской, а затем и российской фантастике всегда занимала почетное место. Даже в смутные девяностые — период поголовного увлечения эзотерикой — звездные рубежи оставили лишь на время. Перед страной вставала отнюдь не иллюзорная проблема о целесообразности существования отечественной космонавтики вообще, но корабли продолжали регулярно стартовать со страниц романов. Однако, несмотря на такую твердую позицию, космическая НФ в России страдает одним серьезным недугом. Имя ему — дальнозоркость.

Куда только ни забирались неутомимые эпигоны — от ефремовской Туманности Андромеды до головачевского края Вселенной и дальше за край. Не столь бойко, но все-таки достаточно регулярно совершались рейды и на планеты Солнечной системы. Время от времени в поле зрения авторов попадала Луна. А вот старушка Земля с ближайшими орбитальными окрестностями особого энтузиазма у фантастов не вызывала. Литературная дальнозоркость проявлялась не только в пространстве, но и во времени. Оно и понятно. Чем дальше в будущее — тем легче развернуться. И коварные критики за хвост не поймают. Списываешь все небывалые, с точки зрения современной науки, открытия на неудержимый прогресс — и дело с концом.

Совсем по иному пути отправился Антон Первушин — не только фантаст, но и публицист, историк космонавтики. Действие его нового романа разворачивается в недавнем прошлом. Перед нами альтернативная история Советского Союза и советской космонавтики, развитие которой не было приостановлено некоторыми политическими событиями в силу отсутствия таковых.

Критической точкой для советского государства Первушин считает смерть Андропова в феврале 1984 года. Выздоровление генерального секретаря в мире «Звезды» подано автором не просто как свершившийся факт, но как некое волшебное преображение. После переломного февраля страна не просто пошла другим курсом. Меняется общественное самосознание. В сердцах советских граждан просыпается задремавший было

патриотизм. Развивается наука, укрепляется экономика, повышается уровень жизни. Над страной простирает механическое крыло железный ангел технократической утопии.

Такое крупномасштабное чудо выглядело бы несколько наивно, исходи оно напрямую от автора. Однако жизнь альтернативного Союза мы наблюдаем как бы изнутри, сквозь призму восприятия главного героя.

Юрий Москаленко — человек не типичный для своего времени. Немногословный и целеустремленный, он всерьез мечтает стать советским космонавтом. Не абстрактным героем, но хранителем идей и духа родной страны на звездных рубежах. Его оценка окружающей ситуации не выделяется особенной широтой; во всем, что не касается самолетов и космических кораблей, Юра формирует свое мироощущение скорее интуитивно, нежели рассудочно. И здесь авторское эго время от времени дает о себе знать. Ностальгические нотки вплетаются в мотив, окутывая советское прошлое розовым туманом и скрадывая острые углы, в то время как проявления западной культуры демонстрируются в негативном свете.

По другую сторону сюжетной магистрали расположилась космическая альтернатива. Изобилующая историческими и техническими подробностями история спасения шатла «Колумбия» (в нашем мире он взорвался), без сомнения, окажется весьма интересной для поклонников истории космонавтики. По сути, перед нами хроники катастрофы, написанные подчеркнуто суховатым языком. Суета и закулисные интриги в НАСА время от времени прерываются включениями с орбиты, где экипаж «Колумбии» пытается своими силами решить возникшую проблему. «Американская» сторона романа населена большим количеством разнообразных персонажей. Их образы прописаны аккуратно, но как-то без огонька. Этапы большого пути Юры Москаленко в художественном плане выглядят куда убедительнее.

Несмотря на этот условный дисбаланс образных платформ, перспективы «Нового советского романа» выглядят достаточно оптимистично. Особенно в свете нынешнего усиления ностальгических настроений в обществе. Люди уже хотят не отречься от СССР, но переосмыслить этот противоречивый период. Без ажиотажа и ругани понять, от чего же в действительности однажды отказались. И нет никаких сомнений, что новый роман Антона Первушина станет неплохим подспорьем для тех, кто обладает мудростью не отворачиваться от собственного прошлого.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

КРИТИКА

Научная фантастика. Ренессанс

СПб.: Азбука-классика, 2007. — 800 с. Пер. с англ. (Серия «Лучшее»). 10 000 экз.

Данная антология представляет собой своего рода квинтэссенцию именно «твердой» НФ.

Возрождение научной фантастики составители относят к 1990-м годам, когда появились авторы, не только знакомые с современным положением дел в науке, но и, что особенно важно, способные использовать научные реалии, факты и гипотезы при создании фантастических произведений (пусть и не в рекомендованной Хьюго Гернсбеком пропорции).

Пожалуй, по количеству рассказов Hard Science Fiction книгу можно сравнить только с авторскими сборниками Вернора Винджа и Теда Чана. Но, как ни крути, межавторская антология всегда выиграет в широте охвата темы. Большинство авторов сборника — Стивен Бакстер, Грегори Бенфорд, Дэвид Брин, Чарлз Шеффилд — известны в России в основном своими произведениями крупной формы, а вот их рассказы публикуются не так уж часто. Другие фантасты обделены книжными изданиями, и антология дает возможность познакомиться с их творчеством поближе.

Среди этих авторов следует выделить прежде всего Грега Игана, частого гостя на страницах журнала «Если» и, по субъективному мнению рецензента, одного из лучших представителей жанра, а также Джеймса Патрика Келли и Кима Стенли Робинсона (пускай рассказ последнего тематике антологии соответствует слабо и включен по совокупности заслуг автора).

Взыскательного и пристрастного любителя НФ антология несомненно порадует.

И в скором времени читателей ожидает еще один приятный сюрприз. Дело в том, что российские издатели разбили оригинальную антологию на две части, следовательно, появление второго тома не за горами.

Еще один приятный штрих, дополняющий картину: наконец-то наши издатели стали указывать названия произведений на языке оригинала.

Сергей Шикарев

Дж. Райт
Последний страж Эвернесса

Москва — СПб.: ЭКСМО — Домино, 2007. — 400 с. Пер. с англ. А.Кузнецовой. (Серия «Короли фэнтези»). 5100 экз.

Зло, куда древнее террористов и КГБ, неожиданно очнулось от долгого забытья. Потянулось, зевнуло и занялось своим привычным делом. На пути сил мрака стоит старинный особняк Эвернесс. По кирпичику перевезенный в США из старой доброй Англии дом представляет собой проход между миром грез и миром яви. Стражи Эвернесса издревле несут вахту на внешней стене.

Сказать, что роман Дж. Райта полон пафоса — значит, ничего не сказать. Текст буквально пропитан масштабными описаниями надвигающегося Конца Света. На протяжении четырехсот страниц вселенная Эвернесса сияет, грохочет и содрогается то от тяжких шагов великанов, то от непредставимых по силе заклятий.

Темп развития событий возрастает по экспоненте, приобретая ближе к финалу бешеную сумбурность высокобюджетного боевика. Бэкграунд — будь то штормовое море, полное чудовищных призраков, храмовый город Тирион или темные пространства за краем мира — несет на себе отпечаток западной масскультной традиции. Не только декорации, но и сама подача текста отсылают нас к произведениям Меррита, Желязны, Лавкрафта. Эмоциональное родство и сходство технического исполнения романа Дж. Райта с произведениями этих авторов проявляется и в многочисленных апелляциях к мифологическим системам.

Еще одна избитая тема американских авторов — проклятья в адрес Советского Союза, а заодно и его граждан. Ну, это уже добрая традиция, которую Райт нарушать не стал. Как обычно в таких случаях — смешно и глупо.

И тем не менее вещь получилась впечатляющая. С одной стороны, роман вызывает приятную ностальгию по тем временам, когда приключения Элрика из Мелнибонэ и Корвина из Амбера для нас еще только начинались, с другой — дает возможность попробовать на вкус новый и, несмотря ни на что, очень привлекательный мир.

Николай Калиниченко

Глен Хиршберг
Два Сэма: истории о призраках

СПб.: Азбука-классика, 2007. — 288 с. Пер. с англ. В.Жириной. 7000 экз.

Рассказы о призраках давно заслужили свое место в литературе, и молодому автору, решившему внести в них свою лепту, необходимо помнить, что сравнивать его будут не только со Стивеном Кингом, но и с Вашингтоном Ирвингом, и с «Поворотом винта» Генри Джеймса. Подобные сюжеты имеют и свои традиции. Хиршбергу удалось, с одной стороны, не нарушить их, а с другой — сказать новое слово.

Сборник «Два Сэма» — вторая книга талантливого автора (его дебют, «Дети Снеговика», тоже издан на русском). Небольшой томик включает в себя пять историй, объединенных темой «призраки и привидения».

Одно из основных требований к таким рассказам — создание атмосферы, которая должна завораживать, интриговать и даже запугивать читателя. Нужно признать, что с этой задачей Глен Хиршберг справился отменно. Будь это заброшенный дом в маленьком приморском городке из новеллы «Степка-растрепка» или загадочный корабль у Гавайских островов, то ли выброшенный на мель, то ли материализовавшийся неизвестно откуда, — писателю отлично удается передать и атмосферу места, и настроение персонажей.

Психологизм — вторая важная составляющая, характерная и даже обязательная для классических историй о призраках. Неслучайно в предисловии к сборнику такой авторитет мистической литературы, как Рэмси Кэмпбелл, говорит о глубоких «мейнстримовых» корнях жанра. Действительно, все представленные в книге новеллы являют собой своеобразные психологические этюды, рассматривающие человека в моменты духовного, экзистенциального кризиса. Более того, в большинстве рассказов (за исключением мрачного «Карнавала мистера Дарка») участие сверхъестественного не постулируется и зависит от читательского восприятия происходящих событий. Призраки в них, воображаемые или реальные, играют роль посредников между человеком в кризисном состоянии и обществом.

Сергей Шикарев

Роман Злотников
Время вызова. Нужны князья, а не тати

Москва: Альфа-книга, 2007. — 384 с. 12 000 экз.

Местом действия новой книги Романа Злотникова является наша страна, а временем — эпоха последних лет СССР и период правления Ельцина. Фантастическое допущение построено на появлении в России трех евангельских волхвов — Каспара, Мельхиора и Бальтазара, выполняющих волю сверхъестественных сил. Они пропускают страну через полосу тяжких и болезненных испытаний, предназначенных для ее воспитания через боль. Работа их страшна. Однако гораздо интереснее фантастического элемента получились истории простых людей, которые прошли нищету, унижения, предательство, ложь, но не сломались, а лишь изменили собственную сущность на нечто более устойчивое, в большей степени исполненное самоуважения. Три героя со стальным стержнем в характере, волевые, энергичные, трудолюбивые. «Великая смута» их только укрепила. С этой точки зрения, десятилетие с конца 1980-х до конца 1990-х у Злотникова обретает трактовку алхимического нигредо. Кто-то очистился, а кто-то опустился или погиб… Те, кто сумели пройти темную полосу, не потеряв себя, понемногу становятся хозяевами новой жизни, ее «князьями». И роман во многом обращен именно к ним (т. е. к современным отечественным предпринимателям), призывая их перейти от выживания и накопления к созидательной деятельности.

Заметным недостатком книги, на мой взгляд, является откровенное введение в художественную ткань методологических лекций некоего Марка Чехова, в которых без труда узнаются выступления Ефима Островского. Конечно, современная фантастика чем дальше, тем больше становится ареной работы политтехнологов. Наверное, таким образом появляется еще одно поле для «литературы идей». Но откровенная реклама, как получилось в романе «Время вызова», эти идеи порядком дискредитирует. Перебор. Да и сами-то эти лекции сильно проигрывают художественным образам, созданным Злотниковым самостоятельно.

Дмитрий Володихин

Предчувствие «шестой волны»

СПб.: Амфора, 2007. — 735с. 3000 экз.

Легко понять, почему иным читателям так хочется, чтобы накатила «шестая волна» отечественной фантастики: их просто не устраивает «пятая» (Лукьяненко, Перумов, Громов, Дивов и др.). Как сформулировано на обложке антологии, «пятая волна» составила «конкуренцию… западному масскульту» — и этим, надо думать, ее достижения ограничиваются. Не будем оценивать степень справедливости подобных обвинений. Поглядим лучше, что именно кажется составителю, представителю «четвертой волны» Андрею Лазарчуку, возможной альтернативой.

Во-первых, об авторах. Их А.Лазарчук отыскал среди участников своих «росконовских» мастер-классов, а также в родном Красноярске. К составителю нет претензий: куда смог дотянуться, туда и дотянулся. Однако в результате получилось так, что стилистика большинства текстов воспроизводит стилистику произведений самого Лазарчука.

Во-вторых, о текстах. Молодые авторы антологии, как и положено молодым, выказали себя отчаянными романтиками: персонажи сосредоточены на собственных эмоциях, а к окружающему миру равнодушны. Политика, социальные проблемы их почти не волнуют, что ярко проиллюстрировал, например, Н.Желунов, который, оживив Ленина в эпоху рыночных реформ, отправил его в парк кормить белочек. Но обиднее всего — обильно явленная в сборнике «мелкотравчатость» и неоригинальность замыслов. Авторы могут в деталях описать выдуманный мир, выстроить сложный сюжет, но в конце окажется… что героиня попала во временную петлю… что герой был тем самым Прометеем… что во всем виноваты куклы вуду… И ради такой ерунды все старания?!

Некоторые сочинители, безусловно, подают большие надежды: Д.Колодан, К.Шаинян, А.Силаев. Но в целом «Предчувствие…» вызывает, скорее, скептицизм. Прежде чем стать «шестой волной», авторам сборника нужно еще научиться писать не о куклах вуду, но о живых людях.

Александр Ройфе

Сергей Куприянов
Маги нашего города

Москва: ЭКСМО, 2007. — 384 с. (Серия «Абсолютное оружие»). 7000 экз.

НФ и детектив на условной литкарте являются соседними областями. И поэтому неизбежны «набеги» писателей на «сопредельные земли». Чаще и результативнее детективное поле обрабатывают фантасты. Но иногда происходит и обратное: детективщики вторгаются в НФ-области. Результаты этих вторжений обычно противоречивы — иногда они удачны, иногда не очень. Книжный дебют в НФ известного автора детективной прозы С.Куприянова с некоторыми оговорками можно назвать успешным.

Оговорки касаются преимущественно самой тематики книги. После «Дозоров» С.Лукьяненко любые тексты о волшебниках, живущих среди нас, будут отдавать неизбежной вторичностью. Да и Павел Мамонтов, главный герой романа Куприянова, в качестве ведущего персонажа заметно проигрывает Антону Городецкому.

Впрочем, автор «Магов…», судя по всему, понимал встающую перед ними проблему и поэтому придумал выход из ситуации. Он предположил, что разнообразные конторки и фирмочки, рекламирующие услуги всевозможных колдунов и ведьм, не просто «разводят граждан на бабки», а реально занимаются волшебным делом. Ну, во всяком случае, некоторые из них. Поэтому и стилистически книга Куприянова создана как бытовой роман из жизни сотрудников современного офиса.

Подобно любому уважающему себя детективу, «Маги нашего города» начинаются с загадочного происшествия — исчезновения нескольких хищников из клеток в таможенном терминале «Титан-сервис». Маг Павел Мамонтов, который обеспечивал безопасность перевозимых грузов, мчится во «Внуково», чтобы в случившемся разобраться. А оттуда уже пошло-поехало… Детективная составляющая книги небезынтересна, хотя ближе к концу вновь возникают неуместные тематические аналогии с «дозорным» циклом Лукьяненко. Финал романа нарочито открыт, так что, видимо, фантаст-детективщик работает над продолжением.

Глеб Елисеев

Роман Арбитман
Поединок крысы с мечтой: о книгах, людях и около того

Москва: Время, 2007. — 416 с. (Серия «Диалог»). 2000 экз.

Сборники критических работ наших современников в жанре «отчет за истекший период» подчас оказываются нужными только историкам литературы да ревнивым собратьям по цеху. Увлекательность чтения, самоценность критического высказывания — свойство, нечасто встречаемое в данном секторе словесности. При всем разнообразии мнений о критическом творчестве Р.Арбитмана яркость его заметок очевидна.

Будучи литературным «многостаночником», в настоящем томе критик ограничился рецензиями и заметками, посвященными фантастике и коммерческой беллетристике.

Пусть мнения Арбитмана пристрастны, однако его стиль выгодно отличается многослойностью высказывания. Формально строгий, ориентированный на внешние филологические атрибуты анализ здесь практически не встречается, но нет и чистого постулирования собственного мнения, одномерной публицистики. Зато есть много яда, применяемого, по мысли автора, в целях, скорее, медицинских.

Большинство статей, особенно посвященных текстам либо объективно скверным, либо субъективно неприятным критику, устроены весьма изощренно: вместо праведного гнева Арбитман предлагает нарочито гротескную интерпретацию, частную ли, общеконцептуальную ли, которая дискредитирует саму серьезность говорения о данном тексте. Однако сквозь пародийную концептуальную конструкцию проступает мощный аналитический аппарат, позволяющий одновременно со смеховым остранением увидеть действительные механизмы порождения текста. Конечно, этот критический прием работает в разных случаях по-разному: иногда переходя в откровенный фельетон, иногда склоняясь к более серьезному эссе. Важно здесь даже не это, а то, что в занимательных (при всем возможном несогласии с позицией критика) заметках Арбитмана достаточно представлена картина беллетристического книгоиздания рубежа веков.

Данила Давыдов

КРУПНЫЙ ПЛАН

Всё дело в луковице
Джоан Роулинг. Гарри Поттер и Дары смерти. Росмэн

Семитомная эпопея британки Джоан Роулинг, 10 лет державшая в напряжении весь читательский мир, наконец-то завершена. Добрый волшебник Гарри Поттер оказался жестокосерднее хулигана Карлсона — он ушел и не обещал вернуться. Что ж, время и нам подвести определенные итоги самой популярной книжной серии первых лет нового столетия. Главное, что сделала Роулинг в последнем томе «поттерианы» — это расставила все точки над i. Во всех смыслах этого слова.

«Гарри Поттер и Дары смерти» весьма достойно завершили эпопею. Возможно, именно поэтому книга мало кому понравилась — истовые поклонники сериала были, скорее, разочарованы. Разочарованы прежде всего тривиальностью финала: здесь нет ничего такого, чего бы уже не предположили задолго до выхода книги поклонники. Вспомните, когда книжным пиратам удалось невозможное и они все-таки украли книгу и выложили ее на всеобщее обозрение до официальной премьеры (что, заметим в скобках, тоже является своеобразным итогом, обессмысливающим дальнейшие дискуссии о возможности победить книжное пиратство), очень многие сомневались, что перед ними подлинный текст. «Да не может быть, чтобы это была настоящая Роулинг, — ворчали разочарованные читатели. — Настоящая

придумала бы что-нибудь поинтереснее». Многие не верили в столь банальный конец до последнего.

Недовольные из-за обманутых ожиданий вряд ли думали о том, что Роулинг, даже если бы и захотела выкинуть какое-нибудь коленце, заставившее всех рот раскрыть, просто не имела возможности для этого. Неожиданный финал, ставящий все с ног на голову, нельзя было придумать в принципе — слишком уж много ружей она развесила по стенам в предыдущих томах эпопеи. Необходимость увязать все эти ниточки и свести концы с концами заранее задала структуру финального романа, он, по сути, уже вызрел в предыдущих книгах. Другим финал быть не мог, любой резкий фортель оборвал бы половину этих сквозных линий. Зато, сводя концы с концами, Роулинг в очередной раз продемонстрировала уровень своего профессионализма. Не таланта, а именно мастеровитости, владения профессиональными навыками. Чего греха таить, отечественных авторов, умеющих сделать книгу с таким «качеством отделки», можно пересчитать по пальцам. Джоан Питеровна не забыла ничего, не оставила без внимания ни единой незавершенной линии, растолковала все несоответствия, вызывающие недоумение. И при этом не оскоромилась занудностью и дидактичностью, не стала растолковывать все открытым текстом, удовольствовавшись принципом «разумному достаточно».

Вы удивлялись, почему волшебники столь ничтожно мало знают о мире маглов, при том, что многие из них, так называемые «грязнокровки», родились и выросли в обычных семьях? Роулинг убедительно показывает, насколько несовместимы волшебный и магловский мир, насколько неинтересны обычные люди колдунам и ведьмам. По сути, это «высшая» и «низшая» расы, и первые относятся ко вторым как к чему-то настолько мелкому и неинтересному, что уделять ему внимание не то что много чести — это просто никому не приходит в голову. В своем мире забот хватает. И вот Гермиона без малейших сомнений поступает со своими родителями хуже, чем с подопытными кроликами — отправляет в Австралию, предварительно стерев их личности. А что такого? Это для их же блага…

Объяснения всех несоответствий Роулинг выполняет настолько мастерски, что часто изящность этого «сведения» и неожиданность решения с лихвой искупает тривиальность общей фабулы. К примеру, многих изрядно раздражала психологическая недостоверность отношения тети Петунии и дяди Вернона к Гарри. Вроде бы нормальные люди, не изуверы какие, приемыша к себе в семью взяли, причем, зная, что изрядно при этом «подставляются», — зачем же тогда его так травить? Но если

копнуть чуть глубже, найдется у Роулинг объяснение. Любой врач, прочитав эпизоды, связанные с Дадли, без малейших сомнений скажет вам, что у двоюродного брата Гарри неизлечимая и страшная болезнь — поражение гипофиза. Именно это заболевание, если оно началось задолго до окончания роста, сопровождается развитием общего гигантизма, отягощенного ожирением. Самое страшное последствие этого — прогрессирующее слабоумие. Что мы и наблюдаем в романах: если в первых книгах Дадли просто несколько туповат, то в последней он уже и разговаривает-то с трудом. Согласитесь, при подобной семейной трагедии сложно ожидать от родителей, вынужденных каждый день наблюдать деградацию единственного ребенка, что они с радостью примут оттеняющего любимого сына подростка, который постоянно демонстрирует все новые и новые способности.

Вот эта филигранная проработка деталей («дьявол в деталях» — помните?) и обусловила одну из главных составляющих успеха книг о Гарри Поттере. Мир, нарисованный британской писательницей, настолько реален, настолько непротиворечив и достоверен, что заставляет не только наивных детей, но и искушенных взрослых забыть о том, что перед ними всего лишь сказка.

Но окончание эпопеи о Гарри Поттере поставило точку и еще в одном, весьма насущном для взрослых людей вопросе. А именно — разрешило давние дебаты о главном критерии успеха. Все так или иначе причастные к искусству люди давно задаются вопросом: почему некоторые искусства имеют такой оглушительный успех, что становятся общественным явлением, а другие, ничуть не менее качественные, в лучшем случае всего лишь окупаются? В чем же «формула успеха»?

После выхода седьмого тома ответ ясен — в универсализме. Собственно, впервые об этом заговорили кинокритики после непредсказуемого, ошеломляющего успеха мультипликационных фильмов вроде «Шрека», «Мадагаскара» и т. п. «Почему?! — всполошились все, как в курятнике, — Почему этот детский жанр начал вдруг ни с того, ни с сего давать огромные сборы?» И тот же Шрек прямым текстом все объяснил. Помните его знаменитый монолог про слои? Вот в этих-то слоях все и дело. Надо просто делать фильмы-луковицы: где дети считывают один слой, самый верхний, взрослые снимут слой тот, что поглубже, но в восторге окажутся и те, и другие. Беспечные несовершеннолетние радостно посмеются над веселыми приключениями зверушек из «Мадагаскара», а сидящие рядом родители, затравленные корпоративной культурой и дресс-кодом, будут яростно

аплодировать идее побега из благоустроенной тюрьмы.

В литературе до «Гарри Поттера» подобного универсализма, за редким исключением, не было. Была великая взрослая литература и великая детская литература, аудитории практически не пересекались. Смешно представить себе сорокалетнего мужчину, читающего в метро «Карлсона» — при всей гениальности Линдгрен. Последним романом Роулинг подтвердила, что возможны не только фильмы-луковицы, но и книги-луковицы. «Гарри Поттер и Дары смерти» — стопроцентный универсальный роман, который уже без малейших скидок может играть на поле взрослой литературы. И дело, как вы понимаете, вовсе не в количестве убитых героев. Дело в слоях.

Вадим НЕСТЕРОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Евгений Войскунский
Новые пути бытия

В №7 за 2007 год «Если» напечатал фрагмент из книги воспоминаний ветерана отечественной НФ Евгения Львовича Войскунского. Этот материал вызвал много откликов и пожеланий продолжить публикацию писательских мемуаров. Мы обратились к Евгению Львовичу, и он предложил нам свежий очерк из своей книги, посвященный еще одному мэтру советской НФ — Георгию Гуревичу, которому в прошлом году исполнилось бы 90 лет.

Георгий Иосифович Гуревич родился в 1917 году в Москве — как говорится, ровесник Октября. Он был вундеркиндом — в четырехлетнем возрасте выучился читать и писать, более того — сочинять. Вывел печатными буквами название первого своего сочинения: «Конь хробрец», далее шло несколько строчек о покупке коня, но затем вдохновение юного автора иссякло.

Лошади были сильным впечатлением его раннего детства. Напротив дома разгружали телеги с мукой, стояли извозчики, лошади «мотали головами, засунутыми в торбы», и мальчик Жора, глядя на них в окно, думал о том, что, когда вырастет, непременно станет извозчиком.

Но не только лошади. Часами сидел мальчик над томами Брема, разглядывая на картинках зверей. Ему хотелось их всех перерисовать, а еще лучше увидеть наяву, и для этого объехать все материки. Он накидывался на географические карты, перерисовывал их, мысленно путешествовал (признаюсь, что и я с детства увлекался географией, рисовал карты. Даже и сейчас, в конце жизни, люблю листать атлас).

Мальчик-вундеркинд подрастал, все больше проявлялась в нем душа исследователя, фантазера. Не только география — химия его увлекала. Хотелось понять, как устроены, из каких элементов состоят все вещи, вся материя и, конечно, всё живое, одушевленное. С юных лет отличался Георгий Иосифович глубокомыслием.

Он писал рассказы, стихи, начинал (и бросал) романы. В школе был прекрасный учитель литературы, однофамилец, он организовал литературный кружок. Нередко приглашал на занятия кружка писателей. В книге воспоминаний Гуревич впоследствии напишет, как приходили на кружок приглашенные Борис Пильняк, Сергей Третьяков, Лев Кассиль, Корней

Чуковский. «Чуковский читал нам отрывки из «Чукоккалы», тогда еще не изданной, рассказывал о Блоке, Репине, Маяковском. Больше всего мне запомнилось, как Маяковский с утра уходил бродить по прибрежным скалам, шагал, шепотом повторяя слова, а к вечеру приносил четыре новых строки, в удачный день — восемь строк для «Облака в штанах», и за ужином читал все с начала плюс новые строки. А пятилетняя дочка Чуковского запомнила все наизусть и однажды потрясла родителей, декламируя: «Выбласывается как голая плоститутка из голящего публицного дома»…

Уже тогда, в школе, Георгий твердо знал, что будет писателем. По окончании школы он поступил в архитектурный институт, но проучился там недолго: «Ошибся я. Понял, что не архитектурная у меня душа. В распоряжении архитектора мало слов (архитектурные элементы я имею в виду: окна, стены, панели, капители, пилястры), а у литератора десятки тысяч, сумей распорядиться, сказать оригинально оригинальное».

Гуревич перешел в строительный институт, но в 1939 году его призвали в армию. На Дальний Восток загудел-поехал длинный состав, набитый новобранцами. И вот ведь странное дело: лошади были детской привязанностью мальчика Жоры — и здесь, в степной глуши близ китайской границы, угодил он в кавалерийский полк.

Служба занимала все время, и лишь стоя в ночном карауле, Гуревич мог предаться любимым занятиям — размышлениям и сочинительству. Он сочинял устную поэму «Чудесная история вора, купца и мага» и при этом подсчитывал строки, а потом — отработанные часы. Эту привычку он сохранил и впоследствии, перейдя на прозу («В данный момент, — напишет он в 1994 году, — идет 58228-й час моего литературного труда…»).

В 1945 году, демобилизовавшись, Гуревич возвращается в Москву. Он заканчивает институт, получив инженерный диплом, и начинает многотрудное восхождение в профессиональную литературу.

То были нелегкие времена для научной фантастики (а когда, впрочем, они были легкие?). Господствовала теория — и, разумеется, практика — «ближнего прицела». Партия определила задачи послевоенного восстановления и развития — и нечего рыпаться, заглядывать за очерченные пределы. Что, ты знаешь лучше, чем партия? Мечтать о будущем не запрещается, но лишь о таком, которое завтра может быть осуществлено, например, о великих стройках коммунизма, намеченных товарищем Сталиным. Венцом НФ тех лет был электроуправляемый трактор из романа В.Немцова.

Ближнеприцельная, приземленная фантастика тяготила Гуревича. «Я видел широкий мир, бесконечный, а мне предлагали асфальтированный терренкур с перилами. И спорить было бесполезно».

На первых порах был у Гуревича соавтор — бывший его командир отделения Жора Ясный, человек очень активный и, что называется, пробивной (качество, которого Гуревичу всегда не хватало). Вдвоем и написали повесть «Человек-Ракета». Как и полагается в научной фантастике, ученый сделал открытие — изобрел вещество, которое уничтожает молочную кислоту, накапливающуюся в мускулах человека и вызывающую усталость. Это вещество — «украинол» — он дает студенту, и тот, не отличавшийся прежде спортивными достижениями, показывает рекордный результат в марафоне. Он неутомим. Человек-Ракета… Повесть прошла на радио (телевидения еще не было), ее напечатали в журнале «Знание — сила». Это был дебют. Но вскоре газета, надзирающая за идеологией — «Культура и жизнь», — раздолбала повесть в присущей ей, газете, безапелляционной, грубой форме. Хорошо хоть, что не объявили космополитом или еще каким-нибудь вражиной.

Труден путь на Олимп. Но Георгий Гуревич не сдался. Идеи переполняли его. Он вдумчиво разрабатывал их, оснащал таблицами — таблицы впоследствии сопровождали многие его книги как наглядное подтверждение идей (Альтов шутил: дескать, Гуревич написал новый роман в 144-х таблицах). Но пока: «Я судорожно цеплялся, чтобы меня не вышибли из литературы совсем. А мысли копил, заносил в черновые тетрадки…» В газетах — победные марши по поводу великих строек, о полезащитных лесонасаждениях… Ну что ж, вот вам повесть «Тополь стремительный»: ученые придумали способ быстрого роста тополей для лесных полос. Но кто-то из недремлющих критиков разбранил повесть, потому что Лысенко предложил в качестве основной породы для лесонасаждений дуб, а тут, видите ли, тополь…

«Судорожно цеплялся»… Это, конечно, преувеличение. Но стойкости Гуревичу было не занимать. Появляются в печати его новые повести и рассказы: «Иней на пальмах» (1951) — проблема холода, «Подземная непогода» (1954) — об использовании тепла земных недр, «Лунные будни» (1955).:. Ну вот, его герои отправляются в космос. Пока что — ближайший, на Луну. Но уже в 1957-м вышла «Туманность Андромеды» Ивана Антоновича Ефремова. Будто сигнальная ракета взвилась, возвещая конец ближнеприцельной фантастики и начало новой — знаменитой фантастики 1960-х. Те годы и стали расцветом творчества Георгия

Гуревича.

Что же ищут в космосе его герои? Да и зачем нужен человечеству непонятный, пронизанный опасными излучениями и, очень возможно, совершенно безжизненный космос? Ну, конечно, прежде всего нужно искать пригодные для поселения места: на старушке Земле человечеству в обозримом будущем станет тесно. В «Пленниках астероида» космонавтов, уцелевших на потерпевшем аварию корабле, выбросило на плывущую в безвоздушном пространстве скалу, где выжить без помощи с Земли невозможно. Дальше, дальше в космос. Межзвездные пространства невообразимо громадны. Существует гипотеза, что в гигантской космической пустоте могут быть промежуточные тела — поменьше звезд, с приемлемой, подобной земной, температурой. Пригодны ли они для жизни человека? Надо их найти. В своем рассказе «Инфра Дракона» Гуревич находит такую полузвезду (называет их инфрами, поскольку они испускают невидимые инфракрасные лучи) недалеко от Солнечной системы и отправляет туда своего героя, старого космонавта. Ему на пенсию пора, а он, пионер по натуре, стремится к открытию, к новому знанию. И находит на инфре цивилизацию. Она не похожа на земную, она на дне океана. И старик ныряет туда — без надежды на возвращение. «Жизнь измеряется делами, а не годами» — таков его лозунг.

Это, в общем, главный мотив, доминанта характеров всех героев книг Георгия Гуревича. Пожалуй, наиболее сильно это выражено в рассказе «Функция Шорина». Вот уж поистине герой знал одной лишь думы власть: стать звездолетчиком, уйти в дальний космос, найти братьев по разуму, привезти на Землю свод космических знаний — все тайны Вселенной. Всю свою жизнь Шорин посвятил этому, скажем так, императиву: не могу погибнуть, пока не достигну цели. Или лучше так: пока не выполню свою функцию.

Не стану пересказывать сюжет. Шорин берет барьер за барьером. Но вот он, уже признанный и знаменитый (после путешествия на комете!) космонавт, уходит в испытательный полет на фотонной ракете. Идет разгон, приближение к скорости света — и тут, в соответствии с теорией относительности, происходят неприятнейшие вещи. Замедляется время, растет масса — тяжелеют тела космонавтов, лопаются мускулы, начинаются кровоизлияния… Смертельно опасно! Надо тормозить…

Но даже если и удастся взять этот барьер (лечь в ванну, залитую жидким гелием, заснуть в замороженном состоянии, пока фотонолет не долетит до заданной цели в дальнем космосе),

то какой же прок в таком путешествии? Ведь для тебя-то время замедлится, а на Земле пройдет лет двести, и ты возвратишься, по сути, на незнакомую планету, в далекое будущее, и знания, которые ты привезешь, будут уже не нужны: земляне достигнут всего своими силами. Функция жизни Шорина — прямая линия, идущая вперед, только вперед, устремляется к последнему барьеру — световому.

Путешествие в будущее. Эту вообще-то привычную для научной фантастики тему Гуревич разрабатывает по-своему — в соответствии со своим системным мышлением. В романе «Приглашение в зенит» некий земной житель, писатель-фантаст (очень похожий по любознательности и дотошности на самого Гуревича), приглашен в гости в некое Шаровое скопление, весьма далекое, за десятки тысяч световых лет. Там сотни тысяч солнц и планет, сотня обитаемых миров, высоко и не очень развитые цивилизации. Гость-землянин ахает, поражается тамошним чудесам, коих, конечно, много. Ему всё показывают без утайки, а потом говорят: мол, возвращайся, человек, на свою Землю, расскажи, как живется в Шаровом, какие достижения. Если понравилось, присоединяйтесь. А гость: «Я готов. Отправляйте хоть сейчас. Но только дайте мне ваш «Свод знаний», чтобы я не напутал чего в докладах». — «Нет, — жестко отвечают ему. — Не дадим. Разве у вас на Земле не учат решать задачи самостоятельно? Вспомни опыт астро-дипломатов, человек. Им подсказали всё на тысячу лет вперед, они и думать разучились. Расскажешь, что увидел у нас, что можно создать». — «Но мне не поверят». — «Дело ваше. Важно, чтобы задумались».

Решать задачи самостоятельно — это весьма характерно для Гуревича. С обстоятельностью серьезного ученого он исследует проблему, таблицы составляет, сверяется с новейшими научными данными и предлагает свою гипотезу. Идею! Да, фантастика для Гуревича — прежде всего свежая идея, облеченная в литературную форму (в этом отношении был очень близок к нему по взглядам Генрих Альтов).

Упорный и упрямый искатель новизны, Георгий Гуревич словно вышел из придуманной Иваном Ефремовым Академии пределов знания. Более того, он стремится заглянуть за эти пределы. Поиск новых территорий для сильно разросшегося к XXII веку земного населения? Вот вам идея, весьма экзотическая — расколоть бесполезный огромный Уран на двенадцать планет и обустроить их для жизни.

Вечная нехватка времени? Вот вам «Темпоград» — город, где бег времени ускоряется. Снаружи прошел день, а в Темпограде год, тут можно успеть сделать срочную работу. Допустим, на

планете возникла страшная пандемия — и Темпоград, Город Скорой Помощи, создает спасительную вакцину всего за три дня (то есть за три года в городе быстрого времени).

Продление жизни человека? Вот роман «Мы из Солнечной системы» — об окончательной победе над старостью. Это роман-утопия, зрелое коммунистическое общество (некоммунистическое будущее ни одно советское издательство не примет: табу!). Ученые разработали методику омоложения, но всеобщее омоложение невозможно: слишком много старых людей. Как быть? Отобрать самых нужных и полезных человечеству? А остальным старикам что же — помирать? И потом: массовое омоложение резко обострит проблему перенаселенности планеты. Надо активно искать новые территории — где? На суше, в океане, в космосе?

Не только в литературе ищет Гуревич приемлемые ответы на трудные вопросы, на вызовы текущего и будущего времени. Он публикует в газетах и журналах статьи с изложением своих гипотез. Его заметки на острую тему — как отодвинуть, а в дальнейшем и отменить старость? — в 1960-е годы вызвали дискуссию в мире науки. Что касается срока жизни, то природа явно не заинтересована в долголетии особи, для нее важнее интересы вида, а для его, вида, улучшения желательна частая смена поколений. Значит, должен быть у всех видов животных и растений некий механизм, выключающий жизнь. У человека все гораздо сложнее: разум, психика, медицина. И в его организме как бы работает реле времени, его действие растянуто на многие годы, но выключение неизбежно. Где же этот механизм старения, в каких генах? Как найти его и заблокировать? В своей книге «Лоция будущих открытий» Гуревич напишет: «Мне выпала почетная обязанность написать самую первую популярную статью о кибернетике, до того не признаваемой у нас науке… Моя гипотеза и есть применение кибернетики к проблеме срока жизни человеческой. Мне удалось познакомить с ней и ученых…»

Сильно, глобально мыслил Георгий Гуревич. Идей у него было столько, что хватило бы на десятки романов. Понимая, что на их сочинение не хватит жизненного срока (пока еще наука не отменила старость, не растянула жизнь человека до 150–200 лет), он и создал свою Главную Книгу, вышеупомянутую «Лоцию будущих открытий», в которой изложил ряд идей — своеобразный, живо написанный итог осмысления проблем устройства Вселенной и земной жизни. Словом, «Книгу обо всем», как стоит в подзаголовке. «Вручаю мой отчет о всей лит. жизни», — надписал он, даря мне эту замечательную книгу.

Почти три десятилетия мы дружили с Георгием Иосифовичем

(с Гишей, как называли его друзья) и его женой Нинелью Станиславовной, или просто Нелли, преподавательницей немецкого языка. Много зим подряд вместе проводили месяц-полтора в Доме творчества в Переделкино. Они были завзятыми лыжниками — статный седовласый Георгий и маленькая изящная Нелли. Так и вижу, как они уходят на лыжах за ворота Дома творчества на улицу Серафимовича, и дальше, дальше в лес — Георгий идет широким шагом, а Нелли поспевает за ним, быстро скользя по лыжне.

Летом 1983-го вместе отдыхали на турбазе близ Гродно, на берегу Немана (путевки «пробила» Нелли в Доме ученых). Течение в Немане быстрое, сильное, но все же мы с Георгием несколько раз переплывали его.

На выездных заседаниях совета по НФ — в Ереване и Тбилиси, в Новосибирске и Душанбе — и на многолюдных встречах с любителями фантастики Гуревич выступал интересно, значительно. Не без юмора рассказывал, как основал новые виды науки: темпорологию — управление временем, ратомику - искусственную расстановку атомов и передачу любого предмета (даже и людей!) на любое расстояние, метафористику — общую науку о превращениях. Непригодны для практики? Да, эти науки пока непригодны: не созрели условия, не хватает энергии, да и, знаете ли, определенная косность, присущая мышлению… Но ведь и генетику у нас высмеивали («продажная девка империализма»!), пока не поняли, что это такое…

На квартире Гуревича собирались, бывало, Аркадий Стругацкий, Дмитрий Биленкин и я. Жаль, что никому из нас и в голову не приходило записать наши разговоры — а ведь они могли бы существенно пополнить теорию фантастики, которая складывалась в те годы стихийно, независимо от официального литературоведения. Аркадий твердо стоял на том, что фантастика — это прием заострения, остранения действительности. Мы с Димой Биленкиным тоже так считали, но — желательна и неординарная идея. Гуревич отделял фантастику-прием от фантастики-темы. У Свифта фантастика — обрамление сатиры, острый литературный прием. У Жюля Верна фантастика составляет основное содержание, тему произведений. Это два разных вида фантастики.

Конечно, это всего лишь поверхностный слой наших разговоров. Какой бы вид фантастики мы ни предпочитали, для нас прежде всего была важна добротная литературная основа.

В конце 1980-х на Георгия Иосифовича обрушилась болезнь. Какое-то время он лежал в той же больнице, что и моя Лида, заболевшая тогда же. Я навестил Георгия, но сидел у него

недолго: ему предстояло облучение. Помню, как он решительно сказал, что намерен выкарабкаться.

Он обладал сильной волей. Придумал неких волетворцев — людей, научившихся менять свой возраст, более того, свой облик, тело, вопреки прочной схеме генов. Но роман о волетворцах не сочинил, уж очень нелегко осмыслить такой странный мир. Только в «Лоцию будущих открытий» поместил эту идею, замысел — изобразил Институт волетворчества, целый городок, на воротах которого можно было бы написать: «Мы не рабы своих генов».

Десять лет сопротивлялся Гуревич болезни, да и не одной. Понемногу сдавало сердце. Его сильные ноги бывшего кавалериста, отличного лыжника отказались ходить. Появилась инвалидная коляска…

Он был выдумщик, фантазер, генератор новых идей. Но, увы, не волетворец.

В декабре 1998 года Георгий Иосифович Гуревич умер.

«Прямая идет вперед. Сворачивать она не умеет», — этими словами кончается один из его романов «Ордер на молодость». Такой прямой несворачиваемой линией представляется и жизнь Георгия Гуревича — человека чести и высокой порядочности. Он написал много книг. Я думаю, он был в нашей литературе последним представителем — рыцарем, если угодно, — чистой научной фантастики, той, которая не пугает читателя монстрами и ужасами, а побуждает к размышлению, к поиску новых путей бытия, призывает верить в разум человека.

Таким и остался в моей памяти.

КУРСОР

Тим Бартон подписал со студией Диснея контракт на производство двух картин. Весной 2008 года начнутся съемки «Алисы в стране чудес»: экранизация знаменитой сказки Льюиса Кэрролла будет совмещать элементы игрового кино и 3D-анимации. Сценарий написала Линда Вулвертон («Король-лев», «Эвоки»). Затем Бартон приступит к мультипликационному римейку своей же ранней игровой короткометражки «Франкенвинни». В снятой в 1984 году картине повествовалось об американском мальчике по имени Виктор Франкенштейн; сумевшем воскресить попавшую под машину любимую собачку. Но та стала вести себя неадекватно, превратившись в своеобразное «чудовище Франкенштейна».

Забастовка сценаристов, начавшаяся осенью в Голливуде, может нанести серьезный урон жанру фантастики. Первыми пострадали сериалы. По причине отсутствия сценарной поддержки новых серий остановлены съемки четвертого сезона популярнейшего цикла «Боевой корабль «Галактика». Досталось и свежеиспеченной «Бионической женщине», а также другим сериалам. Вслед за телевидением проблемы возникли и у «большого кино». Так, масштабнейший проект Рона Ховарда — экранизация «Ангелов и демонов» Дэна Брауна — приостановлен на неопределенный срок.

Особенно тяжело забастовка дается тем, кто совмещает в себе сценариста и режиссера. Так Роджер Эйвери, известный по сценариям «Криминального чтива» и «Беовульфа», задумал снять киноадаптацию популярной компьютерной игры «Возвращение в замок Вольфенштейн». Сценарий уже почти готов, но так как Эйвери-сценарист поддерживает забастовку, то предложить сценарий Эйвери-режиссеру он не может. Пока же известно, что ленту планируется снять в духе классических фильмов о второй мировой войне, но внедрить туда всевозможных монстров.

Еще одна культовая игра буквально просится на экран. В раскрутку нового проекта студия Диснея готова вложить всю свою финансовую мощь и продюсера Джерри Брукхаймера, ведь киноверсия знаменитого «Принца Персии» вполне может дорасти по популярности до предыдущего детища Брукхаймера и Диснея — «Пиратов Карибского моря». На место режиссера проекта «Принц Персии: Пески времени» прочат Майка Ньюэлла, снявшего «Гарри Поттера и Кубок огня».

Награды нашли героев 4 ноября 2007 года во время Всемирного фэнтези-конвента, проходившего в городе Саратога-Спрингс, штат Нью-Йорк. Всемирной премии фэнтези за работы, опубликованные в 2006 году, удостоились: роман Джина Вулфа «Солдат Сидона», повесть Джеффри Форда «Город — заплата», рассказ М.Рикерт «Путешествие в Королевство» (также М.Рикерт получила приз за лучший авторский сборник «Карта снов»), антология «Фантастический салон» под редакцией Эллен Дятлоу и Терри Уиндлинга. Лучшим фэнтези-художником назван Шон Тэн, а почетные призы за достижения в жанре достались женщинам — издателю Бетти Баллантайн и автору Диане Уинн Джонс. Здесь же, но на три дня раньше подводила свои итоги Международная гильдия хоррора. Призы за лучшие произведения жанра получили: Конрад Уильямс за роман «Безупречный», Норман Пэртридж за повесть «Темный урожай», Пол Финч за короткую повесть «Старая северная дорога» и Стивен Галлахер за рассказ «Коробка». Рэмси Кэмпбелл был удостоен приза «Живая легенда».

Экранизация романа Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» наконец сдвинулась с мертвой точки. История длится уже несколько лет, за которые написан десяток вариантов сценария. И вот теперь режиссер Фрэнк Даробонт («Туман»/«Мгла») заявил, что начало съемок — на 90 процентов дело решенное. Он в очередной раз переписал сценарий и считает: это лучшее из всего, что он когда-либо делал. Предварительное согласие на главную роль дал Том Хэнкс. Параллельно Даробонт работает над экранизацией романа Роберта Маккаммона «Мое!». Напомним, что первоначально с идеей снять фильм по Брэдбери выступал Мел Гибсон.

«Хаммаххма Хама» — именно так называется спектакль, поставленный Театральным домом «Ойкумена». Готическая комедия авторства А.Чугунова повествует о некоем «Тайном Обществе Хама», объединяющем политиков. В пьесе смешались утопия и сатира, эзотерика и мистика, политика и эксцентрика.

Площадки спектаклю предоставляют несколько московских театров.

Жанр мокьюментари — псевдодокументальная фантастика — становится все более востребованным. Так, международная телепремия Emmy за лучший мини-сериал неожиданно для всех досталась независимому фильму «Смерть Президента».

Скандальная картина Гэбриела Ранджа в псевдодокументальной манере повествует о будущем убийстве президента США Джорджа Буша.

Титул Entertainer of the year (самая влиятельная и успешная персона шоу-бизнеса) уже во второй раз завоевала Джоан К.Роулинг. Учредитель премии, журнал «Entertainment Weekly», поместивший портрет писательницы на свою обложку, сообщает потрясающие цифры: 400 миллионов проданных книг, 4,5 миллиарда долларов дохода от мирового проката фильмов, 15 миллиардов долларов дохода всей индустрии, связанной с именем Гарри Поттера.

Сергей Лукьяненко, большой любитель компьютерных игр, приступил к работе над новым проектом. Он пишет космическую оперу под рабочим названием «Имею компьютер — готов пилотировать». Действие романа происходит в мире реально существующей военно-космической компьютерной онлайн-игры «Старквейк» (Starquake). Это будет не просто литературное воплощение вселенной, созданной в «Старквейке», но прежде всего история людей — игроков, причем в мир книги могут попасть и реальные игроки из онлайн-игры.

In memoriam

12 ноября в своей квартире на Манхэттене от сердечного приступа скончался известный американский прозаик Айра Левин. Читателям (а также кинозрителям — ибо почти все произведения Левина были неоднократно экранизированы) он известен прежде всего по роману «Ребенок Розмари» (1967) и его киноверсии 1968 года, снятой Романом Поланским. Любителям фантастики также хорошо известны романы (и соответствующие фильмы) Айры Левина «Мальчики из Бразилии» и «Степфордские жены». Писателю было 78 лет.

Агентство F-пресс

БИБЛИОГРАФИЯ

ДОКТОРОУ Кори (DOCTOROW, Cory)

Кори Доктороу родился в 1971 году в Канаде. Его предки родом из России и Белоруссии, но фамилия деда Докторович была англизирована. Ныне писатель живет в Лондоне, работает европейским координатором фонда «Электронный Фронтир»: в задачи этой некоммерческой организации входит поддержание ценностей гражданских свобод в сфере действия законов, регулирующих применение технологий, политику и стандарты. Является соредактором интерактивного журнала «Боинг-Боинг».

Первый рассказ автора, «2000 лет контроля», был опубликован в 1990 году. Сейчас Доктороу — автор многих сетевых и традиционных журналов, его романы удостоены премий им. Дж. Кэмпбелла, а книга «В магическое королевство и обратно» вышла в финал на премию «Небьюла». Романы «Кто-то приходит в город, кто-то уходит» и повесть «Образцовое семейство» публиковались одновременно в виде книг и электронных версий и завоевали серьезное внимание читателей и критиков. Большой резонанс также вызвала последняя на сегодняшний день повесть «Выгуглен», опубликованная в сетевой и традиционной версиях журнала «Radar».

Напечатанное в этом номере произведение входит в сборник «Сверхурочники. Рассказы о будущем настоящем» и по результатам голосования читателей журнала «Locus» признано лучшей короткой повестью 2006 года.

КОСМАТКА Тед (KOSMATKA, Ted)

Американец Тед Косматка родился в 1974 году в Чикаго (Иллинойс), в нескольких милях от озера Мичиган. В детстве помогал родителям разводить пограничных собак на семейной ферме, интересовался наукой и религией. Работая над дипломом, изучал кости и артефакты древних людей в Чикагском полевом музее. В университете Индианы получил ученую степень по биологии. Ныне работает в исследовательской лаборатории.

Первый фантастический рассказ, «Божественный двигатель», был напечатан в 2005 году в журнале «Asimov's SF». После этого автор продолжал выступать в «малой форме» и к настоящему времени опубликовал около десятка произведений.

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

Петербургский писатель-фантаст Святослав Логинов родился в 1951 году в городе Уссурийск-Приморский, но вся его жизнь связана с Ленинградом — Санкт-Петербургом. Закончив химфак ЛГУ, перепробовал множество профессий — от школьного учителя до грузчика. Фантастику пишет с 1969 года, в 1974-м стал членом семинара Б.Н.Стругацкого. Годом позже состоялась и первая публикация автора — рассказ «По грибы». До 1990 года рассказы Логинова публиковались в периодической печати, а новелла «Цирюльник» была удостоена в 1983-м приза читательских симпатий «Великое Кольцо». Книжный дебют писателя состоялся только в 1990 году, когда увидели свет сразу два авторских сборника — «Быль о сказочном звере» и «Если ты один». После выхода романа «Многорукий бог далайна» (1995), принесшего автору три премии — Беляевскую, «Интерпресскон» и «Золотой Дюк», — питерский фантаст завоевал репутацию одного из ярких представителей отечественной фэнтези. Перу С.Логинова принадлежат книги «Черная кровь» (1996; в соавт. с Н.Перумовым), «Колодезь» (1996; премия «Большой Зилант»), «Земные пути» (1999), «Черный смерч» (1999), «Картежник» (2000), «Мед жизни» (2001), «Железный век» (2001), «Свет в окошке» (2002), «Имперские ведьмы» (2004), «Дорогой широкой» (2005), а также рассказы и повести, выходящие в периодической печати и альманахах.

В 2006 году писатель завоевал сразу две премии за публикации в журнале «Если» — «Интерпресскон» (рассказ «Лес господина графа») и Мемориальную премию им. Кира Булычева (рассказ «Барская пустошь»).

МОЛОКИН Алексей Валентинович

Писатель-фантаст и переводчик Алексей Молокин родился в 1950 году в городе Павлово Горьковской области. По собственному признанию, первые литературные опыты относятся к периоду учебы на физфаке Горьковского госуниверситета, когда молодой студент увлекся сочинением и исполнением рок-баллад и блюзов. Впоследствии А.Молокин стал лауреатом фестиваля авторской песни «Москворечье-74», в 1996 году киевская рок-группа «Андреевский спуск» включила в свой альбом несколько ранних песен барда.

После учебы в течение многих лет работал на предприятиях оборонной промышленности. С начала девяностых А.Молокин активно выступает в качестве переводчика англоязычной НФ; в частности, ему принадлежит первый русский перевод культового романа Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране» («Чужеземец в чужой стране»). Тогда же, в 1990-е, в местной печати появились и первые рассказы самого Молокина. Книжным дебютом писателя стал роман в жанре фантастической сатиры «Лабух», вышедший в 2006 году в издательстве «АСТ».

В настоящее время живет в городе Коврове, параллельно с литературной деятельностью занимается интеллектуальными системами автоматического управления.

МОУЛЗ Дэвид (MOLES, David)

Молодой американский прозаик и поэт Дэвид Моулз о себе сообщает следующее: «Проживал на трех континентах и в шести временных поясах, надеясь постепенно собрать полный комплект и тех, и других. В свободное от литературных занятий время увлекаюсь восточным единоборством кендо, коллекционирую бессмысленные университетские дипломы (он учился в Американском колледже в Осаке, колледже в Санта-Крузе и Линкольн-колледже в Оксфорде. — Ред.) и подрабатываю, где можно, чтобы оплачивать свои авиабилеты». Также известно, что в фантастике Моулз дебютировал в 2003 году рассказом «Уловка», с тех пор опубликовал еще семь рассказов, один из которых был номинирован на Премию имени Джона Кэмпбелла, вручаемую лучшему молодому автору.

РЕЙНОЛДС Алистер (REYNOLDS, Alastair)

Английский (сам автор настаивает, что валлийский) ученый-физик и писатель Алистер Рейнолдс родился в 1966 году в Бэрри, Южный Уэльс, и закончил Университет Ньюкасла по специальности физика и астрономия, после чего защитил диссертацию в Университете Сент-Эндрюса, Шотландия. В 1991-м он переехал в Нидерланды, где встретил свою будущую жену-француженку и работал в Европейском центре космических исследований.

С 2004 года Алистер Рейнолдс - профессиональный писатель. Он дебютировал в научной фантастике в *1990-м* рассказами «Распространяющийся сон» и «Снежинки» и с тех пор опубликовал восемь романов, включая пенталогию «Космос откровения» (один из романов, «Город над пропастью», в 2001 году завоевал Британскую премию научной фантастики), а также три десятка рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборники «Бриллиантовые псы, дни из яшмы» (2002), «Голубая Зима» и «Галактика-Север» (оба — 2006-й).

РОЗЕНБЛЮМ Мэри (ROSEIUBLUM, Mary)

Американская писательница Мэри Розенблюм родилась в 1952 году в городе Левиттауне (штат Нью-Йорк). «Я была обычной домохозяйкой, воспитывала детей, дрессировала собачек, возилась в саду, профессионально занималась сыроварением, — вспоминает М.Розенблюм, — а потом вдруг начала писать детективы и фантастику!»

Первый научно-фантастический рассказ «За плату» писательница опубликовала в 1990 году. С тех пор вышли ее четыре романа — «Химера»

(1993), «Иссушенные земли» (1993, завоевал премию Compton Crook, присуждаемую за лучший роман-дебют), «Сад камней» (1995) и «Горизонты» (2006), а также около полусотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Синтез и другие виртуальные реальности» (1996). Рассказы Розенблюм «Один славный юрист» (1997, в соавторстве с Джеймсом Сарафином) и «Глаз Божий» (1998) номинировались на Премии имени Теодора Старджона и Джеймса Типтри-младшего.

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

Далия Трускиновская родилась в 1951 году в Риге, где живет по сей день. Окончила филфак Латвийского госуниверситета им. П.Стучки. В 1974-м стала сотрудничать с республиканской газетой «Советская молодежь» и с тех пор с журналистикой не расстается. В том же году начала публиковаться и как поэт, а прозаическим дебютом стала историко-приключенческая повесть «Запах янтаря», опубликованная в 1981 году в журнале «Даугава». В 1984-м увидел свет первый авторский сборник детективных произведений Трускиновской, название которому дала повесть-дебют. Иронические детективы рижской писательницы объединены в нескольких сборниках — «Обнаженная в шляпе» (1990), «Умри в полночь» (1995), «Демон справедливости» (1995) и «Охота на обезьяну» (1996). Повесть «Обнаженная в шляпе» в конце 1980-х была экранизирована.

Участница семинаров ВТО МПФ, Д.Трускиновская впервые выступила в фантастике в 1983 году с повестью «Бессмертный Дим», но широкую известность ей принесла повесть в жанре городской фэнтези «Дверинда» (1990). С тех пор Д.Трускиновская «отработала» почти во всех направлениях фантастики, отдавая, однако, предпочтение историко-фэнтезийной ветви и «городской сказке». Перу рижской писательницы принадлежат книги фантастической прозы: «Люс-А-Гард» (1995), «Королевская кровь» (1996), «Шайтан-звезда» (1998; 2006), «Аметистовый блин» (2000), «Жалобный маг» (2001), «Нереал» (2001), «Дайте место гневу божию» (2003).

Дважды, в 2001-м и 2002-м, писательница становилась лауреатом приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказы, опубликованные в «Если». Кроме того, на ее счету премия фестиваля «Зиланткон». Роман Д.Трускиновской «Шайтан-звезда» попал в шорт-лист премии «Большая книга» (2006).

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

> Я в Торонто. Мы только что видели, как упала башня CN.
> Я слышал сообщение о биологическом оружии, которое убивает
> На шестом этаже со мной еще один.
> Телефон
ISSN 1680-645X
08001
9 771680 645003

notes

Примечания

1

Аэродром в Казахстане неподалеку от полигона «Эмба». (Здесь и далее прим. авт.)

2

ГШ-23 — двуствольная 23-миллиметровая авиационная пушка Грязева-Шипунова. Изготавливается на предприятии ОАО «ЗиД», г. Ковров.

З

ГШ-301 — 30-миллиметровая авиационная пушка. Прозвана «балеринкой» за очень малый вес (44 кг).

4

Шестиствольная зенитная 23-миллиметровая автоматическая пушка с высоким темпом стрельбы (10 000 выстрелов в минуту).

5

Оборонно-космический департамент. Реально не существует.

6

«Шило» — жаргонное название спирта.

7

Штурмовой вертолет Ка-52, двухместная модификация «Черной акулы».

8

Кратер (исп.).

9

Иностранцы (исп.).

10

Паломничество к святым местам в Мекку.

11

Муниципальный совет.

12

Мавританский, арабский.

13

Козлов.

14

Привет.

15

Здесь, сюда.

16

Дети шлюхи.

17

Город смерти.

18

Деревня, населенный пункт.

19

Джейн Гуделл — биолог, изучавшая жизнь шимпанзе в Африке в 1960- 1990-е годы. (Здесь и далее прим. перев.)

20

Локус — положение хромосомы в гене.

21

Квадрат Паннета — диаграмма, разработанная Реджинальдом Паннетом (1875–1967) и используемая биологами для расчета вероятности того, что у потомства будет тот или иной генотип. Это делается с помощью сравнения всех возможных комбинаций аллелей (последовательностей нуклеотидов, кодирующих определенный ген в ДНК) матери и отца. Доминантные аллели обозначаются прописными буквами (например, AC), а рецессивные — строчными (например, bb).

22

Инбредные животные — полученные в результате скрещивания близкородственных особей.

23

Обозначение нуклеотидов — составных элементов ДНК (аденин, тимин, гуанин, цитозин).

24

Kibra — название гена, кодирующего определенный протеин, содержащийся в мозге. Недавние исследования показали, что он играет ключевую роль в процессах памяти.

Т-варианты — изменения в генах, когда цитозин заменяется на тимин. Микроцефалии-1 (MCPH1) — один из шести генов, вызывающих первичную микроцефалию.

Гаплогруппа — большая группа гаплотипов, то есть набора аллелей с конкретным расположением в хромосоме. В генетике человека таких гаплогрупп четыре (A-D). В различных популяциях людей наборы гаплогрупп разные, что позволяет генетически отслеживать миграции больших групп людей, происходившие сотни и тысячи лет назад, и выявлять общих предков различных народов.

Репликация — процесс копирования (самоудвоения) спиральных молекул ДНК.

25

Термин так называемой «Гумбольтовской науки» — научного движения XIX столетия, базирующегося на идеях немецкого ученого Александра фон Гумбольта. Основана на понятии «общего равновесия природных сил» (то есть бесконечное количество природных сил находится в постоянном конфликте, но при этом они уравновешивают друг друга).

26

Теорема Харди-Вейнбурга гласит, что частота аллелей и генотипов в популяции остается постоянной из поколения в поколение, если на нее не воздействовать другими агентами, отличающимися от половой рекомбинации.

Как показали недавние исследования, наличие в организме этого мутантного гена (встречается примерно у 1 % белых людей) дает человеку иммунитет к СПИДу.

28

Афаренсис — вымерший гоминид, живший 3,9–2,9 млн. лет назад в Африке. Пан — общее родовое название двух видов современных шимпанзе (Pan troglodytes и Pan paniscus).

29

Граница, разделяющая зоогеографические области Азии и Австралазии. Западнее этой линии встречаются организмы, родственные азиатским видам, а восточнее — в основном организмы, родственные австралийским видам.

30

Возможно, автор ошибся по поводу братьев. Ричард Лики родился в Кении, в семье известных английских археологов Луиса и Мэри Лики. С 1968 года Лики начал вести раскопки в районе озера Рудольф в Кении, открыл останки австралопитеков на стоянке Кооби-Фора. Череп 1470 (получивший название по своему номеру в каталоге Кенийского музея) был найден в слоях, датируемых несколькими миллионами лет. Сам Лики поначалу считал, что он принадлежит человеку современного типа, но калий-аргоновая датировка установила ему возраст от 2,6 до 3,5 млн лет.

31

Ахондроплазия — заболевание, наследуемое как доминантная характеристика, при котором не происходит роста конечностей до нормальных размеров вследствие поражения как самой кости, так и хряща. В результате характерными признаками данного типа карликовости являются короткие конечности при нормальном туловище и голове; интеллект при этом заболевании сохраняется.

32

На протяжении первой половины XIX века геологи считали, что Земле несколько тысяч лет. Они полагали, что осадочные горные породы отложились в воде и образовались очень быстро, во время мощного катастрофического потопа. Это толкование сейчас известно как «катастрофизм». Считалось, что это событие произошло в дни Ноя.

33

Роутер — маршрутизатор (устройство для соединения сетей, использующих разные архитектуры и протоколы; осуществляет выбор одного из нескольких путей передачи сетевого трафика, а также фильтрацию широковещательных сообщений для локальной сети). BGP — Border Gateway Protocol, пограничный межсетевой протокол. (Здесь и далее прим. перев.)

34

Domain Name Server — сервер доменных имен (служебный компьютер сети, переводящий имена компьютеров в доменных записях в IP адреса).

35

«Троянский конь» — программа, которая выдает себя за другую программу с целью получения информации.

36

Timeout — истечение лимитированного времени ожидания, в данном случае для попытки установления связи между компьютером и сайтом в интернете.

37

Patch — «заплата», вставка в программу с целью ее исправления или изменения. Kernel — программное «ядро» операционной системы, в Windows NT является частью исполняющей системы, которая управляет процессором; ядро выполняет планирование и диспетчеризацию потоков, обработку прерываний и синхронизацию процессоров, синхронизирует деятельность компонентов исполняющей системы, таких, как диспетчер ввода-вывода, диспетчер процессов и др. Компиляция — процесс преобразования файла с текстом программы в исполняемый файл, который система может запустить на выполнение.

38

Uptime — период работоспособного состояния, в данном случае период непрерывной работы.

39

Эхоплекс — коммуникационный протокол с подтверждением приема посредством возврата передающей станции эха принятого сообщения.

40

Internet Relay Chat — глобальная система обмена сообщениями, посредством которой пользователи могут общаться друг с другом в реальном времени. Среди русских пользователей наиболее известна программа ICQ, она же «аська», сам процесс — «сидеть в чате, чатиться». Как правило, «чатлане» общаются не под своими реальными именами, а пользуются сетевыми псевдонимами-«никами».

41

Роутинг (маршрутизация) — пересылка пакетов адресату по выбранному маршруту через промежуточные маршрутизаторы.

42

Трассировка — в данном случае выяснение сетевых узлов, через которые сообщение дошло от отправителя к получателю.

43

DoS — аббревиатура Denial of Service (отказ от работы). Атаки подобного рода используются хакерами для «подвешивания» конкретных сайтов или серверов, при этом на сайт одновременно направляются тысячи запросов на соединение (как если бы на него пожелали зайти тысячи посетителей сразу). Это перегружает возможности программного и аппаратного обеспечения по обработке запросов, и сайт «зависает», выдавая админам сообщение об отказе от работы. DNS — аббревиатура Domain Name System (служба имен доменов) — механизм, используемый в сети Internet и устанавливающий соответствие между числовыми IP-адресами и текстовыми именами.

44

Пуба — лицо, занимающее сразу несколько должностей (по персонажу комической оперы Гилберта «Микадо»).

45

Магистраль сети — основной кабель, от которого кабели приемопередатчиков сигналов идут к компьютерам, повторителям и мостам, обеспечивая для каждой связанной с магистралью системы возможность соединения с любой другой системой, также подключенной к магистрали.